

SLAVICA REVALENSIA

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И. З. Белобровцева (Таллинн)

Н. А. Богомолов (Москва)

Майкл Вахтель (Принстон)

С. И. Гиндин (Москва)

А. А. Гиппиус (Москва)

Петер Гржибек (Грац)

Димитр Кенанов (Велико-Тырново)

И. П. Кюльмоя (Тарту)

Г. А. Левинтон (С.-Петербург)

М. Ю. Лотман (Таллинн / Тарту)

Н. Г. Охотин (С.-Петербург)

Е. А. Погосян (Эдмонтон)

Ф. Б. Поляков (Вена)

Эндрю Рейнольдс (Мэдисон)

Е. Н. Ремчукова (Москва)

Т. В. Скулачева (Москва)

Л. С. Флейшман (Стэнфорд)

Т. В. Цивьян (Москва)

Таллиннский университет

SLAVICA REVALENSIA VIII

Издательство Таллиннского университета
Таллинн 2021

PERIODICA Universitatis Tallinnensis

Slavica Revalensia. Vol. VIII

Редактор: Григорий Утгоф

Составитель: Георгий Левинтон (III часть раздела
«Исследования и материалы»)

Корректоры: Микела Вендитти, Дарья Дорвинг, Ольга Мёд

В оформлении обложки использован рисунок Татьяны Нешумовой
«Венецианское окно» (2019). Москва. Частное собрание

Авторское право © Авторы статей, 2021

Авторское право © Издательство Таллиннского университета, 2021

ISSN 2346-5824 (print)

ISSN 2504-7531 (online)

TLÜ Kirjastus

Narva mnt 25

10120 Tallinn

www.tlupress.ee

Отпечатано в типографии Grano Digital

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

I

М. С. Неклюдова (Москва). «Мертвые Цари всегда должны по смерти своей быть судимы»: Посмертная судьба одного древнеегипетского обычая в русской и европейской словесности XVI – XIX вв. 9

С. Н. Доценко (Таллинн). Ритм и смысл стихотворения Пушкина «Буря» 48

А. С. Пахомова (Тарту / С.-Петербург). «Военные рассказы» М. Кузмина: Попытка реинтерпретации..... 56

О. В. Проскурова-Тимофеева (Рига). Еще раз об андерсеновском следе в романе В. Набокова «Король, дама, валет» 80

В. Б. Полищук (С.-Петербург). Гиперболоид инженера Вальса: Набоков и советская фантастика 1910-х – 1920-х гг. 94

II

М. Г. Сальман (С.-Петербург). Ученики и учителя Тенишевского училища (по школьным журналам и архивным документам)..... 117

Р. Д. Тименчик (Иерусалим). О летописи поэтовой: Например, Ахматова 178

О. Р. Демидова (С.-Петербург). Эпистолярная литература как литературные беседы: Письма Г. В. Адамовича А. В. Бахраху 238

III

ПАМЯТИ ЛАРИСЫ ГЕОРГИЕВНЫ СТЕПАНОВОЙ (1941–2009)

Г. А. Левинтон (С.-Петербург) От составителя 287

А. А. Долинин (Мэдисон / С.-Петербург). Итальянские мотивы в поэме Пушкина «Анджело» 289

А. Л. Осповат (Москва / Лос-Анджелес). Из материалов для комментария к «Капитанской дочке»: 9–11 303

Г. А. Левинтон (С.-Петербург). Заметки о дантовских подтекстах и параллелях в русской литературе первой половины XX века 326

Н. Г. Охотин (С.-Петербург). «Косящий бег» (Петрарка – Мандельштам – Петрарка) 340

Р. Д. Тименчик (Иерусалим). Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой: Итальянцы 363

КРИТИКА

Г. М. Утгоф (Таллинн). «На земле еще много хороших вещей»: Рец. на кн.: «Человек эпохи: Ирина Белобровцева» 379

Abstracts 389

Kokkuvõtted 396

Авторы этого выпуска 403

Авторам будущих выпусков 408

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

I

«МЕРТВЫЕ ЦАРИ ВСЕГДА ДОЛЖНЫ ПО СМЕРТИ СВОЕЙ БЫТЬ СУДИМЫ»:

Посмертная судьба одного древнеегипетского обычая в русской и европейской словесности XVI – XIX вв.

М. С. Неклюдова
(Москва)

В заметке «О журнальной критике», опубликованной в «Литературной газете» (1830, № 3), Пушкин указывает на отсутствие в русской словесности того, что он называет «египетским судом»:

Не говоря уже о живых писателях, Ломоносов, Державин, Фон-визин ожидают еще египетского суда. Высокопарные прозвища, безусловные похвалы, пошлые восклицания уже не могут удовлетворить людей здравомыслящих (Пушкин 1949: 89).

Как следует из контекста, словосочетание «египетский суд» означает беспристрастную (посмертную) оценку¹. Пушкин употребляет его без каких-либо пояснений как привычное речевое клише. Между тем лексикографы не знают других случаев его бытования в русском языке², за одним показательным исключением. Вяземский в «Старой записной книжке», комментируя анекдот об И. И. Дмитриеве, который в покаянном настроении выкинул из своих записок резкие отзывы о Н. И. Салтыкове, замечает:

Уважаю движение, но не одобряю. Писатель, как судья, должен быть бесстрастен и бесстрадателен. И что же останется нам в отраду, если не будут произносить у нас хоть над трупами славных окончательного Египетского суда? (Вяземский 1884: 36).

¹ Ср.: Словарь языка Пушкина 2000: 438.

² Так, Михельсон ссылается исключительно на пассаж из «Литературной газеты», а в НКРЯ фигурирует одна цитата из «Старой записной книжки».

Характерное уточнение про «трупы славных» позволяет локализовать аллюзию, которая восходит к первой книге «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского, где рассказывается о принятых в Египте обычаях. В частности, о том, что перед тем как похоронить умершего, египтяне устраивали публичный суд, на котором каждый мог высказать обвинения в его адрес. Если они подтверждались, то покойному отказывали в посмертных почестях.

Эта особенность египетского погребального обряда была хорошо известна европейской публике рубежа XVIII – XIX веков, о чем свидетельствуют многочисленные пересказы соответствующего пассажи из «Исторической библиотеки», причем далеко не только в сочинениях по древней истории. Среди авторов, подробно останавливавшихся на этом эпизоде – Руссо, Мерсье, Делиль и целый ряд других, порой не менее громких имен. Учитывая, что ни Пушкин, ни Вяземский до сих пор не были замечены в особом пристрастии к Диодору, велика вероятность того, что их представление о причудливом египетском обычае было почерпнуто из таких текстов-посредников, скорее всего французских. Однако словосочетание «египетский суд», используемое обоими поэтами в качестве его краткого обозначения, не является переводом чужой идиомы: во французском ее просто не существовало. По-видимому, это галлицизм второго уровня, не имеющий прямого лексического аналога, но тесно связанный с французской практикой риторической обработки диодоровского анекдота.

Египетский суд над умершими в присутствии их непогребенных останков – сюжет приметный и (относительно) легко отслеживаемый. Далее я пунктирно намечу ряд его маршрутов сквозь тексты XVII – начала XIX века. Отправной точкой мне послужит круг чтения Пушкина и Вяземского, который, будучи неплохо изучен, позволяет точнее дифференцировать различные каналы передачи информации. Хотя рассказ о египетском обычае можно отнести к фоновому знанию образованного человека XVIII столетия, тем не менее способы его приложения напрямую зависели от выбора риторической традиции. Иначе говоря, тут необходимо различать комплекс исторических сведений, который мог быть получен

из исходного источника или из учебника, и их использование в качестве доказательного примера. В последнем случае мы зачастую имеем дело со скрытой полемикой, где чуть разнящаяся обработка одних и тех же исторических аллюзий обозначает отличные друг от друга позиции.

Отсылки Пушкина и Вяземского к «египетскому суду» – прекрасное тому подтверждение, поскольку, несмотря на краткость, они содержат в себе элемент разночтения. Прежде всего, в «Исторической библиотеке» Диодор описывает египетский обычай суда над усопшими не единожды, а дважды. Сперва, рассказывая о системе правления и древних династиях, он представляет похоронные церемонии как один из способов регулирования отношений между царем и народом. Когда правитель умирал, то, после траурных бдений, его тело выставлялось перед гробницей. Жрецы произносили хвалы умершему, при этом «предоставив желающему право произнести обвинительную речь», а собравшийся народ криками выражал свое одобрение или порицание. Благодаря этому цари «из страха перед поруганием тела после своей кончины и порицания во веки веков», стремились «придерживаться справедливости» (I, 72). Позже, разбирая принятые в Египте верования и религиозные обряды, Диодор утверждает, что для каждого умершего обязательно собирается трибунал из сорока трех судей и, «в соответствии с законом, желающему предоставляется право произнести обвинительную речь» (I, 92). Если будет подтверждена справедливость высказанных обвинений, то покойнику будет отказано в погребении (Диодор 2017: 128, 160).

Оба фрагмента из «Исторической библиотеки» использовались французскими авторами XVII – XVIII веков, но с разной частотностью. Первое место, безусловно, занимает посмертный суд над телом царя; к нему отсылает большее количество текстов. Помимо очевидной политической подоплеки, о которой речь ниже, к этому мог подталкивать порядок изложения: когда Диодор описывает погребение правителей Египта, он не объясняет, что суд был неотъемлемой частью любых похорон, то есть для читателя этот эпизод предстает как исключительный и, вероятно, как более

запоминающийся. Косвенным подтверждением этого может служить любопытный псевдоюридический казус, связанный с громким скандалом середины XVIII столетия. Французский посол в Лондоне, граф де Герши, имел неосторожность войти в конфликт с шевалье д'Эоном, а потому стал объектом шантажа, язвительных памфлетов и судебных разбирательств. Когда в 1767 году граф умер, шевалье счел это недостаточным основанием для прекращения кампании по дискредитации покойного:

Знаю: не следует тревожить прах умершего и взывать к его памяти лишь затем, чтобы напомнить о его позоре; но если причиненное им зло до такой степени способствовало несчастью еще живущего, что, мнится, голые кости продолжают свое дело даже из глубины могилы, то личный интерес, являющийся первым законом природы, велит нам, пусть с сожалением, вызвать труп на публичный суд – не для того, чтобы его ославить, но дабы дать возможность живому очистить себя от возведенной хулы. Разве народ египетский, столь почитавший своих умерших, не вызывал на трибунал тени своих государей, не судил их и не выносил им приговор?³

Запомним макабрическую угрозу «вызвать труп на публичный суд»: даже оставляя в стороне известную склонность д'Эона к безумным выходкам, за ней стоит нечто большее, чем просто риторическое упражнение. Пока же подчеркнем другой важный момент, связанный с использованием египетской топики. Сам Диодор представлял посмертный суд над царем как залог справедливого правления, то есть как политический инструмент. Его примеру следует большинство позднейших авторов, которые обращаются

³ « On ne doit point troubler la cendre d'un mort; & rappeler sa mémoire seulement pour retracer sa honte, c'est le comble de la barbarie, je le sais: mais si le mal qu'il a fait a tellement influé sur le malheur de quelqu'un qui survit, que ses os desséchés semblent encore le perpétuer du fond de son sépulcre, l'intérêt personnel, qui est la première loi de la nature, ordonne quoi qu'à regret de citer ce Cadavre au tribunal du public, non pour le diffamer, mais pour se justifier du blâme qu'il a jeté sur celui qui lui survit. Les Egyptiens, ces peuples si respectueux pour les morts, ne jugeoient-ils pas, ne condamnoient-ils pas les mânes de leurs souverains mêmes ? » (Eon 1767: 10). Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, все иноязычные цитаты даются в моем переводе.

к этому эпизоду, включая уже упомянутых Руссо, Мерсье и проч. Напротив, описание суда над всеми покойниками без разбора становится частью – в том числе благодаря Боссюэ – религиозно-моралистического дискурса. Шевалье д'Эон намеренно или случайно смешивает две риторические традиции, тем самым демонстрируя их подвижность. С высокой долей вероятности, суд над телом царя – единственный памятный ему фрагмент из «Исторической библиотеки», которому он приписывает функцию, закрепленную за похожим, но обычно иначе трактуемым эпизодом.

Если согласиться, что «египетский суд» являлся частью идиолекта пушкинского круга, то неизбежно возникает вопрос, какая из риторических традиций за ним стояла, или какова была их комбинация. Слова Вяземского скорее отсылают к ситуации суда над мертвым царем («трупы славных»), тогда как пушкинская фраза вроде бы подразумевает всеобщий посмертный трибунал (для литераторов). Смысл выражения остается неизменным – беспристрастный приговор, выносимый после кончины человека – что не мешает ему содержать в себе рудиментарные следы разных исторических маршрутов, которые ведут от «Исторической библиотеки» к французской словесности XVII – XVIII веков, а затем к русской литературной среде начала XIX столетия.

А Диодора не читал?

На рубеже XVIII и XIX столетия европейский читатель обладал широким, но не обязательно реализуемым спектром возможностей познакомиться с содержанием «Исторической библиотеки». Начнем с наименее вероятного: в его распоряжении был оригинальный текст (точнее, пятнадцать сохранившихся книг из сорока), который, судя по количеству дошедших до нас рукописей, был неплохо известен немногочисленным знатокам греческого языка еще до появления книжных изданий⁴. В середине XV века Поджио Браччолини

⁴ Всего до нашего времени дошло 59 манускриптов, старший из которых датируется X веком. См.: Diodore 1993: lxxviii.

перевел первые пять книг «Исторической библиотеки» на латынь, тем самым существенно расширив их читательскую аудиторию. В XVI веке выходят первые переложения Диодора на французский язык Клода де Сейселя (1530), Антуана Мако (1535, с латыни) и Жака Амио (1554), которые продолжают допечатываться вплоть до начала XVIII столетия. Новый французский перевод «Исторической библиотеки», выполненный аббатом Террасоном, появляется только в 1737–1744 годах. Этот промежуток в двести лет свидетельствует не столько о качестве трудов Амио или Сейселя, сколько об отношении к Диодору. К середине XVII века, когда языковые нормы заметно изменяются, многие античные авторы, ранее переведенные на французский, переводятся заново, что позволяет им оставаться читабельными с точки зрения светской публики. Диодор в эту категорию не попадает, то есть интерес к нему не выходит за пределы профессиональных кругов, для которых чтение греческого, латыни или «архаического» французского не составляет проблемы.

По-видимому, такое положение дел сохраняется и после выхода перевода аббата Террасона, который с 1737 по 1744 год публикует в Париже отдельные тома «Всеобщей истории» (как он именует труд Диодора). Хотя затем собрание переиздается целиком в 1758 и в 1777 годах, похоже, что типографы используют один и тот же набор, заново допечатывая к нему лишь титульные листы. Это может означать, что многотомник не имел большого спроса, и у издателей осталась часть нераспроданного тиража. Нельзя исключать и того, что рынок оказался перенасыщен за счет амстердамских (пиратских) репечаток, которых так же было не менее двух.

Прямым подтверждением специфического статуса «Исторической библиотеки» служит мнение Иоганна Иоахима Эшенбурга, автора влиятельного учебника по античной литературе, вышедшего в 1783 году и переведенного на многие языки, включая русский. Хотя Диодор включен им в список античных историков, имена которых образованному человеку следовало знать, о его труде Эшенбург (в переводе Н. Ф. Кошанского) отзываясь следующим образом: «в отношении Хронологии <...> его История чрезвычайно важна; но не столько имеет достоинств со стороны справедливости и

Слога» (Эшенбург 1818: 365–366)⁵. Иными словами, «Историческая библиотека» расценивается как книга для профессиональных историков, которые могут воспользоваться заключенными в ней хронологическими сведениями. Но она не заслуживает доверия и не может выступать в качестве стилистической модели, что делает ее избыточной с точки зрения светской образованности.

Позиция Эшенбурга отнюдь не оригинальна. В 1730–1738 годах Шарль Роллен опубликовал четырнадцатитомный компендиум «Древняя история египтян, карфагенян, ассирийцев, вавилонцев, мидян, персов, македонцев и греков», также пользовавшийся общеевропейской известностью. Роллен предназначал свой труд «молодым людям и тем, кто не собирается углубляться в изучение древней истории», а потому заимствовал «у греческих и латинских авторов самое интересное по части фактов и самое полезное по части наставлений» (Rollin 1730: xxxv). Среди таких заимствований были и многочисленные парафразы из «Исторической библиотеки», порой превращавшиеся в дословный перевод целых пассажей без ссылки на их автора, включая и интересующие нас фрагменты о погребальных ритуалах египтян. В отличие от Тацита или Плутарха, чьи сочинения имели образцовый статус, труд Диодора во многом воспринимался как подсобный материал, на основании которого создаются нормативные исторические тексты⁶.

Учебник Эшенбурга широко использовался в самых разных учебных заведениях и, учитывая его высокую пропедевтическую репутацию, «Историческая библиотека» вряд ли попадала в круг юношеского чтения. Тем не менее ее египетские главы безусловно доходили до этой аудитории через многочисленные педагогические адаптации. Показательным примером может служить Царско-сельский лицей: как мы знаем, Кошанский в своих лекциях опирался на пособие Эшенбурга (см.: Якубович 1941: 92–159), поэтому

⁵ «Справедливость» – это перевод нем. термина „Glaubwürdigkeit“ (Eschenburg 1783: 201), который франц. переводчик передает как «la véracité» («правдивость») (Eschenburg 1802: 399).

⁶ О ренессансном различии между полноценной (или совершенной) историей и собранием исторических фактов см., к примеру: Gilbert 1973: 223–224.

маловероятно, чтобы он знакомил учеников с Диодором. Однако это вполне мог делать другой лицейский профессор, И. К. Кайданов, хотя он разделял сомнения немецкого просветителя в правдивости греческого историка⁷. И все же, комментируя скудные сведения о египетских законах, он останавливался на суде подданных над государем:

Еще заметим одно достопамятнейшее узаконение, существовавшее в Египте: все Египетские Государи, по смерти своей, подвергались суду своих подданных. Деяния и поступки их были разбираемы, и народ произносил свой приговор, от коего зависела слава, или безславиe умершаго Государя, а равно и определение ему погребательных почестей, или лишение его оных (Кайданов 1821: 40)⁸.

Но может быть центральную роль в распространении диодоровских рассказов о Египте играл Роллен, чье влияние трудно переоценить, особенно когда речь идет о второй половине XVIII столетия. Как подчеркивал Тредиаковский, в 1749 году опубликовавший первый том своего перевода «Древней истории», «вся Европа наслаждается ея чтением, и поныне насладиться не может» (Роллен 1749: s. p.). Его свидетельство можно было бы отнести за счет переводческого пристрастия, однако ему вторят и другие голоса. К примеру, племянник Ривароля, человек другого поколения (он родился в 1785 году), образования и убеждений, тоже писал об эмоциональном – скорей всего, юношеском – восприятии этой книги:

Роллен принадлежит к малому числу писателей, к которым проникаются любовью при чтении их сочинений. Захватывая

⁷ По поводу причудливого закона о воровстве, описанного в «Исторической библиотеке» (I, 80) (Диодор 2017: 140); критику со стороны Кайданова см.: Кайданов 1814: 48.

⁸ Отмечу, что хотя набор сведений о Египте, который Кайданов приводит в «Основаниях всеобщей политической истории» (1814) и в «Руководстве к познанию Всеобщей политической истории» (1821) практически идентичен; одно из немногих отличий состоит в том, что в «Руководстве» критика Диодора заменяется описанием «достопамятнейшего узаконения». Пользуюсь случаем поблагодарить А. Л. Осповата, указавшего мне на этот важный источник.

внимание, он находит путь к сердцу, и от его уроков всегда остается нечто полезное (Rivarol 1819: iii).

К началу XIX столетия, когда педагоги и издатели превратили «Древнюю историю» в набор нравоучительных примеров, а «Роллен» стал нарицательным обозначением учебника, подходящего «для сердца и разума юных читателей»⁹, удовольствие от чтения сменилось раздражением и иронией. Однако негативное отношение отнюдь не означало прекращение влияния. Тот же Вяземский, путешествуя в 1853 году по Италии, замечает по поводу полотна Паоло Веронезе «Семейство Дария перед Александром Македонским»: «Признаюсь, сердце и глаза мои не лежат к этим картинам из Роллена и нашего Московского Черепанова <...>» (Вяземский 1886: 16–17). Очевидный анахронизм – картина Веронезе датируется концом 1560-х годов – как и упоминание давно покойного Никифора Черепанова, профессора московского университета, автора и переводчика пропедевтических сочинений, только подчеркивает, до какой степени этот тип воспитательной литературы определял дальнейшее восприятие древней истории.

Роман классический, старинный, отменно длинный, длинный, длинный

Литературно-исторические интересы Вяземского, на сей раз сугубо профессиональные, позволяют продолжить тему вульгаризации «Исторической библиотеки» в новом направлении и перейти от учебников к романам. С 1820-х годов он обдумывает книгу о Фонвизине, который в начале своей литературной карьеры много занимался переводами. В частности, будучи еще студентом, он переложил на русский популярное французское сочинение, в оригинале называвшееся «Сетос, история или жизнеописание,

⁹ Ср.: «Роллень для юношества, или Начертание древней истории, содержащее в себе историю египтян, персов, греков, римлян и многих других народов, представляющее полезные примеры добродетели и спасительные уроки для сердца и разума юных читателей, с политическими и нравоучительными размышлениями» (1822).

извлеченное из неопубликованных памятников Древнего Египта» (1731). Этот объемный дидактический опус принадлежал уже упомянутому аббату Террасону, который позже принялся за перевод Диодора. Картезианец и принципиальный сторонник Новых, аббат взял за образец «Телемака» Фенелона, стремясь приурочить древние нравы к литературным вкусам хорошего общества¹⁰. Роман был принят с большим энтузиазмом, и уже в 1732 году вышел в английском и в немецком переводе, а в 1734 году – в итальянском. Именно с немецкоязычного издания, опубликованного в Гамбурге, и был сделан русский перевод, названный Фонвизинным «Геройская добродетель, или Жизнь Сифа, царя египетского, из таинственных свидетельств древнего Египта взятая» (1762–1768). Практически на первых же его страницах мы находим описание египетских погребальных ритуалов, включая пресловутый суд над мертвыми:

В прекрасное жилище становили они гробы Царей премудрых, а тиранны <sic!> в верхнюю часть и хода не имели: и действительно, как скоро мертвое тело привезено бывает к берегу Стикса, откуда должно оно вести к богам адским: то имеют совет семнадцать жрецов, лабиринта, не считая главного жреца, с двумя судьями из двенатцати частей Египта: тут позволено по окончании жрецовою речи, которой провожал тело, приносить всякому на умершаго свои жалобы, и разсудя обстоятельства дела, или отдавали его перевощику, который назывался Харон, или в том ему отказывали. На конец решение заключалось на листе, от всех судей подписанном, который брошен был в чашу правосудия древних Царей воспоминаемого.

В прочем, мертвые Цари так как и их граждане, в каком бы месте положены ни были, всегда должны по смерти своей быть судимы (Террасон 1762: 37–38).

Если не считать мелких расхождений (так, «берег Стикса» находится на совести немецкого переводчика, у Террасона «озеро Харон»¹¹),

¹⁰ О моде на египетские сюжеты в романах начала XVIII в. см.: Racault 2001: 59–78.

¹¹ Ср.: Terrasson 1731: 47; Terrasson 1732: 32.

двойной перевод почти не искажает смысла французского оригинала, который, в свой черед, является переработкой легко опознаваемых пассажей из Геродота и Диодора Сицилийского. Значит ли это, что соответствующий фрагмент «Исторической библиотеки» добрался до Вяземского через посредство Террасона и Фонвизина?

В пользу такого предположения можно привести несколько доводов. Прежде всего, в своей книге Вяземский неожиданно подробно – по сравнению с другими ранними переводческими опытами Фонвизина – останавливается на «Жизни Сифа», отмечая, что и оригинал, и его русифицированный вариант пользовались уважением у образованной публики того времени. Подтверждением тому служит статья профессора московского университета Иоганна Готфрида Рейхеля «Известие и опыт о российском переводе “Сифа”» из «Собрания лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия» (1762)¹², которую Вяземский оценивает весьма высоко: «мало найдется у нас критических статей, столь Европейских по изложению, мыслям и общим сведениям» (Вяземский 1880: 23). В ней Рейхель, в частности, указывает, что, по мнению д'Аламбера, лучшая сцена романа – речь верховного жреца Мемфиса на похоронах матери героя (Собрание лучших сочинений 1762: 103). Собственно, именно ее (в переводе Фонвизина) публикует «Собрание лучших сочинений». Интересующее нас описание суда над мертвыми находится несколькими страницами ранее и не попадает в журнальную публикацию¹³. Если Вяземский просматривал «Жизнь Сифа», то, следуя рекомендациям Рейхеля и д'Аламбера, он с большой долей вероятности должен был обратить внимание на сцену погребения добродетельной царицы египетской.

Тем не менее нет уверенности, что Вяземский действительно вникнул в безнадежно устаревшее к началу XIX века сочинение Террасона, отнесенное им к роду романов «нравоучительных

¹² Попутно стоит отметить, что в том же выпуске журнала было опубликовано «Разсуждение графа Кайла о бальсамирвании Египтян», переведенное Петром Лопухиным (Собрание лучших сочинений 1762: 1–45), т. е. интерес к египетским погребальным обрядам не ограничивался художественной прозой.

¹³ Описание обычая см.: Террасон 1762: 37–38; речь жреца: Террасон 1762: 46–50.

и довольно скучных (не на зло нравственности будь сказано)» (Вяземский 1880: 22). Все фактические сведения о нем и о фон-визинском переводе взяты непосредственно из статьи Рейхеля, а рассуждения о вкусе «читателей наших протекшего столетия» имеют общий характер и не связаны непосредственно с «Жизнью Сифа». Попутно отметим, что в поле зрения российской публики второй половины XVIII столетия, о которой пишет Вяземский, также могли находиться два перевода романа шевалье Ремзи (Рамзая) «Путешествия Кира» (1727), чья известность была не в последнюю очередь обусловлена активной ролью его автора в масонском движении. В главах, посвященных пребыванию героя на берегах Нила, Ремзи упоминает о том, что «был в Египте другим народам со всем неизвестной суд», и пересказывает сообщение Диодора об обычае судить умерших¹⁴.

Таким образом, египетские главы «Исторической библиотеки» проходят ожидаемый путь от оригинального текста к переводам¹⁵, учебным переложениям и, наконец, к романам. Этот маршрут отчасти иллюстрирует механизмы формирования фонового знания о погребальных обрядах древних обитателей долины Нила. Однако он сугубо локален, то есть слишком тесно связан с исходной тематикой (история Египта), что не позволяет оценить риторические возможности топоса «египетского суда», о котором пойдет речь.

¹⁴ «Ещеж был в Египте другим народам со всем неизвестной суд; как скоро кто ни будь умрет, то приносили тело его перед судьей, и потом слушали общаго или публичнаго на него челобитчика», и т. д. (Рамзей 1765: 103). Ср.: «В Египте был другой род правосудия, неизвестной иностранним <...>» (Рамзей 1785: 137).

¹⁵ «Историческая библиотека» была переведена на русский язык Иваном Алексеевым и напечатана в типографии Академии наук в 1774–1775 гг. (Диодора Сицилийскаго Историческая библиотека). Однако уже Кошанский в «Ручной книге Древней классической словесности» обозначает это издание как редкое, что делает вдвойне маловероятным его актуальность для читателей 1820-х гг., поэтому я оставляю его в стороне.

Но вечный выше вас Закон

Для ренессансной риторики, чье влияние продолжало ощущаться вплоть до XIX столетия, сюжет о египетском суде над мертвыми был несложной идеограммой, ключ к которой дал сам Диодор¹⁶. С одной стороны, возможность посмертного поругания и отказа в погребении была, по его мнению, более действенным орудием общественной морали, чем «вымышленные мифы и надуманные рассказы» греков (I, 93) (Диодор 2017: 162). С другой, обряд царских похорон, исход которого определялся народным гласом, служил наглядным уроком для живых правителей. Оба вывода без труда сочетались с христианской экзегетикой (и нередко сопровождались ссылками на библейские прецеденты); по-видимому, этим объясняется сугубо положительное восприятие диодоровского рассказа позднейшими авторами.

Для постренессансных теоретиков нового типа государственности египетский суд над мертвыми был значимым юридическим прецедентом. Гуго Гроций обращается к нему в своем влиятельном трактате «О праве войны и мира» (1625), когда заходит речь о соблюдении государем принятых на себя обязательств:

Согласно ему же <Диодору. – М. Н.> египетские цари, которые, подобно другим восточным правителям, обладали абсолютной властью, должны были соблюдать многие обязательства. Если они пренебрегали этим, то их нельзя было призвать к ответу во время жизни, но после смерти против них выдвигались обвинения, и если их признавали виновными, то им отказывали в почетном погребении¹⁷.

¹⁶ О ренессансном восприятии египетской «иероглифической» мудрости см.: Allen 1970: 107–134.

¹⁷ „Eodem tradente Aegyptiorum reges, quos tamen ut alios reges Orientis, summo imperio usos non est dubium, ad multarum rerum obsevationem obligabantur: verum si contra fecissent, accusari vivi non poterant, sed mortuorum accusabatur memoria, & damnatis abjudicabatur solennis sepultura <...>” (Grotius 1670: 63).

В пристальном внимании к этому вопросу можно увидеть реакцию на известный пассаж из «Государя», где Макиавелли рассуждает, обязан ли правитель держать данное слово¹⁸. Однако это лишь частный случай более общей проблемы, касающейся баланса между единоличной властью государя и сводом коллективных правил общежития. Временная приостановка действия закона, который возвращает себе исходную силу после кончины монарха, отчасти позволяла снять противоречие между требованиями морали и прагматикой управления. Эту теоретическую модель стоит соотнести со сходными концепциями власти, разрабатывавшимися в ту эпоху, прежде всего с «государственным переворотом» Габриеля Ноде¹⁹. В обоих случаях государь оказывается исключен из системы ординарной юстиции, поскольку выступает агентом экстраординарного права. Однако если Ноде считал, что механика управления должна быть окружена строжайшей тайной, то Гроций по сути предлагает вывести ее в публичное пространство: у Диодора суд над телом государя является открытым для всех граждан.

Мысль о посмертном восстановлении права, неизбежно попираемого государями, пускай даже из лучших побуждений, отнюдь не ограничивалась профессиональными юридическими кругами. Монтень обращается к этой теме в эссе «Наши чувства устремлены за наш собственный предел» (I, 3), которое при первой публикации «Опытов» в 1580 году было целиком посвящено (иррациональному) желанию людей определить судьбу собственных останков. Во второй редакции текста (издание 1588 года) он переходит от частных случаев к соображениям общего порядка:

Среди законов, касающихся покойников, наиболее основательным мне кажется тот, что обязывает исследовать деяния государей после их кончины. Они сотоварищи, если не повелители законов, и

¹⁸ См. главу XVIII «О том, как государи должны держать слово». Согласно Макиавелли, хранить верность обещаниям похвально, «однако мы знаем по опыту, что в наше время великие дела удавались лишь тем, кто не старался сдержать данное слово и умел, кого нужно, обвести вокруг пальца <...>» (Макиавелли 1982: 351).

¹⁹ О теории Ноде см.: Marin 2005: 191–232; о ее теоретическом контексте: Catteeuw 2013.

коль скоро правосудие не властно над их головами, то ему правомерно распоряжаться их репутациями и достоянием наследников, ибо часто для нас это дороже жизни. Это обыкновение, приносящее исключительное удобство народам, его соблюдающим, и желанное для всех добрых государей²⁰.

Хотя Монтень не упоминает Диодора, его рассуждение воспроизводит логику античного историка: посмертная оценка поступков монарха служит предостережением как для него самого, так и для его преемников. Однако в следующей редакции (датирующейся периодом между 1588 и 1592 годом), он идет дальше, меняя точку на запятую и продолжая вроде бы законченное предложение:

Это обыкновение, приносящее исключительное удобство народам, его соблюдающим, и желанное для всех добрых государей, которым иначе приходится сетовать, что с памятью о дурных монархах распоряжаются так же, как с памятью о них. Мы обязаны покорствоваться и повиноваться любому государю, поскольку этого требует его сан, но уважением и тем более привязанностью мы обязаны только его добродетели. Ради политического порядка надо терпеливо сносить недостойных правителей и скрывать их пороки, помогая советом в делах безразличных, пока их власть нуждается в нашей поддержке. Но когда нашему сообщению пришел конец, нет причин отказывать правосудию и собственной свободе в выражении истинных чувств²¹.

²⁰ « Entre les loix qui regardent les trespassez, celle icy me semble autant solide, oblige les actiõs des Princes à estre examinées après leur mort. Ils sont compaignons, si non maistres des loix ; ce que la Iustice n'a peu sur leurs testes, c'est raison qu'elle l'ayt sur leur réputation, & biens de leurs successeurs, qui sont choses que souuent nous preferons à la vie. C'est vne vsance qui apporte des commoditez singulieres aux nations où elle est obseruee, & desirable à tous bons Princes » (Montaigne 1588: 4r-v).

²¹ « C'est vne vsance qui apporte des commoditez singulieres aux nations où elle est obseruee, & desirable à tous bons Princes : qui ont à se plaindre de ce, qu'on traite la memoire des meschâs comme la leur. Nous deuons la sujection & obeissance également à tous Roys ; car elle regarde leur office : mais l'estimation, non plus que l'affection, nous ne la deuons qu'à leur vertu. Donnons à l'ordre politique de les souffrir patiemment indignes ; de celer leurs vices : d'aider de nostre recommandation leurs actions indifferentes, pendant que leur auctorité a

Фигура дурного правителя, которой не было в предшествующем варианте текста, вроде бы дополняет и проясняет мысль о необходимости учреждения правильной «памяти», то есть посмертной славы. Однако ее появление делает возможным логический переход к проблеме подчинения несправедливому правлению, за которой обычно следует вопрос о допустимости избавления от тирана. Учитывая, что этот фрагмент написан после 1588 года, то есть в период громких политических убийств, когда сперва по приказу Генриха III был обезглавлен могущественный клан Гизов, а затем от руки их сторонника погиб сам монарх, такая постановка вопроса имела отнюдь не теоретический характер. О праве подданных на уничтожение несправедливого государя размышляли многие участники конфликта. Монтень был в курсе подобных дискуссий, как и реальных политических интриг, поскольку ему приходилось посредничать между королем и Генрихом Наваррским (будущим Генрихом IV). Но интерес тут представляет не излагаемая им доктрина политической лояльности, а конечный вывод. Смерть государя открывает дорогу не только правосудию, но и свободе самовыражения подданного, причем два этих вроде бы несоизмеримых блага оказываются поставлены на одну доску. Дворянин, из чувства чести хранящий верность престолу, наконец получает свободу обнародовать свое мнение о том, кому был вынужден служить, и в этом тоже есть элемент правосудия, то есть восстановления справедливости по отношению к подданному, к его посмертной славе.

Не говоря ни слова о египетском обычае как таковом, Монтень, по-видимому, точно определяет его привлекательность для современников и потомков. Это не столько публичный суд над покойным монархом, хотя такая процедура в высшей степени значима, сколько символическая эмансипация подданного, который, стоя над его разверстой могилой, наконец может высказать все, что думает. Однако тут возникает своего рода риторический палимпсест:

besoing de nostre appuy. Mais nostre commerce finy, ce n'est pas raison de refuser à la iustice, & à nostre liberté, l'expression de nos vrais ressentimens » (Montaigne 1602: 9).

описываемая диспозиция не могла не напоминать положение оратора, произносящего надгробную речь в честь усопшего государя. В течение XVII столетия этот жанр церковного красноречия приобретает большой литературный престиж, во многом благодаря таланту Боссюэ и ряда других проповедников, что должно было способствовать взаимопритяжению двух дискурсивных ситуаций. Очевидный тому пример – пресловутая речь верховного жреца Мемфиса перед гробницей матери Сетоса, о которой высоко отзывался д'Аламбер.

Значит ли это, что в восприятии риториков конца XVII – начала XVIII столетия египетский посмертный трибунал превращается в декоративный фон для панегирика знаменитому покойнику? Примечательным образом, сам Боссюэ счел необходимым удостовериться, что это не так. В «Речи о всеобщей истории» (1681) он, пересказывая пассаж из Диодора о всеобщем суде над умершими (I, 92), заостряет внимание на соотношении юридической процедуры и хвалы:

Но было в Египте некое необычайное судилище, которого никто не мог избежать. В час кончины нас утешает мысль о том, что имя наше будет пользоваться уважением среди людей, и это единственное из земных благ, которого смерть не может нас лишить. В Египте не дозволялось восхвалять всех умерших без разбору, эта честь оказывалась только после публичного судилища. Когда человек умирал, его доставляли на этот суд. Заслушивался публичный обвинитель. Если он доказывал, что покойник вел дурную жизнь, то память о нем подвергалась осуждению, и ему отказывали в захоронении. Народ преклонялся пред силой законов, для которой не была преградой даже смерть, и никто не мог остаться равнодушным перед такими примерами, страшась обесчестить память о себе и свою семью. Если же за покойным не находили проступков, то хоронили с честью и произносили похвальные речи, вне зависимости от его рождения²².

²² « Mais il y avoit en Egypte une espece de jugement tout-à-fait extraordinaire, dont personne n'échapoit. C'est une consolation en mourant de laisser son nom en estime parmi

Итак, запрет «восхвалять всех умерших без разбору» является прямым следствием того, что действие законов не прекращается после кончины человека, поэтому над покойником сперва звучит голос публичного обвинителя, и лишь затем панегириста. Однако универсальность этого принципа вызывает сомнение. Несколькими страницами далее Боссюэ вскользь касается ритуала царского погребения. Согласно ему, в Египте, благодаря мудрости законодателей и наставников, почти не встречалось дурных властителей. А когда таковые появлялись, «их щадили при жизни как того требовало общественное спокойствие; но после смерти они не избегали суда» (Bossuet 1681: 449). Сказано крайне уклончиво: не ясно, оставались ли добрые государи неподсудны, или их тоже ждал посмертный трибунал. При этом структура фразы напоминает процитированное выше рассуждение Гроция²³, хотя идея общественного спокойствия (*le repos publique*) соотносится скорее с монтеневским политическим порядком (*l'ordre politique*). Вне зависимости от прямого или опосредованного влияния, такой выбор выражений указывает, что Боссюэ понимал: обсуждение посмертного суда над (дурным) монархом может обернуться дискуссией по поводу границ верховной власти, взаимодействия общественного права и монаршей воли, и т. д. Отсюда предельно краткое упоминание ритуала царских похорон, контрастирующее с развернутым пересказом общего египетского обычая.

Выбор Боссюэ между двумя версиями древнеегипетского погребального церемониала проливает дополнительный свет

les hommes, et de tous les biens humains c'est le seul que la mort ne nous peut ravir. Mais il n'estoit pas permis en Egypte de louer indifferemment tous les morts : il falloit avoir cet honneur par un jugement public. Aussitost qu'un homme estoit mort, on l'amenoit en jugement. L'accusateur public estoit écouté. S'il prouvoit que la conduite du mort eust esté mauvaise, on en condamnoit la memoire, et il estoit privé de la sepulture. Le peuple admiroit le pouvoir des loix, qui s'étendoit jusqu'après la mort, et chacun touché de l'exemple craignoit de deshonorer sa memoire et sa famille. Que si le mort n'estoit convaincu d'aucune faute, on l'ensevelissoit honorablement : on faisoit son panegyrique, mais sans y rien mesler de sa naissance » (Bossuet 1681: 446).

²³ Ср: «Если они пренебрегли этим <взятыми на себя обязательствами. – М. Н.>, то их нельзя было призвать к ответу во время жизни, но после смерти против них выдвигались обвинения...» (Grotius 1670: 63).

на восприятие диодоровского повествования. Конечно, идея всеобщего и неумолимого судилища была созвучна христианским эсхатологическим представлениям, а потому обращение к ней было естественно для теолога и проповедника. При этом епископ уклоняется от разговора о публичном суде над мертвым государем, хотя и не отрицает возможности такой процедуры. Помимо соображений доктринального и политического характера (напомню, что Боссюэ был убежденным сторонником абсолютной монархии со всеми вытекающими последствиями), его положение при дворе и близость к наследнику престола, чьим наставником он являлся, в достаточной мере объясняют такую сдержанность. Тем показательней его трактовка египетского обычая как необходимого условия дальнейшего славословия. Когда выступлению оратора предшествует публичный трибунал, то это удостоверяет правдивость хвалы, делает ее законной в буквальном смысле слова. Но это же означает, что за спиной панегириста вырисовывается тень общественного обвинителя.

Боссюэ более чем кто-либо из предшественников или современников способствовал распространению знания о египетском погребальном обычае. Однако это влияние было специфическим: хотя пассаж о том, что «в Египте не дозволялось восхвалять всех умерших без разбору» часто цитировался, воспроизводился в антологиях и просто заимствовался без ссылки на источник, к нему, как правило, встык добавлялся рассказ о суде над мертвым государем. Ярким тому примером может служить Роллен, который в своей «Древней истории» предлагает именно такой коллаж. Во избежание слишком монотонных повторов процитирую его в переводе Третьяковского²⁴; в квадратных скобках указаны авторы, у которых – дословно – заимствованы соответствующие фрагменты, курсивом выделен текст Роллена:

[Боссюэ] В сем состоял у язычников некоторый род утешения, чтоб оставить по смерти честное себе имя в людях; да и думали они,

²⁴ Попутно отметим, что Третьяковский в качестве переводчика сталкивался и с другими пересказами сюжета о египетском суде. См. ниже прим. 42.

что из всех человеческих богатств, единого сего смерть похитить не может. Но в Египте не позволено было хвалить безразборно всех мертвых: надлежало прежде быть под публичным судом, дабы получить сию честь. [Диодор] Собрание судей было за некоторым озером которое они перееждали <sic!> в некоем судне. Тот, который перевозил, назывался по Египетски Харон. Отсюда точно Греки, будучи научены от Орфея, который был в Египте, вымыслили себе басню о Хароновой лодке. [Боссюэ] Как скоро кто умрет; то его приводили на суд. Слушали тогда публичного доносителя. Ежели он докажет, что поступки мертвого были худы; то обвиняли его память и лишали погребения. Народ удивлялся силе уставов, которая крепка была и по смерти; и каждый видя пример, боялся обесчестить свою память и фамилию. Ежелиж в мертвом никакова не найдется порока; то погребали его с честью.

Сие ужаснее еще было в сем публичном следствии учрежденном на мертвых, что и Царский престол не мог себя от того защитить. [Боссюэ] Они к Царям не прикасались во время их жизни: ибо общая тишина того требовала. Но не могли Цари убежать от суда, на котором быть надлежало по смерти: а некоторые <sic!> из них и лишены погребения²⁵.

Как можно видеть, Роллен слово в слово переписывает уже знакомый нам фрагмент из Боссюэ, вставляя в середину прямую цитату

²⁵ « C'étoit, chez les payens, une consolation en mourant de laisser son nom en estime parmi les hommes, & ils croioient que de tous les biens humains c'est le seul que la mort ne nous peut ravir. Mais il n'étoit pas permis en Egypte de louer indifféremment tous les morts : il faloit avoir cet honneur par un jugement public. L'assemblée des Juges se tenoit au dela d'un lac, qu'ils passoient dans une barque. Celui qui la conduisoit s'appelloit en langue égyptienne Charon ; & c'est sur cela que les Grecs, instruits par Orphée qui avoit été en Egypte, ont inventé leur fable de la barque de Charon. Aussi-tôt qu'un homme étoit mort on l'amenoit en jugement. L'accusateur public étoit écouté, s'il prouvoit que la conduite du mort eût été mauvaise, on en condmnoit la mémoire, & il étoit privé de la sépulture. Le peuple admiroit le pouvoir des loix, qui s'étendoit jusqu'après la mort ; & chacun touché de l'exemple, craignoit de deshonorer sa mémoire & sa famille. Que si le mort n'étoit convaincu d'aucune faute, on l'ensevelissoit honorablement. Ce qu'il y avoit de plus étonnant dans cette enquête publique établie contre les morts, c'est que le trône même n'en mettoit pas à couvert. Les rois étoient épargnés pendant leur vie, le repos public le vouloit ainsi : mais ils n'étoient pas exemts du jugement qu'il faloit subir après la mort & quelques-uns ont été privés de sa sépulture » (Rollin 1749: 52).

из «Исторической библиотеки» про Харона и Орфея, и отсекая конец фразы епископа про похвальные речи. Затем он перекидывает логический мостик к следующему фрагменту про похороны государя (это единственная фраза, которую можно считать его собственной²⁶), опять-таки полностью заимствованному у Боссюэ, за исключением одной значимой детали. Если наставник дофина говорил о посмертном суде, от которого не могут скрыться дурные правители, то Роллен убирает слово «дурные», как бы приближая текст к греческому источнику. Эта редактура отнюдь не случайна: автор «Древней истории» принадлежал к янсенистским кругам, для которых подчеркнутый легализм был важным орудием борьбы с любыми превышениями власти. Возможно, что по той же причине исчезает и упоминание похвальных речей. В конечном счете позиция Боссюэ, сохраняя заряд христианского уравнилельного пафоса, интерпретируется как безоговорочное обличение государей.

Роллена, невольно сделавшего ТрEDIAKовского переводчиком Боссюэ, мало интересовала процедурная последовательность хулы (публичного обвинения) и хвалы (надгробной речи), на которой настаивал епископ города Мо. Однако для современников и читателей «Древней истории» топос египетского суда продолжает функционировать как модель ораторской – а тем самым и гражданской – позиции. Свидетельством тому служит любопытный казус сочинения на заданную тему, позволяющий сравнить разные риторические подходы к одной проблеме.

Нет, я не льстец, когда царю хвалу свободную слагаю

В 1767 году, когда шевалье д'Эон предлагал «вызвать труп на публичный суд», Французская академия, ежегодно присуждавшая награду за красноречие, объявила в качестве конкурсного задания «Похвальное слово в честь короля Карла V, прозванного Мудрым».

²⁶ Перевод ТрEDIAKовского точен, т. к. буквально у Роллена сказано так: «Что самое поразительное в этом публичном разбирательстве, учрежденном против мертвых, это то, что от него не избавлял даже престол» (Rollin 1730: 89).

Судя по количеству опубликованных опусов с таким названием, тема вызвала живой отклик в республике словесности. Свои варианты панегирика мудрому монарху представили многие из тех, чьи имена станут знамениты позднее – астроном Жан де Байи, химик Луи-Бернар Гитон де Морво, аббат Мори и проч. Пальма первенства, впрочем, досталась восходящему светилу, Жану-Франсуа де Лагарпу. Его речь начиналась энергично и резко:

Хвала давно стала продажной. Порок и посредственность отняли ее у таланта и добродетели. Обильно расточаемые похвалы подозрительны; они перестают ими быть, когда являются данью благодарного потомства; для их освящения требуется печать веков. Дурные государи восхваляются после смерти только в момент погребения. К их суетному праху обращены последние лживые речи лести, которая затем устремляется прочь от их могил, дабы начать обманывать их преемников <...>²⁷.

Задача Лагарпа – подчеркнуть разницу между двумя ораторскими диспозициями. Одна из них очевидно близка к ситуации египетского суда, поскольку связана с ритуалом погребения. Другая характеризуется удаленностью от него и предполагает историческую дистанцию, которая становится залогом объективной оценки покойного правителя. В первом случае оратора можно заподозрить в лести, во втором – нет. Учитывая, что Карл V скончался в 1380 году, беспристрастность Лагарпа оказывается вне подозрений.

Топос египетского суда угадывается тут отнюдь не случайно, то есть не только в силу типологического сходства или специфической настройки исследовательской оптики. Его взяли на вооружение по крайней мере два панегириста из числа откликнувшихся на призыв Академии. Так, будущий кардинал и депутат Генеральных Штатов

²⁷ « On a prostitué la louange. C'est une des usurpations du vice & de la médiocrité sur le talent & la vertu. La louange, pour avoir été prodiguée, est devenue suspecte ; elle cesse de l'être, quand elle est le tribut de la postérité reconnoissante ; il lui faut le sceau des âges pour la consacrer. Les mauvais Princes ne sont loués après leur mort, que dans le moment des cérémonies funèbres. C'est à la vaine dignité de leurs cendres que s'adressent les derniers mensonges de la flatterie, qui s'éloigne ensuite de leur tombeau pour aller tromper leur Successeur <...> » (La Harpe 1767: 3).

от духовенства, аббат Мори, использует отсылку к дидоровскому сюжету в качестве зачина, как бы вписывая свое похвальное слово в традицию суда над покойным королем:

Жители нильских берегов торжественно судили своих правителей после их смерти; дабы внушить другим государям спасительный трепет они призывали их на погребальные церемонии, проходившие в красноречивом молчании. Всякий гражданин мог обвинять правителей пред сим трибуналом истины; глас сего грозного судилища, запечатленного как закон в анналах Египта, раскрывал бездействие царей и повелевал им быть справедливыми²⁸.

Напротив, начинающий литератор Луи-Себастьян Мерсье (которому позднее предстоит быть избранным в Национальный Конвент, а затем в Совет пятисот) приберегает его для торжественного финала, чтобы устами условно египетских мудрецов благословить прах добродетельного монарха:

У древних египтян среди многих достойных восхищения законов был один, который не может нас не поражать. Когда их властители – столь горделивые, окруженные торжественной роскошью и преклонением, царившие, подобно богам – как и последние из их подданных сходили в могилу, над их безжизненными останками не звучал притворно-красноречивый глас низкой лесты: истина, долгое время скрытая, ужасная истина восставала и одной дланью останавливала ход погребальной колесницы, а другой разворачивала анналы их правления. Суровые судьбы объявляли о карах или наградах, полагающихся памяти сего монарха, превратившегося во прах²⁹.

²⁸ « Les habitans des bords du Nil jugeoient solennellement leur Souverains après leur mort ; pour inspirer aux autres Princes une frayeur salutaire ils les appelloient à cette pompe funèbre qu'ils célébroient avec un silence éloquent. Chaque citoyen avoit droit d'accuser les Rois devant ce tribunal de la vérité ; la voix de ce jugement formidable qui étoit gravé comme une loi dans les fastes de l'Egipite, reveilloit l'indolence des Rois & leur commandoit d'être justes » (Maury 1767: 3).

²⁹ « Chez les anciens Egyptiens, parmi tant de loix admirables, il en étoit une qui doit nous étonner. Lorsque leurs Souverains, si fiers, si superbes, si pompeusement adorés, après avoir

Отметим, что Мерсье, сохраняя опорные элементы диодоровского рассказа (суд над останками правителя и возможный отказ в погребении), превращает его в драматическую аллегорию: на пути погребального кортежа внезапно вырастает грозная фигура Истины со свитком в руке. Меж тем как Мори берет из «Исторической библиотеки» только идею трибунала, расцвечивая ее сторонними подробностями; так появляется несколько выбивающееся из смыслового контекста «красноречивое молчание». Однако, в отличие от Лагарпа, оба сходятся в том, что суд над умершим монархом должен быть немедленным – таков закон – и что вершить его должна сама истина.

Повествовательная тактика Мори и Мерсье свидетельствует о том, что отсылка к египетскому суду играет роль метареференции, обозначающей позицию оратора. Она создает иллюзию непосредственного присутствия на погребальной церемонии; прощание с бранными останками монарха становится моментом откровения, пусть даже в сугубо позитивном смысле. В этом контексте появление истины, противостоящей лжи или политическим умолчаниям, вроде бы не требует дополнительного комментария. Тем не менее это новый элемент в репрезентации египетского суда. Если вернуться к соответствующему пассажиру из «Сетоса», то Террасон подчеркивал обрядовую и религиозную составляющую обычая, оказывавшую большое воздействие на народное воображение и порождавшую собственные суеверия, в том числе представление, что труп тирана не может преодолеть порога лабиринта (Terrasson 1731: 47). У Монтеня, Гроция и даже у Боссюэ речь идет о законе, правосудии, посмертной репутации, но никак не об истине.

régné en Dieux, marchoient d'un pas égal au tombeau, comme le dernier de leurs sujets, l'adulation ne faisoit point entendre une voix faussemment éloquente sur leurs restes inanimés : la vérité long-tems cachée, la vérité terrible s'avançoit ; d'une main elle arrêtoit leur cercueil, & de l'autre elle déployoit les fastes de leur regne. Des juges sévères prononçaient les peines ou le récompenses dues à la mémoire de ce Monarque, qui n'étoit plus que poussiere » (Mercier 1785: 373–374). «Похвальное слово Карлу V» Мерсье было опубликовано отдельно, затем в сборнике его «Похвальных и философских речей», который вышел в 1776 г., и наконец было включено в «Мой спальный колпак», по которому я его и цитирую.

С одной стороны, появление «истины» характеризует риторическую интерпретацию сюжета, отличая ее от собственно исторической или философской. С другой, это абстрактное и во многом метафизическое понятие оттесняет более конкретное «правосудие». Тем самым древний обычай постепенно утрачивает черты экзотизма (к которым относятся подробности погребального ритуала) и входит в число универсальных ценностей. Не случайно, что в седьмой песне поэмы «Воображение» (1806) аббат Делиль представляет его как идеальную политическую модель, практически лишенную исторических черт: «Сколь милей мне те празднества, где законы / Допрашивают королей у их могил! <...>. В последнем из подданных король обретает судию, / Свергнутому преступлению более нет убежища, / И святая истина у их могил / От погребальных факелов зажигает свой светоч»³⁰. Даже упоминание Египта – «Горе тогда, горе неправедным монархам! / призванным на суд пред Египтом, на глазах всего мира <...>»³¹ – выглядит скорее как библеизм, хотя в авторском комментарии, которым сопровождается текст, есть ссылка на конкретный казус из «Исторической библиотеки».

Описываемая диспозиция нам хорошо знакома: разверстая могила, суд над умершим королем, в котором участвуют законы и истина. Однако распределение функций между персонажами слегка изменилось по сравнению с предыдущими вариантами. В роли обвинителей теперь выступают законы, а судьями становятся последние из подданных (обычно наоборот, подданные обвиняют, а законы судят), между тем как истина являет себя лишь после смерти правителя. И все это именуется «празднеством», что заставляет предположить, что взгляд Делиля на египетский погребальный обряд определен опытом революции 1789 года, свидетелем которой он был. Отсюда презумпция, что источником власти является народ,

³⁰ « O combien j'aime mieux ces fêtes où les lois, / A côté de leur tombe, interrogeaient les rois ! <...>. Dans son dernier sujet le roi trouvait un juge ; / Le crime détroné n'avait plus de refuge ; / Et la vérité sainte, auprès de leur tombeau, / Aux torches de la mort allumait son flambeau » (Delille 1806 : 159–160).

³¹ Стоит обратить внимание, что хотя « Cités devant l'Égypte » (Delille 1806: 159) означает «призванные явиться на суд перед Египтом», сам глагол « citer » («цитировать») предполагает и публичное оглашение.

который, посредством законов, выносит приговор несправедливым монархам.

Поэтический восторг Делиля столь же конвенционален, как прозаические дифирамбы Карлу V Мори или Мерсье. Важное различие состоит в том, что если в 1767 году ситуация египетского суда была ораторской условностью, то к началу XIX столетия ее реальность стала намного более ощутимой. Приведу показательный пример. В 1791 году, когда Национальная Ассамблея постановила перенести останки Вольтера в Пантеон, группа «друзей Конституции» подала прошение о том, чтобы эта церемония проходила без заранее объявленных торжеств. Признавая, что покойный принадлежит к числу тех, кто предсказал революцию, граждане указывали на его нравственное несоответствие новому обществу: «пресмыкавшийся перед вельможами и презиравший народ, этот человек изворотливого ума, без правил и принципов» не заслуживал почестей (Pétition 1791: 4). Этому суровому суждению в качестве эпиграфа была предпослана хорошо нам знакомая цитата из Роллена (то есть отчасти из Боссюэ) о необходимости суда над покойниками. Иными словами, для авторов петиции и более полутораста человек ее подписавших, египетский суд был историческим прецедентом и руководством к действию. Подобно Истине из панегирика Мерсье они пытались встать между погребальным кортежем и местом последнего упокоения Вольтера.

«Друзья Конституции» практически осуществили то, что предполагал сделать шевадь д'Эон, когда грозил вызвать труп противника на публичный суд. Грань между риторической топикой и попыткой инициировать реальную (квази)юридическую процедуру оказывается чрезвычайно тонка. Возможно, самым примечательным подтверждением этому служат «Соображения об образе правления в Польше и о плане его переустройства, составленном в апреле 1771 г.» Руссо. Набрасывая проект конституции малознакомого ему государства, Жан-Жак не только вспоминает о «древнем обычае» производить «суд над египетскими царями после их смерти», но предлагает ввести его в Польше в качестве законной процедуры:

Я бы хотел, чтобы после кончины короля его тело сохранялось в подходящем месте вплоть до того как будет принято решение о том, какая память ему подобаает; и чтобы трибунал, который должен такое решение вынести и назначить ему усыпальницу, собрался как можно скорее. На нем со всею суровостью были бы рассмотрены жизнь и правление покойного, и после разбирательства, во время которого всякий гражданин был допущен выступить с обвинениями или в защиту усопшего, был бы со всей возможной торжественностью вынесен приговор³².

Руссо считал, что такой план покажется чистым безумием «французам, в особенности философам». Он был не прав: даже исходя из приведенных примеров мы видим, что мысль об обвинительной речи над трупом государя была прочно укоренена во французской словесности в качестве общего места. Более того, к концу 1760-х годов упоминания египетского суда становятся все более частыми. Известную роль тут должна была сыграть популярность Роллена, а так же египетских романов Террасона и Ремзи, на которых, по-видимому, росло предреволюционное поколение. К числу значимых факторов надо отнести и падение популярности Людовика XV, весьма ощутимое в последние годы его долгого царствования. В воображении современников начинает возникать фантом похоронного шествия, которое, говоря словами Монтеня, открывает для подданного дорогу к «собственной свободе в выражении истинных чувств». Как мы видим на примере аббата Мори (род. 1746) и Мерсье (род. 1740), задолго до событий 1789 года юные честолюбцы, вне зависимости от политических убеждений, начинают примерять на себя роль оратора у могилы государя. Благодаря этому в эпоху революции *locus communi* едва не приобретает законный статус.

³² « Je voudrois donc qu'après la mort de chaque Roi, son corps fût déposé dans un lieu sortable jusqu'à ce qu'il eût été prononcé sur sa mémoire; que le tribunal qui doit en décider & décerner sa sépulture fût assemblé le plutôt qu'il seroit possible, que là sa vie & son regne fussent examinés séverement, & qu'après des informations dans lesquelles tout citoyen seroit admis à l'accuser & à le défendre, le procès bien instruit fût suivi d'un arrêt porté avec toute la solemnité possible » (Rousseau 1782: 530).

Вместо заключения

Проект Руссо может служить конечным пунктом нашего маршрута, позволяя вернуться от странствий египетского обычая по страницам французских книг к тому, с чего мы начали, то есть к кругу чтения Вяземского и Пушкина. Хотя большинство из перечисленных авторов – Монтень, Боссюэ, Мерсье, Делиль, Лагарп – были известны русскому образованному читателю начала XIX столетия, литературный престиж отнюдь не гарантировал близкого знакомства именно с теми их сочинениями, о которых шла речь. К примеру, Делиля в первую очередь почитали (или, если говорить о Пушкине, не любили³³) как автора «Садов»; его поэма «Воображение» не удостоилась большого внимания, если не считать переведенного Карамзиным отрывка о меланхолии³⁴. Боссюэ воспринимался скорее как проповедник³⁵, чем как историк, хотя, любопытным образом, Кайданов в своих учебниках полемизировал с «Речью о всеобщей истории»³⁶. Напротив, Руссо продолжал оставаться в центре философских и политических споров³⁷. Его «Соображения об образе правления в Польше» могли представлять особый интерес для русской публики в середине 1810 годов, когда шла подготовка конституции Царства Польского. Позднее, среди служивших в Польше российских чиновников и дипломатов, оказался Вяземский. Известно, что находясь в Варшаве он читал Руссо и начал переводить его трактат «О политической экономии»³⁸. Служебные обязанности должны были привлечь его внимание к «Соображениям», тем более что его интерпретация «бессострадательного» суда «над трупами славных» вполне

³³ Об этом см.: Томашевский 1960: 150–151.

³⁴ О русских переводах из «Воображения» см.: Кочеткова 2013.

³⁵ Ср.: «Боссюет и Флешье го<ворили> <?> проповедова<ли> <ему> слово божие в его придев.<орной капелле>» (Пушкин 1949: 505, прим. 1).

³⁶ Причем прямо в главе, посвященной Египту. См.: Кайданов 1821: 39–40.

³⁷ Общий обзор см.: Лотман 1992; о пушкинском отношении к Руссо см.: Томашевский 1960: 132–141.

³⁸ По поводу варшавских занятий Вяземского и переводов Руссо см.: Прохорова 2005: 87–108; Прохорова 2007: 119–126.

соответствует тому политическому прочтению диодоровского сюжета, которое было близко Руссо.

Пушкинский выпад против «безусловных похвал, пошлых восклицаний» типологически и, возможно, генетически ближе к рассуждению Боссюэ о том, что не следует «восхвалять всех умерших без разбору», и что панегирику должен предшествовать «un jugement public», то есть публичный суд, который одновременно есть общественное суждение³⁹. Как мы видели, именно к публичному трибуналу (в лице Национальной Ассамблеи) апеллировали «друзья Конституции», когда хотели воспрепятствовать торжествам по случаю переноса праха Вольтера в Пантеон. Попутно отметим, что процедуры «пантеонизации» и тем более «депантеонизации»⁴⁰ всякий раз провоцировали яростные споры о праве на торжественное погребение некоронованных покойников, сопровождавшиеся как панегириками, так и инвективами. В 1796 году тот же Мерсье выступил на Совете пятисот с речью против помещения в Пантеон останков Декарта. По его мнению, этот «республиканский храм» должен быть предназначен для «мучеников и героев революции», меж тем как «республика словесности» имеет свои «лавровые венки и дебаты»⁴¹.

«Пантеонизация», стиравшая грань между героями двух республик, наглядно демонстрирует, как мог происходить переход топики египетского суда из политической риторики в сферу литературного канона. Это соскальзывание можно наблюдать и ранее, когда речь идет о таких фигурах как Бэкон, чье жизнеописание Дэвид Моллет начинает с отсылки к «закону», требовавшему «торжественного разбора» дел умершего перед судьями:

Некоторым уставом древних Египтян, характер и дела умерших людей, подвержены были торжественному следствию, по

³⁹ Франц. слово «jugement» обозначает и судебное решение, и суждение по поводу чего-либо, и интеллектуальную способность к суждению.

⁴⁰ О «пантеонизации» см.: Mercier 1801: 166; это издание было в библиотеке Пушкина, но его страницы не разрезаны.

⁴¹ Мерсье воспроизводит свою речь (с обширными комментариями) в «Новом Париже», цит. по: Mercier 1798: 145–146.

котором судьи учрежденные <sic!> на сие, определял казнь или мздовоздаяние, должныя памяти мертвого человека⁴².

В других случаях политические инвективы идентифицируются с цензурой и, соответственно, с критикой⁴³. Однако замечание Пушкина следует иной логике: у него критика предназначена живым литераторам, а египетский суд – уже покойным⁴⁴. Возможно, что это терминологическое различие обусловлено чувством языкового декорума, поскольку критикуют обычно тех, кто может дать опровержение на критики. Или же в нем нужно видеть элемент литературной теории, метафорическое обозначение идеи аналитического разбора, который во французском языке XVII – XVIII веков нередко ассоциировался с анатомированием мертвой материи.

*

Так действительно ли египтяне судили своих мертвецов? По мнению некоторых специалистов Диодор Сицилийский буквально интерпретировал изображения потустороннего суда, которые ему

⁴² Это начало «Жития канцлера Фрэнсиса Бакона» в переводе все того же Тредиаковского (Житие 1760: 3); цитата из Моллета (Mallet 1740: 1) была инкорпорирована во франц. перевод Делейра, откуда и попала в «Житие»; о формировании этого текста см.: Лакшин 1962: 223–248; Неклюдова 2013: 50–69.

⁴³ В 1741 году некий де Вильмон выступил в печати со своими «Рассуждениями о критике». В качестве авторитетного примера того, что «великие мира сего отнюдь не защищены от стрел цензуры или критики; напротив, <...> они открыты им более, чем обычные люди» (Villemont 1741: 425) он вспоминал, что в Египте «стоило царю умереть, его тело выставляли посередине площади, где всякий мог восхвалять его заслуги и упрекать во всех совершенных им дурных поступках», и т. д. (Villemont 1741: 427). Этот конкретный пересказ Диодора принадлежал не ему, а популярному историку Антуану Варийасу (Варийас 2005: 372), чье сочинение могло быть еще одним текстом-посредником, распространявшем знание о причудливом египетском обычае. Но важно то, что Вильмон не делает различия между разными сферами применения критики, практически ставя на одну доску моральную (устную или содержащуюся в литературных сочинениях) и литературную критику (собственно разбор достоинств и недостатков произведения).

⁴⁴ Ср. аналогичное противопоставление: «Как! неужели вы полагаете, что журнальная критика есть окончательный суд произведениям нашей словесности?» («Разговор о журнальной критике и полемике». – Пушкин 1949: 90).

довелось видеть в Египте, или неправильно понял соответствующие мифологические рассказы. Однако существует и другая точка зрения, согласно которой во время погребальных церемоний египетские жрецы могли разыгрывать сцены суда, происходившего в этот момент в подземном царстве⁴⁵.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Варийас А. де. 2005. Флорентийские анекдоты, или Тайная история дома Медичи. Предисловие. – Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. № 15. С. 360–379.
- Вяземский П. А., кн. 1880. Полн. собр. соч.: Т. V. СПб.: Издание графа С. Д. Шереметева.
- Вяземский П. А., кн. 1884. Полн. собр. соч.: Т. IX. СПб.: Издание графа С. Д. Шереметева.
- Вяземский П. А., кн. 1886. Полн. собр. соч.: Т. X. СПб.: Издание графа С. Д. Шереметева.
- Диодор Сицилийский 2017. Историческая библиотека. Кн. I: Египет / Изд. подготовил О. П. Цыбенко. СПб.: Алетейя.
- Житие 1760. Житие канцлера Фрэнсиса Бакона / Пер. с французского на русский Василий Тредиаковский профессор и член Санкт-петербургския императорския Академии наук. [М.]: Печатано при Императорском Московском университете.
- Кайданов И. 1814. Основания всеобщей политической истории: Древняя история. Часть первая: Древняя история. СПб.: Печатано при Императорской Академии наук.
- Кайданов И. 1821. Руководство к познанию Всеобщей политической истории. Часть первая: Древняя история. СПб.: В типографии Н. Греча.
- Кочеткова Н. Д. 2013. «Меланхолия» Ж. Делиля: Подражание Н. М. Карамзина и перевод П. Ю. Львова. – Чтения отдела русской литературы XVIII века. Вып. 7. М.; СПб: Альянс-Архео. С. 209–218.
- Лакшин В. Я. 1962. О деятельности В. К. Тредиаковского-просветителя (Перевод книги о Фр. Бэконе). – XVIII век. Сборник 5. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР. С. 223–248.

⁴⁵ Обзор разных точек зрения см.: Assmann 2005: 85; о возможной реальности обряда см.: Merkelbach 1993.

- Лотман Ю. М. 1992. Руссо и русская культура XVIII – начала XIX века. – Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3-х тт. Т. II. Таллинн: Александра. С. 40–99.
- Макиавелли Н. 1982. Государь / Пер. Г. Муравьевой. – Макиавелли Н. Избранные сочинения / Сост. Р. Хлодовского. М.: Художественная литература.
- Неклюдова М. С. 2013. Определение анекдота: Казус Бэкона / Делейра / Третьяковского. – XVIII Лотмановские чтения. Россия и Франция: XVIII – XX вв. М: РГГУ. С. 50–69.
- Прохорова И. Е. 2005. Литературно-публицистическая деятельность П. А. Вяземского «варшавского периода»: Развитие либерально-конституционных идей. – Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. Т. 10. № 3. С. 74–97; № 4. С. 87–108.
- Прохорова И. Е. 2007. П.А. Вяземский как переводчик статьи Руссо: Судьба рукописи. – Рукописное наследие деятелей отечественной культуры XVIII – XXI вв. Материалы научной конференции. СПб.: РНБ. С. 119–126.
- Пушкин А. С. 1949. Полн. собр. соч.: В 16-ти тт. Т. XI. [М.; Л.]: Издательство Академии наук СССР.
- Рамзей [Ремзи Э. М.]. М. 1765. Новое Кирионаставление, или Путешествия Кировы: С приложенными разговорами о богословии и баснословии древних / С Французского на Российской язык пер. Авраам Волков. Часть I. [М.]: Печатано при Императорском Московском университете.
- Рамзей А. [Ремзи Э. М.] 1785. Новая Кириопедия, или Путешествия Кировы: С Приложенными разговорами о богословии и баснословии Древних / Изд. 2-е, исправленное с английского подлинника. Часть I. М.: В университетской типографии, у Н. Новикова.
- Роллен Ш. 1749. Древняя история об египтянах о карфагенянах об ассирианах о вавилонянах о мидянах, персах о македонянах и о греках / <...> с французского переведенная чрез Василья Третьяковского профессора элоквещии и члена Санктпетербургския Императорския Академии наук. Т. I. СПб: При Императорской Академии наук.
- Словарь языка Пушкина 2000. Словарь языка Пушкина: В 4-х тт. 2-е изд., дополненное. Т. IV. М.: Азбуковник.
- Собрание лучших сочинений 1762. Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия, или, Смешанная Библиотека о разных Физических, Экономических, також до

- манифактур и до коммерции принадлежащих вещах. Части третья – четвертая. М.: Печатано при Московском Университете на коште книгосодержателя Вевера.
- Террасон Ж. 1762. Геройская добродетель, или Жизнь Сифа, царя Египетского, из таинственных свидетельств древнего Египта взятая / Пер. Денис Фон Визин. Часть первая. М.: Печатана при Императорском Московском Университете.
- Томашевский Б. В. 1960. Пушкин и Франция. Л.: Советский писатель.
- Эшенбург И. И. 1818. Ручная книга Древней классической словесности: Содержащая: I. Археологию; II. Обзорение классических авторов; III. Мифологию; IV – V. Древности Греческия и Римския / Собранныя Эшенбургом, умноженная Крамером и дополненная Н. Кошанским. Т. I. СПб.: [б. и.]
- Якубович Д. П. 1941. Античность в творчестве Пушкина. – Пушкин: Временник пушкинской комиссии. Вып. 6. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР. С. 92–159.
- Allen, D. C. 1970. *Mysteriously Meant: The Rediscovery of Pagan Symbolism and Allegorical Interpretation in the Renaissance*. Baltimore and London: Johns Hopkins Press.
- Assmann, J. 2005. *Death and Salvation in Ancient Egypt* / Translated from the German by David Lorton. Ithaca & London: Cornell University Press.
- Bossuet, J.-B. 1681. *Discours sur l'histoire universelle à Monseigneur le Dauphin : Pour expliquer la suite de la religion & les changemens des empires*. Paris: Chez S. Mabre-Cramoisy.
- Catteeuw, L. 2003. *Censures et raisons d'État. Une histoire de la modernité politique (XVIe – XVIIe siècle)*. Paris: Albin Michel.
- Delille, J. 1806. *L'imagination, poème*. T. II. Paris: Chez Giguet et Michaud.
- Diodore de Sicile. 1993. *Bibliothèque historique / Introduction générale par François Chamoux et Pierre Bertrac ; texte établi par Pierre Bertrac ; et traduit par Yvonne Vernière*. Tome I, Livre I. Paris: Les Belles lettres.
- Eon de Beaumont, Ch. de. 1767. *Dernière lettre du Chevalier d'Eon à M. le Comte de Guerchy, en datte du 5 Aout, 1767. Avec l'extrait de la procédure en bonne forme*. Londres: s. n.
- Eschenburg, J. J. 1783. *Handbuch der Klassischen Literatur, Enthaltend: I. Archäologie, II. Kunde der Klassiker, III. Mythologie, IV. Griech Allerthümer, V. Römische Alterthümer*. Berlin und Stettin: Bey Friedrich Nicolai.

- Eschenburg, J. J. 1802. Manuel de littérature classique ancienne. T. I. / Traduit de l'allemand avec additions par O. F. Cramer. Paris: De l'Imprimerie du Traducteur.
- Gilbert, F. 1973. Machiavelli and Guicciardini: Politics and History in Sixteenth-Century Florence. Princeton: Princeton University Press.
- Grotius, H. 1670. De Jure belli ac pacis libri tres. Amsterdam: Apud Guiljelmum Blaeuw.
- La Harpe, J.-Fr. de. 1767. Eloge de Charles V, Roi de France. Discours qui a remporté Le Prix de l'Académie Française en 1767. Paris: Chez la V. Regnard.
- Mallet, D. 1740. The Life of Francis Bacon, Lord Chancellor of England. London: Printed for A. Millar.
- Marin, L. 2005. Pour une théorie baroque de l'action politique. Les *Considérations politiques sur les coups d'État* de Gabriel Naudé. – Marin, L. Politiques de la représentation. Paris: Éditions Kimé. P. 191–232.
- Mauzy, J.-S. 1767. Éloge de Charles V, Roi de France, surnommé le sage. Paris: Chez la Veuve Duchesne.
- Mercier, L. S. 1785. Mon bonnet de nuit. T. IV. Lausanne: Chez Jeanne-Pierre Heubach et Comp.
- Mercier, L. S. 1798. Le nouveau Paris. Vol. VI. Paris: Chez Fuchs, Ch. Pougens, et Ch. Fr. Cramer.
- Mercier, L. S. 1801. Néologie ou Vocabulaire de mots nouveaux, à renouveler, ou pris dans des acceptions nouvelles. T. II. Paris: Chez Moussard [et] Maradan.
- Merkelbach, R. 1993. Diodor über das Totengericht der Ägypter. – Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde. Bd. 120. Nr. 1. P. 71–84.
- Montaigne, M. de. 1588. Essais. Cinquiesme edition, augmentée d'un troisieme livre et de six cens additions aux deux premiers. Paris: Chez Abel L'Angelier.
- Montaigne, M. de. 1602. Essais. Édition nouvelle prise sur l'Exemplaire trouvé après le décès de l'Autheur, reveu & augmenté d'un tier outre les les précédentes impressions. Enrichi de deux tables curieusement exactes et élaborées. Paris: Chez Abel L'Angelier.
- Pétition 1791. Pétition à l'Assemblée Nationale, Relative au Transport de Voltaire. Nouvelle édition revue & corrigée. [Paris]: s. n.
- Racault, J.-M. 2001. L'Égypte romanesque au debut du XVIIIe siecle. – L'Égypte imaginaire de la Renaissance à Champollion. *Colloque en Sorbonne / Sous la direction de Chantal Grell*. Paris: Presses de l'Universite de Paris-Sorbonne. P. 59–78.

- Rivarol, Au. de. 1819. Discours sur la vie et les ouvrages de Rollin. Paris: Adrien Egron.
- Rollin, Ch. 1730. Histoire ancienne des Egyptiens, des Cartaginois, des Assyriens, des Babyloniens, des Mèdes et des Perses, des Macédoniens, des Grecs. T. I. Paris: Chez Jacques Estienne.
- Rousseau, J. J. 1782. Collection complete des œuvres. T. I. Geneve: s. n.
- Terrasson, J. 1731. Sethos, Histoire ou Vie, tirée des monumens anecdotes de l'ancienne Egypte / Traduite d'un Manuscrit Grec. T. I. Paris: Chez Jacques Guerin.
- Terrasson, J. 1732. Abriß der wahren Helden-Tugend, oder Lebens-Geschichte des Sethos, Königes in Egypten: aus Geheimen Urkunden des alten Egypten-Landes gezogen, und nach der Frantzösischen Uebersetzung Eines Griechischen Originals verteutschet. T. I. Hamburg: Gedruckt und verlegt von seel. Thomas von Wierings Erben.
- Villemont de. 1741. Reflexions sur la critique. – Mercure de France. Mars. P. 422–432.

REFERENCES

- Allen, D. C. *Mysteriously Meant: The Rediscovery of Pagan Symbolism and Allegorical Interpretation in the Renaissance*. Baltimore and London: Johns Hopkins Press, 1970.
- Assmann, J. *Death and Salvation in Ancient Egypt*. Translated from the German by David Lorton. Ithaca & London: Cornell University Press, 2005.
- Bossuet, J.-B. *Discours sur l'histoire universelle à Monseigneur le Dauphin : Pour expliquer la suite de la religion & les changemens des empires*. Paris: Chez S. Mable-Cramoisy, 1681.
- Catteeuw, L. *Censures et raisons d'État. Une histoire de la modernité politique (XVIe – XVIIe siècle)*. Paris: Albin Michel, 2003.
- Delille, J. *L'imagination, poëme*. Vol. 2. Paris: Chez Giguët et Michaud, 1806.
- Diodore de Sicile. *Bibliothèque historique*. Introduced by François Chamoux and Pierre Bertrac, text established by Pierre Bertrac, and translated by Yvonne Vernière. Vol. 1, bk. 1. Paris: Les Belles lettres, 1993.
- Diodorus Siculus. *Istoricheskaja biblioteka*. Edited by O. P. Tsybenko. Vol. 1, *Egipet*. Saint-Petersburg: Aletheia, 2017.
- Eon de Beaumont, Ch. de. *Dernière lettre du Chevalier d'Eon à M. le Comte de Guerchy, en datte du 5 Aout, 1767. Avec l'extrait de la procédure en bonne forme*. London: n. p., 1767.

- Eschenburg, J. J. *Handbuch der Klassischen Literatur, Enthaltend: I. Archäologie, II. Kunde der Klassiker, III. Mythologie, IV. Griech. Allerthümer, V. Römische Alterthümer*. Berlin and Stettin: Bey Friedrich Nicolai, 1783.
- . *Manuel de littérature classique ancienne*. Translated from the German, with additions by O. F. Cramer. Vol. 1. Paris, 1802.
- . *Ruchnaia kniga Drevnei klassicheskoi slovesnosti: Soderzhashchaia: I. Arkheologiiu; II. Obozrenie klassicheskikh avtorov; III. Mifologiiu; IV–V. Drevnosti Grecheskii i Rimskii*. Compiled by [J. J.] Eschenburg, improved by [O. F.] Cramer and amended by N. Koshanskii. Vol. 1. Saint-Petersburg: n. p., 1818.
- Gilbert, F. *Machiavelli and Guicciardini: Politics and History in Sixteenth-Century Florence*. Princeton: Princeton University Press, 1973.
- Grotius, H. *De Jure belli ac pacis libri tres*. Amsterdam: Apud Guiljelmum Blaeuw, 1670.
- Iakubovich, D. P. “Antichnost’ v tvorchestve Pushkina.” In *Vremennik pushkinskoi komissii*. Vol. 6. Moscow and Leningrad: Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR, 1941.
- Kaidanov, I. *Osnovaniia vseobshchei politicheskoi istorii: Drevniaia istoriia*. Pt. 1, *Drevniaia istoriia*. Saint-Petersburg: Pechatano pri Imperatorskoi Akademii nauk, 1814.
- . *Rukovodstvo k poznaniuu Vseobshchei politicheskoi istorii*. Pt. 1, *Drevniaia istoriia*. Saint-Petersburg, 1821.
- Kochetkova, N. D. “Melankholiia Zh. Delilia: Podrazhanie N. M. Karamzina i perevod P. Iu. L’ova.” In *Chteniia otdela russkoi literatury XVIII veka*. Vol. 7, 209–18. Saint-Petersburg: Al’ians-Arkheo, 2013.
- La Harpe, J.-Fr. de. *Eloge de Charles V, Roi de France. Discours qui a remporté Le Prix de l’Académie Française en 1767*. Paris: Chez la V. Regnard, 1767.
- Lakshin, V. Ia. “O deiatel’nosti V.K. Trediakovskogo-prosvetitelia (Perevod knigi o Fr. Bekone).” In *XVIII vek*. Vol. 5, 223–48. Moscow and Leningrad: Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR, 1962.
- Lotman, Iu. M. “Russo i russkaia kul’tura XVIII – nachala XIX veka.” In *Izbrannye stat’i*, by Iu. M. Lotman. 3 vols. Vol. 2, 40–99. Tallinn: Aleksandra, 1992.
- Machiavelli, N. *Gosudar’*. Translated by G. Murav’eva. In *Izbrannye sochineniia*, by Niccolò Machiavelli. Edited by R. Khlodovskii. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1982.
- Mallet, D. *The Life of Francis Bacon, Lord Chancellor of England*. London: Printed for A. Millar, 1740.

- Marin, L. "Pour une théorie baroque de l'action politique. Les *Considérations politiques sur les coups d'État* de Gabriel Naudé." In *Politiques de la représentation*, by L. Marin, 191–232. Paris: Éditions Kimé, 2005.
- Maury, J.-S. *Éloge de Charles V, Roi de France, surnommé le sage*. Paris: Chez la Veuve Duchesne, 1767.
- Mercier, L. S. *Mon bonnet de nuit*. Vol. 4. Lausanne: Chez Jeanne-Pierre Heubach et Comp., 1785.
- . *Le nouveau Paris*. Vol. 6. Paris: Chez Fuchs, Ch. Pougens, et Ch. Fr. Cramer, 1798.
- . *Néologie ou Vocabulaire de mots nouveaux: à renouveler, ou pris dans des acceptions nouvelles*. Vol. 2. Paris: Chez Moussard [et] Maradan, 1801.
- Merkelbach, R. "Diodor über das Totengericht der Ägypter." *Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde* 120, no. 1 (1993): 71–84.
- Montaigne, M. de. *Essais*. 5th ed. Paris: Chez Abel L'Angelier, 1588.
- . *Essais*. New ed. Paris: Chez Abel L'Angelier, 1602.
- Nekliudova, M. S. "Opredelenie anekdota: Kazus Bekona / Deleira / Trediakovskogo." In *XVIII Lotmanovskie chteniia Rossiia i Frantsiia: XVIII – XX vv.*, 50–69. Moscow: RGGU, 2013.
- Pétition à l'Assemblée Nationale, Relative au Transport de Voltaire*. New rev. and corrected ed. [Paris]: n. p., 1791.
- Prokhorova, I. E. "Literaturno-publitsisticheskaia deiatel'nost' P. A. Viazemskogo 'varshavskogo perioda': Razvitie liberal'no-konstitutsionnykh idei." *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii 10: Zhurnalistika* 10, no. 3 (2005): 74–97; 10, no. 4 (2005): 87–108.
- . "P. A. Viazemskii kak perevodchik stat'i Russo: Sud'ba rukopisi." In *Rukopisnoe nasledie deiatelei otechestvennoi kul'tury XVIII – XXI vv. Materialy nauchnoi konferentsii*, 119–126. Saint-Petersburg: RNB, 2007.
- Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii*. 16 vols. Vol. 11. [Moscow and Leningrad]: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1949.
- Racault, J.-M. "L'Égypte romanesque au debut du XVIIIe siecle." In *L'Égypte imaginaire de la Renaissance à Champollion: colloque en Sorbonne*. Edited by Chantal Grell, 59–78. Paris: Presses de l'Université de Paris-Sorbonne, 2001.
- Ramsay, A. M. *Novoe Kironastavlenie, ili Puteshestviia Kirovy: S prilozhennyimi razgovorami o bogoslovii i basnotvorstve drevnikh*. Translated from the French by Avraam Volkov. Pt. 1. [Moscow]: Pechatano pri Imperatorskom Moskovskom universitete, 1765.

- . *Novaia Kiropediia, ili Puteshestviia Kirovy: S Prilozhennymi razgovorami o bogoslovii i basnotvorstve Drevnikh*. 2nd rev. ed. Pt. 1. Moscow: V universitetskoï tipografii, u N. Novikova, 1785.
- Rivarol, Au. de. *Discours sur la vie et les ouvrages de Rollin*. Paris: Adrien Egron, 1819.
- Rollin, Ch. *Drevniaia istoriia ob egiptianakh o karfagenianakh ob assirianakh o vavilonianakh o midianakh, persakh o makedonianakh i o grekakh*. Translated from the French by Vasilii Trediakovskii. Vol. 1. Saint-Petersburg: Pri Imperatorskoï Akademii Nauk, 1749.
- . *Histoire ancienne des Egyptiens, des Cartaginois, des Assyriens, des Babylo-niens, des Mèdes et des Perses, des Macédoniens, des Grecs*. Vol. 1. Paris: Chez Jaques Estienne, 1730.
- Rousseau, J. J. *Collection complete des œuvres*. Vol. 1. Geneve: n. p., 1782.
- Slovar' iazyka Pushkina*. 4 vols. Edited by V. V. Vinogradov. 2nd ed. Vol. 4. Mos-cow: Azbukovnik, 2000.
- Sobranie luchshikh sochinenii k rasprostraneniui znaniia i k proizvedeniui udovol'stviia, ili, Smeshennaia Biblioteka o raznykh Fizicheskikh, Ekono-micheskikh, takozh do manufaktur i do kommertsii prinadlezhashchikh veshchakh*. Pt. 3–4. Moscow: Pechatano pri Moskovskom Universitete na koshte knigosoderzhatelia Vevera, 1762.
- Terrason, J. *Geroiskaia dobrodetel', ili Zhizn' Sifa, tsaria Egipetskogo, iz tainstvennykh svidetel'stv drevnego Egipta vziataia*. Translated by Denis von Wiesen. Pt. 1. Moscow: Pechatana pri Imperatorskom Moskovskom Universitete, 1762.
- . *Sethos, Histoire ou Vie, tirée des monumens anecdotes de l'ancienne Egypte*. Translated from a Greek manuscript. Vol. 1. Paris: Chez Jacques Guerin, 1731.
- . *Abriß der wahren Helden-Tugend, oder Lebens-Geschichte des Sethos, Kö-niges in Egypten: aus Geheimen Urkunden des alten Egypten-Landes gezo-gen, und nach der Frantzösischen Uebersetzung Eines Griechischen Originals verteutschet*. Vol. 1. Hamburg: Gedruckt und verlegt von seel. Thomas von Wierings Erben, 1732.
- Tomashevskii, B. V. *Pushkin i Frantsiia*. Leningrad: Sovetskii Pisatel', 1960.
- Varillas, A. de. "Florentiiskie anekdoty, ili Tainaia istoriia doma Medichi. Pre-dislovie." *Dialog so vremenem: Al'manakh intellektual'noi istorii* 15 (2005): 360–79.

Viazemskii, P. A., prince. *Polnoe sobranie sochinenii*. Vol. 5. Saint-Petersburg: Izdanie grafa S. D. Sheremeteva, 1880.

— . *Polnoe sobranie sochinenii*. Vol. 9. Saint-Petersburg: Izdanie grafa S. D. Sheremeteva, 1884.

— . *Polnoe sobranie sochinenii*. Vol. 10. Saint-Petersburg: Izdanie grafa S. D. Sheremeteva, 1886.

Villemont de. "Reflexions sur la critique." *Mercure de France*, Mars (1741): 422–32.

Zhitie kantslera Frensis Bakona. Translated from the French by Vasilii Trediakovskii. [Moscow]: Pечатано pri Imperatorskom Moskovskom universitete, 1760.

РИТМ И СМЫСЛ СТИХОТВОРЕНИЯ ПУШКИНА «БУРЯ»

С. Н. Доценко
(Таллинн)

*Подобно голосам на дальнем расстоянии,
Когда их стройный хор един, как тень и свет,
Перекликаются звук, запах, форма, цвет,
Глубокий, тёмный смысл обретение в слиянье.*

Шарль Бодлер. Соответствия.

М. Л. Гаспаров во «Введении» к своей книге «Метр и смысл» (1999) дал краткий, но содержательный обзор основных проблем, с которыми сталкивается исследователь при изучении семантики стиха. Результат многолетних штудий в этой области стиховедения (предпринятых в основном самим автором) он сформулировал таким образом:

Нам очень хотелось бы представить читателю готовую теорию семантики стиха, хотя бы в самом грубом наброске, а весь накопленный материал использовать как иллюстрации к ней. Но этого не получилось: вероятно, эта молодая отрасль стиховедения еще не доросла до таких системных обобщений. Все, что мы можем, – это предложить читателю повторить наш путь, познакомиться с материалом и самостоятельно убедиться, можно ли на его основе *говорить о метре как носителе семантики* (Гаспаров 1999: 17; курсив мой. – С. Д.).

Однако представленные в книге 9 разделов посвящены не столько анализу семантики разных *метров* как таковых, сколько анализу семантики разных *стихотворных размеров* (например, 4-стопного хоря с окончаниями ДМДМ, или 3-стопного хоря с окончаниями ЖМЖМ). Стихотворный размер (с вариациями метрических и внеметрических ударений, клаузул, цезур, словоразделов) –

это один из многих вариантов (актуализаций) метра. В русской силлабо-тонике метров всего 5, зато размеров – десятки. А ритмических вариаций стихотворных размеров (в том числе с учетом пропусков ударений на сильных слогах и/или сверхсхемных ударений, а также вариаций клаузул) – и того больше. Поэтому за тем или иным своеобразным размером с большей или меньшей вероятностью закрепляется тот или иной «семантический ореол» (термин, который использует Гаспаров)¹. Именно попытка анализа такого «семантического ореола» *стихотворного размера* была предпринята Гаспаровым.

Другое направление изучения проблемы «ритм и смысл» преследует более скромную цель: выявить корреляцию смысла и ритма («ритмического рисунка») в конкретном стихотворении. Прекрасным образцом такого исследования можно считать разбор корреляции ритма, фоники и семантики, представленный в статье М. В. Безродного «“Слепой” Ходасевича: Опыт анализа простого стихотворения» (см.: Безродный 2009: 205–208)².

Структуру ритма стихотворения Вл. Ходасевича «Слепой» (написанного Х4) Безродный определяет так: «У четырехстопного хоря шесть ритмических форм: одна четырехударная, три трехударных и две двухударных. В рассматриваемом тексте использованы пять из шести форм, и одна и та же ритмическая форма лишь однажды встречается в соседних строках. Итак, звуковая фактура текста, если понимать ее как набор и последовательность ритмических форм, отличается разнообразием» (Безродный 2009: 207). Это разнообразие (и более того – структурная неурегулированность) «ритмической фактуры» стихотворения Ходасевича «Слепой» Безродный считает мотивированной (обусловленной) темой самого стихотворения, которое описывает походку слепого («Бродит наугад слепой»):

¹ См., например: Гаспаров 1979: 282–308; Гаспаров 1990: 5–14.

² В статье М. В. Безродного содержится анализ не только семантики ритма, но и семантики фонической структуры стихотворения Ходасевича (а также – логики корреляции ритмической структуры и фонической структуры стихотворения).

Чему в «сюжете» стихотворения соответствуют ритмическое разнообразие и ударно-вокальное однообразие? Пробующая, угадывающая, осторожная походка слепого передается обилием ритмических форм. (Для имитации строевого шага хватило бы одной – полноударной: «аты-баты, шли солдаты».) (Безродный 2009: 207–208).

Иными словами, перед нами пример того, как ритмическая структура отдельно взятого стихотворения коррелирует с его темой (смыслом). Наблюдение исследователя не претендует на обобщенное понимание семантики ни отдельного размера (X4), ни отдельной его ритмической формы, а лишь показывает, какова может быть семантика отдельной «ритмической фактуры» (т. е. ритмической структуры) текста. Эта семантика («пробующая, угадывающая, осторожная походка слепого») определяет и провоцирует *разнообразие и неупорядоченность ритма* стихотворения Ходасевича. Искомая связь (и обусловленность) ритма и семантики текста получила в данном случае убедительное подтверждение³.

Предложенный Безродным подход к анализу взаимосвязи ритмики и семантики стихотворения мы решили применить для анализа ритмики и семантики стихотворения А. С. Пушкина «Буря» (1825). Результат, как нам представляется, получился интересным и достаточно нетривиальным. Напомним текст стихотворения:

Ты видел деву на скале
 В одежде белой над волнами,
 Когда, бушующая в бурной мгле,
 Играло море с берегами,
 Когда луч молний озарял
 Ее всечасно блеском алым
 И ветер бился и летал
 С ее летучим покрывалом?
 Прекрасно море в бурной мгле

³ См. также нашу заметку, в которой использован аналогичный подход к проблеме: Доценко 2005: с. р.

И небо в блесках без лазури;
 Но верь мне: дева на скале
 Прекрасней волн, небес и бури.
 (Пушкин 1977, 2: 261)

Стихотворение Пушкина написано 4-стопным ямбом (Я4). Из 6 ритмических форм (вариаций) Я4 Пушкин использует только 2 формы, причем использует самые употребительные формы (I-ю и IV-ю)⁴. Соотношение этих ритмических форм в тексте следующее: 4 стиха написаны I-й ритмической формой Я4, 8 стихов написаны IV-й ритмической формой. Но ритмическая структура стихотворения Пушкина примечательна тем, как именно чередуются эти две ритмические формы.

Табл. 1. Ритмическая схема стихотворения «Буря»

Номер строки	Ритмическая схема	Ритмическая форма Я4
1	У √ У √ У – У √	IV
2	У √ У √ У – У √ У	IV
3	У √ У √ У √ У √	I
4	У √ У √ У – У √ У	IV
5	У √ У √ У – У √	IV
6	У √ У √ У √ У √ У	I
7	У √ У √ У – У √	IV
8	У √ У √ У – У √ У	IV
9	У √ У √ У √ У √	I
10	У √ У √ У – У √ У	IV
11	У √ У √ У – У √	IV
12	У √ У √ У √ У √ У	I

Ритмическая структура этого стихотворения – очевидно однообразная: используются всего 2 ритмические формы Я4. Столь же однообразно строго упорядоченное чередование этих 2-х

⁴ См.: Тарановски 1953: 90–91; Табела III: Четворостопни јамб од 1820 до краја XIX века; Тарановский 2010: 101–102; Таблица III: Четырехстопный ямб с 1820 до конца XIX века.

ритмических форм (IV – IV – I – IV – IV – I – IV – IV – I – IV – IV – I).

Возникает вопрос: как можно объяснить это однообразие (монотонность) ритма стихотворения «Буря», а также – строгую упорядоченность его ритмической структуры? Представляется, что однообразие и строгая упорядоченность ритма стихотворения Пушкина обусловлены сквозным мотивом стихотворения: описанием моря в бурю (шторм).

Волны бушующего моря ритмично и однообразно ударяются о берег («Играло море с берегами») – отсюда попытка Пушкина (может быть, и неосознанная) имитировать этот однообразный ритм набегающих и ударяющихся о скалу волн⁵ посредством правильного чередования двух ритмических форм Я4: нарастание/набегание волны (чему соответствуют 2 стиха, написанные IV-й ритмической формой Я4) завершается ее «ударом» в берег (который воплощает каждый 3-й стих, написанный I-й ритмической формой Я4). Эффект «удара» подчеркивается также тем, что I-я ритмическая форма Я4 – это так называемая «полноударная» ритмическая форма (т. е. с ударением на всех 4-х иктах), и тем самым – наиболее явно манифестирующая саму идею «ударности». В итоге этот ритм набегающей и ударяющейся о берег волны повторяется с регулярностью.

Такой структуре ритма стихотворения подчиняется и его строфическая структура: стихотворение написано 12-стишной

⁵ На однообразие (монотонность) ритма набегающих волн косвенно указывает строчка из стихотворения «К морю» (1824): «Прощай, свободная стихия! / В последний раз передо мной / Ты катишь волны голубые / И блещешь гордою красой. // Как друга *ропот заунывный*, / Как зов его в прощальный час, / Твой грустный шум, твой шум призывный / Услышал я в последний раз» (Пушкин 1977, 2: 180; курсив мой. – С. Д.). Эпитет «заунывный» в данном случае может трактоваться как синоним эпитета «монотонный» или «однообразный». В романе Пушкина «Евгений Онегин» эпитетом «однообразный» описывается ритм вальса: «*Однообразный* и безумный, / Как вихорь жизни молодой, / Кружится вальса вихорь шумный <...>» (Пушкин 1978, 5: 101; курсив мой. – С. Д.). См. также у М. Ю. Лермонтова характеристику набегающих волн как «однообразных»: «<...> Он ходит себе целый день по прибрежному песку, прислушивается к *однообразному ропоту набегающих волн* и всматривается в туманную даль <...>» (Лермонтов 1957, 6: 338; курсив мой. – С. Д.).

монострофой, которую условно можно было бы разделить на три 4-стишия. Но это условное разделение на 4-стишия, т. е. в соответствии с более привычной традицией (и соответствующей структурой рифмовки, а также – структурой клаузул МЖМЖ), приводит к тому, что восприятие ритма стихотворения Пушкина становится иным: ритм 3-стишных фрагментов оказывается не столь различимым (и не столь осознаваемым), и тогда читатель вынужден акцентировать внимание на более привычной структуре ритма как бы 4-стишных строф. Следовательно, неизбежно возникает противоречие между 4-стишной структурой рифмовки (и клаузул) и 3-стишной структурой ритма.

Пушкин находит приемлемый выход из этого противоречия: структура рифмовки сохраняется такой, как если бы текст условно разбивался на 4-стишия с чередованием клаузул МЖМЖ (и перекрестной рифмовкой), но формального (графического) деления стихотворения на такие 4-стишные строфы нет. Очевидно, что в этом случае читателю проще мысленно членить текст на повторяющиеся 3-стишные ритмические фрагменты, а не на более привычные 4-стишные⁶.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Безродный М. В. 2009. «Слепой» Ходасевича: Опыт анализа простого стихотворения. – Культура русской диаспоры: Эмиграция и мемуары. Сборник статей. Таллинн: Таллиннский университет, Институт славянских языков и культур. С. 205–208.
- Гаспаров М. Л. 1979. Семантический ореол метра: К семантике русского трехстопного ямба. – Лингвистика и поэтика / Под ред. В. П. Григорьева. М.: Наука. С. 282–308.
- Гаспаров М. Л. 1990. Семантический ореол пушкинского четырехстопного хорея. – Пушкинские чтения: Сборник статей / Сост. С. Г. Исаков. Таллинн: Eesti Raamat. С. 5–14.

⁶ Восприятию текста как целостного («неделимого») способствует отчасти и синтаксис: первые 8 стихов (т. е. $\frac{3}{4}$ текста) представляют собой одну синтаксическую конструкцию.

- Гаспаров М. Л. 1999. Метр и смысл: Об одном механизме культурной памяти. М.: РГГУ.
- Доценко С. 2005. К проблеме взаимосвязи ритма и смысла: «Отчет» об одном стихотворении В. Брюсова. – *Toronto Slavic Quarterly*. No 14. [URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/14/dotsenko14.shtml>]
- Лермонтов М. Ю. 1957. Сочинения: В 6-ти тт. Т. 6. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР.
- Пушкин А. С. 1977. Буря. – Полн. собр. соч.: В 10-ти тт. Изд. 4-е. Т. 2. Л.: Издательство «Наука». С. 261.
- Пушкин А. С. 1978. Евгений Онегин: Роман в стихах. – Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10-ти тт. Т. 5. Л.: Издательство «Наука». С. 5–184.
- Тарановски К. 1953. Руски дводелни ритмови: I–II. Београд: Српска академија наука.
- Тарановский К. 2010. Русские двусложные размеры: Статьи о стихе / Под ред. В. Тарановской-Джонсон, Дж. Бейли, А. В. Прохорова. Пер. с сербского В. В. Сонькина. М.: Языки славянской культуры.

REFERENCES

- Bezrodnyj, M. “Slepoi’ Khodasevicha: Opyt analiza prostogo stikhotvorenia.” In *Kul’tura russkoi diaspory: Emigratsia i memuary. Sbornik statei*, 205–08. Tallinn: Tallinnskii universitet, Institut slavianskikh iazykov i kul’tur, 2009.
- Gasparov, M. L. “Semanticheskii oreol metra: K semantike russkogo trekhstopnogo iamba.” In *Lingvistika i poetika*. Edited by V. P. Grigor’ev, 282–308. Moscow: Nauka, 1979.
- . “Semanticheskii oreol pushkinskogo chetyrehstopnogo khoreia.” In *Pushkinskie chteniia: Sbornik statei*. Edited by S. G. Isakov, 5–14. Tallinn: Eesti Raamat, 1990.
- . *Metr i smysl: Ob odnom mekhanizme kul’turnoi pamiaty*. Moscow: RGGU, 1999.
- Dotsenko, S. “K probleme vzaimosvazi ritma i smysla: ‘Otchet’ ob odnom stikhotvorenii V. Briusova.” *Toronto Slavic Quarterly* 14 (2005). Accessed November 1, 2021. <http://sites.utoronto.ca/tsq/14/dotsenko14.shtml>
- Lermontov, M. Iu. *Sochineniia*. 6 vols. Vol. 6. Moscow; Leningrad: Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR, 1957.
- Pushkin, A. S. “Buria.” In *Polnoe sobranie sochinenii*. 10 vols. 4th ed. Vol. 2, 261. Leningrad: Izdatel’stvo “Nauka,” 1977.

- . *Evgenii Onegin: Roman v stikhakh*. In *Polnoe sobranie sochinenii*. 10 vols. 4th ed. Vol. 5, 5–184. Leningrad: Izdatel'stvo "Nauka," 1978.
- Taranovski, K. *Ruski dvodelni ritmovi: I–II*. Belgrade: Srpska akademija nauka, 1953.
- Taranovskii, K. *Russkie dvuslozhnye razmery: Stat'i o stikhe*. Edited by Vida T. Johnson, James Bailey and A. V. Prokhorov, translated from the Serbian by V. V. Sonkin. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2010.

«ВОЕННЫЕ РАССКАЗЫ» М. КУЗМИНА: ПОПЫТКА РЕИНТЕРПРЕТАЦИИ

А. С. Пахомова
(Тарту / С.-Петербург)

Небольшая книжка М. Кузмина «Военные рассказы», состоящая из восьми новелл и украшенная обложкой работы С. Ю. Судейкина, вышла в издательстве «Лукоморье» в мае 1915 г. Ранее семь рассказов из сборника были опубликованы на страницах популярных изданий: два – в «Биржевых ведомостях», три – в «Лукоморье» и по одному в «Аргусе» и «Огоньке».

В исследовательской традиции «Военным рассказам» не уделялось большого внимания¹: в основном они рассматривались как неудачная в творческом отношении попытка Кузмина встроиться в общее патриотическое движение, создав актуальную литературу «на случай». В. Ф. Марков прямо называл начало 1910-х гг. «халтурным» периодом кузминской прозы (Марков 1984: XIII). По мнению биографов писателя, «Военные рассказы» по большей части не выходят на тот уровень, который был привычен для Кузмина в предшествующие годы» (Богомолов, Малмстад 2013: 231). Одной из причин такой оценки стало представление исследователей о середине 1910-х гг. как о периоде кризиса писателя, последовавшего за успехом 1900-х гг. и предвещавшего творческий расцвет более позднего времени.

Однако нельзя не заметить, насколько такая оценка зависит от знания других периодов творческой жизни автора. 1910-е гг. традиционно выпадают из кузминоведения, сосредоточенного в основном либо на ранних текстах писателя – цикле «Александрийские песни» (1906), романе «Крылья» (1906), сборнике «Сети» (1908), – либо на поздней лирике, сборнике «Форель разбивает лед» (1929).

¹ Возможно, единственным исключением является диссертация Granoien 1981, где «Военным рассказам» уделена небольшая глава.

Получается, что почти двадцать лет насыщенной творческой жизни Кузмина оказываются вне поля зрения исследователей.

Критики, рецензируя кузминскую прозу этого периода, также выносили неутешительные суждения о ней: «Кузмин охотно предлагает читателю небрежную, милую болтовню своих скучающих героев. Но как простой, бесхитростный рассказчик петроградских историй, Кузмин не лишен интереса: в его рассказах есть занятность, с привкусом своеобразной пряности» (Камур 1915: 153); «Сюжеты “Военных рассказов” <...> сентиментальны, выдуманы, грубо-тенденциозны. Это переложенные на военные темы святочные рассказы, те самые рассказы о замерзшем мальчике и раскаявшемся под Рождество воре, над которыми так охотно издеваются юмористы. Издевался, верно, с высоты своего эстетического дуазо и г. Кузмин, пока не пришла необходимость тужиться и измышлять такую же третьесортную беллетристическую вермишель» (Б. п. [А. Г. Горнфельд] 1915: 317–318). Такая оценка подводит к мысли о том, что в эти годы писатель действительно переживал кризис творчества.

Но одновременно факты говорят нам нечто иное. К началу 1917 г. Кузмин был знаменитым писателем, автором трех сборников стихов, рассказов и пьес, а также романов, отметившим в 1916 году десятилетие своей литературной деятельности. К этой дате были приурочены несколько значительных для формирования славы Кузмина текстов. В статье В. М. Жирмунского «Преодолевшие символизм» (1916) Кузмин был назван одним из «самых больших поэтов наших дней» (Жирмунский 1928: 280). Поэту «такого значения и масштаба» была посвящена большая статья Е. А. Зноско-Боровского в «Аполлоне» (см.: Зноско-Боровский 1917: 25–44). Выходит, что писатель, переживавший, со слов критиков и впоследствии биографов, кризис творчества, все равно оставался известной и значительной фигурой в кругу модернистов, у массового читателя и даже у будущих литературоведов-формалистов. В настоящей статье мы попытаемся обойти сложившуюся рамку восприятия «Военных рассказов» как тенденциозной и незначительной литературы и взглянуть на них как на этап в

формировании особого творческого метода и становлении репутации Кузмина.

*

Появление «Военных рассказов» легко поддается интерпретации как стремление Кузмина встроиться в общее патриотическое движение начала Первой мировой войны. Позиция писателя-модерниста, чутко откликающегося на события, происходящие в России и в мире, разделяющего проимперские взгляды и осуждающего немецкое вторжение, была наиболее прогрессивной в это время: в ура-патриотической манере писали Ф. Сологуб, Вяч. И. Иванов, Н. С. Гумилев, В. Я. Брюсов и др. Кузмин также воспринял большинство идеологем эпохи, что отразилось в его творчестве.

К примеру, в № 6–7 «Аполлона» за 1914 г. Кузмин помещает статью «Аналогия или провидение? (О А. С. Хомякове как поэте)». Обращаясь к творчеству и общественной позиции славянофила, Кузмин отмечает, что тот задал «как бы целую программу, если не политическую, то духовную, культурную и психологическую» (Кузмин 2000: 20), имея в виду его идею об особой миссии России среди других европейских народов. Апология славянофильских идей была общим местом официальной риторики, подхваченной модернистами (об этом см.: Hellman 2018: 86–122). К примеру, в этом же номере «Аполлона» появились стихи С. К. Маковского «Война. Посвящается памяти А. С. Хомякова» со строками, под которыми вполне мог подписаться и Кузмин: «Священны бури мировые, / И дивен жребий твой, Россия, / Многострадальная жена! / Как встарь, свой подвиг совершая, – / Славян заступница святая – / Ты победишь. Ты призвана» (Маковский 1914: 5).

С началом войны в публицистике Кузмина начинают отчетливее звучать антигерманские идеи. Осуждая немецкую жестокость на занятых территориях, Кузмин переносит свое отношение на немецкую культуру в целом и описывает ее как косную, преисполненную милитаристским пафосом и пренебрегающую традиционными нормами морали:

Мы видим пример, к чему приводит культура, где вместо твердости – упрямство, вместо рыцарства – солдатчина, вместо силы – бессмысленная жестокость, вместо величия – вагнеровский балаган, вместо культуры – усовершенствованные уборные. А между тем этот мираж держал всех в плену, особенно нас, привыкших смотреть на все искусство через немецкие очки («Раздумья и недоумения Петра Отшельника», 1914. – Кузмин 2000: 360–361).

Смена отношения к немецкому наследию была следствием войны. Страна, долгие годы воспринимавшаяся как колыбель культуры, дискредитировала себя, развязав мировую бойню, результатом чего стала переоценка стереотипа о сдержанности и образованности немцев. Вторжению в Бельгию в августе 1914 г. сопутствовали ряд кровопролитных сражений и безжалостность немцев к мирному населению, о чем быстро становилось известно европейской и российской прессе (Hellman 2018: 63–68). Кузмин перемещает действие одного из своих «военных рассказов» – «Серенада Гретри» – в бельгийские локации, демонстративно ставя под ним датировку «август 1914 г.». Бомбардировка и разрушение немецкой армией Реймского собора (см. об этом: Hellman 2009), наиболее известный пример «немецкого варварства», вызвал европейский резонанс, скоро пришедший и в русскую литературу – стоит вспомнить, к примеру, рассказ Ф. Сологуба «Острие меча». Кузмин откликнулся на происшествие стихотворением «Вы можете разрушить башни...» с дидактичными строками «Испепеляйте, грабьте, жгите! / Презренье вам ответ – не страх» (Кузмин 2006: 67).

Одним из основных литературных жанров первых военных лет стал небольшой рассказ из военной или тыловой жизни: он предоставлял возможность, не прибегая к сложным повествовательным формам, обратиться к актуальным событиям, а также давал широкий простор для морализаторства. Военная литература сосредоточилась на судьбе обычного человека на войне, в чем можно видеть влияние «Севастопольских рассказов» Л. Н. Толстого (см.: Иванов 2005: 209). Изображение войны вне войны – характерная особенность «Военных рассказов» Кузмина. Действие в них протекает вдали от непосредственных боев – в тылу («Третий

вторник»), перед отправкой на фронт («Пятеро путешественников»), в отдаленных от войны местах («Ангел северных врат», «Кирикова лодка»). Единственный рассказ, действие которого связано с полем битвы – «Два брата», – имеет сюжетную лакуну в месте описания боя: героя оглушают в самом начале сражения, и он приходит в себя уже в госпитале.

Несложен и положенный в основу кузминских рассказов пафос: его протагонисты, переживая происходящее с ними, меняются внутренне, обретая в экстраординарных ситуациях утраченные нормы морали². Внутреннюю силу чувствуют героини «Правой лампочки», «Третьего вторника» и «Серенады Гретри»; в святочном рассказе «Ангел северных врат» пришедшее из ниоткуда спасение оказывается божьим промыслом и т. д. Нехитрая мораль помещается в финал рассказов, как, например, в последние строки «Двух братьев»:

- ...теперь я знаю, как быть счастливой!
- Думать о других?
- Нет. Это похоже на мораль. Но давать всем приближающимся нужное им счастье. Любить их (Кузмин 1984–1990, 5: 347)³.

Типичной чертой «военных рассказов» была их циклизация: сборники «военных рассказов» опубликовали Сологуб («Ярый год», 1916), Тэффи («Зарево битвы», 1915) и многие другие. В издательстве «Лукоморье» вышел специальный сборник «Лукоморье. Сб. 1. Военные рассказы» (1915), в который вошел и один рассказ Кузмина («Обыкновенное семейство», 1915).

Как кажется, у нас есть все основания солидаризироваться с мнением критика «Русских записок» о типичности прозы Кузмина:

² Общую усталость читателей и критиков от этой сюжетной схемы выразил А. А. Измайлов: «Надо всеми иными сейчас господствует одна “умственная” идея – война перерождает. <...> но почему обязателен этот психологический примитив. Почему ничего более сложное, более оригинальное не приходит в творческие умы беллетристов» (Измайлов А. А. Литература и драма. – Биржевые ведомости. 1915. № 14972. 18 июля. Веч. вып. С. 4).

³ Здесь и далее проза Кузмина цитируется по этому изданию с указанием в тексте в скобках номера тома и номера страницы.

«Военные рассказы» г. Кузмина кажутся нам чрезвычайно типичными для современной военной беллетристики. <...> Требовались поскорее и в значительном количестве рассказы и повести, ура-патриотические, шовинистические, в одну сторону обличительные, в другую панегирические, с наступательным фронтом и сентиментальным тылом, без колебаний и оттенков; время военное. И литература откликнулась на этот спрос с готовностью и быстротой (Б. п. [А. Г. Горнфельд]: 317).

Перед нами будто бы та литература, которая не таит в себе никаких загадок и исчерпывающе может быть описана через магистральные тенденции своего времени.

Однако такой ответ не приоткрывает все тайны «Военных рассказов». Патриотизм, энтузиазм и обличительный пафос в литературе могли выражаться многими способами. Сам Кузмин прибегал к нескольким: в то время как его проза появлялась на страницах популярных еженедельных изданий, стихотворения, посвященные войне, выходили в «Аполлоне». Творчество автора словно расслаивается на небольшую часть, предназначенную для узкого круга, и более значительную, адресованную широкому читателю.

Это обстоятельство выглядит тем более интересным, если мы будем учитывать литературную репутацию Кузмина, сформировавшуюся к началу 1910-х гг.⁴ Дебютировав сперва подчеркнуто эстетскими, адресованными аудитории «Весов» «Александрийскими песнями», Кузмин закрепил свой успех публикацией скандальных и философских «Крыльев». Однако несмотря на свою славу, к началу 1910-х гг. Кузмин все-таки не был широко известным писателем, ассоциируясь больше с кругом символистских изданий. Поэтому появление малой прозы и выход к широкому читателю нуждаются в дополнительном осмыслении.

К моменту написания и публикации «Военных рассказов» в творчестве Кузмина набирали силу сразу несколько параллельных процессов. Во-первых, росло число его прозы. С 1910 по 1917 гг. вышли всего два сборника стихотворений («Осенние озера», 1912;

⁴ О становлении этой репутации см.: Пахомова 2021: 22–40.

«Глиняные голубки», 1914), но в то же время – около девяти десятков прозаических текстов Кузмина (как рассказов, объединенных в сборники, так и романов). Наиболее интенсивно Кузмин писал прозу в 1915–1916 гг. – примерно по двадцать рассказов ежегодно. При этом большие формы (роман, повесть, хроника) заметно уступают в эти годы малым – небольшой повести, новелле, рассказу.

Во-вторых, с 1912 г. писатель стал публиковать свои рассказы в еженедельниках и газетах, таких как «Нива», «Аргус», «Огонек», «Сатирикон», «Биржевые ведомости» и даже в «Лукоморье», имевшем весьма сомнительную репутацию. Общими чертами этих изданий были их массовость, доступность широкой аудитории и отсутствие единой идеологической и эстетической платформы. Переход в новые журналы был стимулирован общим состоянием модернистской периодики: уже в 1909 г. закрылись «Перевал», «Весы» и «Золотое руно», с которыми Кузмин долгое время сотрудничал. Из его прежних мест публикации остался только «Аполлон» – продолжая отдавать туда свои стихи и критику, основной площадкой для своей прозы Кузмин делает популярные издания. Переходя в них, Кузмин, разумеется, утрачивал часть своей репутации отстраненного от быта эстета, поэта-символиста. Но в то же время писатель, уже имея некоторую известность, стремился распространить ее на более широкие круги, стать узнаваемым и популярным, что для писателя было, по всей видимости, довольно важно. Так, в разгар критической кампании против «Крыльев» летом 1907 г. Кузмин пишет письмо В. Ф. Нувелю: «...Вы думаете, что я уничтожен всеми помоями, что на меня выливают со всех сторон (и “Русь”, и “Сегодня”, и “Стол<ичное> утро”, и “Понед<ельник>”)? Вы ошибаетесь. Приятности я не чувствую, но tu l’as voulu, Georges Dandin <Ты этого хотел, Жорж Данден – *фр.*>» (Богомолов 1995: 267). Разумеется, можно говорить и о «коммерческом повороте»: Кузмина очевидно интересовала и гонорарная сторона писательства, а популярные журналы давали ему возможность извлечь из своей известности максимальную выгоду.

Наконец, и в самой кузминской прозе произошли трансформации. Взамен пространного повествования, скрупулезно

стилизованного под литературу разных эпох (авантюрный роман – «Приключения Эме Лебефа», 1907; средневековая хроника – «Подвиги великого Александра», 1909 и др.), Кузмин сосредоточился на небольшой по объему односюжетной повести или рассказе. Основной тенденцией прозы этого периода можно назвать упрощение как сюжета, так и языка.

Писатель начинает осваивать жанр короткой новеллы с пуантом, стремящейся к анекдоту. Если такие рассказы и повести, как «Ванина родинка» (1912), «Покойница в доме» и «Капитанские часы» (1913), «Шар на клумбе» и «Набег на Барсуковку» (1914) еще представляют собой сложные, развернутые повествования, то со временем в кузминской прозе начинает преобладать жанр новеллы, действие которой происходит в современной автору России. Таковы истории о господине, несчастливом в поиске дам («Летний сад», 1913), об обманувшейся в матримониальных намерениях своего возлюбленного женщине («Платоническая Шарлотта», 1914), о мужчине, принявшем кредитора интересной ему дамы за своего соперника («Соперник», 1914), святочный рассказ о случайно подслушанном разговоре из прошлого («Лекция Достоевского», 1913) и др. Отличительной чертой этой миниатюрной прозы становится неожиданная развязка – говоря словами В. Ф. Маркова, «в конце происходит не то и не так; или, наоборот, ничего не происходит, хотя что-то ожидалось; или же происходит и “то”, и “так”, но не “потому» (Марков 1984: XIV).

Идейная доминанта этих рассказов – стремление охватить жизнь обычного человека как в мелочах, так и в глубоких чувствах. Для их осмысления Кузмин вырабатывает новую повествовательную манеру. Установка на способ повествования, характерная для его ранних стилизаций, остается, однако предмет существенно трансформируется: Кузмина начинает интересоваться язык обывателей. Писатель осваивает различные нарративные маски: ребенка («Высокое окно»), женщины («Измена», 1915), жителя уездного городка («Капитанские часы», 1913) и др. Языковую организацию его рассказов определяет установка на диалог с читателем, реализуемая посредством отсылки к общим референтам,

установлением и поддержанием контакта. Этому способствуют маркеры, разрушающие иллюзию фикционального повествования:

Не думайте, что я так подробно живописую госпожу Захарчук безо всякой цели и что я таким же образом буду поступать с каждым новым персонажем моей повести. Боже упаси! зачем мне так злоупотреблять терпением читателя, да и моим собственным? например, я не останавливался же на реалисте и горничной, и вы даже никогда не узнаете, чем кончилась их история («Капитанские часы», 1913. – 8, 315).

Узнаваемый повседневный язык, бытовые происшествия, разворачивающиеся в современных реалиях, в перспективе вели к тому, чтобы минимально сократить дистанцию между автором и его читателем. (Однако при этом нельзя говорить об однозначном опрощении Кузмина – несмотря на выбранную нарративную маску, в рассказы вводятся и приемы модернистской прозы, например, металитературная игра в рассказе «Капитанские часы» (1913): упоминание «Героя нашего времени» и «Поединка» на первой странице повести о быте военных формирует определенную рецептивную рамку, которую дальнейшая история то подтверждает, то разрушает.) Такая проза едва ли чувствовала бы себя свободно на страницах «Аполлона» – ей нужен был соразмерный читатель, которого больше интересовали «Лукоморье» или «Аргус».

Изменения в кузминской стратегии отметили некоторые современники, восприняв смену и жанровых предпочтений, и мест публикации скорее негативно. Рецензентов (а вероятно, и читателей) удивило, что автор, известный своими стилизациями, один из главных эстетов своего времени, внезапно начал выступать в жанре анекдота: «Поразительно, как быстро спал с Кузмина налет новаторства и эстетизма, и как ясно выявилось ныне его настоящее лицо – лицо неглупого обывателя, занятно рассказывающего недурные анекдоты» (Левидов 1917: 308). Пренебрежительные отзывы о новой манере Кузмина можно встретить не только в критике, но и в эго-документах эпохи. Например, в письме П. О. Богдановой-Бельской (Гросс) Б. Г. Бергу от 3–4 апреля 1915 г. содержится

довольно негативная оценка тогдашнего творчества Кузмина: «Мое писание не ладится совсем, так как опять-таки наша любовь надолго уничтожила свежесть моей души, да и вообще ее всю, что я могу писать все о том же и том же мучительном. А быть фотографом, каким стал теперь Кузмин, я считаю унижительным для своего художественного чутья» (цит. по: Соболев 2017: 126).

Происходящие изменения в кузминской прозе можно объяснить, если вспомнить его программную статью «О прекрасной ясности. Заметки о прозе» (1910), одним из ключевых положений которой стала необходимость строгого соответствия темы выбранному для ее изложения языку. Соразмерность языка сюжету, по мнению Кузмина, гармонизирует повествование, – следовательно, в небольшой современной истории нет нужды прибегать к сложным повествовательным схемам или языковым украшениям. Рассказ из теперешней жизни будет воздействовать на читателя только в том случае, если будет изложен языком этой жизни. Простота художественной задачи сама по себе не объявляется предосудительной – осуждения заслуживает лишь неподходящая для ее воплощения форма:

Что же сказать про бытовую московскую историйку, которая была бы одета в столь непонятный, темный космический убор, что редкие вразумительные строчки нам казались бы лучшими друзьями после разлуки? Не сказал ли бы подозрительный человек, что автор пускает туман, чтобы заставить не понять того, в чем и понимать-то нечего? Это несоответствие формы с содержанием, отсутствие контуров, ненужный туман и акробатский синтаксис могут быть названы <...> безвкусием (Кузмин 2000: 6).

В поисках наиболее гармоничной прозаической традиции Кузмин обращается к русским прозаикам прошлого, выделяя Островского, Мельникова-Печерского «...и особенно Лескова – эту сокровищницу русской речи, которую нужно бы иметь настольной книгой наравне с словарем Даля» (Там же). Отметим, что в этот перечень попадают авторы, большое внимание уделявшие языковой организации своих произведений. Из западных традиций Кузмин склоняется к

французской, отмечая, что в ней всецело «...развит *аполлонический* <курсив автора. – А. П.> взгляд на искусство: разделяющий, формирующий, точный и стройный» (Там же: 7). Особенно Кузмин выделяет Франса, как его язык («он во всем – прекрасный стилист, и в статьях, и в современных романах, и в чем угодно. Это значит, что он сохраняет последнюю чистоту, логичность и дух французского языка, делая осторожные завоевания, не выходя из пределов характера этого языка». – Там же: 8), так и особую лаконичность стиля (в 1910 г., рецензируя пьесу Н. Минского «Малый соблазн», Кузмин отмечает непомерный объем пьесы и тяжелый язык там, где «А. Франс или Р. де Гурмон уронили бы странички три золотой, улыбчивой прозы». – Кузмин 2000: 37).

Как представляется, именно пересечение этих двух влияний объясняет ту форму кузминского рассказа, которая сложилась к середине 1910-х гг. Влиянием Франса можно объяснить постепенное сокращение объема рассказа, выдвигание в его центр одного яркого события, разрешающегося парадоксальной концовкой (пуантом), а также появление характерных экспозиций. Часто используемым приемом становится сокращение завязки, которая нередко редуцируется до одной фразы, в которой называются герои и намечаются отношения между ними: «Мой приятель Поль был отнюдь не провинциал, не наивный человек и даже не особенно молод, будучи моим сверстником; единственной его странностью была чрезмерная впечатлительность...» («Летний сад», 1913. – 8, 357), «Иван Иванович Иванов старший был знакомым еще моего отца. Он где-то служил, на ком-то был женат и имел сына Ванечку» («Любви господ Ивановых отца и сына», 1914. – 8, 362).

Такая завязка является отличительной приметой новеллистики Франса: «В кабачке, когда мы кончали обедать, Лабуле сказал...» («Адриенна Бюке». – Франс 1957–1960: 5, 216), «Окончился срок найма, и г-н Бержере с сестрой и дочерью собрался переезжать из старого обветшавшего дома на Сенской улице во вполне современную квартиру на улице Вожирар» («Рике». – Там же: 190), «Говорили о сне и сновидениях, и Жан Марто сказал, что один сон оставил неизгладимое впечатление в его душе» («Жан Марто». – Там

же: 247) и др. Мгновенное введение читателя в художественный мир создает впечатление того, что изложенные события буквально выхвачены из потока жизни, а посредничество рассказчика, биографически близкого (но не равного) автору, усиливает эффект правдоподобия. Позднее, переводя отдельные новеллы Франса в 1920-х гг., Кузмин сохранит особенности экспозиции автора: «Ортер, основатель “Звезды”, политический и литературный редактор “Национального обозрения” и “Иллюстрированного нового века”, – Ортер, приняв меня, сказал из глубины своего редакторского кресла...» («Эдме, или Благодеяние кстати». – Франс 1959: 534). Одновременно такое сокращение завязки отсылает и к пушкинской традиции, например, к началу «Пиковой дамы»: «Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова» (Пушкин 1964: 319) (ср. с началом кузминской повести «Покойница в доме»: «Я всегда ставлю на седьмых. Потом смотрю лошадь и жокея». – 4, 5).

Именно о Франсе Кузмин вспомнит в 1914 г., когда напишет одну из своих программных статей этого периода – «Раздумья и недоумения Петра Отшельника». Формальным поводом к ее написанию послужила ситуация военного времени, которая стимулировала запрос на героический и жизнеутверждающий пафос литературы. По мнению Кузмина, такие общественные директивы проистекают из непонимания внутренних законов творчества и ошибочного отождествления его с реальной жизнью:

Последнее время со всех сторон раздаются требования силы от художественных произведений, причем силу понимают в ходячем значении этого слова, как бы забывая, что в искусстве оно имеет другое и значение, и назначение (Кузмин 2000: 363).

Разводя реальность и искусство, Кузмин настаивает на самоценности последнего. По этой причине подлинное произведение искусства не обязано иметь сюжет, непременно связанный с современными событиями, чтобы увлечь, заинтересовать и духовно обогатить читателя, – у него в арсенале есть более тонкие приемы для этого. Кузмин отчасти увлекается очищением искусства от утилитарных требований, указывая на назревшую к середине 1910-х гг. усталость

от замысловатых сюжетных ходов. По его мнению, ими писатели долгие годы пытались подменить духовную и эстетическую слабость своих произведений:

Новизна сюжетов скорее всего изнашивается. Почти все великие произведения имеют избитые и банальные сюжеты, предоставляя необычайные вещам посредственным. Лучшая проба талантливости – писать ни о чем, что так умеет делать Ан. Франс, величайший художник наших дней, недостаточно оцененный за чистоту своего искусства (Кузмин 2000: 363).

Проза, очищенная от избыточного сюжета и показных примет времени, позволяет писателю сосредоточиться на языке – той области, мастерство в которой Кузмин считал наиболее значительным для писателя: «Новизна и “свое” не в том, что вы видите, а каким глазом вы смотрите, – вот что ценно» (Там же: 362).

Отказ от сложного сюжета в совокупности с простотой языка и умением писать «ни о чем» – таков, по Кузмину, рецепт идеальной, художественно совершенной прозы. Такую прозу писал Франс – и такую прозу осваивает в 1910-х гг. Кузмин. Рано или поздно такая стратегия должна была привести автора к моментальному отклику на происходящие события. Им и стали «Военные рассказы», в которых сюжетный уровень редуцирован до минимума, а языковой организации придается важное значение.

Восемь «военных рассказов», составивших книгу, представляют собой типичную новеллу с пуантом: пришедшая на любовное свидание женщина дезинформирует вражеский отряд («Правая лампочка»), неожиданный помощник оказывается ангелом («Ангел северных врат»), а мальчишка, мечтающий о славе, попадает на страницы газеты («Пять путешественников»).

Однако рассказы внутренне неоднородны. В трех новеллах («Пастырь воинский», «Кирикова лодка», «Третий вторник») и без того упрощенная фабула сокращается до минимума. В центре остается событие, почти не значимое для героев, а доминантой становится устная речь, ощущаемая читателем вследствие очевидной нетождественности рассказчика автору. Именно в «Военных

рассказах» Кузмин начинает широко использовать возможности перволичного повествования. Так, «Третий вторник» построен как монолог героини о том, что происходит с ней после отъезда на войну мужа. Редуцирование роли автора как повествовательной инстанции высвечивает внутренний конфликт героини, при этом позволяя не объяснять полностью ее решения и поступки:

Он так боялся, так волновался, что мне сделалось слегка неловко. Он был очень красив, но бесконечно далек. За окном, не переставая, шел дождь. Мне делалось просто скучно. Может быть, Ипполит прав и я разлюбила его, ведь иногда это случается очень неожиданно. Он ждал объяснений, но как объяснить то, чего сама не понимаешь? (5, 82)

В «Правой лампочке» можно найти случай использования несобственно-прямой речи, когда точка зрения героини подспудно вторгается в речь повествователя: «Она была свободна, и Штейн ей начинал нравиться; *притом перспектива длительной и роковой страсти с его стороны ее не только забавляла, но и приводила в волнение*» (5, 329). В центре рассказа «Кирикова лодка» не происшествие – уход молодого человека на войну – а языковая среда описываемого мира старообрядцев и их нравы, эксплицированные через диалоги, занимающие большую часть текста. Языковые неправильности и просторечия воссоздают стихию жизни, а ритм разговорной речи заменяет собой отсутствующий сюжетный:

– Вот погоди, сестре Киликее скажу, она тебе покажет так отвечать. Лестовкой-то отхлещет!

– Сестра Киликея, хоть и осерчает, а хлестать меня не будет.

– Нет, будет.

– С какой стати? Я у нее не под началом еще. Да если бы и была, что же я сделала? Кирика провожала, так что тут худого? все знают, что в Покров он меня возьмет за себя.

– Вешайся ему больше на шею, так и спятится... (5, 322)

Погружение в этот мир происходит через мгновенно устанавливаемый имплицитным рассказчиком диалог с читателем: «Всякий знает, как портовые жители сначала замечают словно кремневый

огонь с далеко стоящих судов и потом уже через полминуты до их слуха дойдет тупой выстрел» (5, 321).

Самым ярким примером нарративной маски можно назвать очерк «Пастырь воинский». Этот рассказ нарочито бессобытиен: о полковом священнике отце Василии рассказывает офицер из одного с ним полка, перечисляя детали облика и черты характера «нашего батюшки». Мы узнаем, что тот носит шляпу на английский манер, любит чай с вареньем, может усовестить разыгравшихся офицеров, соборует собственного племянника. Единственное необычное происшествие, случившееся с отцом Василием (он приводит в плен небольшой отряд), теряется среди многих других, менее интересных и совсем не героических. Отказ Кузмина от сюжета становится идеей рассказа – в центр помещены не подвиги батюшки, а отношение к нему офицера, глазами которого отца Василия видит читатель: «Ничего, что батюшка, вернувшись, будет конфузиться, – придет нужный час, найдет о. Василий горюшку и станет на молитву, видя себя истинным молитвенником» (5, 317).

Редукция сюжета, установка на сказ, а также явная житийная тема, присутствующая в «Пастыре воинском» выявляют ориентацию Кузмина на творчество Лескова, которого он ценил именно за своеобразное использование возможностей устной речи. Одновременно рассказ о священнике усиливает уже присутствующую в сборнике религиозную тему: в «Ангеле северных врат» незнакомец оказывается ангелом; духовное преображение изменяющей мужу жены, произошедшее во вторник, подсвечивается евангельским контекстом притчи о воскресении мертвых (Мф. 22:23–33). Кроме того, на обложку сборника был помещен рисунок ангела, стилизованный в византийской манере. «Лесковский» след в сборнике отметил и А. А. Измайлов в своем отзыве на «Ангела северных врат»: «Но его героине хочется верить в чудо. И не ходит ли все человечество по грани таинственного, и не ждет ли его жадно, в особенности, во дни великих катастроф? Тут мотив. И у Лескова он мог бы выйти недурно»⁵.

⁵ Измайлов А. А. Темы и парадоксы. – Биржевые ведомости. 1915. № 14879. 2 (15) июня. Утр. вып. С. 2.

Одновременно в «Военных рассказах» Кузмин продолжает разрабатывать жанр анекдота. Его новеллы, будучи сюжетно связанными с войной (бегство, засада, смерть), становятся еще более экспрессивными, что особенно заметно в «Ангеле северных врат», «Правой лампочке», «Пяти путешественниках», «Серенаде Гретри». Стремительная смена нескольких событий в рамках одного-двух дней, небольшое число героев и неперенный пуант отличают эту группу рассказов. Отметим также приверженность Кузмина ярким, моментально вводящим в мир повествования, начальным фразам, которые мы возводим к Франсу: «Последний поезд уходил, увозя беглецов из города» («Ангел северных врат». – 4, 283), «Почти забыли, что на дворе август, что в саду г. Блуа ни одного желтого листа, и каждое облачко напоминало пушечные выстрелы на лубочных картинах» («Серенада Гретри». – 5, 297), «Он долго за нею ухаживал, не только летом, но и зимою, и наступившею весною, и новым летом, несмотря на разразившуюся войну» («Правая лампочка». – 5, 329) и др.

Как представляется, в этом случае мы тоже можем говорить о следовании Кузмина французской традиции. Тем более что для этого у него имелись и дополнительные мотивировки. Развязанная немцами война позволила провести параллель между Первой мировой войной и франко-прусской войной 1870–1871 гг. Посвященная этим событиям проза была возвращена в актуальный контекст: к примеру, в 1914 г. в издательстве М. И. Семенова вышла книга «Военные рассказы», в которую вошли произведения О. де Бальзака, А. Доде, Э. Золя, Г. де Мопассана. Отдельно переиздавались рассказы Мопассана и Франса (большие подборки их произведений выходили в миниатюрной «Универсальной библиотеке»). Французская новелла превратилась в один из культурно санкционированных способов рассказа о войне, направленном на самые широкие читательские слои. Например, приложением к «Газете-копейке» выходили адаптированные издания рассказов Мопассана о войне, такие как «Геройский подвиг девушки, убившей германского офицера защищая честь своей родины» – вариация на тему «Мадемуазель Фифи». Петр Южный (настоящее

имя П. М. Соляный) опубликовал сразу несколько брошюр, в которых пересказывал рассказы Мопассана в виде одноактных пьес, рассчитанных на широкого читателя: «Мстительница. Военная миниатюра в 1-м действии (По Мопассану)» (Пг., 1914), «В дни осады. Военный этюд в одном действии (По Мопассану)» (Пг., 1914) и др.

Эта тенденция позволила Кузмину в полную силу развивать те повествовательные особенности, которые уже начали формироваться в его творчестве под влиянием французских новеллистов. В то же время политизация эстетических традиций дала писателю возможность заострить внимание на тех признаках, которые он считал релевантными для художественной литературы – простота, ирония, гармония – и которые прямо возводил к французской культуре:

Может быть, нам яснее теперь будет видно светлое, от Бога радостное искусство Франции, мудрое настоящею мудростью, а не бутафорскими ходулями. <...> Настоящая грандиозная и высокая концепция мира и возвышенное мировоззрение почти всегда приводят к умиленности св. Франциска («Сестрица-вода»), комическим операм Моцарта и безоблачным сатирам А. Франса. Недоразвитые или дурно понятые – к бряцанию, романтизму и Вагнеру («Раздумья и недоуменья Петра Отшельника». – Кузмин 2000: 363).

Эту позицию он адресует и своим персонажам. Певица Жанна Меар («Серенада Гретри») говорит: «Я часто пела Вагнера. Говорят, это – героическое искусство. Это тупо и бездушно и как мелко» (5, 300). Вместо Вагнера она поет непритязательную серенаду французского композитора А.-Э.-М. Гретри, а легкая смерть певицы от немецкой пули знаменует победу над натужным немецким духом.

В предпочтении внутренне энергичных сюжетных схем можно видеть влияние уже не столько Франса, сколько Ги де Мопассана, рассказы которого представляют классический пример новеллы-анекдота: событие, туго стягивающее разнообразные предыстории, заканчивается неожиданной, парадоксальной развязкой. Это типичный ход для новеллистического жанра, однако новаторство

Мопассана, по словам Е. М. Мелетинского, заключалось в том, что французский прозаик первым показал, как экстраординарные события происходят в повседневной жизни, не влияя существенно на ее ход (Мелетинский 1990: 211). Пленение шести прусских солдат в новелле *Les Prisonniers* («Пленные», 1884) не означает окончания войны, хотя организаторы «пленения» и получают награды; убийство двух рыбаков в рассказе *Deux amis* («Два приятеля», 1883) не влечет за собой кары их убийцам и т.д. Схожий прием использует и Кузмин. Художественный мир в его рассказах, претерпевая потрясения, возвращается к исходному состоянию: Ильюша («Пять путешественников»), Леонид Петрович Загорский («Два брата»), Кирик продолжают воевать, несмотря на произошедшие с ними удивительные события.

Однако такой исход не означает, что трансформаций не произошло вовсе. Атмосфера повседневной жизни ярче выявляет героизм и решительные поступки людей, ранее ничем не выделявшихся или, напротив, поступавших вопреки общественным нормам (проститутки в новеллах *Boule de suif* («Пышка», 1880) и *Mademoiselle Fifi* («Мадмуазель Фифи», 1882), изменяющая мужу жена в «Третьем вторнике»). Пуант в новеллах Кузмина, как и в рассказах Мопассана, приобретает нравственное измерение: он обозначает духовное преобразование героев, которые оказываются способны дать врагу отпор. Софья Петровна («Правая лампочка»), случайно послав неверный сигнал вражескому войску, проявляет внутреннее благородство и презрение к врагу, который несколько секунд назад был ее возлюбленным: «Нет, я не знала, я – не героиня. Я благодарю Небо, что через мою слабость так все устроилось, но не могу взять этой чести на себя. Но поверьте: пусть обо мне думают, что хотят, – себя я не пожалею, но и о вас будут знать, что вы за птица!» (5: 333–334). Героиня новеллы «Третий вторник», изменяющая уехавшему на фронт мужу, неспособна продолжать свой адюльтер, поскольку сознает, что ее муж «обыкновенный человек и он – герой» (5: 355). Различные нарративные маски, выбранные автором, усиливают воздействие от «простого» героизма, растворенного в потоке жизни. Моральный пафос кузминской военной прозы накладывается на

оппозицию немецкого духа и французского: победа последнего знаменует восстановление норм традиционной гуманистической этики и обретение поколебленного войной миропорядка.

Хотя кузминская проза не встретила большого сочувствия в прессе 1914–1915 гг., уже в 1920 г. Б. М. Эйхенбаум отметит ее новаторство и оригинальность. В статье «О прозе Кузмина» Эйхенбаум укажет, что суть манеры Кузмина-прозаика – в сочетании «двух линий»: «...изящного, забавного рассказчика, каким он остается в своих мелких вещах, имеющих иногда вид простых анекдотов <...> и загадочного, несколько сумбурного бытописателя, не лишённого тенденциозности, – линии, кстати сказать, характерные и для творчества Лескова» (Эйхенбаум 1987: 350). Система разнородных влияний будет оценена им не как безыскусная поделка, но как особый творческий метод, ведущий к созданию уникальной прозы: «Странное на первый взгляд сочетание Анатоля Франса и Лескова представлено совершенно законным и органическим. Эта новизна сочетаний и традиций делает его <Кузмина. – А. П.> прозу чрезвычайно сложной» (Там же: 348). Отметим Эйхенбаум и роль «Военных рассказов» в становлении этой манеры.

Таким образом, мы вправе вступить в спор с нашими предшественниками и отчасти реабилитировать «Военные рассказы» в кузминоведении. Несмотря на внешнюю простоту и непритязательность повествовательной манеры, дидактичность и ходулность сюжетов, известные обстоятельства появления, военная проза Кузмина – часть его осознанной писательской стратегии.

С одной стороны, своей прозой 1910-х гг. и особенно «Военными рассказами» «элитарный» Кузмин не просто сходит в массовую литературу, но и соглашается играть по ее правилам. Уход писателя от сложных повествовательных жанров и стилизаций вкуче со стремлением к простой и понятной прозе привели его к рассказу, буквально ставшему аналогом популярного газетного жанра «Осколков» или «С натуры» – забавных происшествий, бытовых сценок. Сообразно сборнику анекдотов Кузмин организует свою книгу «Антракт в овраге» (Пг.: Изд. М. И. Семенова, 1916), где группирует рассказы в четыре раздела, названия которых в целом

намечают затронутые автором темы («Мирное житье», «Мамы и дамы», «Смутное житье»). Такая прагматика требовала частых публикаций – и с 1912 до 1916 г. число рассказов Кузмина действительно неуклонно росло.

С другой стороны, Кузмин пытается создать такую прозу, в которой центр тяжести был бы перенесен с изоэпического сюжета или тонкого психологизма на занимательную историю и достоверный язык повествования. Можно говорить о том, что Кузмин стремился вырастить на русской почве жанр особой новеллы, сливая воедино «исконное» (язык) и «привозное» (французскую традицию). Результатом такого синтеза должен был стать рассказ, доступный и интересный максимально широкой аудитории. Несколько лет спустя, в статье 1919 г. «Театр новых пьес» Кузмин будет размышлять об отсутствии в русской драматургии пьес «хорошего второго сорта» – развлекательных и образующих одновременно, но делающих это в легкой, непритязательной манере. В качестве ориентира будет опять выбрана французская традиция:

В России театральная жизнь (обиходная) не вылилась, как на Западе, особенно во Франции, в простое времяпрепровождение. Театральное представление все еще кажется нам не газетным фельетоном, на следующий день забытым, или очередным журнальным романом, а радостью, праздником, поучением. Поэтому у нас отсутствует «хороший второй сорт», между тем как почти весь французский театр XIX века представляет из себя не более как ловко скроенный второй сорт... (Кузмин 2000: 536).

Как нам кажется, стремление создать «хороший второй сорт» в прозе и определило авторскую стратегию Кузмина 1910-х гг. Сложность поставленной задачи явно свидетельствует о том, что ни о каком «опрощении» или «халтуре», о которых говорили исследователи, не может идти речь: писатель чувствовал различные влияния и возможности их приложения. Так, в статье 1914 г. «Как я читал доклад в “Бродячей собаке”» Кузмин намечает «Три пути для прозы: путь простоты (Пушкин), русской цветистости и пышности (Гоголь через Лескова) и путь фильтрованного интеллигентного языка

(Тургенев через Чехова)» (Кузмин 2000: 390). Эти «пути» легко прочерчиваются в прозе самого Кузмина.

«Военные рассказы» позволили Кузмину придать этим поискам дополнительные смыслы: в то время как их пафос и морализм в целом не выделялись на фоне литературной продукции этого времени, их непритязательная, но тщательно продуманная форма должна была художественно воздействовать на читателя и подготавливать почву для жанровых новаций.

В заключение нужно отметить, что сформировавшийся в эти годы жанр станет со временем основным в прозе Кузмина и будет таковым до последних известных его прозаических произведений, написанных в 1920-е гг. Хотя появятся жизнеописание («Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро», 1916), попытка «нового Плутарха», сложный жанр записок («Чешуя в неводе», 1922) и др., большая часть дошедшей до нас прозы Кузмина – это сложившийся в 1910-гг., на пересечении разнородных влияний, вразрез с писательской репутацией, под шквалом прижизненной критики, непонятый исследователями короткий рассказ.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Б. п. [А. Г. Горнфельд] 1915. <Рец. на:> М. Кузмин. Военные рассказы. М. Кузмин. Плавающие-путешествующие. – Русские записки. № 9. С. 317–318.
- Богомолов Н. А. 1995. Переписка <М. А. Кузмина> с В. Ф. Нувелем. – Богомолов Н. А. Михаил Кузмин: Статьи и материалы. М.: Новое литературное обозрение. С. 216–310.
- Богомолов Н. А., Малмстад Дж. Э. 2013. Михаил Кузмин. М.: Молодая гвардия.
- Жирмунский В. М. 1928. Вопросы теории литературы. Л.: „Academia“.
- Зноско-Боровский Е. А. 1917. О творчестве М. Кузмина. – Аполлон. 1917. № 4–5. С. 25–44.
- Иванов А. И. 2005. Первая мировая война в русской литературе 1914–1918 гг. Тамбов: Издательство ТГУ им. Г. Р. Державина.
- Камур С. 1915. <Рец. на:> М. Кузмин. Плавающие-путешествующие. Роман. Издание М. Семенова. 1915 г. цена 1 р. 50 к. – Новая жизнь. № 6. С. 153–154.

- Кузмин М. А. 1984–1990. Проза: [В 12-ти тт]. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties.
- Кузмин М. А. 2000. Проза и эссеистика: В 3-х тт. Т. 3 / Сост., подготовка текста и комментарии Е. Г. Домогацкой, Е. А. Певак. М.: Аграф.
- Кузмин М. А. 2006. Стихотворения. Из переписки / Сост., подготовка текста и примечания Н. А. Богомолова. М.: Прогресс-Плеяда.
- Левидов М. 1917. <Рец. на:> М. Кузмин. Антракт в овраге. Рассказы, т. 8. – Летопись. № 1. С. 308–309.
- Маковский С. 1914. Война (Посвящается памяти А. С. Хомякова). – Аполлон. № 6–7. С. 5.
- Марков В. Ф. 1984. Беседы о прозе Кузмина. – Кузмин М. А. Проза: [В 12-ти тт]. Т. 1. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties. С. VII–XVIII.
- Мелетинский Е. М. 1990. Историческая поэтика новеллы. М.: Наука.
- Пахомова А. С. 2021. Писательская стратегия и литературная репутация М. А. Кузмина в раннесоветский период (1917–1924 гг). Tartu: University of Tartu Press.
- Пушкин А. С. 1964. Пиковая дама. – Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10-ти тт. Изд. 3-е. Т. 6. М.: Издательство «Наука». С. 317–356.
- Соболев А. Л. 2017. Тургенев и тигры: Из архивных разысканий о русской литературе первой половины XX века. М.: Трунь.
- Франс А. 1958. Собр. соч.: В 8-ми тт. / Под общей ред. Е. А. Гунста, В. А. Дынник, Б. Г. Реизова. Т. 5. М.: ГИХЛ.
- Франс А. 1959. Избранные рассказы / Сост. А. С. Кулишер, И. С. Колева, Н. А. Таманцев. Л.: Лениздат.
- Эйхенбаум Б. М. 1987. О литературе: Работы разных лет. М.: Советский писатель.
- Granoien, N. 1981. Mixail Kuzmin: An Aesthete's Prose. Unpublished PhD dissertation. Los Angeles: UCLA.
- Hellman, B. 2009. Реймский собор разрушен! Об одном мотиве в русской литературе времен Первой мировой войны. – Hellman, B. Встречи и столкновения: Статьи по русской литературе. Meetings and Clashes: Articles on Russian Literature. Helsinki: Department of Slavonic and Baltic Languages and Literatures. С. 30–42 (Slavica Helsingiensia. [Vol.] 36).
- Hellman, B. 2018. Poets of Hope and Despair: The Russian Symbolists in War and Revolution, 1914–1918. Second Revised Edition. Leiden; Boston: Brill.

REFERENCES

- Anonymous [A. G. Gornfel'd]. Review of *Voennye rasskazy* and *Plavaiushchie-puteshestvuiushchie*, by M. Kuzmin. *Russkie zapiski* 9 (1915): 317–18.
- Bogomolov, N. A. “Perepiska [M. A. Kuzmina] s V. F. Nuvelem.” In *Mikhail Kuzmin: Stat'i i materialy*, 216–310. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1995.
- Bogomolov, N. A. and J. E. Malmstad. *Mikhail Kuzmin*. Moscow: Molodaia gvardiia, 2013.
- Eikhenbaum, B. M. *O literature. Raboty raznykh let*. Moscow: Sovetskii pisatel', 1987.
- France, A. *Izbrannye rasskazy*. Edited by A. S. Kulisher, I. S. Koleva and N. A. Tamantsev. Leningrad: Lenizdat, 1959.
- . *Sobranie sochinenii*. 8 vols. Edited by E. A. Gunst, V. A. Dynnik and B. G. Reizov. Vol. 5. Moscow: GIKhL, 1958.
- Granoien, N. *Mixail Kuzmin: An Aesthete's Prose*. Unpublished PhD diss. UCLA, 1981.
- Hellman, B. “Reimsskii sobor razrushen! Ob odnom motive v russkoi literature vremen Pervoi mirovoi voiny”. In *Vstrechi i stolknoveniia: Stat'i po russkoi literature. Meetings and Clashes: Articles on Russian Literature*, by Ben Hellman. *Slavica Helsingiensia*. Vol. 36, 30–42. Helsinki: Department of Slavonic and Baltic Languages and Literatures, 2009.
- . *Poets of Hope and Despair: The Russian Symbolists in War and Revolution, 1914–1918*. 2nd rev. ed. Leiden and Boston: Brill, 2018.
- Ivanov, A. I. *Pervaia mirovaia voina v russkoi literature 1914–1918 gg*. Tambov: Izdatel'stvo TGU im. G. R. Derzhavina, 2005.
- Kamur, S. Review of *Plavaiushchie-puteshestvuiushchie*, by M. Kuzmin. *Novaia zhizn'* 6 (1915): 153–54.
- Kuzmin, M. A. *Proza*. 12 vols. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1984–1990.
- . *Proza i esseistika*. 3 vols. Edited by E. G. Domogatskaia and E. A. Pervak. Vol. 3. Moscow: Agraf, 2000.
- . *Stikhotvoreniia. Iz perepiski*. Edited by N. A. Bogomolov. Moscow: Progress-Pleiada, 2006.
- Levidov, M. Review of *Antrakt v ovrage. Rasskazy*, by M. Kuzmin. *Letopis'* 1 (1917): 308–09.
- Makovskii, S. “Voina (Posviashchaetsia pamiati A. S. Khomiakova).” *Apollon* 6–7 (1914): 5.

- Markov, V. F. "Besedy o proze Kuzmina." In *Proza*, by M. A. Kuzmin. 12 vols. Vol. 1, VII–XVIII. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1984.
- Meletinskii, E. M. *Istoricheskaia poetika novelly*. Moscow: Nauka, 1990.
- Pakhomova, A. S. *Pisatelskaia strategii i literaturnaia reputatsia M. A. Kuzmina v rannesovetskii period (1917–1924 gg.)*. Tartu: University of Tartu Press, 2021.
- Pushkin, A. S. "Pikovaia dama." In *Polnoe sobranie sochinenii*. 10 vols. 3rd ed. Vol. 6, 317–56. Moscow: Izdatel'stvo "Nauka," 1964.
- Sobolev, A. L. *Turgenev i tigry: Iz arkhivnykh razyskanii o russkoi literature pervoi poloviny XX veka*. Moscow: Truten', 2017.
- Zhirmunskii, V. M. *Voprosy teorii literatury*. Leningrad: Academia, 1928.
- Znosko-Borovskii, E. A. "O tvorchestve M. Kuzmina." *Apollon* 4–5 (1917): 25–44.

ЕЩЕ РАЗ ОБ АНДЕРСЕНОВСКОМ СЛЕДЕ В РОМАНЕ В. НАБОКОВА «КОРОЛЬ, ДАМА, ВАЛЕТ»

О. В. Проскурова-Тимофеева
(Рига)

«Тени» сказок Ханса Кристиана Андерсена в набоковских текстах не раз притягивали исследовательский взгляд¹. Порой следы были путаны, но «читались» внимательным глазом². В случае второго «русского» романа Владимира Набокова «Король, дама, валет» (1928) связь с одноименной сказкой датского писателя, напротив, смущала исследователей непривычной прямолинейностью. Вероятно, по этой причине намек на Андерсена неизменно делался с оговорками, чаще всего со ссылкой на основной источник этой версии – цитату из первой книги Эндрю Филда (Andrew Field) о Набокове “Nabokov: His Life in Art. A Critical Narrative” (1967):

The source of the novel’s title is a posthumously published tale of Hans Christian Andersen with the same title. Andersen’s *King, Queen, Knave* was written in 1868, but certain of his friends thought it too revolutionary and persuaded him not to publish it. It appeared in Russian translation in *The Rudder* in February, 1927; Nabokov began to write his novel in July of the same year and finished it in June, 1928. The plot of the Andersen fable – it is a tale of palace revolution – has no bearing on the novel. What *obviously* <выделено мной. – О. П.-Т.> caught Nabokov’s attention was the manner in which the tale is told: all of its characters are paper figures living in a house of cards, and *King, Queen, Knave* is a novel of substantial length done in just this “two-dimensional” fashion

¹ См., к примеру: Meyer, Hoffman 1997: 197–221; Белобровцева 2000: 76–90; Collins 2005: 77–100; Moudrov 2010: 60–73.

² См. комментарий к роману «Подвиг» (с благодарностью авторов Омри Ронену) о сказке Андерсена «Оле-Лукойе»: Долинин, Утгоф 2006: 718. См. также: Долинин 2004: 84; Набоков 2004: 384–385; Набоков 2008: 194; Nabokov 1999: 62–63.

(Field 1967: 153; [Источником названия романа является посмертно опубликованная сказка Ханса Кристиана Андерсена с таким же названием. «Король, дама, валет» Андерсена написана в 1868 году, но некоторые из его друзей сочли сказку слишком революционной и убедили автора не публиковать ее. В русском переводе она появилась в «Руле» в феврале 1927 года; Набоков начал писать свой роман в июле того же года и закончил его в июне 1928 года. Сюжет произведения Андерсена – сказка о дворцовой революции – не имеет отношения к роману. Что *очевидно* <выделено мной. – О. П.-Т.> привлекло внимание Набокова, так это манера, в которой рассказана сказка: все ее персонажи – бумажные фигурки, живущие в карточном домике, а «Король, дама, валет» – это крупный роман, сделанный именно таким «двухмерным» образом <Здесь и далее перевод мой. – О. П.-Т.>]³.

Действительно, русский перевод сказки Андерсена под названием «Король, дама и валет» и подзаголовком «Неизданная сказка Г.-Х. Андерсена» был напечатан в воскресном – расширенном – номере берлинской газеты «Руль» 20 февраля 1927 года. Публикация сопровождалась небольшим предисловием:

Датскому историку литературы Юлиусу Клаузену посчастливилось найти неопубликованную досель сказку знаменитого Г. Х. Андерсена. Сказка эта о карточных фигурах была написана в 1868 году,

³ Позднее версию Филда, с прямой ссылкой или без оной на его книгу 1967 г., исследователи рассматривали с разной степенью осторожности, ср., напр.: Toket 1989: 57; Костанди 2000: 247–248; Рогачевский 2000: 284; Семенова, 2001: 657 и др. Нора Букс в своей статье 1987 г. отметила несостоятельность предположения Филда (« A. Field fait allusion dans son livre à cet aspect ludique (le jeu de cartes), mais en attribue à tort l'origine à l'œuvre de K. Andersen, écrite en 1868 et portant le même titre » (Buhks 1987: 802; [«Э. Филд ссылается в своей книге на этот игровой аспект (карточную игру), но ошибочно приписывает его происхождение произведению Х. К. Андерсена, написанному в 1868 г. и носящему такое же название»]), а в 1998 г. аргументировала свое несогласие с «андерсеновской» версией Филда так: «А. Филд в своей книге связывает название романа с картами, что слишком очевидно для набоковской поэтики» (Букс 1998: 44). О сказке Андерсена в связи с работой Набокова-Сирина над романом «Король, дама, валет» в 1927–1928 гг. не говорится в примечаниях к этому тексту в собраниях сочинений на русском языке (ср.: Дарк 1990: 413, Полищук 2009: 697–699), а также не упоминается в: Boyd 1990: 274–283; Connolly 1995: 203–214; Grayson 1977: 90–118; Proffer 1970: 293–309.

когда датский сказочник гостил в Кельнѣ. Друзья Андерсена сочли сказку слишком революционной и посоветовали писателю, чтобы онъ ее не опубликовывалъ⁴.

В конце публикации указывалось: «Перевелъ Ал. Дейчъ»⁵. Это позволяет предположить, что «Руль» перепечатал текст Андерсена из московского журнала «Огонек», где всего двумя неделями ранее был опубликован перевод Александра Дейча. Приведенное выше предисловие также было перепечатано берлинской газетой из советского журнала слово в слово (но по правилам старой орфографии)⁶, за исключением последнего предложения: «Поэтому это произведение Андерсена, столь характерное для поэта по своему стилю и образам, *только теперь* <курсив мой. – О. П.-Т.> появляется в печати»⁷.

Это утверждение не было верным: годом ранее перевод «неопубликованной детской сказки Андерсена» под заголовком «Король, дама, валет» уже печатал ленинградский журнал «Мир приключений» (пер. с датского Н. Кочкарева). Вступительное слово редакции добавляло штрихов к истории появления «неизданной» сказки: «Воспроизводимая нами здесь сказка знаменитого Андерсена не вошла в полное собрание его сочинений. Она была открыта недавно в Коллиновской коллекции автографов. Дата ее может быть точно установлена: это 1868-й год, когда Андерсен вернулся в Данию после лечения в Эмсе. Неизданной сказка эта осталась

⁴ Руль. 1927. № 1893. 20 февраля. С. 6. Номер оцифрован Берлинской государственной библиотекой и доступен по ссылке: <https://dfg-viewer.de/show/?set%5Bmets%5D=https://content.staatsbibliothek-berlin.de/zefys/SNP27230028-19270220-0-0-0-0.xml>

⁵ Руль. 1927. № 1893. 20 февраля. С. 6.

⁶ Перепечатки из советской прессы не были редкостью в эмигрантской печати. Своеобразным свидетельством того, что в межвоенном Берлине печатная продукция из СССР была в свободном доступе, является следующий фрагмент «Защиты Лужина»: «<Лужина>... купила последние номера эмигрантских журналов и, для сравнения, несколько советских журналов и газет» (Набоков 2009: 443).

⁷ См.: Огонек. 1927. № 6 (202). 6 февраля. С. 10. Перепечатка в «Руле» выполнена по правилам старой орфографии. В перепечатанном тексте сказки отсутствует последнее предложение, что в этом случае больше похоже на техническое сокращение, чем на специальную редакционную правку.

потому, что, когда Андерсен прочел ее своему издателю Гедту, тот саркастически воскликнул: «Но, Андерсен, вы ведь написали совсем революционную сказку – ведь вы там всех королей пережгли». Робкий по натуре Андерсен, побоявшийся быть заподозренным в своей лояльности <так в оригинале. – О. П.-Т.>, оставил поэтому сказку лежать под спудом»⁸.

Берлинский «Руль» не был первой русской эмигрантской газетой, заметившей выход «новой сказки» Андерсена. 30 мая 1926 года ее – под названием «Короли, валеты и дамы» и подзаголовком «Вновь найденная сказка Андерсена, впервые публикуемая на русскомъ языкѣ» – напечатала рижская ежедневная газета «Слово». Редакция придала находке большое значение: перевод с датского был выполнен по специальному заказу и с особого разрешения правообладателей, текст сопровождается оригинальными рисунками редакционного художника М. Везе⁹. Переводчик В. Я. фон дер Флит предварил сказку пояснением:

От редакціи. В приложеніи къ копенгагенской газетѣ «Берлингске Тиденде» появилась нигдѣ еще не опубликованная до сихъ поръ сказка знаменитаго датчанина Ганса-Христіана Андерсена, пятидесятилѣтіе со дня смерти котораго осенью 1925 года дало поводъ къ повсѣместному чествованію его памяти.

Въ связи съ этой годовщиной, бібліотекаръ Королевской Библіотеки в Копенгагенѣ, г. Юліусъ Клаусенъ, подвергъ новому

⁸ См.: Мир приключений. 1926. № 4. С. 35.

⁹ О том, что рижская газета «Слово» посчитала публикацию сказки Андерсена заметным событием, косвенно свидетельствует и тот факт, что текст не был отдан в качестве сугубо «детского» в редакцию «дружественного» журнала для семьи и юношества «Юный читатель», входившего (наряду с газетой «Слово» и журналом «Перезвоны») в актив рижского акционерного общества печатного дела «Саламандра». В редакции «Юного читателя» служил Э. П. Ганзен, сын известных русских переводчиков Андерсена Петра и Анны Ганзен. Известно, что в середине 1920-х гг. П. Ганзен приезжал из Дании, куда вернулся из пореволюционной России, в Латвию навестить сына и его семью. Возможно, о появлении публикации сказки в копенгагенской «Берлингске Тиденде» в конце 1925 года в Риге узнали от семейства Ганзен. Подробнее о роли этой семьи в популяризации сказок Андерсена см.: Sohl Jessen 2020: 43–59.

изслѣдованію рукописи и дневники покойнаго писателя, причемъ въ одномъ сборникѣ автографовъ, принадлежащемъ семейству Коллингъ, съ которымъ Г. Х. Андерсен состоялъ въ особенно близкихъ отношеніяхъ, нашлась, въ законченной редакціи, сказка подъ заглавіемъ: «Король, Дама и Валетъ», на воспроизведеніе которой въ русскомъ переводѣ г. Клаусенъ любезно далъ свое согласіе.

По изслѣдованіямъ г. Клаусена, впервые публикуемая новая сказка Андерсена была написана имъ лѣтомъ 1868 года, по всей вѣроятности, въ іюль мѣсяцѣ, на возвратномъ его пути изъ Эмса, въ одной гостиницѣ в Кельнѣ.

Причина, почему сказка эта не была включена въ полное собраніе сочиненій Андерсена, довольно любопытна.

По возвращеніи въ Данію изъ своего путешествія, Андерсенъ прочелъ эту сказку одному изъ своихъ друзей, который саркастически замѣтилъ: «Да, что съ вами, Андерсенъ! Вы вѣдь написали совсемъ революціонную сказку – всѣ короли у васъ сжигаются».

Тогда Андерсенъ воздержался отъ напечатанія сказки, которая такимъ образомъ не вошла въ полное собраніе его произведеній.

Нынѣ, въ огнѣ міровыхъ событій послѣднихъ лѣтъ, эта сказка пріобрѣтаетъ какой-то зловѣщій и трагическій оттѣнокъ... Переводчикъ В. Я. фонъ деръ Флитъ¹⁰.

И все же, к 1925–1927 гг. статус «досель не опубликованной» к сказке Андерсена можно применить лишь с натяжкой. Из сведений, собранных Центром Ханса Кристиана Андерсена (H. C. Andersen Centret) при Университете Южной Дании (Syddansk Universitet), следует, что эта сказка впервые была напечатана на английском языке под заголовком “The Court Cards” в американском журнале для детского чтения “Riverside Magazine for Young People” в январе 1869 года¹¹. Факт того, что Андерсен «придерживал» свою сказку, написанную по-датски и специально переведенную на английский, до первой публикации в США, зафиксирован и в переписке датского

¹⁰ Слово. 1926. № 163. 30 мая. С. 5.

¹¹ Эти данные доступны по ссылке на академический регистр произведений Андерсена: <https://andersen.sdu.dk/vaerk/register/info.html?vid=180>

писателя с издателем журнала Горацием Скаддером (Horace Scudder): “The Court Cards’ is the only tale written expressly for the American Magazine – I have it still in my drawer till I see it published in America” (Andersen – Scudder Letters 1949: 25; [«Вельможные карты» – единственная сказка, написанная специально для американского журнала – она все еще лежит у меня в столе и ждет напечатания в Америке»]). Более того, в Дании сказка уже была опубликована до ее псевдосенсационного обнаружения в середине 1920-х¹². Примечательно, что в датском автографе Андерсена она носит название «Король, дама и валет» («Konge, Dame og Knægt») ¹³, а не «Вельможные карты» (“The Court Cards”), как в английском переводе. Упомянутые Ю. Клаузенем и растиражированные в 1925–1927 гг. причины, по которым текст не был напечатан в Дании при жизни Андерсена, в целом совпадают с версией, изложенной самим сказочником в дневниках (см.: Andersen – Scudder Letters 1949: xxv).

Не исключено, что Набоков впервые мог увидеть перевод этой сказки не в «Руле» зимой 1927 г., а полугодом ранее – в рижской ежедневной газете «Слово». Это издание в 1925–1926 гг. возглавлял Иван Лукаш, с которым Набоков сблизился в Берлине в 1922 году. При Лукаше, в декабре 1925 г. «Слово» напечатало стихотворение В. Сирина «Крушение»¹⁴ и его очерк «Брайтенштретер – Паолино»¹⁵, в марте 1926 г. – отрывок из романа «Машенька»¹⁶, а в апреле того же года – отзыв на этот роман¹⁷. В юбилейном – сотом – номере газеты рисованный портрет Набокова-Сирина размещен среди портретов зарубежных сотрудников издания, выполненных художником

¹² Там же. Речь идет о публикации в издании «Julebogen» в 1909 году.

¹³ Манускрипт доступен к просмотру на сайте Королевской Библиотеки Дании: <http://www5.kb.dk/permalink/2006/manus/476/dan/1/>

¹⁴ См.: Слово. 1925. № 27. 12 декабря. С. 3.

¹⁵ См.: Слово. 1925. № 38. 28 декабря. С. 4; 1925. № 39. 29 декабря. С. 4. Подробнее об этом см. комментарий Б. А. Равдина: Равдин 1993: 170–171. Автор статьи благодарит сотрудников библиотеки Латвийского университета М. Лиепу, И. Мантинице и Т. Чернышову за помощь в уточнении библиографических данных в период карантина осенью 2021 года.

¹⁶ См.: Слово. 1926. № 111. 27 марта. С. 4.

¹⁷ См.: Слово. 1926. № 118. 9 апреля. С. 6. Подробнее о публикациях Набокова в латвийской прессе межвоенного периода см.: Лусе, Спроре 2000: 195–202.

Везе¹⁸. Известно, что в первой половине 1926 года Набоков внимательно следил за событиями вокруг рижского «Слова»¹⁹ и читал эту газету²⁰.

*

В собрании Генри и Альберта Бергов (The Henry W. and Albert A. Berg Collection of English and American Literature) Нью-Йоркской публичной библиотеки (The New York Public Library) хранится многостраничный документ – “Field, Andrew. Nabokov: his life in art. Typescript (thermofax copy), with Vladimir Nabokov’s ms. corrections, unsigned and dated 1966. 478 p.” Это термофаксимильная копия машинописи первой книги Филда с хорошо видными комментариями и исправлениями Набокова.

Процитированный в начале этой статьи фрагмент из книги Филда о сказке Андерсена как об источнике заглавия романа «Король, дама, валет» находится на стр. 210. Текст этого фрагмента явно просмотрен Набоковым, а предположение Филда о том, что привлекло внимание писателя в сказке, усилено: в машинописи отсутствовало слово “obviously” (‘очевидно’) – оно вписано от руки и вошло в окончательную редакцию книги: “What *obviously* <вписано Набоковым. –

¹⁸ См.: Слово. 1926. № 100. 15 марта. С. 2. Рядом с В. Набоковым-Сириным – портреты И. А. Бунина, А. М. Ремизова, И. С. Шмелева и др.

¹⁹ Не следить было невозможно: в письмах Ивана Лукаша из Риги Набокову в Берлин редактор «Слова» подробно и эмоционально описывал мир рижской прессы, в частности, свое отношение к конкурентам – владельцам газеты «Сегодня». К сожалению, сохранившаяся корреспонденция охватывает лишь конец 1925 г. – начало 1926 г. (Vladimir Vladimirovich Nabokov Papers. Manuscript Division. Library of Congress. Box 1. Reel 1. Folder 31). Автор статьи благодарит Рукописный отдел Библиотеки Конгресса США и лично Лару Шипшак (Lara Szypszak) за возможность ознакомиться с перепиской.

²⁰ Автор статьи благодарит Б. А. Равдина за указание на следующий фрагмент из письма Набокова к Г. П. Струве от 20 февраля 1926 года: «Лукаш так в Риге раскуролесился, что просто диву даюсь. Его газетка и газетка «Сегодня» вцепились друг дружке в горло, – не газеты, а сплошной хрип. Ключья шерсти так и летят. Прямо умора. Мне будет немного стыдно с ним встретиться. Газета все-таки не должна быть кистенем, а то срам» (см.: Белодубровский, Долинин 2003: 123; см. также: Равдин 2018: 91). Из той же переписки – письмо от 3 января 1926 года: «Видели вы газету Лукаша? Что вы о ней думаете?» (Белодубровский, Долинин 2003: 122).

О. П.-Т.> caught Nabokov's attention was the manner in which the tale is told: all of its characters are paper figures living in a house of cards, and *King, Queen, Knave* is a novel of substantial length done in just this 'two-dimensional' fashion" [«Что **очевидно** <вписано Набоковым. – О. П.-Т.> привлекло внимание Набокова, так это манера, в которой рассказана сказка: все ее персонажи – бумажные фигурки, живущие в карточном домике, а “Король, дама, валет” – это крупный роман, сделанный именно таким “двухмерным” образом»]²¹. Остальной текст фрагмента машинописи Набоков оставил не тронутым.

Таким образом, в 1966 г., во время работы с машинописью первой книги Филда, обнаружение факта связи заглавия романа с андерсеновской сказкой не вызвало у Набокова нареканий. Однако уже в 1968 г., в предисловии к английскому переводу «Короля, дамы, валета», среди признанных автором «литературных сквозняков» в романе сказка не указана (см.: Nabokov 1993: viii; Набоков 1997: 65): «слишком очевидный» (Букс 1998: 44) андерсеновский «след», оставленный Набоковым однажды, был заметён²².

²¹ Field, Andrew. Nabokov: his life in art. Typescript (thermofax copy), with Vladimir Nabokov's ms. corrections, unsigned and dated 1966. P. 210. – The New York Public Library. The Henry W. and Albert A. Berg Collection of English and American Literature. Vladimir Nabokov Papers; номер поступления: 930432. Автор статьи безгранично благодарит сотрудницу собрания Берга Эмму Дэвидсон (Emma Davidson) за неоценимую помощь в работе с архивными материалами.

²² В своей второй книге “Nabokov: His Life in Part” (1977) Филд, по какой-то причине, также не упоминает сказку датчанина, ретранслируя (вслед за Набоковым) новую «легенду» о времени и месте зарождения романа, «зачатого на приморском песке Померании летом 1927 года» (Набоков 1997: 63; ср.: Nabokov 1993: v): “He <Nabokov> had begun to think of the novel in August 1927, while he and Véra Evseevna were on that Baltic working vacation with a pupil” (Field 1977: 183; [«Он <Набоков> начал думать о романе в августе 1927 года, когда они с Верой Евсеевной были на тех балтийских рабочих каникулах с учеником»]). О померанских летних каникулах Набоковых в 1927 году подробнее см.: Boyd 1990: 274. В третьей книге “VN: The Life and Art of Vladimir Nabokov” (1986) Филд объединяет две предыдущие версии – повторяет намек на Андерсена, предваряя его отрицанием со стороны Набокова: “Nabokov denied that the Andersen tale had anything to do with the genesis of his novel, but a Russian translation of that fable had appeared in *The Rudder* in February, 1927” (Field 1986: 114–115; [«Набоков отрицал, что сказка Андерсена имеет какое-либо отношение к генезису его романа, хотя ее русский перевод появился в “Руле” в феврале 1927 года»]). О возможных причинах такого модуса изложения во второй и третьей книге Филда см.: Маликова 2016: 220–238.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Белобровцева И. 2000. Мотив тени у В. Набокова. – Культура русской диаспоры: Владимир Набоков – 100. Материалы научной конференции (Таллинн–Тарту, 14–17 января 1999) / Под ред. И. Белобровцевой, А. Данилевского, Г. Утгофа, Д. Миронова. Таллинн: TRÜ Kirjastus. С. 76–90.
- Белодубровский Е. Б., Долинин А. А. 2003. Письма В. В. Набокова к Г. П. Струве (1925–1931). Часть первая / Публикация Е. Б. Белодубровского и А. А. Долинина. – Звезда. № 11. С. 115–150.
- Букс Н. 1998. Эшафот в хрустальном дворце. М.: Новое литературное обозрение.
- Дарк О. 1990. Примечания <к «Королю, даме, валету»>. – Набоков В. Собр. соч.: В 4-х тт. Т. 1. М.: Правда. С. 413–414.
- Долинин А. 2004. Истинная жизнь писателя Сирина: Работы о Набокове. СПб.: Академический проект.
- Долинин А., Утгоф Г. 2006. Примечания <к «Подвигу»>. – Набоков (Сиринъ) В. Собр. соч. русского периода: В 5-ти тт. Т. 3. СПб.: Симпозиум. С. 714–742.
- Костанди О. 2000. «Король, дама, валет»: Искусство как прием. – Культура русской диаспоры: Владимир Набоков – 100. Материалы научной конференции (Таллинн–Тарту, 14–17 января 1999) / Под ред. И. Белобровцевой, А. Данилевского, Г. Утгофа, Д. Миронова. Таллинн: TRÜ Kirjastus. С. 241–259.
- Лусе Д., Спроге Л. 2000. О творчестве В. Набокова в Латвии: Введение в тему. – Культура русской диаспоры: Владимир Набоков – 100. Материалы научной конференции (Таллинн–Тарту, 14–17 января 1999) / Под ред. И. Белобровцевой, А. Данилевского, Г. Утгофа, Д. Миронова. Таллинн: TRÜ Kirjastus. С. 195–204.
- Маликова М. 2016. Защита Филда, или Запоздалая рецензия на первую биографию Набокова. – Русская литература. № 1. С. 220–238.
- Набоков В. 1997. Предисловие к английскому переводу романа «Король, дама, валет» (“King, Queen, Knave”). – В. В. Набоков: Pro et contra. Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: Антология. Т. 1. СПб.: РХГИ. С. 63–66.
- Набоков В. 2004. Память, говори. – Набоков В. Собр. соч. американского периода: В 5-ти тт. Т. 5. СПб.: Симпозиум. С. 314–594.

- Набоков В. 2008. Другие берега. – Набоков (Сиринъ) В. Собр. соч. русского периода: В 5-ти тт. Т. 5. СПб.: Симпозиум. С. 140–335.
- Набоков В. 2009. Защита Лужина. – Набоков (Сиринъ) В. Собр. соч. русского периода: В 5-ти тт. Т. 2. СПб.: Симпозиум. С. 306–465.
- Полищук В. 2009. Примечания <к «Королю, даме, валету»>. – Набоков (Сиринъ) В. Собр. соч. русского периода: В 5-ти тт. Т. 2. СПб.: Симпозиум. С. 697–705.
- Равдин Б. 1993. Послесловие. – Даугава. № 3. С. 166–171.
- Равдин Б. 2018. Иван Лукаш между Берлином, Парижем и Ригой (К истории рижской журналистики 1920-х гг.). – *Across Borders: 20th Century Russian Literature and Russian-Jewish Cultural Contacts. Essays in Honor of Vladimir Khazan* / Ed. by Lazar Fleishman and Fedor Poljakov. Berlin et al.: Peter Lang. P. 83–104 (Stanford Slavic Studies. Vol. 48).
- Рогачевский А. 2000. «Король, <пиковая> дама, валет»: К вопросу о пушкинском фоне у Набокова. – *Культура русской диаспоры: Владимир Набоков – 100. Материалы научной конференции (Таллинн–Тарту, 14–17 января 1999)* / Под ред. И. Белобровцевой, А. Данилевского, Г. Утгофа, Д. Миронова. Таллинн: TRÜ Kirjastus. С. 276–297.
- Семенова Н. 2001. Цитация в романе В. Набокова «Король, дама, валет». – В. В. Набоков: Pro et contra. Материалы и исследования о жизни и творчестве В. В. Набокова: Антология. Т. 2. СПб.: РХГИ. С. 650–661.
- Andersen-Scudder Letters 1949. Hans Christian Andersen's Correspondence with Horace Elisha Scudder / Ed., with Translations and Explanatory Notes by Waldemar Westergaard. With an introduction by Jean Hersholt, and an Interpretive Essay by Helge Topsøe-Jensen. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.
- Boyd, B. 1990. Vladimir Nabokov: The Russian Years. Princeton: Princeton University Press.
- Buhks, N. 1987. Sur la structure du roman de Vl. Nabokov « Roi, dame, valet ». – *Revue des Études Slaves*. Т. 59. F. 4. P. 799-810.
- Collins, E. 2005. Nabokov's "Lolita" and Andersen's "The Little Mermaid". – *Nabokov Studies*. Vol. 9. P. 77–100.
- Connolly, J. 1995. "King, Queen, Knave". – *The Garland Companion to Vladimir Nabokov* / Ed. by Vladimir E. Alexandrov. New York and London: Garland, 1995. P. 203–214.

- Field, A. 1967. *Nabokov: His Life in Art. A Critical Narrative*. Boston; Toronto: Little, Brown and Company.
- Field, A. 1977. *Nabokov: His Life in Part*. New York: Viking Press.
- Field, A. 1986. *VN: The Life and Art of Vladimir Nabokov*. New York: Crown Publishers.
- Grayson, J. 1977. *Nabokov Translated: A Comparison of Nabokov's Russian and English Prose*. Oxford: Oxford University Press.
- Meyer, P., Hoffman, J. 1997. Infinite Reflections in Nabokov's "Pale Fire": The Danish Connection (Hans Andersen and Isak Dinesen). – *Russian Literature*. Vol. XLI. No. 2. P. 197–221.
- Moudrov, A. 2010. Nabokov's Invitation to Plato's Beheading. – *The Goalkeeper: The Nabokov Almanac* / Ed. by Yuri Leving. Boston: Academic Studies Press. P. 60–73.
- Nabokov, V. 1993. *King, Queen, Knave* / Translated from the Russian by Dmitri Nabokov in collaboration with Vladimir Nabokov. Harmondsworth: Penguin Books.
- Nabokov, V. 1999. *Speak, Memory: An Autobiography Revisited*. London: David Campbell Publishers.
- Proffer, C. R. 1970. A New Deck for Nabokov's Knaves. – *Nabokov: Criticism, Reminiscences, Translations and Tributes. A TriQuarterly Book* / Ed. by Alfred Appel, Jr. & Charles Newman. Evanston: Northwestern University Press. P. 293–309.
- Sohl Jessen, M. 2020. Russia under Hans Christian Andersen's Western Eyes. Part 2: 1847–95. – *Hans Christian Andersen in Russia* / Ed. by Mads Sohl Jessen, Marina Balina, Ben Hellman and Johs. Frandsen Nørregaard. Odense: University Press of Southern Denmark. P. 43–59.
- Toker, L. 1989. *Nabokov: The Mistery of Literary Structures*. Ithaca and London: Cornell University Press.

REFERENCES

- Belobrovtsseva, I. "Motiv teni u V. Nabokova." In *Kul'tura russkoi diaspori: Vladimir Nabokov – 100. Materialy nauchnoi konferentsii (Tallinn–Tartu, 14–17 ianvaria 1999 g.)*. Edited by I. Belobrovtsseva, A. Danilevsky, G. Utgof and D. Mironov, 76–90. Tallinn: TPÜ Kirjastus, 2000.
- Belodubrovskii E. and A. Dolinin, publ. "Pis'ma V. V. Nabokova k G. P. Struve (1925–1931). Chast' pervaya." *Zvezda* 11 (2003): 115–50.
- Boyd, B. *Vladimir Nabokov: The Russian Years*. Princeton: Princeton University Press, 1990.
- Buhks, N. "Sur la structure du roman de Vl. Nabokov *Roi, dame, valet*." *Revue des Études Slaves* 59, no. 4 (1987): 799–810.
- . *Eshafot v khrystal'nom dvortse*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1998.
- Collins, E. "Nabokov's *Lolita* and Andersen's *The Little Mermaid*." *Nabokov Studies* 9 (2005): 77–100.
- Connolly, J. "King, Queen, Knave." In *The Garland Companion to Vladimir Nabokov*. Edited by Vladimir E. Alexandrov, 203–14. New York and London: Garland, 1995.
- Dark, O. "Primechaniia [k *Koroliu, dame, valetu*]." In *Sobranie sochinenii*, by Vladimir Nabokov. 4 vols. Vol. 1, 413–14. Moscow: Pravda.
- Dolinin, A. *Istinnaya zhizn' pisatel'ia Sirina: Raboty o Nabokove*. Saint-Petersburg: Akademicheskii proekt, 2004.
- Dolinin, A. and G. Utgof. "Primechaniia [k *Podvigu*]." In *Sobranie sochinenii russkogo perioda*, by Vladimir Nabokov. 5 vols. Vol. 3, 714–42. Saint-Petersburg: Symposium, 2006.
- Field, A. *Nabokov: His Life in Art. A Critical Narrative*. Boston and Toronto: Little, Brown and Company, 1967.
- . *Nabokov: His Life in Part*. New York: Viking Press, 1977.
- . *VN: The Life and Art of Vladimir Nabokov*. New York: Crown Publishers, 1986.
- Grayson, J. *Nabokov Translated: A Comparison of Nabokov's Russian and English Prose*. Oxford: Oxford University Press, 1977.
- Kostandi, O. "'Korol', dama, valet': Iskusstvo kak priem." In *Kul'tura russkoi diaspori: Vladimir Nabokov – 100. Materialy nauchnoi konferentsii (Tallinn–Tartu, 14–17 ianvaria 1999 g.)*. Edited by I. Belobrovtsseva, A. Danilevsky, G. Utgof and D. Mironov, 241–59. Tallinn: TPÜ Kirjastus, 2000.

- Lūse, D. and L. Sprōģe. "O tvorčestve V. Nabokova v Latvii: Vvedenie v temu." In *Kul'tura russkoi diaspory: Vladimir Nabokov – 100. Materialy naučnoj konferentsii (Tallinn–Tartu, 14–17 ianvaria 1999 g.)*. Edited by I. Belobrovseva, A. Danilevsky, G. Utgof and D. Mironov, 195–204. Tallinn: TPŪ Kirjastus, 2000.
- Malikova, M. "Zashchita Filda, ili Zapozdalaya retsenziya na pervuyu biografiju Nabokova." *Russkaia literatura* 1 (2016): 220–38.
- Meyer, P. and J. Hoffman. "Infinite Reflections in Nabokov's *Pale Fire*: The Danish Connection (Hans Andersen and Isak Dinesen)." *Russian Literature* 41, no. 2 (1997): 197–221.
- Moudrov, A. "Nabokov's Invitation to Plato's Beheading." In *The Goalkeeper: The Nabokov Almanac*. Edited by Yuri Leving, 60–73. Boston: Academic Studies Press, 2010.
- Nabokov, V. *King, Queen, Knave*. Translated from the Russian by Dmitri Nabokov in collaboration with Vladimir Nabokov. Harmondsworth: Penguin Books, 1993.
- . "Predisloviye k perevodu romana 'Korol', dama, valet' ('King, Queen, Knave')." In *V. V. Nabokov: Pro et contra. Lichnost' i tvorčestvo Vladimira Nabokova v otsenke russkikh i zarubezhnykh mysliteley i issledovateley*. Vol. 1, 63–66. Saint-Petersburg: RKhGI, 1999.
- . *Speak, Memory: An Autobiography Revisited*. London: David Campbell Publishers, 1999.
- . *Pamiat', govori*. In *Sobranie sochinenii amerikanskogo perioda*, by Vladimir Nabokov. 5 vols. Vol. 5, 314–594. Saint-Petersburg: Symposium, 2004.
- . *Drugie berega*. In *Sobranie sochinenii russkogo perioda*, by Vladimir Nabokov. 5 vols. Vol. 5, 140–335. Saint-Petersburg: Symposium, 2008.
- . *Zashchita Luzhina*. In *Sobranie sochinenii russkogo perioda*, by Vladimir Nabokov. 5 vols. Vol. 2, 306–465. Saint-Petersburg: Symposium, 2009.
- Polishchuk, V. "Primechaniia [k Koroliu, dame, valetu]." In *Sobranie sochinenii russkogo perioda*, by Vladimir Nabokov. 5 vols. Vol. 2, 697–705. Saint-Petersburg: Symposium, 2009.
- Proffer, C. R. "A New Deck for Nabokov's Knives." In *Nabokov: Criticism, Reminiscences, Translations and Tributes. A TriQuarterly Book*. Edited by Alfred Appel, Jr. & Charles Newman, 293–309. Evanston: Northwestern University Press, 1970.
- Ravdin, B. "Posleslovie." *Daugava* 3 (1993): 166–71.

- . “Ivan Lukash mezhdū Berlinom, Parizhem i Rigoi (K istorii rizhskoi zhurnalistiki 1920-kh gg.)” In *Across Borders: 20th Century Russian Literature and Russian-Jewish Cultural Contacts. Essays in Honor of Vladimir Khazan*. Edited by Lazar Fleishman and Fedor Poljakov. Stanford Slavic Studies. Vol. 48, 83–104. Berlin et al.: Peter Lang, 2018.
- Rogachevsky, A. “‘Korol’, [pikovaia] dama, valet’: K voprosu o pushkinskom fone u Nabokova.” In *Kul’tura russkoi diaspori: Vladimir Nabokov – 100. Materialy nauchnoi konferentsii (Tallinn–Tartu, 14–17 ianvaria 1999 g.)*. Edited by I. Belobrovtsseva, A. Danilevsky, G. Utgof and D. Mironov, 276–97. Tallinn: TPÜ Kirjastus, 2000.
- Semenova, N. “Tsitatsiia v romane V. Nabokova ‘Korol’, dama, valet’.” In *V. V. Nabokov: Pro et contra. Materialy i issledovaniia o zhizni i tvorchestve V. V. Nabokova: Antologiiia*. Vol. 2, 650–61. Saint-Petersburg: RKhGI, 2001.
- Sohl Jessen, M. “Russia under Hans Christian Andersen’s Western Eyes. Part 2: 1847–95.” In *Hans Christian Andersen in Russia*. Edited by Mads Sohl Jessen, Marina Balina, Ben Hellman and Johs. Frandsen Nørregaard, 43–59. Odense: University Press of Southern Denmark, 2020.
- Toker, L. *Nabokov: The Mistery of Literary Structures*. Ithaca and London: Cornell University Press, 1989.
- Westergaard, W. et al., ed. *Hans Christian Andersen’s Correspondence with Horace Elisha Scudder*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1949.

ГИПЕРБОЛОИД ИНЖЕНЕРА ВАЛЬСА: НАБΟΚОВ И СОВЕТСКАЯ ФАНТАСТИКА 1910-х – 1920-х гг.

В. Б. Полищук
(С.-Петербург)

Пристальный интерес Набокова к советской литературе вспыхнул еще до появления эссе «Торжество добродетели» (1930), а затем ровным огнем продолжал гореть во многих произведениях, как рассказах, так и романах, включая «Дар» (1937–1938 / 1952), и порой потрескивая очень яркими саркастическими искрами. Как явствует из интервью, в советской литературе у него были свои симпатии и антипатии. Так, например, в интервью Альфреду Аппелю он высоко оценил И. Ильфа и Е. Петрова, Ю. Олешу и М. Зощенко: “If and Petrov, two wonderfully gifted writers... <...> If and Petrov, Zoshchenko, and Olesha managed to publish some absolutely first-rate fiction” (Nabokov 1973: 87)¹. Но, кроме того, Набоков активно использовал самые разнообразные произведения советской литературы, как первого, так и второго и третьего ряда, в качестве претекстов. Использовал он и сами образы, публичные личности и биографические обстоятельства советских писателей².

Особого внимания заслуживают красноречивые переклички между романами и пьесами Набокова середины 1930-х гг. и отдельными произведениями Александра Грина и Алексея Толстого, созданными в жанре фантастической приключенческой литературы. Ранее эти переклички были недостаточно изучены и настоятельно

¹ Ср. в переводе С. Б. Ильина: «Два поразительно одаренных писателя – Ильф и Петров... <...> Ильф и Петров, Зощенко и Олеша ухитрились опубликовать несколько безупречных по качеству литературных произведений» (Набоков 1997, 3: 616).

² К теме взаимодействия Набокова с советскими писателями обращались многие исследователи. См.: Долинин 2019а; Долинин 2019б; Долинин 2019с: 9–44; Толстая 2017: 470–490.

требуют подробного анализа и сопоставления текстов³. В частности, представляется, что некоторые ключевые эпизоды и образы «Приглашения на казнь» (1935–1936 / 1938) неслучайно напоминают о романе Грина «Блистающий мир» (1924), а пьеса «Изобретение Вальса» (1938) с высокой вероятностью представляет собой пародийный парафраз «Гиперболоида инженера Гарина» Толстого (1927). В этом отношении плодотворнее всего вести исследование в том направлении, которое обозначил в своей статье о Набокове и советской литературе А. А. Долинин:

Наибольший интерес, однако, вызывают не прямые отзывы Набокова о советской литературе, а разнообразные отражения прочитанного в его собственной русской прозе – цитаты, реминисценции, заимствования, полемические ответы, пародии и то, что Омри Ронен назвал антипародиями (Долинин 2019с: 15).

Роман «Приглашение на казнь» был далеко не первым случаем, когда Набоков обратился к Грину. Как подробно и убедительно показала в своей статье Маргарит Тадевосян, еще в раннем рассказе «Венецианка» (1924) просматривается то, как Набоков изучал некоторые приемы поэтики Грина, в том числе и его особую визуальность, а «Подвиг» (1931–1932 / 1932) связан с гриновским романом «Дорога в никуда» (1929) (см.: Tadevosyan 2005: 429–433). Кроме того, в романе «Защита Лужина» (1929–1930 / 1930) прослеживаются некоторые явственные переключки с новеллой Грина «Возвращенный ад» (1915), хотя, вероятнее всего, причина в том, что оба текста восходят к теме «талант / дар / гениальность как безумие» (по своей сути романтическому шаблону) и к ее трактовке в рассказе Антона Чехова «Черный монах»).

³ Часть нитей, связывающих Набокова и Грина, обрисовала в своей работе Е. Д. Толстая (см.: Толстая s. a.); кроме того, после моего доклада на Набоковских чтениях в Пушкинском Доме (ИРЛИ) 3 июля 2020 г., на материалах которого основана эта статья, вышел сборник эссе Ивана Толстого, в котором также упоминается о возможном влиянии Алексея Толстого на драматургические замыслы Набокова (см.: Толстой 2021: 132–172).

В известном смысле роман «Приглашение на казнь» и пьесу «Изобретение Вальса» можно рассматривать как некое жанровое и стилистическое единство – именно в этих произведениях Набокова предельно ярко выражена стихия литературной игры. Их объединяет фантастическая и гротескная природа фикционального мира и огромная роль, которую в них играет пародия. Оба текста насыщены говорящими именами с отсылками к русской литературе. Наконец, эпиграф к «Приглашению на казнь», по существу, определяет зерно пьесы «Изобретение Вальса»: « Comme un fou [безумец] se croit Dieu, nous nous croyons mortels » (Набоков 2000, 4: 47). Как показывает развитие пьесы, Вальс – именно такой безумец.

И все же во взаимодействии Набокова с Грином нет другого случая, где значимые переключки были бы настолько отчетливы, многочисленны и последовательны, как в «Блистающем мире» и «Приглашении на казнь». Здесь Набоков использует тот же набор клише, взятых из общего с Грином первоисточника – романтического канона, но переосмысляет их и наделяет совершенно иной функцией. (Нельзя не отметить, что и Грин порой переворачивает канон, о чем чуть ниже.) В то же время в тексте набоковского романа много прямых и узнаваемых отсылок именно к роману Грина.

Перечислю эти клише:

1.1) Романтический герой – изгой, не похожий на обычных людей, противопоставленный обывателям, гонимый ими. Такой герой обычно сирота или чужак. Он может быть обладателем фантастического, мистического дара, необычной внешности, отличающей его от других, фантастического богатства таинственного происхождения. Герой Грина – Друд, в фикциональном мире романа не иностранец, но явный чужак, человек, явившийся неведомо откуда и исчезающий неведомо куда: о нем и его происхождении ничего не известно. Цинциннат же рожден от неизвестного отца и в силу своей особой природы, метафизической «непрозрачности» для других, становится изгоем и его осуждают на казнь. Мать Цинцинната, Цецилия, намекает сыну, что таким же непрозрачным чужаком был его отец, и имплицитно

подразумевается, что он мог обладать теми же таинственными талантами, что и Цинциннат.

1.2) Дьявольские или ангельские черты героя, обладание таинственным даром, в том числе способностью к левитации.

У Грина способности Друда связаны с логическим развитием романтического сюжета. Помимо новозаветных параллелей, в тексте романа прослеживается и параллель с «Фаустом» Гёте – Друд околдовывает тюремщиков, чтобы сбежать – наводит на них гипнотические иллюзии, будто в камере у него идет пиршество и звенят голоса. В следующей главе министр, еще с циркового выступления сделавший вывод, что Друд опасен для общества, проводит параллель с дьяволом и упоминает «погреб Ауэрбаха» (Грин 1965, 3: 113). Дьяволу Друда уподобляют и в первой сцене циркового полета и в последующих пересудах об этом эпизоде (Грин 1965, 3: 78, 82–83). Интересно, что роль все сильного дьявола-искусителя с Друдом делит героиня романа, Руна: на воздух ее поднимает он, но искушение властью предлагает ему она; это искушение герой отвергает, и тем дополнительно актуализуется новозаветный мотив. Таким образом, библейская цитата оказывается инвертирована и функции дьявола делегируются двум персонажам и значимо распределяются между ними. Цинциннат, в противоположность своему дару метафизической непроницаемости, описан как легкий, сквозистый, светловолосый. Кроме того, с этим героем связан ряд новозаветных отсылок, отождествляющих его с Христом: в сцене банкета мсье Пьер с Цинциннатом стоят высоко на балконе над Тамариными садами, а позже Пьер говорит про Цинцинната: «Царства ему предлагаешь, а он дуется» (Набоков 2000, 4: 141). Как отмечала в комментарии к роману Ольга Сконечная со ссылкой на Габриэля Шапиро, это отсылка к соответствующему евангельскому эпизоду искушения Христа (см.: Сконечная 2000: 628). В диалоге с Цецилией и расспросах о неведомом отце также есть намек на Иосифа или на Христа:

– Во, во, подыгрывайте мне, я думаю, мы его сделаем странником, беглым матросом, – с тоской продолжал Цинциннат,

прищелкивая пальцами и шагая, шагая, – или лесным разбойником, гастролирующим в парке. Или загулявшим ремесленником, плотником... (Набоков 2000, 4: 127).

1.3) Заточение и побег. Грин на свой лад инвертирует традиционный сюжет с узником и побегом: его Друд не только сбегает из тюрьмы сам, безо всякой помощи от влюбленной дочери тюремщика, но, наоборот, спасает от ареста и вырывает из лап полиции едва не пострадавшую за него юную романтическую героиню Тави Тум («деву в беде»), в чьей истории есть и элементы сентиментального сюжета про сиротку, и отсылки к «Преступлению и наказанию» Достоевского. В то же время, согласно романтическому канону, Друда пытается выкупить из тюрьмы вторая героиня, *femme fatale* романа, аристократка, богачка и красавица Руна Бегуэм. Позже именно она возненавидит героя и подойдет к нему убийц. Цинциннат заточен в тюрьму, несколько раз совершает попытки побега, которые на поверку являются побегом ложным, фальшивым: коридор тюрьмы, куда его выпускают из камеры, оказывается замкнутым кругом; Эммочка, вроде бы пообещав Цинциннату спасение, приводит его обратно в тюрьму на чаепитие к директору⁴; таинственный сосед, роющий подземный ход, оказывается соседом-палачом и всего лишь приглашает Цинцинната к себе в камеру. Подлинный побег Цинциннат совершает лишь в момент казни, покинув фикциональный «страшный, полосатый мир» (Набоков 2000, 4: 99) – побег метафизический.

1.4) Женские фигуры, обрамляющие героя и вовлеченные с ним в любовные отношения. В обоих романах протагонисты окружены парой женских фигур: *femme fatale*, которая считает себя спасительницей, и юной девой. Следует отметить, что в обоих романах губительница-спасительница – это признанная красавица, белокожая, сексуально привлекательная, сводящая мужчин с ума (но

⁴ А. А. Долинин указывает, что Набоков обыгрывает традиционный, имеющий фольклорные корни сюжет «Добрая / влюбленная дочь тюремщика помогает узнику»: «Набоков берет тот же сюжет, но иронически инвертирует его, разрушая банальные надежды Цинцинната на банально-литературное спасение» (Долинин 2019с: 27).

у Грина образ Руны возвышенный, а у Набокова образ Марфиньки двойственен – одновременно и лирический, и гротескно-сниженный; так, ее напоминает Цинциннату тюремный паук, а ее сексуальность (в частности, в акте орального секса) сравнивается с каннибализмом) (см.: Набоков 2000, 4: 61, 132). У Грина это уже упомянутая Руна Бегуэм, которая хочет выкупить Друда из тюрьмы, затем предлагает ему добиться власти над миром и разделить ее с ним, затем, отвергнутая Друдом, губит его. «Деву в беде», Тави Тум, Друд спасает сам и знакомит со стихией полета, который она поначалу принимает за сон. У Набокова Цинцинната пытается спасти Марфинька, которая требует, чтобы он покаялся и, как она намекает, только ради свидания вступает в связь с директором тюрьмы и палачом, но на самом деле она продолжает предавать и губить его своим непониманием и похотью. Эммочка, дочь тюремщика, внешне представляющая образ «невинное дитя», сначала обещает спасти узника, но оказывается обманщицей.

1.5) Трагическая гибель. Преданный и затравленный герой гибнет от рук толпы или убийцы. К Друду подсылает убийцу Руна, пользуясь своими связями и богатством (она родственница министра). Цинцинната приговаривает к казни общество, и для остальных персонажей его смерть несомненна. Как видим, сходство есть и в использовании клише, но то, что Грин применяет в основном в соответствии с каноном, Набоков инвертирует или выводит на новый смысловой уровень.

Помимо вариаций романтического канона, объединяющих двух авторов, гораздо важнее перечислить переключки, указывающие на отсылки именно к Грину:

2.1) Значимые имена и литературность описываемого мира. Друд у Грина носит фамилию героя последнего, неоконченного и самого загадочного романа Чарльза Диккенса «Тайна Эдвина Друда» (1870), где сюжет построен на таинственном исчезновении Друда и, предположительно, возвращении неузнанным (это один из канонических ходов мелодрамы). Гриновский Друд проделывает то же самое благодаря своей способности летать и проникать сквозь стены. Он также появляется под личинами изобретателя

Крукса и гостиничного постояльца Симона Айшера, в которых не все узнают Двойную Звезду – того, кто произвел фурор в цирке «Солей». Кроме того, несмотря на отсутствие имен-подсказок, значим эпизод, в котором Тави Тум не поступает на службу, поскольку развратный богач Торп умер, и она не пополняет список совращенных им девушек-чтиц; это – инверсия сна Свидригайлова о погубленной им девушке и в целом историй о его жертвах. В «Приглашении на казнь» использована целая система имен, поскольку мир романа представляет собой своего рода «нетку», искаженный вариант-отражение пантеона русской литературы. Имена персонажей взяты из произведений русской классики, но природа этого паноптикума им противоположна. Целомудренная Марфинька из «Обрыва» Гончарова становится распутницей; Родион Романович (Раскольников) с его тонкой душой превращается в тупого бородатого дворника Родиона; имя Пьера Безухова с его нравственными терзаниями переходит жовиальному палачу мсье Пьеру, зловонному дьяволу набоковского романа⁵.

2.2) Мотив цирка / театра. В обоих романах театральность и особенно цирковая среда возникают в самой первой главе. Друд дает единственное представление в цирке – демонстрирует полет, выступив под псевдонимом «Двойная звезда», и это привлекает к нему всеобщее внимание. В «Приглашении на казнь» цирковые и театральные мотивы и образы пронизывают весь роман, подчеркивая искусственную природу описываемого мира по сравнению с иным, миром «там», подлинным, реальным, о котором Цинциннат Ц. только догадывается и куда уходит в финале.

2.3) Внешность. В обоих романах отмечается, что у Друда и Цинцинната маленькие руки, изящное телосложение, легкие движения, – это связывает их внешность с даром левитации. (Повторю также, что черты сходства есть и у женских персонажей: «девы в беде» и *femme fatale*).

⁵ Эти переключки частично отмечены в комментарии О. Ю. Сконечной к роману, но общая закономерность выбора имен как системы «неток» не выявлена (см.: Сконечная 2000: 612, 628).

2.4) «Невидимые друзья», подобные герою. Герой Грина намекает, что у него существуют друзья, соприродные ему, тоже умеющие летать. Это отчасти смягчает романтическое одиночество Друда, от которого он вовсе не страдает, а скорее развлекается; друзья его в романе не появляются, и это скорее значимое отсутствие. Цинциннат мечтает обрести себе подобных, понимая, что в страшном мире, куда он попал по ошибке, их нет, а они есть только в подлинном мире «там»: «там на воле гуляют умученные тут чудаки», по словам самого Цинцинната (Набоков 2000, 4: 99). В финале романа герой уходит из распадающегося фальшивого мира туда, где «судя по голосам, стояли существа, подобные ему» (Набоков 2000, 4: 187). Как указывает М. Я. Вайскопф, для романтического героя принципиально важно и свойство инопланетности, неотмирности, связанной с «Недоноском» Е. А. Баратынского (см.: Вайскопф 2012: 282–306).

2.5) Дарования героя. Во-первых, Друда и Цинцинната объединяет дар слова. Друд – романтический герой, наделенный поэтическим чутьем: он объясняет графоману Стеббсу, как не писать стихи, объясняет суть литературного гения. Цинциннат – последний поэт в мире, где «забыто древнее врожденное искусство писать» (Набоков 2000, 4: 100): именно это искусство он постепенно вспоминает, и оно в конечном итоге спасает его. Во-вторых, обоим героям присущ дар левитации и власти над материей в косном мире, в том числе над собственной телесностью. Для Друда способность к левитации – основное его чудесное свойство. (Умение наводить галлюцинации второстепенно). Благодаря этому свойству он производит впечатление, будто умеет проходить сквозь стены. Особость Цинцинната – не только его «непроницаемость», но и способность ходить по воздуху, задумавшись, – то есть не столько физическим, сколько *душевым* усилием. Он вспоминает эпизод из детства, когда на оклик воспитателя машинально вышел в окно интерната и зашагал по воздуху; был ли такой эпизод единичным, не указано, но можно предположить, что он и есть одно из проявлений непрозрачности, инаковости героя, но в то же время и парафраз новозаветного шествия Христа по водам. При этом

Цинциннат живет в мире, где «вещество устало. Сладко дремало время» (Набоков 2000, 4: 69), т. е. мире подчеркнута сонном, где тени не поспевают за своими хозяевами, где стоит мавзолей и статуя местного героя – капитана Сонного, и где летательные аппараты остались лишь в старинных журналах и легендах. Следовательно, он единственный, кто умеет не только писать, но и летать. Цинциннат также создает иллюзии, но сам для себя: раздвоение на дух и тело, на желаемое и действительное, причем желаемое становится действительным только в финале, когда дух его вырастает и герой уходит с эшафота. До этого герой постоянно раздваивается: один Цинциннат бранит тюремщиков, другой не смеет; один пробует слезу Марфиньки на вкус и обнаруживает, что это пресная вода, другой не делает этого и т. д.

Здесь мы подходим к самой значимой переключке между двумя романами. «Приглашение на казнь» содержит дань Грину в эпизоде, где Цинциннат совершает освежающее «преступное упражнение» (Набоков 2000: 62), то ли в воображении, то ли наяву отстегивая поочередно руки, ноги, голову и так далее. Отсылка эта – к эпизоду у Грина, когда прислуга в отеле судачит о таинственном постояльце Симоне Айшере и вспоминает, как видела бродягу с удивительно гладким и розовым лицом, который поочередно отстегивал конечности и разговаривал с ними:

– Он сидел на мешках. Я и теперь вся дрожу, как тогда. – «Обожаемые мои члены! – сказал он и снял правую ногу. – Мои любезные оконечности!» – Тут, – ей-богу, я сама это видела, – отнял он и поставил к стене левую ногу. Колени мои подкосились, но я смотрю. Я смотрю, а он снимает одну руку, вешает ее на гвоздь, снимает другую руку, кладет ее этак небрежно, и... и...

– Ну?! – подхватили слушатели.

– И преспокойно снимает с себя голову! Вот так! Бряк ее на колени! (Грин 1965, 3: 84–85).

Сергей Давыдов в «Текстах-матрешках» Владимира Набокова указывает на гностическую суть этого эпизода у Набокова в рамках сквозных гностических мотивов романа: Цинциннат освобож-

дается от материи, пневмы и переходит в область духа, куда и стремился (см.: Davydov 1982: 120). Однако здесь присутствует еще один источник, причем крайне важный. И Грин, и Набоков соответствующими эпизодами отсылают к роману Герберта Уэллса *The Invisible Man* («Человек-невидимка», 1897)⁶. Грин наверняка читал роман Уэллса в переводе Д. Вейса 1910 г., а Набоков, естественно, в детстве – в оригинале; известно, что Уэллса он высоко ценил и недаром в «Других берегах» упоминает, как нашел у букиниста в Англии книгу «Война миров» из фамильной домашней библиотеки.

Герой романа Уэллса также относится к каноническим романтическим изгоям и типу ученого-изобретателя, который позже появится у Набокова в «Изобретении Вальса». Гриффин – альбинос (вспомним сквозистость и светлую гамму Цинцинната). Став невидимкой, прячась в магазине *театральной* утвари на Друри-лейн в Лондоне, в театральном районе, он вынужден соорудить себе костюм и подобие грима из бинтов и *циркового* накладного носа, подозрительно *гладкого* и *розового* (ср. с описанием бродяги у Грина). Долгое время он вынужден скитаться и берет себе в помощники *бродягу*. Далее он пугает хозяйку гостиницы, а потом еще нескольких человек, когда постепенно разоблачается (то есть с точки зрения обывателей, избавляется от частей тела), чтобы сбежать. В конечном итоге Гриффин гибнет от рук затравившей его толпы. Но Набоков еще раз вернется к этому же образу «разоблачения» – в романе *Bend Sinister* (1946). Автор посылает главному герою, Адаму Кругу, пророческий сон, предрекающий финальное освобождение от уз плоти как единственный способ спастись из тоталитарного мира: Кругу снится покойная жена, которая снимает с себя украшения вместе с частями тела. Таким образом, тему, которую Уэллс и через него Грин использовали в основном буквально, Набоков развивает до глубокого символического образа:

⁶ Представляется, что переключка лежит на поверхности и потому неудивительно, что эту находку Е. Д. Толстая и я сделали одновременно и независимо друг от друга.

Olga was revealed sitting before her mirror and taking off the jewels after the ball. Still clad in cherry-red velvet, her strong gleaming elbows thrown back and lifted like wings, she had begun to unclasp at the back of her neck her dazzling dog collar. *He knew it would come off together with her vertebrae <...>*. There was a flash, a click: with both hands she removed her beautiful head and, not looking at it <...> placed the beautiful imitation upon the marble ledge of of her toilet table. *Then he knew that all the rest would come off too, the rings together with the fingers, the bronze slippers with the toes, the breasts with the lace that cupped them ...* <italics added. – V. P.> (Nabokov 1996: 233)⁷.

По сходному же принципу использования инвертированных клише и системы пародийных отсылок в пьесе «Изобретение Вальса» Набоков обходится и с фантастическим романом Толстого «Гиперболоид инженера Гарина» (1927), который в своем интервью Альфреду Аппелю упоминал, по сути, в снисходительном тоне: “He was a writer of some talent and has two or three science fiction stories or novels which are memorable” (Nabokov 1973: 87)⁸. Поскольку с Толстым его связывали сложные отношения (хотя и не такого накала, как застарелая литературная война с Георгием Адамовичем и Георгием Ивановым), то пародийный характер отсылок к Толстому в тексте пьесы «Изобретение Вальса» выражен сильнее. С одной стороны, Набоков использует в пьесе каноны и клише приключенческого авантюрного романа, но инвертирует и пародирует их. С другой – насыщает текст узнаваемыми отсылками

⁷ Ср. в переводе С. Б. Ильина: «Открылась Ольга, сидящая перед зеркалом после бала, снимающая драгоценности. Еще затянутая в вишневый бархат, она закинула назад сильные, неровно светящиеся локти, приподняв их как крылья, и стала расстегивать сверкающий ошейник. Он сознавал, что вместе с ожерельем снимутся и позвонки <...>. Вспышка, щелчок: обеими руками она сняла прекрасную голову и <...> поставила прекрасную поделку на мраморную полку туалетного столика. И тут он понял, что следом пойдет и все остальное: бронзоватые лодочки со ступнями, перстни вместе с перстами и перси вместе с баюкающими их кружевами... <курсив мой. – В. П.> (Набоков 1997, 1: 270).

⁸ Ср. в переводе С. Б. Ильина: «Он был небесталанным писателем, написавшим дватри запоминающихся научно-фантастических рассказа или романа» (Набоков 1997, 3: 615–616).

конкретно к роману Толстого, изобличая ряд банальностей и узость жанровых рамок.

Перечислим эти клише.

3.1) Главный герой и его действия. Изобретатель-авантюрист, страдающий от нищеты и бурных амбиций, стремится захватить власть над миром, преуспевает и затем терпит сокрушительный крах (Петр Гарин и Сальватор Вальс). Избирает путь угроз и демонстрации своей волшебной силы (фантастического прибора); не гнушается обманом, шантажом, воровством и т.п. Те, к кому он обращается за деньгами и с предложением продать прибор, поначалу не верят ему и считают шарлатаном. (У Толстого миллионер Роллинг выгоняет Гарина; у Набокова министр говорит, что это «Старая история о фантастической машине, которая будто бы производит взрывы на расстоянии». (Набоков 2000, 5: 528), то есть уже в речи персонажа подчеркивается осознаваемая им банальность фабулы).

Демонстрации сопровождаются разрушениями, а захват власти – социальными катаклизмами (Гарин не только убивает врагов гиперболоидом: он производит взрыв на анилиновом заводе, что влечет за собой массовые жертвы; Вальс взрывает сначала знаменитую своей красотой гору, затем Санта-Моргану, прекрасный город в соседней стране)⁹. Приобретение власти над миром сопровождается детальными описаниями немислимой роскоши и изысканности, в которой отныне живет изобретатель-диктатор.

3.2) Фигура изобретателя носит черты романтизированного дьявольского облика, но при этом он претендует на спасение мира. В облике Гарина есть черты, характерные для описания романтического воплощения дьявола в литературе XIX–XX века: черная бородка, темные глаза, обведенные тенью, бледность, насмешливость, глумливость – Гарин постоянно надо всеми издевается. Он обещает избавить человечество от власти денег – роняет золотой стандарт, делает оливиновое золото доступным, что

⁹ Толстой описал в романе взрыв химических заводов в Германии, опираясь на реальное событие: взрыв 21 сентября 1921 года на анилиновом заводе компании BASF в городе Оппау близ Мангейма, где подрывные работы повлекли взрыв тонн аммиачной селитры, разрушивший городок и погубивший 560 человек.

вызывает социальные катаклизмы, то есть «люди гибнут за металл» буквально. Имя Вальса – Сальватор, т. е. «спаситель»¹⁰.

3.3) Изобретатель объясняет другим персонажам принцип действия своего прибора. У Толстого это пространные отступления в жюль-верновском духе, с чертежами и формулами гиперboloида; у Набокова принцип действия прибора «телемор» объяснен кратко и невнятно, потому что Вальс получил его от «родственника» и сам не понимает, как работает прибор: так создается намеренно комический эффект, возможно, по контрасту с осмеиваемым затянутым описанием у Толстого.

3.4) В число персонажей входит красавица *femme fatale*. У Толстого это русская авантюристка Зоя, предположительно с аристократическим прошлым, танцовщица (такова ее легенда для газетчиков), принявшая французскую или космополитическую идентичность и эффектную фамилию Монроз; помощником Вальса объявляет себя, втираясь к нему в доверие, трикстер-журналист Сон, который появляется из шкафа, где подслушивал торг Вальса и министра. В ремарке отмечено, что эту роль может играть женщина.

3.5) Говорящие или символические имена большинства персонажей. В романе Толстого, при всей его солидной, основательной реалистичности, есть и система говорящих имен.

Фамилия *Гарина* образована от слова «гарь», связана с горением, огнем и, что логично, с лучом смерти – гиперboloидом, поджигающим и взрывающим на расстоянии; он – персонификация своего прибора. Придя к Роллингу на прием под чужим именем, Гарин представляется говорящей, но дьявольски-издевательской фамилией Пьянков-Питкевич («пьяница»-«пить»). В фамилии *Зои Монроз* запрятан двойной смысл: французское «*mon rose*» (букв. «моя роза») и русское «мороз», сочетание русского и европейского, французского, и красоты и холодности – основных атрибутов авантюристки, русской по происхождению. Символическая фамилия

¹⁰ Отметим, что аналогичное говорящее имя носит доктор Сальватор в фантастическом романе Александра Беляева «Человек-амфибия» (1927), который спасает умирающего мальчика, вживив ему жабры.

героического и нестигаемого советского агента, *Шельга*, образована, скорее всего, от слова архангельского «шельга», то есть «скалистый берег, горный хребет», из *карельск.* šelgä, *фин.* selkä «кряж» (см.: Фасмер 1986–1987, 4: 426). Фамилия *Роллинг* – от англ. “rolling”, «то, что катится». По ходу сюжета он *скатывается* от миллиардера до разоренного бессильного старика, марионетки-прихлебателя Гарина. Фамилия *Манцева*, обманутого Гариным изобретателя, восходит к прозвищу Манца. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля встречается слово «манцерить» в значении «манить, обнадеживать, обещать» (Даль 1999, 2: 297).

В пьесе Набокова также присутствуют говорящие имена, но они носят гораздо более комический и гротескный характер, что соответствует и духу пьесы, и ее пародийным установкам: *Сальватор Вальс* – это и «спаситель» (Salvator), и ритм танца (Waltz). (Любопытно, что министр по ошибке называет его Сильвио, а это имя героя пушкинской повести «Выстрел», где есть мотивы угрозы, смерти, отложенной мести.) В фамилии журналиста *Сон* запрятана важная подсказка: намек на то, что все происходящее в пьесе окажется грезой безумца Вальса; генералы, швейцар, чиновники условны, предстают как взаимозаменяемые безликие персонажи – так, швейцар Гриб затем исполняет роль архитектора:

Входят повар Гриб, шофер Бриг, дантист Герб, надзирательница Граб, учитель спорта Горб, садовник Брег, врач Гроб. Все в одинаковых черных костюмах, причем Гриб надел поварской колпак, а Граб – юбку (Набоков 2000, 5: 573).

Как видим, все они носят созвучные комические имена на грани скороговорки или глоссолалии: *Гриб, Брег, Груб, Гроб, Бриг, Берг, Герб*, в сцене с персоналом расставленные так, чтобы создавать комический эффект говорящих фамилий: доктор Гроб, повар Гриб, учитель спорта Горб. В сцене совещания генералов в ремарке отмечено, что двое из них представлены куклами и, когда их о чем-то спрашивают, «те, понятное, молчат» (Набоков 2000, 5: 543). Генерал Берг еще и издает кашель «Грах, грах, грах» (Набоков 2000, 5: 543), перекликающийся со словами «крах» и «прах». Это

звукоподражание-триада также ритмически перекликается со счетом «раз-два-три», когда генералы пересчитывают друг друга – счетом вальса. Совещание генералов (а совещание героя и его подручных – или их антагонистов – обязательное клише авантюрного романа) обращается в пародию: генералы ведут себя как школьники, не выучившие урока, один читает стихи, другой жалуется, что не подготовился, третий ябедничает.

Итак, те же канонические клише, которые в полной мере присутствуют в романе Толстого, в пьесе Набокова доведены до гротеска, абсурда, пародии. И именно в этих точках перехода к абсурду и пародии проступают явные и узнаваемые отсылки к роману Толстого. Эта переходная грань, ступение красок очень отчетливо видны на примере клише, связанного с роскошью.

Вальс, став диктатором, вызывает к себе лучших архитектора, садовника, повара и т. д. и подробно объясняет им всем, какой роскошью хотел бы себя окружить – при этом изъясняясь выпренными банальностями. Он упоминает нищету, которой хлебнул в молодости. Однако происходит комическая путаница: оказывается, что кулинарные грезы горе-диктатор описывал архитектору, и так далее. Сникший Вальс просит мэтров пересказать его мечты друг другу. (Здесь, кстати, использованы комические приемы, во многом напоминающие те, которыми пользовался драматург Евгений Шварц в «Голом короле» [1934], «Тени» [1940], «Драконе» [1944] и других пьесах.)

В романе Толстого подобные мечты и планы делегированы Зое, в какой-то степени alter ego Гарина, и она всерьез разрабатывает придворные церемониалы, строит дворцы, намерена свезти на Золотой остров сливки богемы и создать «дивный новый мир»¹¹. Когда мечты отчасти реализуются, Гарин начинает ими тяготиться: скучает от этикета, мечтает об утренней рюмке коньяку,

¹¹ Не исключено, что в текстах Толстого и опосредованно Набокова содержится также отсылка к научно-фантастическому роману Жюль Верна и Андре Лори (Паскаля Груссе) *Les cinq cents millions de la Béguin* («Пятьсот миллионов бегумы», 1879), где огромное богатство тратят на строительство города здоровья и благоденствия Франсевилля. Я благодарю М. Я. Вайскопфа за это ценное замечание.

несовместимой с его новым публичным имиджем праведника и трезвенника. Кроме того, его лишают пылкого романа с Зоей и навязывают ему невест – он пачками получает письма с фотографиями одинаковых мечтательных мордашек поклонниц. Затем в сцене завтрака ему докладывают о старой деве, которая подозрительно долго смотрела на окна его резиденции.

У Набокова Вальс, смущенно сознавшись помощнику-Сну в своем застарелом целомудрии, требует принести ему альбом с фотографиями всех юных девушек столицы и привести на выбор красавиц. Однако приводят калек, старух и уродин, причем Сон дьявольски-глумливо настаивает, что они хороши, а потом выставляет их фразой «уходите, красотки. Султан не в духах» (Набоков 2000, 5: 579). Набоков доводит до комедии и абсурда мотив, который намечен и у Толстого – мечта переходит в подобие кошмарного сна. Сам мотив сна, грезы и мечты очень важен и в романе Толстого, и в пьесе Набокова. Естественно, в обоих текстах изобретатели много мечтают. Героини становятся их единомышленницами и alter ego. Гарин по радиосвязи заклинает Зою, которая плавает на яхте Роллинга, мечтать как можно дерзновеннее: «Желай, сходи с ума – это хорошо» (Толстой 1988: 123). До этого осознание ловушки, расставленной Гарину, приходит Зое *во сне* (в Париже). Обоим авантюристам удастся воплотить свои *грезы*, чтобы затем они рассыпались. Гарин свергнут, бежит, теряет власть, затем терпит кораблекрушение на яхте. Вальсу все происходящее с ним, как явствует из финальной сцены пьесы, примерещилось в бреду: никакого телемора, взрывающего на расстоянии, у него нет; за адскую машину он принимает стук своего сердца и из приемной министра его осторожно выводят в сумасшедший дом. (Подсказкой служило то, что на протяжении пьесы Вальс боялся любых заводных игрушек.) Кроме того, в этом сне о сбывшейся мечте все время проступали образы из прошлого самого Вальса: то он видел игрушечный автомобиль, потерянный в детстве, то одна из красоток запевала жестокий романс о каторжниках, который Вальс когда-то сам написал. Важно, что образы этого романса выдержаны в несомненно русском ключе, что резко выделяется на общем

космополитически-фантастическом антураже пьесы. Это отсылка к русскому прошлому Петра Гарина, который пытается превратиться в европейца и берет псевдоним Пьера Гарри, но русское преступное прошлое его не отпускает.

Роман Толстого и пьесу Набокова также объединяет мотив сказочной страны или острова, несбывшейся утопии-мечты, связанный с мотивом сна, и подчиненные ему топонимы. Гарин захватывает в океане остров, который называет Золотым, и поднимает на нем свой флаг. Там он основывает подобие королевства, гиперболоидом добывает из-под земли жидкое золото, там же строит дворец, напоминающий дворец Ирода, где Зоя воплощает свои грезы о роскоши. Потерпев крах и кораблекрушение, Зоя и Гарин попадают на крошечный коралловый риф и десятилетиями живут на острове, укрываясь от дождя и ветра сафьяновыми томами придворного этикета мадам Ламоль, королевы Золотого острова – разработками Зои. Поскольку делать им нечего, они или читают эти тома, или спят, причем Гарин «переживает во сне занимательные истории» (Толстой 1988: 284), как предполагает автор.

Мечтатель Сальватор Вальс собирается возвести дворец и выбирает себе в качестве резиденции некий остров Пальмора, о котором никто из других персонажей никогда не слышал (это указание на фантастическую, выдуманную природу острова). Его название перекликается с «Пальмирой», а Северная Пальмира – традиционное поэтическое название Петербурга, для Набокова – недостижимого утраченного рая. Кроме того, в пьесе упоминается город Санта-Моргана, что перекликается со словом «фата-моргана», обозначающим мираж; это намек, что происходящее с Вальсом ему снится. Условно говоря, «Изобретение Вальса» – это, быть может, одна из тех «разных занимательных историй», которые приснились потерпевшему крах диктатору Гарину на необитаемом острове.

Подведем итоги. Какую функцию выполняют все эти «нетки» из Толстого и Грина в произведениях Набокова – отражения «Гиперболоида» и «Блистающего мира»? Представляется, что Набоков не просто использует отдельные шаблоны романтизма, которые были освоены приключенческой фантастической литературой.

Красноречивые совпадения указывают на тексты предшественников, к которым Набоков, цитируя *The Real Life of Sebastian Knight* (1941), прибег как к “springboard” (Nabokov 1996: 70; «подкидной доске». – Набоков 1997, 1: 97): они обеспечили ему высоту и дальность прыжка. К тому же, как неоднократно отмечали исследователи, это всегда была его излюбленная стратегия: от чего-то оттолкнуться не только ради победы в литературной войне, а ради, продолжая метафору, самого прыжка, полета, выхода за рамки канона и жанра. Суть того, что делает Набоков, очень точно выражает цитата из «Приглашения на казнь»: на банкете у городского головы: «Слуги <...> резво разносили кушанья (иногда даже перепархивая с блюдом через стол)» (Набоков 2000, 5: 160). Здесь Набоков оживляет омертвелый штамп «так и летали по залу» – продлевает и развивает его, открывая простор для новых смыслов и освежая восприятие читателя.

Точно так же Набоков расширяет и преодолевает границы жанра: в случае Грина и Толстого – жанра фантастического и авантюрного романа и отчасти антиутопии; он берет то, что ему потребовалось, и создает произведения, которые невозможно уложить в рамки ранее существовавших жанров. (Эту стратегию Набоков неоднократно использовал и потом: так, «Лолита» была собрана из элементов исповеди и детектива.) Как и Цинциннат, Набоков снова и снова обретает свободу от жанровых шаблонов, силой воображения рушит их «картонные кирпичи» (Набоков 2000, 4: 187) и идет дальше.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вайскопф М. 2012. Влюбленный демиург: Метафизика и эротика русского романтизма. М.: Новое литературное обозрение.
- Грин А. 1965. Блистающий мир. – Грин А. Собр. соч.: В 6-ти тт. Т. 3. М.: Правда. С. 66–214.
- Даль В. И. 1999. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык.
- Долинин А. 2019а. Истинная жизнь писателя Сирина: Работы о Набокове. СПб: Symposium.

- Долинин А. 2019b. Комментарий к роману Владимира Набокова «Дар». М.: Новое издательство.
- Долинин А. А. 2019с. Набоков и советская литература («Приглашение на казнь»). – *Slavica Revalensia*. Vol. VI. С. 9–44.
- Набоков В. 1997. Собр. соч. американского периода: В 5-ти тт. Т. 1, 3. СПб.: Симпозиум.
- Набоков (Сиринъ) В. 2000. Собр. соч. русского периода: В 5-ти тт. Т. 3–5. СПб.: Симпозиум.
- Сконечная О. 2000. Примечания <к «Приглашению на казнь»>. – Набоков (Сиринъ) В. 2000. Собр. соч. русского периода: В 5-ти тт. Т. IV. СПб.: Симпозиум. С. 603–634.
- Толстая Е. Д. 2017. Два мэтра: Алексей Толстой в прозе Набокова. – Толстая Е. Д. Игра в классики: Русская проза XIX – XX веков. М.: Новое литературное обозрение. С. 470–490.
- Толстая Е. Д. s.a. Поэтика псевдоперевода: Набоков и Грин. – Набоков и современники: Сборник статей. СПб.: Симпозиум (*в печати*).
- Толстой А. Н. 1988. Гиперboloид инженера Гарина. Рассказы. М.: Издательство «Правда».
- Толстой Ив. 2021. В оливиновом мореке. – Химеры и трагедия: Пять эссе об Алексее Толстом. СПб.: Издательство РХГА, 2021. С. 132–172.
- Фасмер М. 1986–1987. Этимологический словарь русского языка: В 4-х тт. / Пер. с немецкого и дополнения члена-корреспондента АН СССР О. Н. Трубачева. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Прогресс.
- Davydov, S. 1982. „Teksty-matreški“ Vladimira Nabokova. München: Verlag Otto Sagner.
- Nabokov, V. 1973. *Strong Opinions*. New York et al.: McGraw-Hill Book Company.
- Nabokov, V. 1996. *Novels and Memoirs 1941–1951. The Real Life of Sebastian Knight. Bend Sinister. Speak Memory: An Autobiography Revisited*. New York: The Library of America.
- Tadevosyan, M. 2005. *The Road to Nowhere, a Road to Glory: Vladimir Nabokov and Aleksandr Grin*. – *The Modern Language Review*. Vol. 100. No. 2. P. 429–433.

REFERENCES

- Dal', V. I. *Tolkovyĭ slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka*. Moscow: Russkii iazyk, 1999.
- Davydov, S. „*Teksty-matreški*“ *Vladimira Nabokova*. Munich: Verlag Otto Sagner, 1982.
- Dolinin, A. *Istinnaiia zhizn' pisatel'ia Sirina: Raboty o Nabokove*. Saint-Petersburg: Symposium, 2019.
- . *Kommentarii k romanu Vladimira Nabokova "Dar"*. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2019.
- . “Nabokov i sovetskaia literatura (‘Priglasenie na kazn’).” *Slavica Revalensia* 6 (2019): 9–44.
- Grin, A. “Blistaiushchii mir.” In *Sobranie sochinenii*. 6 vols. Vol. 3, 66–214. Moscow: Pravda, 1965.
- Nabokov, V. *Strong Opinions*. New York et al.: McGraw-Hill Book Company, 1973.
- . *Novels and Memoirs 1941–1951. The Real Life of Sebastian Knight. Bend Sinister. Speak Memory: An Autobiography Revisited*. New York: The Library of America, 1996.
- . *Sobranie sochinenii amerikanskogo perioda*. 5 vols. Vol. 1, 3. Saint-Petersburg: Symposium, 1997.
- . *Sobranie sochinenii russkogo perioda*. 5 vols. Vol. 3, 4, 5. Saint-Petersburg: Symposium, 2000.
- Skonechnaia, O. “Primechaniia [k ‘Priglaseniiu na kazn’].” In *Sobranie sochinenii russkogo perioda*, by Vladimir Nabokov (Sirin). 5 vols. Vol. 4, 603–34. Saint-Petersburg: Symposium, 2000.
- Tadevosyan, M. “*The Road to Nowhere, a Road to Glory: Vladimir Nabokov and Aleksandr Grin*.” *The Modern Language Review* 100, no. 2 (2005): 429–33.
- Tolstaia, E. D. “Dva metra: Aleksei Tolstoi v proze Nabokova.” In *Igra v klassiki: Russkaia proza XIX – XX vekov*, 470–90. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017.
- . “Poetika psevdoperevoda: Nabokov i Grin.” In *Nabokov i sovremenniki: Sbornik statei*. Saint-Petersburg: Symposium (forthcoming).
- Tolstoi, A. N. *Giperboloid inzhenera Garina. Rasskazy*. Moscow: Izdatel'stvo “Pravda,” 1988.
- Tolstoi Iv. “V olivinovom moroke.” In *Khimery i tragediia: Piat' esse ob Aleksee Tolstom*, 132–72. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo RKhGA, 2021.

Vaiskopf, M. *Vliublennyi demiurg: Metafizika i erotika russkogo romantizma*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012.

Vasmer, M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka*. 4 vols. Translated from the German and expanded by O. N. Trubachev. 2nd ed. Moscow: Progress, 1986–87.

||

УЧЕНИКИ И УЧИТЕЛЯ ТЕНИШЕВСКОГО УЧИЛИЩА

(по школьным журналам и архивным документам)

М. Г. Сальман
(С.-Петербург)

С 5 по 15.01.1902¹ в Петербурге проходил съезд директоров и представителей попечительных советов коммерческих училищ. К открытию съезда в Тенишевском училище открылись выставки «образцовых учебных пособий, классной мебели² и ученических работ»

¹ См.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 6. Л. 29. Даты приводятся по старому стилю, в цитатах из документов используется современная орфография и пунктуация, хотя и сохраняется написание прописных и строчных букв (к цитатам из ученических журналов это не относится). Общеизвестные имена не комментируются.

² Парты были «весьма мудреной конструкции: костяк железный, а из дерева лишь сиденья, попитры и две полочки под попитрами. <...> Сиденья и попитры можно с точностью до сантиметра поднять или опустить применительно к росту и телосложению ученика. <...> А на полочках места достаточно для всех его учебников, тетрадей, пенала и пр. Все это должно оставаться в классе, всегда должно быть под рукой, в школе ничто не может пропасть. А домой на вечер разрешается уносить лишь то, что необходимо для выполнения заданного на завтра» (Розенталь Л. 2010: 483). Лазарь Владимирович (Вульфович) Розенталь (13.06.1894–1990) иудейского вероисповедания, сын купца 2-й гильдии Вульфа-Мойсея (Вульфа Залмановича; Владимира Соломоновича) и Елизаветы, урожденной Сыркин (см.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61258. Л. 22. Л. 25. Копия. Л. 28. Копия). Первоначально обучался в Петришуле, осенью 1906 был принят в 3-й класс Тенишевского училища (см.: Розенталь Л. 2010: 5). Окончил училище в мае 1912 и поступил на словесное отделение историко-филологического факультета. 21.09.1918 он обратился к декану с просьбой разрешить ему получить выпускное свидетельство, не сдавая зачеты по двум семинариям. «Я поступил в университет в 1912 г., окончил словесное отделение и затем поступил на историческое в 1917 г.; и сдал все требуемые испытания и во все время моего пребывания в университет> работал у проф. Айналова, а в 1917 г. – полгода у проф. Гревса. <...> В настоящее время нахожусь на службе в Нижнем Новгороде и не имею возможности приехать в П<етро>гр<ад> для сдачи этих зачетов» (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61258. Л. 47). Выпускное свидетельство, в котором сказано, что он «имеет восемь зачетных полугодий», Розенталь получил 16.10.1918 (см.: Там же. Л. 46). В январе 1916 женился на Эсфири Семеновне Фишбеин (см.: Там же. Л. 38) и в том же году стал репетитором В. В. Набокова по математике (см.: Розенталь Л. 2010:

(Материалы 1902: II). На съезде обсуждались самые разнообразные вопросы, например, вопрос о замене годовых курсов семестрами, как это делается в Германии, что было бы очень важно для учеников, остающихся на повторительный курс, так как в этом случае они теряли бы не год, а полгода. Тотчас последовало возражение, что эта система не в нравах русского народа и вызовет бюджетные затруднения, поскольку может оказаться недостаток в преподавателях³.

Обсудили также вопрос об ученических библиотеках⁴ и признали желательным «предоставить педагогическим комите-

236–240). О дальнейшей его жизни см. его мемуары и научный аппарат к ним. Дмитрий Власевич Айналов (1862–1939) окончил в 1888 историко-филологический факультет Новороссийского университета (Одесса), изучал византийское и древнерусское искусство. С 1903 по 1918 был профессором Петербургского университета, с 1914 чл.-корр. АН. С 1921 служил в Эрмитаже хранителем отделения голландской живописи, тогда же избран действительным членом Института истории искусств, с 1924 преподавал на Высших курсах при институте (подробнее см.: Анфертьева 1995: 259–312). Весной 1912 Мандельштам записывался на лекции Айналова об искусстве итальянского Возрождения, осенью 1913 – на лекции о готическом искусстве, весной 1915 – на лекции о Ренессансе и по истории немецкого искусства (см.: Сальман 2010: 456, 463, 466). Л. Розенталь вспоминал рассказ учившегося с ним в университете В. В. Вейдле, «как в предыдущем году вздорил с профессором Осип Мандельштам, оба чудили, Мандельштам пытался изучать французскую готику» (Розенталь Л. 2010: 152).

³ См.: Материалы 1902: 26, 27, 1-я паг. Предложение ввести семестровую систему в Тенишевском высказал на заседании Педагогического комитета 27.01.1906 преподаватель русского языка В. Ф. Мушников, которого поддержал преподаватель математики А. Б. Сахаров (см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 8. Л. 122 об.). Ее ввели с начала 1906–1907 учебного года (см.: Мец 2020: 29; книга фактически издана в 2019, мы указываем год по титульному листу). О Мушникове см. прим. 45, о Сахарове – прим. 88.

⁴ О тенишевской библиотеке сохранилось очень мало информации. Из денежного отчета Общеобразовательной школы, открывшейся в 1898, следует, что до апреля 1899 на книги для учеников было истрачено 126 руб. 20 к.; с апреля по декабрь 1899 на фундаментальную библиотеку (для преподавателей) потратили 47 руб. 25 к., а на составление каталога 50 руб. (см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–1 об. Л. 3 об.). На фундаментальную библиотеку в 1902–1903 было израсходовано 142 руб. 38 к., на ученическую – 249 руб. 20 к. (см.: Там же. Д. 55. Л. 20). Осенью 1903 Хозяйственный комитет под председательством директора, рассматривая смету на 1903–1904 учебный год, положил истратить 600 руб. на фундаментальную и ученическую библиотеки (см.: Там же. Д. 67. Л. 1). После открытия училища осенью 1900, на одном из первых родительских собраний, директор сказал: «Предлагая ученикам хорошо составленную библиотеку, мы в то же время не можем принимать каких-либо энергичных мер к тому, чтобы дети читали только то, что мы им предлагаем, ибо тогда чтение носило бы характер принудительности, урока, что нежелательно. Поэтому желательно было бы,

чтобы родители приняли участие в направлении чтения детей» (Там же. Д. 34. Л. 6 об.). Нередко директор сам подбирал книги для младших учеников: «Нас стоит пятнадцать человек перед библиотечным шкафом и мы ждем Ал<ександра> Як<овлевича>: он будет нам выдавать книги. Наконец он пришел, все с нетерпением ждут, когда будет их очередь. Наконец ты у шкафа. Ал. Як. берет взятую тобою раньше книгу и спрашивает “Что же тебе дать?”, и ты заранее знаешь, что все, что он тебе даст, будет интересно и подойдет к твоему складу» (Вольф 1908: 16). Приведем таблицу, показывающую число названий и томов фундаментальной библиотеки в 1902–1903 учебном году.

Книг	Названий	Томов
	628	828
По философии	2	3
По математике, астрономии, физике	14	17
По истории	69	176
По русской и иностранной беллетристике, истории литератур, учебные книги по русскому языку	59	105
По географии, этнографии, этнологии, антропологии, геологии, палеонтологии	212	327
По естествознанию	25	35
По искусству	1	6
По праву, статистике	3	3
По народному образованию	75	76

См.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 55. Л. 19. Не стоит удивляться обилию книг по географии и этнографии. Библиотекарем в училище был Николай Ильич Березин (6.08.1866–1938) – сын ученого-ориенталиста И. Н. Березина. Он окончил в 1891 естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета с дипломом 1 степени, в 1899–1902 преподавал географию в Николаевском кадетском корпусе, вел уроки в Тенишевском с его открытия (см.: Сальман 2013b: 202). Уроки географии начинались во 2-м классе, по 3 урока в неделю, а с 3-го по 6-й класс – 2 урока в неделю (см.: Памятная книжка 1902: 18). Он был организатором и участником школьных экскурсий, а также воспитателем класса, в котором учился Мандельштам (подробнее см.: Сальман 2013b: 200–211). Березин был известен как библиофил, переводчик с немецкого и английского языков, как автор пособий для учеников и учителей, десятков популярных книг для детей, переиздававшихся в 1920-е гг. Вот несколько заглавий: «В когтях халифа. Рассказы пленных европейцев о царстве Махди» (1901); «Три кругосветных плавания Джемса Кука». Переделал с нем. Н. Березин (1902); «В Среднем царстве. Очерки жизни и быта в Китае» (1902); «В стране жадности и рабства. Путешествие Нахтигала через Сахару и Судан» (1904). О Березине в одном из рассказов вспомнил Набоков. «Чуть изменив фамилию (Березовский), он возникает в рассказе “Лебеда”, где сохранит профессию и даже почти точное название одного из своих произведений. “ЧАО-САН, страна утра. Корея и корейцы. С тринадцатую рисунками и картой в тексте”» (Сконечная 1991: 112). Имеется в виду издание: «ЧАО-СЯН. Страна утра. Корея, ее природа, жители, их прошлое и современное состояние. С 13 рис. и

там право приобретать книги и из числа не вошедших в изданный министерством народного просвещения каталог книг для ученических библиотек, но с сообщением в учебный отдел» (Материалы 1902: 39, 1-я паг.) министерства финансов (в подчинении которому находились коммерческие училища).

Директор Тенишевского училища Александр Яковлевич Острогорский⁵ выступил с докладом об ученических

картой Кореи в тексте» (1904). Возможно, что существовал печатный (машинописный?) каталог ученической библиотеки; так, когда в 1902 директор Рижского коммерческого училища Эрнест Эдуардович Фризендорф обратился к Острогорскому с просьбой прислать каталог «ученической библиотеки, в печати или в рукописи», Острогорский ответил, что «просимый каталог ученической библиотеки еще не готов и будет мною немедленно по его отпечатании выслан Вам» (ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 6. Л. 63. Л. 79).

⁵ Александр Яковлевич Острогорский (Гродно, 20.10.1868–1.10.1908, СПб) – младший сын директора трехклассного училища для еврейских девочек, в 1887 окончил гродненскую гимназию (см.: Сальман 2013а: 170). В письме к старшему брату Моисею от 21.06.1887 признавался, что его тянет «быть преподавателем русской литературы. Во-первых, мне нравится само учительство, во-вторых, к<а>к занятие, оно одно из самых почетных и больше всего могущих принести пользу. Больше всего развил во мне желание быть преподавателем рус<ской> лит<ературы> скверное преподавание этого предмета у нас в гимназии, с одной стороны,<.> и важность этого предмета, к<а>к развивающего элемента, с другой стороны. Деятельный и знающий учитель рус<ской> лит<ературы> может вывести в люди не одно поколение. И раз я посвятил бы себя этому занятию, я уверен, что я довел бы именно дело к желанной цели. Но, к сожалению, быть преподавателем в гимназии невозможно и, равным образом, никакой возможности не предвидится» (ОР РНБ. Ф. 1160. Ед. хр. 1373. Л. 10 об.). В 1888 поступил на юридический факультет Петербургского университета. Во время обучения писал рецензии в педагогических журналах, занимался репетиторством, среди его учеников был и сын князя В. Н. Тенишева. В письме от 8.03.1892 Острогорский сообщал брату Моисею: «Я получил урок у княгини Тенишевой 125 р<уб>. в месяц на всем готовом; обязанности мои состоят в присмотре за ее сыном, учеником IV класса<.> исключительно пока он приготавливает уроки. <...> Служба моя считается с 1 Мая, к исполнению обязанностей я обязан явиться только к 1 Июля в деревню в Орловской губ.» (Там же. Ед. хр. 1375. Л. 29–29 об.). Княгиня Тенишева – Анна Дмитриевна Тенишева (урожд. Замятнина; 1852–1934), первая жена князя. Их сын Вячеслав (1878–1959) в марте 1892, выдержав 9 экзаменов, был принят в 4-й класс частной гимназии Я. Г. Гуревича (см.: ЦГИА СПб. Ф. 171. Оп. 2. Д. 3249. Л. 1 об.). Занятия с мальчиком продолжались, по-видимому, несколько лет, т. к. в его личном деле сохранилась расписка Острогорского: «Метрическое свидетельство ученика VII класса гимназии Гуревича Вячеслава Тенишева по доверию княгини Анны Дмитриевны Тенишевой получил 30 августа 1895 г. А. Острогорский» (Там же. Л. 4). Таким образом, знакомство

князя с Острогорским следует отнести не к 1896, как писал в некрологе директору преподаватель А. Б. Сахаров (подробную цитату из некролога см.: Мец 2020: 11–12), а к более раннему времени. Об этом знакомстве знали современники. Жена первого заведующего Общеобразовательной школой В. А. Герда вспоминала: «Алекс. Яковл. Острогорский был домашним учителем в семье князя Тенишева, который также желал открыть, главным образом для детей своего круга, независимую школу, обеспечив ее своими большими средствами. Тенишев любил повторять такой афоризм: “Нам, бедным богатым, очень трудно хорошо воспитывать детей, и моя школа должна обслуживать самостоятельные классы и быть широко обставленной”» (Герд 2005: 29. Я признательна покойному профессору А. С. Герду за возможность познакомиться с изданной им в количестве 50 экз. книгой его бабушки). История о репетиторстве, которую Сахаров то ли не знал (придя в училище только осенью 1904, спустя полтора года после смерти князя), то ли решил не сообщать в некрологе, дошла до поздних тенишевцев, хотя и в очень искаженном виде. Ставший крупным ученым-физиологом Е. М. Крепс (1899–1985), поступивший в училище в декабре 1908, т. е. уже после смерти Острогорского, писал в мемуарах, что князь решил дать своим двум сыновьям <на самом деле, второй сын князя умер в младенчестве. – М. С.> домашнее воспитание и Острогорский «взял на себя руководство воспитанием и образованием своих подопечных, пригласил опытных преподавателей по разным специальностям, и юноши были прекрасно подготовлены к поступлению в университет. Тенишев, желая отблагодарить А. Я. Острогорского, спросил у него, что бы ему хотелось получить в знак признательности за его труд. Острогорский предложил ему организовать среднее учебное заведение нового типа, где бы не было казенной муштры» (Крепс 1989: 10). О Е. Крепсе см. прим. 120. Учась в университете, Острогорский познакомился со своей будущей женой, дочерью отставного капитана 2-го ранга, Александрой Константиновной Леман (1871–1937, в эмиграции, см.: <https://gw.geneanet.org/reno58?lang=fr&m=N&v=OSTROGORSKY>). Брат Моисей, знавший о его чувствах, считал, что женитьба невозможна, поскольку для этого Александр должен креститься, а значит, ему следует разорвать с невестой. Александр пытался найти выход, не прибегая к крещению, одним из вариантов был отъезд за границу. Он писал Моисею 15.02.1892: «Я вполне согласен с тобой, что стать на практическую, рассудочную почву очень удобно: горя и страданий на половину убудет, жизнь станет далеко легче, но это не будет жизнь. <...> И ведь если б я был, что называется, влюблен безумно, то есть, конечно, все далеко легче бы было: безумная любовь, как всякий пыл, легко и быстро проходит, но мое чувство ровное, глубокое и постоянное. Подавить его трудно, разве перестать совсем чувствовать и только рассуждать. Но такая жизнь мучительна, но она будет еще мучительнее от того вечного сознания, которое уже никогда не может меня оставить, что я лишил счастья человека, который надеется во мне его найти, и обрек его такой же мучительной жизни, если не гораздо больше, потому что мне, конечно, как мужчине<,> легче забыться в труде и работе. <...> У нее нет отца, после смерти которого она осталась совершенно одна, без родного угла, т<a>к к<a>к с мачехой своей она не ладит, деятельности пред ней никакой, т<a>к к<a>к что у нас может заработать женщина, да кроме того расстаться с любимым человеком, в котором для нее в силу обстоятельств сосредоточилось все. Могу ли я при таких неравных условиях сделать

какой-либо шаг назад, не испробовав всех средств? <...> Занятия литературой – вот все, что может меня сколько-нибудь обеспечить здесь, но эти занятия можно вести за границей так же, как и здесь, если не лучше, так как заграничная жизнь даст больше материалу для писания в русских журналах, чем здешняя. Какое-нибудь место юристу в банке здесь, благодаря только происхождению, так же трудно получить, как за границей: там<,> по крайней мере<,> зависишь от способностей, знаний и связей, а здесь – происхождение и связи» (ОР РНБ. Ф. 1160. Ед. хр. 1375. Л. 23. Л. 24. Л. 24 об. Л. 25). В 1892 Острогорский закончил университет с дипломом 1-й степени. 21.12.1893 Острогорский, «находясь в Восточной Пруссии, в г. Stallupönen (с 1938 года – Ebenrode, с 1946 года – Нестеров Калининградской обл.), принял евангелическо-лютеранское вероисповедание, спустя два месяца, 3 марта 1894 года приказом министерства финансов он был определен на службу в департамент торговли и мануфактур, через год стал помощником столоначальника, а приказом “по Министерству Финансов от 26 Февраля 1898 г. за № 9 назначен Столоначальником Департамента Торговли и Промышленности” (Сальман 2013а: 171). В июне 1894 Острогорский узнал, что его оставляют при университете, но без стипендии (см.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 895; ОР РНБ. Ф. 1160. Ед. хр. 1287. Л. 1). В июне же состоялось бракосочетание с А. К. Леман (см.: Там же). В браке родилось четверо детей (подробнее см.: Сальман 2013а: 171). В том же 1894 вышли две книги, переведенные Острогорским с немецкого языка: Юлия (Юлиуса) Липперта «История культуры» (перевод сделан вместе с П. Б. Струве) и книга бернского профессора Карла Гильти (Hilty) «Счастье. Популярные лекции по нравственной философии» (в русское издание переводчик включил шесть глав из восьми, оговорив это в предисловии). Годом раньше очерки из книги Гильти («Искусство работать», «Искусство иметь время», «Счастье», «Мысли Эпиктета») Острогорский опубликовал в журнале «Образование», редактором-издателем которого он стал в 1896. После ареста В. А. Герда, шурина П. Б. Струве, Острогорский с 1.02.1899 начал, с разрешения помощника попечителя Петербургского учебного округа (см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 2. Д. 14. Л. 4 об. Л. 5; Мец 2020: 12) заведовать Общеобразовательной школой, с августа 1900 ставшей Тенишевским училищем. Кроме исполнения директорских обязанностей, он вел русский язык в младших классах и особый предмет – «чтение» (в 1-м классе читал вслух «Кавказского пленника» Толстого, несколько рассказов из «Записок охотника» Тургенева, «Сигнал» В. М. Гаршина, «В дурном обществе» Короленко, «Капитанскую дочку». Во 2-м и 3-м классах – большинство произведений Гоголя (подробнее см.: Острогорский 1907: 57). Тенишевцы вспоминали об этом «уроке»: «Дни, когда на расписании стояло “Чтение”, были счастливыми днями моей детской жизни <...> я все думал о моменте, когда мои товарищи усаживаются вокруг длинных столов в столовой и ждут, что сейчас к ним придет Александр Яковлевич и прочтет им что-нибудь такое, что им и понравится и заставит их подумать над многим. А как он читал, видно было, что он любил то, что он читал, видно было, что он стремится к тому, чтобы мы, также как и он, полюбили русскую литературу. И нужно сказать, что в отношении многих из нас он этого достиг» (Вольф 1908: 16). Жирмунский писал, как собирались «в столовой при свете жужжащего фонаря, и он читал нам сам или брал наши тетрадки с отметками о прочитанном» (Жирмунский 1908: 31). Весной 1908 Острогорский перенес тяжелую операцию по удалению опухоли

журналах⁶; о них говорили в комиссии по вопросам учебно-воспитательного характера на 2-м заседании съезда 12.01.1902⁷, тогда же обсудили и вопрос о школьной форме. Из доклада Острогорского следовало, что первый ученический журнал появился в училище осенью 1901⁸, на четвертом году существования учебного заведения.

В Тенишевском «существует уже ученический журнал, возникший между учениками помимо всякого воздействия со стороны школы; журнал этот не составляет ни для кого секрета, а потому это ограничивает грубое проявление юмора, который иначе мог бы выражаться в сатирах и карикатурах на преподавателей. Организовано дело таким образом, что между учениками же имеются редактор и цензор; возникающие недоразумения переносятся на суд товарищей; материалом для журнала служат более или менее интересные домашние работы, стихотворения, статьи по географии и естествоведению и даже небольшие рефераты из области других знаний; были случаи помещения в журнал от своего имени стихотворений другого автора; этот случай со стороны товарищей не был оставлен без внимания и лже-автор изобличен; один раз за все время выхода журнала пришлось начальству училища вмешаться в дело издания и указать на нежелательность помещения в журнале одного неуместного рассказа (перевод с

на ребре (саркома) и через полгода, не дожив до 40 лет, умер от рака легких (см.: Сальман 2013а: 171; ОР РНБ. Ф. 1160. Ед. хр. 1245. Л. 1 об.; ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 2. Ед. хр. 14. Л. 43). Похоронен на лютеранском участке Смоленского кладбища (см.: Б. п. 1908: 796).

⁶ В школах, находящихся в ведении министерства народного просвещения, ученикам было запрещено издавать журналы (см.: Материалы 1902: 15, 2-я паг). Однако на одном из заседаний съезда выяснилось, что в петербургской 8-й гимназии ученикам разрешили издавать свой журнал (см.: Там же: 16, 2-я паг).

⁷ См.: Материалы 1902: 9, 2-я паг. В этот же день, 12.01.1902, Острогорский подал просьбу в учебный отдел министерства финансов: «Имею честь покорнейше просить Учебный Отдел сделать зависящее распоряжение о возврате произведенных мною для заседаний Съезда директоров коммерческих училищ расходов по уплате за получение посылки из С.-Петербургской Таможни в сумме 29 руб. и на покупку чая, печенья и проч. – 85 руб., а всего сто сорок четыре рубля. Директор Острогорский» (ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 6. Л. 28). Чаю было куплено 6 фунтов, сахару 2 пуда 18 фунтов, лимонов 123 штуки, штрицелей 66 штук, печенья 33 фунта (см.: Там же. Л. 29).

⁸ А не в 1903, как предполагалось прежде (см.: Мец 2020: 36).

английского)»⁹. Острогорский считал, что училищному начальству не следует ни вмешиваться в дело издания, ни «вызывать среди учеников желания издавать журнал <...> надо только не мешать ученикам саморазвивать себя» (Материалы 1902: 14, 15, 2-я паг.)¹⁰.

По всей вероятности, в докладе имелся в виду машинописный журнал «Дневник школьников», который в 1901–1902 учебном году издавали второклассники (классов было два: основной и параллельный¹¹). За шесть месяцев вышло 11 номеров¹². Во 2-м классе тогда занимались будущие редакторы журнала «Тенишевец»: Виктор

⁹ В Тенишевском английский язык не преподавался (см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 6. Л. 177).

¹⁰ Что касается форменной одежды, то Острогорский высказался за «совершенное уничтожение формы» (в Тенишевском ее не было), а директор Тифлисского коммерческого училища Максимилиан Иосифович Фишер добавил, что за границей «ученики не имеют формы, и школьное дело от этого нисколько не теряет» (Материалы 1902: 6, 1-я паг.; 20–21, 2-я паг.). Вот как два тенишевца вспоминали об одежде школьников: «в коротких штанишках, шерстяных чулках и английских рубашечках» (Мандельштам 2009–2011, 2: 228–229); «В ходу были и модные тогда “матроски” и спортивные курточки. Но предпочтение отдавалось блузам из добротного темно-синего или черного сукна, весьма простого покроя» (Розенталь Л. 2010: 484).

¹¹ При открытии осенью 1900 в Тенишевском училище было шесть классов: один приготовительный, первый основной и первый параллельный, второй, третий и четвертый (см.: Памятная книжка 1902: 114–115; без пагинации, подсчитаны нами).

¹² См.: Зенченко 1959: 74. Наталья Стефановна Зенченко (1903–2002) – преподаватель педагогики в пединституте им. А. И. Герцена. Институт во время блокады был в эвакуации, в Ленинграде работало его вечернее отделение, деканом литфака в 1944 был Л. П. Якубинский. На факультете литературы, писала Зенченко А. С. Долинину 24.04.1944, «мне пришлось исключить из программы Достоевского, т. к. в Л<енингра>де некому было прочесть лекцию о нем» (ОР РНБ. Ф. 1304. Оп. 1. Ед. хр. 120. Л. 3 об.). Зенченко также читала лекции в лектории горкома ВКП(б), руководила воскресным университетом марксизма-ленинизма (см.: Там же. Л. 3–3 об). Она была женой Арсения Арсеньевича Смольевского (1923–2003), сына Ольги Александровны Ваксель, адресата мандельштамовских стихотворений (см.: Ваксель 2012). Кандидатская диссертация Зенченко посвящена деятельности коммерческих училищ в Петербурге начала XX в. При ее написании автор консультировался с В. М. Жирмунским (см.: Зенченко 1958: 15), с бывшими учениками Выборгского восьмиклассного коммерческого училища (ВВКУ), например, с историком В. Р. Лейкиной-Свирской (см.: Зенченко, Смольевский: 2006: 158) и с бывшими учителями (преподавательский состав ВВКУ отчасти совпадал с составом Тенишевского училища; см.: Зенченко 1958: 14, 50). Она работала с архивом М. К. Азадовского (см.: Зенченко 1959: 73), который преподавал словесность в старших классах Лесного коммерческого училища (см.: Райков 2011, 1: 406). О Лесном училище см. в прим. 18.

Жирмунский, Владимир Валенков, Константин Ляндау¹³, возможно, что «Дневник школьников» был их первым опытом.

¹³ О Владимире Валенкове см. прим. 87. О журнале «Тенишевец» в 1906–1907 и публикациях в нем Жирмунского см.: Лавров 2007: 546–547. Константин Ляндау (22.03.1890–1969, в эмиграции) – поэт, книгоиздатель, режиссер, мемуарист. Его отец – кандидат коммерческих наук Юлиан Адольфович Ляндау, иудейского вероисповедания, окончил Рижское политехническое училище (вскоре переименованное в Политехнический институт) и получил звание личного почетного гражданина, был директором правления Северной ткацкой мануфактуры (см.: Сальман 2010: 478; Сальман 2013а: 174). Мать – Фанни Шаскольская. Константин, учившийся классом младше Мандельштама, при крещении из иудейского в евангелическо-лютеранское вероисповедание получил имя Константин Петр (Konstantin Peter, см.: Там же). Окончил училище в 1908, в 1909–1916 был студентом словесного отделения историко-филологического факультета (см.: Сальман 2010: 478). О его дальнейшей жизни см.: Соболев 2017с: 254–291. Его старший брат Федор (6.06.1888–?, см.: Сальман 2013а: 174) был одноклассником Мандельштама. Заметим, что приводимое исследователями имя – Феодосий (см.: Мец 2020: 26; Соболев 2017с: 256) – не фигурирует ни в свидетельстве о крещении Федора от 8.08.1899 (когда он получил имя Fedor Landau, см.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 51208. Л. 8. Копия), ни в аттестате Тенишевского училища. Также ошибочно указан июль как месяц его рождения (см.: Мец 2020: 26). Федор окончил училище в 1907, «поступил на юридический факультет Петербургского университета, но 21 августа 1908 года подал прошение об увольнении» (Сальман 2013а: 174). Информация о Федоре вместе с архивными ссылками была заимствована П. М. Нерлером из нашей статьи (без ссылки на нее, см.: Нерлер 2018: 254, сн. 16, сн. 17). При этом произошла контаминация архивных ссылок из разных фондов: из дела, находящегося в архиве Тенишевского училища, и из студенческого дела Константина. Информация о том, что отец братьев Ляндау был директором правления Северной ткацкой мануфактуры, находится в деле училища (см.: Сальман 2013а: 174), а не в деле Константина, чье имя в сносках даже не упомянуто. Кроме того, автор, вероятно, полагал, что упоминание в 1-м примечании о наших статьях (см.: Нерлер 2018: 249–250), дает ему право на прямой плагиат. Сравним две цитаты: 1. «Известно количество еврейских детей в Тенишевском училище в 1902–1903 учебном году: в шестом и пятом классах – ни одного, в четвертом – один (Мандельштам), в третьем – один (В. М. Жирмунский), в третьем параллельном классе трое, во втором классе семеро (среди них был младший брат Мандельштама Александр и Я. Н. Блох), во втором параллельном трое, в первом – ни одного, в первом параллельном один, в подготовительном четверо и в подготовительном параллельном – один, итого двадцать два из 250 учащихся» (Сальман 2013а: 174); 2. «Известно количество еврейских детей, обучавшихся в Тенишевском училище в 1902–1903 учебном году: в шестом и пятом классах – ни одного, в четвертом – один (Мандельштам), в третьем – тоже один (Виктор Жирмунский), в третьем параллельном классе трое, во втором классе семеро (среди них еще не отчисленный Шура Мандельштам и Яша Блох), во втором параллельном – трое, в первом – ни одного, в первом параллельном – один, в подготовительном четверо и в подготовительном параллельном – один; итого: 22 на 250 учащихся» (Нерлер 2018: 254, со ссылкой на архивный шифр (сн. 21), взятый из нашей статьи).

Исследовательница заметила, что по «далеко не полным данным за шесть лет в Тенишевском училище (с 1901/02 по 1906/07 уч. год) насчитывается 14 названий выходивших там журналов» (Зенченко 1959: 74). Среди перечисленных ею – «Юный труд», «Досуг», «Буревестник», «Детская мысль»¹⁴, «Вперед», «Юная мысль»¹⁵, «Возрождение», «Юные силы», «Проблески мысли»¹⁶, «Жизнь», «Тенишевец», «Пробужденная мысль»¹⁷.

О журнале «Юные силы» известно, что он выходил ежемесячно в 1903–1904 (тираж 50 экз.), печатался на гектографе и стоил 20 коп. Редакционная комиссия под председательством учителя истории Арта Яковлевича Закса¹⁸ составила программу журнала:

¹⁴ Мемуарист писал о «Детской мысли» как о рукописном иллюстрированном журнале младшеклассников, выходившем в одном экземпляре (см.: Розенталь Л. 2010: 494).

¹⁵ Журнал выходил много лет, но с годовыми перерывами, издавался разными классами. Первый известный нам год его появления – сентябрь 1903, когда директор дал разрешение «литографировать для вверенного мне училища ученич<еский> журнал “Юная Мысль” в количестве ста двадцати пяти экземпляров» (ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 6. Л. 84). Ошибочно утверждение, что «Юная мысль» выходила лишь на протяжении трех лет, в 1914–1916 (см.: Балашова 2007: 51).

¹⁶ О нем исследовательница заметила: «Весь материал подается в довольно острой сатирической форме» (Зенченко 1959: 76).

¹⁷ Зенченко 1959: 75–78.

¹⁸ Арт Яковлевич Закс (15.05.1878–1938) – сын уездного врача, надворного советника Иакова Григорьева Закс и законной жены его Феодоры Христиановны Арт (см.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 33176. Л. 6. Копия). Отец (1851/2 – 15.06.1896) из купцов, в 1873 окончил со званием лекаря петербургскую Медико-хирургическую академию, занимался вольной практикой в Виленской губ., с января 1876 – земский врач в Порхове, в июле 1893 уволен от должности порховского уездного врача по домашним обстоятельствам, в феврале 1896 назначен на должность холмского уездного врача. Содержания получал 920 руб. в год. Умер 44 лет, «состоя на службе» (Там же. Л. 9 об. Л. 11 об.). Кроме Арта, в браке родилось еще четверо детей: Цецилия (4.03.1875–?), Елена (28.10.1880–?), Борис (30.9.1883–?), Владимир (3.07.1885–?). Шести лет, в 1884, Арт был «просвящен святым крещением» (Там же. Л. 6. Копия). С 1-го до 6-го класса учился в псковской гимназии, с 6-го по 8-й в петербургской 6-й гимназии; окончив ее в 1896, поступил на историческое отделение историко-филологического факультета Петербургского университета (см.: Там же. Л. 2. Л. 3. Л. 13). В мае 1897 подал прошение об освобождении от платы и о назначении «на 1897/8 уч. год стипендии в виду полной несостоятельности моей вдовы-матери, о чем прилагаю свидетельство». Псковское полицейское управление подтвердило, что вдова «пенсии никакой не получает, родственников <...> не имеет и существует единственно на деньги, получаемые от продажи разного движимого имущества, оставшегося после смерти мужа» (Там

же. Л. 34. Л. 35. Л. 36). Стипендию Заксу дали (300 руб. в год), в октябре 1899 он хлопотал, чтобы ее сохранили; от оплаты лекций он был освобожден (см.: Там же. Л. 46. Л. 55). Выпускное свидетельство Закс получил в марте 1900 (см.: Там же. Л. 51). Государственные экзамены он выдержал в 1901 и получил диплом 2-й степени, с осени 1902 стал преподавать из «платы по найму» историю в Тенишевском училище, с 1903 состоял в штате (см.: Там же. Ф. 176. Оп. 2. Д. 37. Л. 1 об. Л. 7. Л. 11) (преподавателям, служащим «по найму», не шел стаж, они не имели права на пенсию и, соответственно, освобождались от 2% вычета из оклада, который платили все преподаватели, «за исключением лиц духовного звания, освобождаемых от означенного вычета». – Там же. Оп. 1. Д. 1. Л. 10). Судя по документам, Закс уволился из училища 1.09.1907 (см.: Там же. Оп. 2. Д. 37. Л. 19). Вероятно, он прекратил преподавание раньше (см.: Мец 2020: 21). Должно быть, дело заключалось в том, что Закс был членом Всероссийского союза учителей и деятелей средней школы по народному образованию и представлял Союз на Втором делегатском съезде, проходившем с 4 по 7.06.1906 в Петербурге, а подобные организации запрещались указом «О временных правилах об обществах и союзах», который был издан 4.03.1906 (см.: Съезд учителей 1906: 8, 10). В декабре 1906 Закс был ненадолго арестован (см.: Мец 2020: 21). В конце 1907 Закс начал работать в Лесном восьмиклассном частном коммерческом училище совместного обучения (основанное по инициативе профессуры Политехнического института в 1904, оно находилось в пригороде Петербурга «Лесной», иначе «Лесное»). В марте 1908 он числился там сверхштатным преподавателем (см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 2. Д. 37. Л. 17. Л. 21). Коллега Закса по Лесному училищу вспоминал: «Вторым браком Менжинская была замужем за Артом Яковлевичем Заксом, очень культурным и одаренным евреем, педагогом-историком. <...> У этого Закса голова была вечно набита широкими планами, которые, однако, были трудно осуществимы; он не жил, а горел, не ходил, а летал, самозабвенно бросался на всякое идейное дело, был непоседлив, шумливо заступался за всё, что считал хорошим, и также шумливо нападал на всё, что считал дурным. Своим бескорытием, высокой любовью к науке, незлобием и гуманностью он имел хорошее влияние на старших учеников, которые его уважали» (Райков 2011, 1: 407–408; Юлия Ивановна Менжинская преподавала в Лесном училище географию. Ее первым мужем был Вячеслав Рудольфович Менжинский (1874–1934), большевик с 1902, он в молодости публиковал прозу, с 1919 служил в ВЧК, в 1926–1934 возглавлял ОГПУ). Один из преподавателей рассказал Зенченко о произошедшем в училище инциденте: «В коммерческом училище в Лесном был такой разительный случай. Известный педагог А. Я. Закс возвращался из дальней экскурсии с одним из старших классов; в вагоне, выведенный из себя лживым и дерзким поведением ученика Маркова, педагог не сдержался и ударил его по лицу. Тотчас, опомнившись, А. Я. Закс, несмотря на просьбы экскурсантов и самого Маркова не разглашать происшедшего, объяснил ученикам всю серьезность положения и сообщил о своем решении подать в отставку, что и сделал по приезде. И лишь письменное заявление от учащихся класса в Педагогический комитет, письменное обращение учащихся к самому А. Я. Заксу, ходатайство родителей» (Зенченко 1958: 24–25) заставили его остаться в школе. В 1910 Закс служил в организационной комиссии Курсов при обществе «Постоянная комиссия по организации курсов для учителей» (см.: ОР РНБ. Ф. 585. Ед. хр. 2927. Л. 1). Впоследствии преподавал в Твери, после 1917 много занимался экскурсионным делом.

«1) от редакции, 2) передовые статьи (по училищным делам), 3) беллетристика, 4) научные статьи, 5) критические статьи, 6) искусство, 7) училищные дела, 8) смесь» (Зенченко 1959: 76). Затем избрали редакцию из пяти учеников. По мнению исследовательницы, журнал был обстоятельный, но скучный¹⁹.

Другой исследователь сообщает, что, по сведениям А. А. Морозова²⁰, журнал «Юные силы» выходил с ноября 1903 по февраль 1904 (№№ 1–4) и редактировал его Мандельштам «вместе с В. М. Жирмунским, Ростовцевым и Шнитниковым». Мандельштам также «значился редактором-издателем журнала “Жизнь” (февраль–март 1904, № 1–2)»²¹ (Мец 2020: 17). Исследователь задается вопросом, кто именно из братьев Ростовцевых и братьев Шнитниковых мог быть редактором (наряду с Мандельштамом и Жирмунским) журнала «Юные силы»²². Поскольку Георгию Ростовцеву в это время было 10 лет и он учился во 2-м классе, то можно с большой степенью уверенности предположить, что редактором был 14-тилетний Лев Ростовцев. В 1903–1904 он был в 6-м классе, то есть классом старше Мандельштама и двумя классами – Жирмунского²³. Всеволод Шнитников²⁴ учился в одном классе со Львом. Борис

¹⁹ См.: Зенченко 1959: 76.

²⁰ Александр Анатольевич Морозов (1932–2008) – филолог, мандельштамовед, публикатор «Разговора о Данте», комментатор мемуаров Н. Я. Мандельштам. Об обстоятельствах издания «Разговора о Данте» см.: Левинтон 2010: 71–81.

²¹ Журнал «Жизнь» исследовательница охарактеризовала как юмористический (см.: Зенченко 1959: 76).

²² См.: Мец 2020: 17.

²³ См.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 64. Л. 6. Л. 12. О братьях Ростовцевых см. прим. 80.

²⁴ Всеволод Шнитников (31.03.1889–1921, в эмиграции, см.: Там же. Д. 96. Л. 44; Письма Е. Н. Чирикова 2020: 265). Матерью братьев Шнитниковых была Мария Николаевна (см.: Сальман 2013b: 208) (или Мария Ивановна) Гувениус, лютеранского вероисповедания (см.: ЦГИА СПб. Ф. 478. Оп. 1. Д. 2397. Л. 6. Копия), отцом – окончивший училище правоведения (см.: Там же) присяжный поверенный Николай Николаевич Шнитников (см.: Сальман 2013b: 208). Он был гласным (т. е. депутатом) Городской думы в 1904–1910 (в те же годы, что и Острогорский; о деятельности гласных в октябре 1905 см.: Сальман 2013a: 179–180). Свои обязанности гласные исполняли безвозмездно. Летом 1917 Н. Шнитников был назначен Временным правительством управляющим делами Туркестана (см.: Михайловский 1993, 1: 492). Всеволод окончил училище в мае 1906 (см.: Мец 2020: 105), был участником Белого движения (см.: <https://xn--90adhkb6ag0f.xn--plai/arhiv/uchastniki-grazhdanskoj-vojny/uchastniki-belogo-dvizheniya-v-rossii/>

Шнитников²⁵ учился в 7-м классе, ему уже исполнилось 17 лет, так что вряд ли ему было бы легко найти общий язык с двенадцатилетними Мандельштамом и Жирмунским. Логично предположить, что вместе с последними в редакцию входили 14-тилетние Лев Ростовцев и Всеволод Шнитников.

В. Г. Вовина-Лебедева приводит названия еще нескольких ученических журналов, не упомянутых Зенченко и вышедших в 1905–1907: «Товарищеский труд», «Герольд», «Школа и жизнь»²⁶. Большая часть всех перечисленных изданий не сохранилась или недоступна исследователям²⁷.

Цель нашей статьи сформулирована в заглавии; работая с журналами, мы старались извлечь как можно больше сведений, относящихся к жизни школьников и к стилю отношений как между учениками, так и между преподавателями и подростками. Самые ранние журналы, которые нам удалось посмотреть, выходили в 1905; существующий в них отдел «Хроника» на редкость информативен, именно на нем мы и сосредоточимся.

«Товарищеский труд»

В январе 1905 3-й класс выпустил 1-й номер рукописного (литографированного) журнала «Товарищеский труд»²⁸. В нем под

uchastniki-belogo-dvizheniya-v-rossii-shi-shyu.html), жил в Софии, где и покончил с собой (см.: Письма Е. Н. Чирикова 2020: 265, здесь указан неверный год рождения Всеволода).

²⁵ Борис Шнитников (22.09.1886–30.04.1961, см.: Сальман 2013b: 208; Незабутые могилы 1999–2007, 6, 3: 447) в 1905 отлично окончил училище и поступил на экономическое отделение Политехнического института, закончил его в мае 1914 (см.: ЦГИА СПб. Ф. 478. Оп. 1. Д. 2397. Л. 3. Л. 4. Л. 68). Работал в управлении Добровольного флота, был его представителем в Гонконге, Лондоне, жил в Париже, с 1925 – в США (см.: Незабутые могилы 1999–2007, 6, 3: 447). Его жена (с 1923) Людмила Евгеньевна Чирикова (1895–1995) – дочь писателя, книжный график, декоратор, корреспондентка М. И. Цветаевой (см.: <https://arttr.ru/menu/1804681482/1804787354.html>).

²⁶ См.: Вовина-Лебедева 2006: 213. Перечень журналов за 1909–1918 см.: Там же: 214–216.

²⁷ См.: Мец 2020: 17.

²⁸ Сохранилась записка Острогорского от 25.01.1905, разрешающая литографировать «журнал “Товарищеский труд” 12 номеров по 50 экз.» (ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 6. Л. 155).

псевдонимом «Белка» публиковалась переведенная с французского пьеса «Каторжник», главными персонажами которой были столяр Валентин Иванович (он же бывший каторжник), жандармский командир, тринадцатилетние мальчики Митя и Лука, священник и т. д.²⁹ В журнале также опубликован «Рассказ старого крепостного», подписанный «Гердз»³⁰, начаты печатанием рассказы «Крестьяне. Быль» и «Медведи», подписанные криптонимами³¹, в конце номера находится отдел «Хроника».

Цитируя тенишевскую газету «Слово», «Хроника» сообщала, что в училище регулярно проходят собрания, на которых ученики 3-го класса выступают с рефератами по естествознанию; темы для выступлений предлагал классный наставник (им был учитель естествознания Н. Н. Малышев³²).

²⁹ Пьеса упомянута в составленном автором указателе сочинений, опубликованных в тенишевских журналах (см.: Вовина-Лебедева 2006: 217). Анонимные произведения в указателе не включены.

³⁰ См.: ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 4. Ед. хр. 158. Л. 8–11. «Гердз» - это ученик 3-го параллельного класса Николай Гердзей (28.04.1892–1909) – сын Михаила Николаевича, инспектора мореходного учебного заведения и Елены Цезариевны (см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 96. Л. 30 об. – 31). В «сведениях об успехах» за 1905–1906 сказано: «Характер известен хорошо всей школе. Умен, способен, очень жив и внешнее поведение ниже всякой критики» (Там же. Д. 98. Л. 35). В 1-м номере журнала «Тенишевец», который вышел 15.12.1909, помещено объявление о его смерти. Гердзей, ученик выпускного восьмого класса, застрелился. Перед этим он некоторое время жил у преподавателя словесности Вл. В. Гиппиуса (см.: Розенталь Л. 2010: 516–517). Четыре стихотворения Гердзeya, выбранные Гиппиусом, были посмертно опубликованы в: Тенишевец. 1910. № 2 (31 марта). С. 8–12. Вовина-Лебедева, не приводя его полной фамилии, дает ссылку только на две его публикации в «Товарищеском труде» (см.: Вовина-Лебедева 2006: 217–218), не упоминая о реферате (см. ниже) и стихах.

³¹ См.: ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 4. Ед. хр. 158. Л. 4 об. – Л. 8. Автор рассказа «Медведи», подписавшийся инициалами «С. Ф.», вероятно, третьеклассник Сергей Федоров, см. о нем прим. 51. Рассказ не упомянут в указателе Вовиной-Лебедевой.

³² Николай Николаевич Малышев (11.11.1871–?) из мещан, сын вольноотпущенного крестьянина Николая Митрофановича Малышева и Анны Евфимиевой (см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 2. Д. 39. Л. 5 об. Л. 39. Копия). Окончил физико-математический факультет Московского университета с дипломом 2-й степени, выданным 10.10.1896. С осени 1902 преподавал в Тенишевском естествознании «из платы по найму», принят в штат с августа 1905 (см.: Там же. Л. 1 об. Л. 2 об.). Женат на Софии Егоровне Горюшкиной (см.: Там же. Л. 2). Малышев уволен из училища с 1.01.1911 «согласно прошению» (Там же. Л. 3 об.), осенью 1911 собирался стать сверхштатным учителем природоведения в

«Каждую субботу выступают несколько референтов. По окончанию <sic! – М. С.> следует резюме преподавателя. Все объяснения сопровождаются рисунками, чертежами и опытами». «В конце года прочитанные доклады составляют весь курс естествознанию <sic! – М. С.>,<,> так как предмет проходится без учебников. <...> То<,> что родители допускаются на рефераты<,> не значит<,> что каждый посторонний человек может явиться на доклад, так как родители составляют часть нашей школы»³³.

«11 декабря 1904 года в классе естествознания состоялось собрание, на котором Миклуха-Маклай³⁴ и Котылев³⁵ прочли

сувалкской мужской гимназии (см.: Там же. Л. 34). Отпуск. Сувалки – город в Польше. Автор «Начального курса анатомии и физиологии человека», вышедшего двумя изданиями (1906, 1911) и «Начального курса естественной истории» в двух частях (1910–1911). Его сын Владимир (8.06.1895–?, см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 2. Д. 39. Л. 2) был учеником 2-го параллельного класса в 1905–1906 и удостоился следующей характеристики: «Сохранив прежние свои качества: добросовестность и сознательное отношение к делу, к сожалению, не избавился и от прежних недостатков: рассеянности, болтливости и, главное, неряшливости. <...> Читает много и по развитию не отстает от класса» (Там же. Оп. 1. Д. 98. Л. 5). Владимир окончил училище в мае 1912 (см.: Мец 2020: 115).

³³ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 4. Ед. хр. 158. Л. 11–11 об.

³⁴ Александр Миклуха-Маклай (2.07.1891–1947, именно так, через «а» передается его фамилия и фамилия отца не только в школьном журнале, но и в документах училища (см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 10. Л. 35). Год смерти указываем по сайту MyHeritage, где приведен неверный год рождения) – сын горного инженера Михаила Николаевича Миклухо-Маклая (1856–1927, см. сайт: www.geni.com) и Марии Васильевны (см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 96. Л. 30 об. – 31).

³⁵ Виктор Котылёв (5.12.1891 – после 1935) – сын Александра Ивановича Котылёва, газетного репортера (?–1917) и Ольги Эммануиловны (см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 96. Л. 30 об. – 31). Виктора взяли в приготовительный класс в 1901 (см.: Там же. Д. 37. Л. 10), куда принимались дети «в возрасте от 8 до 9 лет, умеющие читать, писать и хорошо считать в пределах первых двух десятков» (Тенишевское училище 1902: 2). Его младший брат Тарас (1897–1959, см.: сайт www.geni.com) тоже учился в Тенишевском (см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 118. Л. 3). Мать братьев – урожденная Негрескул; внучка одного из идеологов народничества, революционного публициста П. Л. Лаврова, во втором браке Розенфельд; ее писательский псевдоним О. Миртов; 1874–1939) – литератор, драматург, член С.-Петербургского литературного общества (см.: ОР РНБ. Ф. 1250. Ед. хр. 341. Л. 1 об.), которое существовало в 1907–1911 (см.: Шруба 2004: 192–195). Членом Общества был и Острогорский (в его журнале «Образование» часто печаталась Котылева) (см.: ОР РНБ. Ф. 1250. Ед. хр. 341. Л. 2). О ней см.: Русские писатели 1989–2019, 4: 88–90. В «сведениях об успехах» за четвертый класс (1905–1906)

рефераты. Товарищей собралось много. Николай Николаевич опоздал на 10 минут, а собравшиеся вели себя довольно плохо, так что Ник. Ник., придя, вынужден был сказать нам, что он прекратит рефераты<, > если это плохое поведение будет продолжаться.

Миклуха-Маклай читал о свечении моря и вообще всех органических и неорганических тел. <...> Затем следовал реферат Котылева, который и помещен целиком в этом номере»³⁶.

В феврале 1905 вышел 2-й номер журнала «Товарищеский труд». В нем помещено окончание рассказов «Крестьяне» и «Медведи», продолжение пьесы «Каторжник», отрывки из воспоминаний

о мальчике сказано: «На нем очень сильно отразилось влияние двух противоположных воспитательных элементов, – школьного и домашнего: тогда как школа совсем исключает участие ребенка в политической жизни страны, дома ему разрешалось, а может быть<, > и поощрялось политическая агитация в школе, хождение по митингам и т. п. Результатом этого появился сумбур в голове и нервная неуравновешенность; до этого добросовестный и глубоко интересующийся делом мальчик превращается в верхогляда: является желание во что бы то ни стало быть взрослым, напускная грубость, безапелляционность в суждениях, какое-то снисходительное отношение к школе, к наукам и к старшим. Сердечное и родственное отношение к школе утеряно, – мальчик приобрел в качестве критерия грубый масштаб политических фракций. В течение этого года мальчик усиленно расходовал и менял на мелочь свой умственный и нравственный капитал, богатый от природы. Если он будет идти по этому пути, то из него должен получиться большой пустозвон, бесполезный для жизни, хотя<, > может быть<, > и способный на миг блеснуть не столько, конечно, благодаря эрудиции, сколько благодаря природному уму» (ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 98. Л. 40). Педагогический комитет постановил, что Виктор должен был осенью 1906 выдержать поверочное испытание по математике. Ему также требовались летом «занятия по немецкому и французскому яз<ыкам>» (Там же). Окончил училище в январе 1911 (см.: Мец 2020: 112). В 1912–1913 занимался в Петербургском институте высших коммерческих знаний, откуда был исключен за неуплату (см.: ЦГИА СПб. Ф. 468. Оп. 1. Д. 265. Л. 1). В 1913–1915 учился в Киевском коммерческом институте, осенью 1915 был принят на экономическое отделение Политехнического института, в мае 1917 просил у директора разрешения уплатить за 1916–1917 учебный год, чтобы восстановиться в правах студента (см.: Там же. Ф. 478. Оп. 3. Д. 3315. Л. 2. Л. 14. Л. 17). Разрешение было получено, но воспользовался ли им Виктор, неизвестно. Котылев стал журналистом, известно о его аресте в Ленинграде 4.01.1935 и высылке по постановлению ОСО при НКВД СССР 29.03.1935 по ст. 58-8-11 УК РСФСР в Астрахань на 5 лет вместе с женой Марией Миниковной (Доминиковной) Гирсон (см.: <http://visz.nl.ru/person/book/vi/12/390>).

³⁶ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 4. Ед. хр. 158. Л. 12. Л. 12 об. Реферат назывался «О железах человека» (см.: Там же. Л. 12 об. – 15 об).

о Малороссии Николая Гердзая и очерк Георгия Гориневского³⁷ об экскурсии в Долину Очарования, состоявшейся в июне 1904 и организованной Кавказским горным обществом³⁸. Приведем фрагмент очерка:

15 июня в 8 часов утра на железнодорожном вокзале в Эссентуках собралось большое общество туристов. <...> Наш предводитель с большим фотографическим аппаратом за спиной и с альпийской палкой в руках знакомил участников экскурсии друг с другом и наскоро делал кое-какие распоряжения. Свисток приближающегося локомотива, и вся наша веселая компания с шумом и смехом ринулась в вагоны, занимая места. Давка была ужасная, но через несколько минут пути по дороге в Кисловодск поезд, не доезжая даже полустанка, остановился<,> и все экскурсанты веселой

³⁷ Георгий Гориневский (22.10.1892–1966, см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 118. Л. 27. Иногда его фамилия в журнале передавалась как «Горыневский». Год смерти см.: Никитин 2003b: 262, указанное автором второе имя «Леонтий» в документах Тенишевского отсутствует). Отец Валентин Владиславович (1857–1937) был врачом-гигиенистом в Тенишевском с 1910 (см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 2. Д. 88), сотрудничал с журналами «Образование», «Вестник воспитания» (см. о нем: Розенталь Л. 2010: 489, 755). Мать Георгия – Анна Яковлевна (см.: Никитин 2003b: 262). Георгий поступил в приготовительный класс в 1901 (см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 37. Л. 19 об.). Из характеристики, написанной в 1905–1906 учебном году: «Способен и исполнительен. В своих поступках обнаруживает некоторую педантичность. Безусловно честный и достойный полного доверия мальчик» (Там же. Д. 98. Л. 36). Автор воспоминаний об Острогорском (см.: Гориневский 1908: 20–21). Окончил училище в мае 1910 (см.: Мец 2020: 111). Учился в Академии художеств, архитектор, анархист-мистик, с конца 1920-х член ордена тамплиеров (см.: Никитин 2003b: 263). Жена – Елена Васильевна Гориневская (урожд. Черкаева; 1891–1962), архитектор (см.: Никитин 2003a: 115, 387). У них было трое сыновей: Дмитрий (1915–1945), Владимир, Всеволод (см.: Никитин 2003b: 262). Подверглся аресту в 1930 (см.: Там же: 241), затем был арестован 19.03.1937, осужден на 5 лет, которые отбывал в Воркутинском отделении Ухтпечлага. Освобожден 18.07.1942 (см.: <https://base.memo.ru/person/show/378960>). Был оставлен на работе без права выезда, потом направлен в систему Волголага МВД в Рыбинске, где после 1946 работал в должности начальника бюро проектного отдела «Волгостроя», вновь арестован в 1951, сослан в Красноярский край, реабилитирован в 1960 (см.: Никитин 2003b: 263). Дружил с историком Н. Н. Розенталем (см.: Там же: 267), о Н. Розентале см. прим. 71.

³⁸ Одной из целей Кавказского горного общества (1901–1917) была организация учебных экскурсий.

толпой направились пешком на гидроэлектрическую станцию для ее осмотра. Идя кратчайшим путем по степи и преодолевая некоторые препятствия в виде оврагов и ручьев, мы через ½ часа были уже на станции. Машины фабрики приводятся в движение при помощи воды. Вода, отведенная в канал, падает с невероятной силой вниз и двигает колеса машины, вследствие чего образуется огромный запас электрической энергии, расходуемой прежде всего на электрическое освещение находящихся отсюда на несколько десятков верст горных групп, а именно: Кисловодской, Пятигорской<,> Ессентукской<,> Железноводской группы. При помощи той же силы двигается электрическая конка в Пятигорске³⁹. Это единственная электрическая станция в России, сила которой передается на столь большое расстояние. Осмотрев фабрику, мы пошли дальше. Дорога шла степью и горами <...> По пути в «Долину Очарования» нам попался хутор; в надежде достать молока компания наша обшарила все кладовые, но хорошего молока хватило на немногих, остальные довольствовались прокисшим, причем вкушали, не брезгуя грязной посудой. Через час мы были уже в «Долине Очарования», любовались водопадом и нависшей над ним скалой, которая подымается в виде «Шапки Мономаха». <...> Едва успев передохнуть, мы тронулись в обратный путь из боязни опоздать на поезд. Дойдя до хутора, где раньше пили молоко, мы разделились на 2 партии: одна большая, в 90 человек, с предводителем во главе, в которой участвовали мы, пошла пешком, чтобы встать на ближайших рельсах и остановить поезд, где придется. Другая осталась ждать волов, чтобы переехать вброд через реку и по кратчайшему пути прибыть на станцию «Подкумок». Дойдя до железнодорожного пути, мы уселись на рельсах в ожидании поезда... <...> Вскоре зашумел, засвистел вдали паровоз. С меня сорвали красный шарф, надели на палку и стали ею махать. В то же время предводитель наш засвистал в свисток. Поезд остановили... Мы влезли с шумом<,> гамом и криками ура! Нашего предводителя спросили, по какому

³⁹ Первая трамвайная линия в Петербурге появилась спустя три года – в сентябре 1907 (см.: Годес 1982: 37).

праву мы остановили поезд, он ответил: «Мы члены Горного кавказского общества». После чего кондуктор почтительно сделал «под козырек» и удалился. В Эссентуки мы прибыли в 7 часов вечера усталые и голодные. Остальная партия доехала на волах до станции «Подкумок», откуда прибыла в Эссентуки гораздо позже нас⁴⁰.

В «Хронике» 2-го номера сообщалось, что 29.01.1905 были прочитаны два реферата: Гердзeya «Общий обзор анатомии человека» и Хохрякова⁴¹ «О льве и тигре»⁴². Был также опубликован текст реферата, посвященного клеточной теории и прочитанного еще 20.10.1904. Его автором был Дмитрий Скобельцын⁴³. Кроме того, третьеклассники написали о развлечениях старших:

4-го февраля на уроке пения четвертый класс вел себя очень безобразно: шумели, орали, просили<, > чтобы учитель сыграл Марсельезу, а они будут петь. Учитель сказал, что они будут петь то<, > что нужно<, > и просил их успокоиться; это не подействовало, тогда он прекратил урок. Всем ученикам было сказано Александром Яковлевичем собраться в классе; на вопрос Александра Яковлевича: «Кто шумел?»<, > класс отвечал «все!». Тогда их всех Александр Яковлевич послал домой. В воскресенье было создано собрание родителей, на котором обсуждалось

⁴⁰ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 4. Ед. хр. 158. Л. 21 об. – 23 об.

⁴¹ Александр Хохряков (17.10.1891–?, см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 118. Л. 26). Сын Алексея Филипповича Хохрякова, из крестьян (см.: Там же. Д. 10. Л. 191. Д. 49. Л. 2). В 1901 принят в приготовительный класс (см.: Там же. Д. 37. Л. 10).

⁴² См.: ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 4. Ед. хр. 158. Л. 27.

⁴³ См.: Там же. Л. 28–33. Фамилия автора передана с ошибкой: Декобельцын. Дмитрий Скобельцын (12.11.1892–1990) – сын профессора-физика Политехнического института (с 1911 – директора), Владимира Владимировича Скобельцына (1863–1947). Мать Дмитрия, Юлия, в анкете писала, что дома сын занимался «немного французским языком. Иностранок в доме не было и на иностранном языке с ребенком никто не говорит» (ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 51. Л. 256. Л. 256 об.). В 1901 принят в приготовительный параллельный класс (см.: Там же. Д. 40. Л. 19) (мемуарист ошибается, сообщая, что Скобельцын учился в Тенишевском лишь в последних 4-х семестрах, см.: Розенталь Л. 2010: 499). Окончил училище в мае 1910 (см.: Мец 2020: 112). Учась в Петербургском университете, был участником Физического кружка (см.: Отчет 1914: 385). Физик-экспериментатор, с 1946 – член АН.

поведение учеников IV класса, и с понедельника снова начались занятия у IV класса⁴⁴.

Инцидент с «Марсельезой» обсуждался на заседании Педагогического комитета 6.02.1905, вот как события изложены в протоколе заседания⁴⁵ (по ошибке указаны два третьих класса, вместо четвертых; уроки пения проводились одновременно для основного и параллельного классов).

Ученики пришли на урок пения в несколько возбужденном состоянии. Преподаватель сел за рояль и заиграл «Боже, царя храни», а ученики потребовали «Марсельезу». Преподаватель решил прекратить урок, «прочитали кое-как молитву и с тем же шумом стали выходить из класса. В это время навстречу ученикам по лестнице спускался Ал. Як. <...> Он вернул всех в класс и потребовал, чтобы те, кто шумел, встали. Встали все. Тогда Ал. Як., возмущенный этим издевательством, послал оба класса домой, объявив ученикам, что они не должны являться в училище»⁴⁶, пока в Педагогическом комитете и на родительском собрании не решат, как с ними поступить. О том, что ученики пели Марсельезу,

⁴⁴ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 4. Ед. хр. 158. Л. 27 об.

⁴⁵ Протокол вел секретарь Педагогического комитета (см.: Памятная книжка 1905: 25), учитель русского языка и словесности Владимир Федорович Мушников (3.03.1873 – декабрь 1941, в блокаду, см.: <http://vizz.nlr.ru/blockade/show/1338285>). Он окончил историко-филологический факультет Петербургского университета с дипломом 1-й степени, приказом министра финансов был определен с 1.01.1898 в Крестьянский поземельный банк, приказом министра путей сообщения от 2.08.1899 переведен в канцелярию соответствующего министерства младшим помощником делопроизводителя в отделе по отчуждению имущества. Был женат на дочери купца 2-й гильдии Анне Филипповне Сидоровой. Приказом министра финансов 8.02.1901 назначен штатным преподавателем в Тенишевское училище с 16.12.1900, хотя преподавал с самого открытия училища в сентябре 1900 (см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 2. Д. 11. Л. 1 об. Л. 2. Л. 2 об. Л. 3 об.). Со службы в министерстве путей сообщения был уволен «по домашним обстоятельствам» 21.05.1902 (см.: Там же. Л. 3 об.). С 1.09.1906 начал вести уроки в Петербургском коммерческом училище, продолжая преподавать в Тенишевском (см.: Там же. Л. 10). Оставил Тенишевское 1.04.1907, став штатным преподавателем в училище ордена св. Екатерины (Екатерининский институт, в нем с 1915 училась О. А. Ваксель), где до этого состоял «приватным преподавателем» (см.: Там же. Л. 50).

⁴⁶ Там же. Оп. 1. Д. 8. Л. 88. Л. 88 об.

Острогорский не знал. Ученики были наказаны им только за систематическое нарушение установленных правил.

Уже на следующий день распространилась версия, что ученики пострадали за пение «Марсельезы», т. е. за «убеждения». Острогорский был вынужден провести подробную беседу с учениками старших классов. И в городе распространились слухи о какой-то истории в училище «на политической почве». 5.02.1905, в субботу, к Педенко⁴⁷ пришла «депутация, хотя и не уполномоченная классами. Дети плакали, говорили, что действовали безотчетно, все вместе»⁴⁸. Педенко думает, что они уже достаточно наказаны.

⁴⁷ Дмитрий Карпович Педенко (1866–1940) окончил Высшее художественное училище при Академии художеств, член Общества учителей рисования (1901–1917) и Общества имени А. И. Куинджи. В училище вел уроки рисования, лепки и чистописания, в штате числился с 16.12.1900, приказом министерства финансов утвержден 11.01.1901 (см.: Сальман 2013b: 203). В 1919 создал в г. Никополь музей изящных искусств и до 1924 был его директором (см.: http://nikopol.do.am/publ/50_vydajushhikhhsja_nikopolchan/23_dmitrij_pedenko_sozdatel_muzeja/2-1-0-58; Тенишевское училище здесь названо Тимошевским). Упомянут в письме В. В. Набокова от 4.09.1937 к однокласснику С. И. Розову: «Встречал я и другого Рабиновича, из старших классов, толстого химика и поэта <...> однажды съездившего (в 28 году) в Петербург и там встретившего на Моховой старичка Педенко, который будто бы обнял его» (Набоков 2001: 18). Евгений (Юджин) Исаакович Рабинович (литературный псевдоним Раич; 1898–1973, в эмиграции) – биохимик, биофизик, участник Манхэттенского проекта. (За сообщение об идентичности обоих лиц благодарю Г. А. Левинтона.) С 1915 занимался в Петроградском университете. В 1920 из Киева семье удалось перебраться в Варшаву, оттуда весной 1921 – в Берлин (см.: Рабинович А. 2005: 387, 389). Евгений учился в Берлинском университете, в 1930, а не в 1928, приехал в Ленинград на международный научный конгресс (этот же год называет его двоюродная племянница, литературовед и мемуаристка Н. А. Роскина, см.: Роскина 1980: 121). Одна из двоюродных сестер Рабиновича, Софья, была замужем за художником Г. Н. Слободзинским, младшим братом С. Н. Слободзинского, одноклассника Мандельштама, о котором поэт писал в «Шуме времени». О семье Слободзинских см.: Сальман 2013b: 200–211. С 1938 Рабинович с семьей – в США. Был хорошо знаком с историком М. М. Карповичем, историком-меньшевиком Б. Н. Николаевским. В 1950-е – 1960-е Рабинович – один из участников Пагуошского движения (в 1957 на 1-й конференции движения присутствовал Д. В. Скобельцын, см. о нем прим. 43). С 1960 регулярно посещал СССР, познакомился с Ахматовой (подробнее см.: Роскина 1980: 50–51; 120–123). В 1965 издал в Париже под псевдонимом Раич сборник стихов «Современник». Подробнее см. в воспоминаниях его сына-историка Рабинович А. 2005: 385–407.

⁴⁸ ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 8. Л. 88 об.

Педагогический комитет решил временно отделить два 4-х класса друг от друга⁴⁹.

Об этой истории вспоминал один из присутствовавших на том уроке учеников, Марк Вольф⁵⁰:

Мы наскандалили на уроке пения, по предложению некоторых из товарищей пели не то, что нас просил петь преподаватель. Урок был прерван, и к нам пришел Ал. Як. Он спросил, кто из нас виноват в происшедшем инциденте, – встали все. Ал Як. рассердился, сказал, что в таком случае он не желает с нами разговаривать и отослал нас домой.

Теперь только я понимаю, насколько он был прав, как ему должно было быть больно, что встали все, когда он отлично знал, что не могли все быть виноватыми. Ему должно было показаться, что мы его боимся, несмотря на то, что он никогда не прибегал ни к каким другим мерам, кроме нравственного воздействия, боимся откровенно сказать, кто виноват, что мы в нем видим врага. И он был прав, что не захотел говорить с нами (Вольф 1908: 17–18).

«Буревестник»

Декабрем 1905 помечен 1-й номер литографированного, иллюстрированного, еженедельного литературного журнала «Буревестник», который издавался 4-м параллельным классом и стоил 10 коп. На задней обложке было написано: «Весь сбор с журнала пойдет в пользу рабочих»⁵¹. Журнальная хроника сообщала, что 8.12.1905 «ученики

⁴⁹ См.: Там же. Л. 88 об. – 89 об.

⁵⁰ Цитаты из его воспоминаний об Острогорском приводились в прим. 4 и 5. Марк Вольф (23.07.1891–1987, в эмиграции), иудейского вероисповедания, сын Михаила Марковича Вольфа, присяжного поверенного, и Софии Владимировны (см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 96. Л. 34 об. Л. 35). Поступил в 1-й класс в октябре 1901 (см.: Вольф 1908: 14). Окончил училище в мае 1909, стал юристом (см.: Мец 2020: 109).

⁵¹ См.: ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 4. Ед. хр. 150. Л. 2. Л. 3 об. Л. 11 об. Редактором «Буревестника» был Л. Запорожец, о нем сведений нет. Издатель – Сергей Федоров (11.12.1892–?) – сын Петра Федоровича Федорова, старшего врача 8-го флотского экипажа, приват-доцента Военно-медицинской академии, и Александры Федоровны (см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 51. Л. 387. Д. 96. Л. 31 об. – 32). В характеристике мальчика, относящейся к 1905–1906, сказано: «Способности хорошие, отчего учение дается легко; <...> Сильно

занят политической деятельностью вне школы, что дурно отзывалось на его характере и успехах» (Там же. Д. 98. Л. 51). Окончил училище в мае 1910 (см.: Мец 2020: 112). Его брат Василий (Кронштадт, 14.10.1890–?, см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 51. Л. 388 или 14.09.1890, см.: Там же. Д. 37. Л. 1) поступил в 1-й класс в 1901 (см.: Там же. Л. 1 об.). Он учился классом старше Сергея, т. е. был в 5-м параллельном. В списках окончивших училище не числится. В 5-м основном классе в это время учился Аркадий Борман (31.8.1891–1974) – сын корабельного инженера Альфреда Николаевича Бормана (см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 96. Л. 32 об. – 33) и известной общественной деятельницы, журналистки, мемуаристки, члена партии кадетов Ариадны Владимировны Тырковой-Вильямс. Подобно Острогорскому и Котылевой, она также была членом С.-Петербургского литературного общества (см.: ОР РНБ. Ф. 1250. Ед. хр. 341. Л. 2 об.). Аркадий поступил в приготовительный класс в 1900 (см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 7. Л. 19 об., дата 27.9.1900 на Л. 19). В 4-й класс был переведен с хорошими успехами по математике и географии и удовлетворительными по всем остальным предметам (см.: Там же. Д. 10. Л. 217). Из характеристики, написанной на печатном бланке учителем географии Березиным: «Успехи по предмету *оч. хорошие* <...> отношения к товарищам и старшим *любит препираться* внешняя благовоспитанность *так себе*» (Там же. Д. 82. Л. 5. Л. 5 об., курсивом передан текст преподавателя). В 4-м классе не учился, т. к. с матерью и сестрой Софьей жил в Париже и посещал французскую школу (см.: Борман 1964: 63). Окончив училище в 1910, поступил вольнослушателем на историко-филологический факультет Петербургского университета, одновременно служил в канцелярии мирового судьи (см.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 27. Д. 529. Л. 166 об.). После окончания университета был журналистом, присяжным поверенным. В эмиграции сотрудничал в газете «Возрождение», журналах «Часовой» и «Русская мысль». В 1951 переехал в США, работал на «Голосе Америки» (с 1954) и в газете «Новое русское слово». Борман вспоминал, как его мать «бывала в Тенишевском Училище на родительских собраниях и всегда, смеясь, рассказывала, что директор А. Я. Острогорский просил ее защищать его от бестолковых матерей. Как-то она сообщила нам, что едет отдохнуть в Финляндию на водопад Иматру. Это было излюбленное место короткого отдыха для петербуржцев. Поэтому никто из нас не был удивлен ее поездкой. Через день или два, когда в Тенишевском Училище шел утренний урок, я вижу через стеклянную дверь, что директор Острогорский вызывает меня из класса. К директору идешь всегда с волнением, даже если на совести ничего нет. “Где твоя мама?” – коротко спрашивает Острогорский. В Училище установилась традиция, что директор и старые учителя обращались на ты к ученикам, находившимся в Училище с приготовительного класса. Мы гордились этой традицией. Я помню, что даже в восьмом классе два-три учителя обращались ко мне на ты. – Уехала на Иматру, – простодушно ответил я, успокоившись, что я ни в чем не провинился. “Ага”, – как то неопределенно ответил Острогорский. “А больше ты ничего не знаешь?” – спросил он. “Нет”. “Ну ступай в класс”. Придя домой и рассказав бибенке об этом разговоре с Острогорским, я увидел, что она чем-то встревожилась. Я конечно не знал, что мама вместе с прив.-доц. Е. В. Аничковым согласилась доставить из Финляндии партию журнала “Освобождение”. Это было либеральный оппозиционный журнал, издававшийся Петром Струве в Штутгарте. Поручение это было дано двум контрабандистам умеренной анти-правительственной

старших классов просили директора позволить им собраться для обсуждения вопроса<, > примкнуть ли им к последней политической забастовке; директор не позволил. Тогда около половины учеников забастовало. Кроме солидарности к <sic! – М. С.> рабочим<, > они выставили следующие академические требования:

I. Свобода сходов.

II. Допущение своих депутатов на общие собрания родителей и педагогов.

III. Свобода распространять свои политические убеждения путем печати и слова в училище.

Первые два требования будут удовлетворены благодаря усилиям учеников и некоторых родителей, но последнее III-е, по всей вероятности, нет»⁵².

Вот как описывал события шестиклассник Жирмунский:

Едва мы только собрались в зале VII класса, вдруг прибегает Ал<ександр> Як<овлевич>, чуть-чуть не запыхаясь от напряжения. «В чем дело? Почему вы в классе? Какая сходка? Я ничего не знаю! Педагогический персонал и родители нашли невозможным политические забастовки учеников. Никакой сходки по этому вопросу я не разрешаю» и т. д. Синани⁵³, глава наших крайних,

организацией – “Союз Освобождения”. <...> Острогорский, директор одного из самых модных среднеучебных заведений в России, где учились дети высшего чиновничества и крупной буржуазии, вероятно, состоял в “Союзе Освобождения” и раньше других получил сведения, что контрабандистов постигла неудача» (Борман 1964: 51–52). Эпизод относится к ноябрю 1903. Евгений Васильевич Аничков (1866–1937, в эмиграции) – фольклорист, литературный критик.

⁵² ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 4. Ед. хр. 150. Л. 8–8 об. Цитаты из журнальной публикации приводились в: Вовина-Лебедева 2006: 199.

⁵³ Учившийся в это время в 7-м классе Борис Синани (27.12.1889–1911) – внебрачный сын врача-психиатра Бориса Наумовича Синани (караимское имя – Бираха Бабаканович; см.: Переписка Ал. Алтаева 1991: 55; 1851–1920), который много лет был директором психиатрической лечебницы новгородского земства в Колмове, где в особых условиях (две комнаты, слуга) содержался писатель Г. И. Успенский. Помощником Синани в 1895–1896 был врач-ординатор О. В. Аптекман, бывший народник-земледелец и чернопеределец, оставивший (впервые опубликованный в 1909) очерк об Успенском и Синани (см.: Аптекман 1922: 1–107). «Матерью Бориса была “лекарская помощница, дворянка, дочь Надворного Советника, девица Варвара Лукина

возмущенный этим заявлением, быстро побежал вниз с криком: «Идите все наверх! Устроим сходку! Нас разгоняют». В одну минуту вся лестница наполнилась учениками, неизвестно откуда появившимися. Там и тут виднелись ученики IV класса, которых умелый фокусник <...> заодно пригласил пошуметь и побуянить. Неизвестно кем созванную сходку собирались уже осуществить революционные <sic! – М. С.>, но старостам⁵⁴, к счастью, удалось успокоить толпу. Наступила большая перемена. Ал<ександр> Як<овлевич> по-прежнему не разрешал собраться ни старостам, ни сходке. Сходка действительно не состоялась, но это имело самые печальные последствия. Когда старосты собрались тайком

Попадичева, православная”, которая 7 декабря 1900 года получила из Новгородской духовной консистории свидетельство “вследствие ее прошения, в удостоверение того, что в метрической книге Новгородской градской Флоровской церкви за тысяча восемьсот девяностый (1890) год в 1 части о родившихся под № 13 значится: двадцать седьмого Декабря тысяча восемьсот восемьдесят девятого года родился незаконнорожденный Борис, крещен семнадцатого Марта тысяча восемьсот девяностого года”. Только в конце декабря 1900 у ребенка появилось определенное социальное положение: “Означенный в сем документе Борис записан определением СПб Казенной Палаты сост<ояний> 23 Декабря 1900 г. в Колпинское мещ<анское> Общество впредь до совершеннолетия с пред<оставлением> отчества Борисов и фамилии Синани”. В Общеобразовательную школу «Синани поступил, скорее всего, осенью 1899 года, т. е. одновременно с Мандельштамом, в первый класс. Дата поступления, стоящая в его аттестате, 21 сентября 1900 года, неверна, так как сохранилась характеристика, данная Синани законоучителем, священником Д. Ф. Гидасповым 3 мая 1900 года: “Синани – очень хороший ученик, держал себя на уроках прекрасно, занимался с охотой и пройденное знает”. Подчеркнем, что директор Острогорский принял в школу мальчика, у которого на момент поступления не было отчества, фамилии и официального статуса» (Сальман 2013b: 200–201). Мать Бориса умерла от туберкулеза «годом раньше смерти Успенского» (Некрасова 1991: 62), т. е. в 1901. Подробнее о его школьной жизни см.: Сальман 2013b: 200–211. Борис, как и мать, скончался от туберкулеза. См. о семье Синани: Мандельштам 2009–2011, 2: 241–249; Некрасова 1991: 60–65; Синани 2000: 179–185; Мец 2019: 317–321. Мец 2020: 33–34. Дмитрий Федорович Гидаспов (1870–1938) – настоятель церкви на Стремянной ул., впервые арестован в сентябре 1922, отправлен в ссылку на 3 года (см.: <https://base.memo.ru/person/show/2737633>). В 1931–1934 был настоятелем Знаменской церкви. В 1935 высылался из Ленинграда, вернувшись, жил на ленинградской окраине, в Старой Деревне, арестован 17.02.1938, расстрелян 4.03.1938 (см.: <https://base.memo.ru/person/show/2737633>).

⁵⁴ Среди старост, выбранных накануне, 7.12.1905, был и автор дневника (см.: Жирмунский 2013: 214–215).

в курилке⁵⁵, они узнали, что седьмой класс, присоединяясь ко всеобщей политической забастовке, уходит домой. В других классах стало заметно подобное же настроение, а Ал<ександр> Як<овлевич> вдобавок препятствовал последней попытке совета старост, а именно покласно произвести подсчет голосов. Осталось собраться на частной квартире или тайно сосчитать голоса, но забастовщики, отказавшись от этого способа, разошлись по домам. Осталось в училище человек 40. Занятия, конечно, продолжались, но число учащихся все редело. Наконец, когда 4/5 училища по политическим и иным причинам совершенно испарились, Ал<ександр> Як<овлевич> разрешил по вопросу об уходе таких господ (и это у него называется политикой) сходку под его контролем. Сходки, конечно, при подобных условиях не было (Жирмунский 2013: 216).

Спустя три дня, 11.12.1905, состоялось родительское собрание, на котором директор не дал слова явившимся депутатам от крайних и отверг предложение об общем собрании педагогов, родителей и учеников⁵⁶. 17.12.1905 в 8 часов вечера на очередном родительском собрании обсуждались вопросы: «1. О предоставлении ученикам полной свободы сходок. 2. Об организации совместных собраний педагогического комитета, родителей и учеников»⁵⁷. Соломоново

⁵⁵ Проблема с курением учеников возникла осенью 1903, когда в старшем 7-м классе учились подростки 1886–1887 годов рождения. Педагоги постановили: «просить курящих преподавателей курить только в учительской <...> просить кого-нибудь из специалистов прочесть учащимся, пригласив их в училище совместно с их родителями, лекцию о вреде курения <...> поручить ведение борьбы с курением средствами нравственного воздействия классным наблюдателям» (Памятная книжка 1907: 10). Меры эти, надо полагать, не подействовали, и в октябре 1905 обсуждалось «устройство в училище курительной комнаты для учеников» (ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 8. Л. 95 об.). Впрочем, в училище существовало и общество противников курения под руководством преподавателя математики А. Б. Сахарова, об одном из его заседаний и приходе на него 1.03.1906 социалистов из 7-го класса (в котором учился Мандельштам) см.: Жирмунский 2013: 238. Вскоре это общество превратилось в кружок для самообразования (см.: Там же: 244, 259). О Сахарове см. прим. 88.

⁵⁶ См.: Жирмунский 2013: 217.

⁵⁷ ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 34. Л. 99.

решение Педагогического комитета, принятое, по-видимому, после окончания каникул (длившихся с 22.12.1905 до 10.01.1906)⁵⁸, гласило, что в текущем учебном году (то есть до лета 1906) «правом сходов пользуются 4 старших класса, с будущего же года только 3, т. к. V и IV образуют средний возраст»⁵⁹.

Между тем с 14 по 21 декабря занятия в училище продолжались, хотя приходили на них немногие ученики, да и часть преподавателей бастовала⁶⁰. 21 декабря прошла «репетиция» (опрос по истории), а после завтрака «будущие студенты (длинноусые VIII-классники) деятельно обливали друг друга молоком» (Жирмунский 2013: 224)⁶¹.

Во 2-м номере «Буревестника» (на обложке стояло: «Журнал неперидический»), вышедшем в январе 1906, началась публикация статьи о женском равноправии, а «Хроника» извещала о событиях:

⁵⁸ См.: Жирмунский 2013: 224, 227. По всем предметам школьники получили на каникулы большие задания (см.: Там же: 223).

⁵⁹ ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 8. Л. 111. Это заседание Педагогического комитета не датировано, а следующее состоялось много позже, 27.01.1906 (см.: Там же. Л. 114).

⁶⁰ См.: Жирмунский 2013: 222–224, записи от 14, 16, 21 декабря.

⁶¹ Молоко – обязательный компонент горячего завтрака, который состоял «из мяса (в жареном виде), овощей, молока и хлеба à discrétion <...> что касается питья, то молоко дается стерилизованное, вода же фильтрованная» (ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 68. Л. 25 об.). Меню составлялось при участии школьного врача (см.: Розенталь Л. 2010: 489). Администрация не без гордости подчеркивала, что горячий завтрак как обязательное правило для приходящих учеников, был введен впервые в России именно в Тенишевском. Завтракали «в три смены, повозрастно. Каждый класс завтракает вместе со своим классным воспитателем <...> в сумму расхода, показанного на завтраки, входит также содержание кухни, а равно и всей училищной прислуги, которая получает от училища полное довольство» (Памятная книжка 1907: 62, 63). На одном из первых родительских собраний Острогорский заговорил о лакомствах, которые приносили с собой дети: «Ученик получает завтрак в достаточном количестве. Поэтому просим ничего не давать им из дому. Конфеты, яблоки – <1 слово нрзб.> иногда вредная в педагогическом отношении (раздающие и подачки); также просим не давать мелких денег на лакомства. В особых случаях, когда, например, доктор признает нужным давать ребенку яблоки, он может есть их в докторской комнате» (ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 34. Л. 6.). Кажется маловероятным, что директорские уговоры действовали на родителей, во всяком случае, Мандельштам «убегал в оранжею, держа ириску за щекой».

В понедельник 16 января в IV классе⁶² Тенишевского училища на уроке Закона Божьего⁶³ был выгнан священником один ученик за то<, > что он засмеялся, несмотря на свое обещание не шалить. Тогда другой ученик начал спрашивать священника, за что он выгнал первого. Священник три раза говорил ему: «Садитесь, вы тут не ходатай!». Ученик не слушался. Тогда священник выгнал и его совсем со своих уроков. На следующий урок 21 января ученики этого отделения решили через двух выбранных депутатов требовать у священника, чтобы тот возвратил выгнанных, а в случае отказа не учить на следующий раз уроков. Прочитав длинную проповедь, в которой<, > конечно<, > упоминалось<, > что будто бы уроки делаются не для него, священник все-таки возвратил на следующий урок 23 января выгнанных учеников. Урок же на 29 января все-таки не был выучен⁶⁴.

⁶² Напомним, что это класс, где учатся Скобельцын и Хохряков, а в параллельном – Гердзей, Котылев, Миклуха-Маклай, Г. Ростовцев, С. Федоров.

⁶³ По программе 4-го класса изучалось учение о богослужении, школьники занимались по многократно издававшемуся гимназическому учебнику протоиерея А. П. Рудакова «Краткое учение о богослужении православной церкви» (см.: Тенишевское училище 1902: 8).

⁶⁴ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 4. Ед. хр. 150. Л. 23–23 об. См. изложение этого эпизода: Вовина-Лебедева 2006: 200, ею ошибочно приведена дата 6 января. Бунтарские настроения заразительны: на заседании Педагогического комитета 28.02.1906 разбирался случай с третьеклассником. Во время урока закона Божьего, когда преподаватель отметил те молитвы, которые ученики должны выучить, «Лишневский заявил, что он не желает учить, вырвал на глазах преподавателя листок из своей книги. Излагая этот грубый и резкий поступок ученика», А. Я. Острогорский говорит, что он вносит его в Педагогический Комитет потому, что обычные меры педагогического воздействия мало действуют на этого, вообще довольно испорченного и дерзкого мальчика: т<а>к, уже в этом полугодии он был два раза отослан домой, и все же не изменил своего поведения. Пусть Педагогический Комитет выскажет свое мнение, т. к., если оно и не принесет особой пользы самому Лишневскому, то повлияет на класс. В. Ф. Лебедев, на уроке <ото>р<о>го это произошло, подтверждает самый факт, говорит, что он находит самый поступок только глупым, не может видеть в нем высказывания каких-либо убеждений, а потому просит Педагогический Комитет не применять каких-либо исключительных мер» (ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 8. Л. 132–132 об. Дата на Л. 128. Частично цитировалось, см.: Сальман 2013а: 181). Большинство голосов преподаватели решили удалить Лишневского из школы на 2 недели. В 3-м классе занимались по неоднократно выходявшему учебнику священника А. М. Темномерова «Молитвы, священная история и богослужение православной церкви» (см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 10. Л. 292). Борис Лишневский (Елисаветград, 06.01.1893, см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 7. Л. 35 или Николаев, 6.02.1893–29.03.1955,

Последней новостью 2-го номера журнала было объявление:

В субботу 21 января в Тенишевском уч<илище> вышел первый № журнала «Школа и жизнь». Журнал состоит из: статьи «о школьных забастовках», довольно остроумного письма в редакцию<,> школьной и провинциальной хроники и наконец юмористического отдела. <...> журнал издан очень небрежно и даже грязно⁶⁵.

3-й номер «Буревестника» вышел 5.03.1906, на обложке опять написано: «в пользу рабочих»⁶⁶. Цена его, как и 2-го номера, была не 10, а 15 коп. Издателем по-прежнему значился Сергей Федоров, редактором – некто «Икс»⁶⁷, автор статьи о равноправии женщин, которую продолжили печатать в 3-м номере. «Хроника» информировала:

В четверг 2 марта в IV основном классе Тенишевского училища вышел 1 № журнала под громким названием «Вперед», которое совершенно не соответствует детскому содержанию. Журнал состоит из нескольких очень жиденьких и тощих статей, как то: «Ночь на реке», «Мобилизация в М.» и других. Все они написаны очень наивно и по-детски. Кроме того<,> в журнале очень много ошибок и различного рода «опечаток».

Интересно знать, далеко ли уйдет вперед журнал «Вперед»?⁶⁸.

Ленинград) – сын архитектора Александра Львовича Лишневого и Сары Абрамовны (Софии Адольфовны) (см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 10. Л. 187). Настоящее имя матери, вторую дату и место рождения и дату смерти приводим по: Кириченко Е., Турковская Е., Чепель А. 2020: 237, 246. Учился в одном классе с В. Малышевым, окончил в мае 1912 (см.: Мец 2020: 115). Поступил в Институт инженеров путей сообщения, прервал обучение в 1918, восстановился в 1928, окончил в 1930. Его старшая сестра Вера (1892–1929) была женой Бориса Пронина, организатора «Бродячей собаки». В феврале 1924 ее приговорили к ограничению проживания на 3 года в Ленинграде (минус 6 городов), откуда она выехала с четырьмя детьми (см.: http://pkk.memo.ru/letters_pdf/002104.pdf). С октября 1925 по май 1927 служила в костюмерной мастерской Александринского театра (см.: Кириченко Е., Турковская Е., Чепель А. 2020: 245). Младший брат Глеб (Елисаветград, 2.02.1900–1972) поступил в Тенишевское училище в 1909, окончил в декабре 1917. Работал художником-оформителем (см.: Там же: 251). Елисаветград – ныне г. Кропивницкий (Украина).

⁶⁵ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 4. Ед. хр. 150. Л. 23 об.

⁶⁶ Там же. Л. 24.

⁶⁷ См.: Там же. Л. 37 об.

⁶⁸ Там же. Л. 37. Л. 37 об. См. разрешение директора на печать 100 экземпляров журнала «Вперед», данное в сентябре 1906: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 6. Л. 218.

«Досуг»

В апреле 1906 неутомные четвероклассники затеяли новое издание и выпустили первый номер литературного и научного журнала «Досуг», вновь предусмотрительно указав на обложке: «Журнал неперIODический». Он был машинописным и, разумеется, литографированным⁶⁹. Издателем значился А. Павловский, цена журнала составляла 20 коп.⁷⁰.

В 1-м номере было опубликовано «Письмо в редакцию», в нем речь шла о неизвестной нам заметке в журнале «Вперед», где писали о школьной постановке «Недоросля» и «Женитьбы». Приведем фрагмент из этого «Письма»:

Неизвестный автор, описавший спектакль IV класса, по-видимому, поставил себе задачей разобрать игру актеров; это ему не удалось, так как он, вместо критики, оценил игру каждого, не разобрав ее. Можно подумать, что он задался целью, не разбирая игры, поставить актерам отметки. Неизвестно, почему он отнесся внимательнее к исполнению «Недоросля», чем «Женитьбы». <...> Несмотря на прекрасную игру Розенталя⁷¹, в последнем действии он скомкал

⁶⁹ См. записку директора от 15.04.1906 для литографии Богданова, разрешающую литографировать 80 экземпляров журнала «Досуг»: Там же. Л. 192.

⁷⁰ См.: ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 4. Ед. хр. 151. Л. 14 об. Александр Павловский (9.04.1892–?, см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 51. Л. 159а) – сын горного инженера Ильи Николаевича Павловского, жившего на станции Лысьва (теперь город) Пермской железной дороги и Людмилы Петровны Павловской. Поступил в училище в 1903 (см.: Там же. Л. 158). В Петербурге мальчик жил у тетки Ольги Петровны Чайковской, вдовы адмирала (см.: Там же. Д. 96. Л. 30 об. – 31). Весной 1906 был оставлен в четвертом параллельном классе еще на семестр, в характеристике говорилось: «Преобладающей чертой во всем характере является детское легкомыслие, которое заслоняет собой все остальное и является временами причиной поступков прямо несимпатичных. Постоянная болтовня, шутовство, несерьезное отношение к делу, склонность причинять систематически непр<и>ятности товарищам, нередко по чьему-либо научению, – все это делает его общество несносным. Принимая во внимание его природный ум, хорошие способности и доброе сердце, нужно обратить серьезное внимание на перечисленные недостатки» (Там же. Д. 98. Л. 47). В списке выпускников, приведенном Мецем, его имя отсутствует.

⁷¹ Николай Николаевич Розенталь (22.09.1892–1960) – историк, мемуарист. Из мещан, православного вероисповедания, сын Николая Александровича Розенталя,

свою роль и недостаточно рельефно изобразил бешенство и отчаяние Простаковой. В общем актеры очень хорошо оттенили ко-

служившего в издательстве Ф. Ф. Павленкова (именно в нем вышла и неоднократно переиздавалась книга Липперта, переведенная Острогорским и Струве. См. письмо Розенталя Острогорскому от 25.10.1900 о гонораре за 5-е издание: РО ИРЛИ. Ф. 112. Ед. хр. 194. Л. 1), и Марии Петровны Шувановой (см.: Розенталь Н. 1960: s. p.). В 1903 Николай поступил во 2-й класс Тенишевского (см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 51. Л. 212). Окончил в мае 1910 (см.: Мец 2020: 111) и поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Участник Пушкинского семинария (см.: Пушкинист 1914: 238). В январе 1915 окончил университет с дипломом 1-й степени, был оставлен для приготовления к профессорскому званию по кафедре всеобщей истории без стипендии. С 7.01.1915 начал работать в Тенишевском учителем истории по найму, с 1.09.1915 принят в штат (см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 2. Д. 111. Л. 1 об. Л. 26). Преподаватели училища освобождались от призыва на действительную военную службу (см.: Там же. Л. 24). В 1917 вступил в партию кадетов. С сентября 1917 Розенталь начал также преподавать в городском 4-хклассном мужском училище им. Александра II (см.: Там же. Л. 37). Позже, не оставляя Тенишевского, служил в ТЕО Наркомпроса, и Школьный совет, руководивший училищем, сообщал в Наркомпрос 14.01.1919: «в виду обязательного постановления о совместительстве <...> считает долгом уведомить, что обязанности, принятые на себя преподавателем училища Н. Н. Розенталем по Театральному Отделу, не причиняют никакого ущерба его педагогической деятельности» (Там же. Л. 40). Председателем Школьного совета был бывший директор Вл. В. Гиппиус. 6.09.1919 Розенталя арестовали, спустя 2 дня Школьный совет ходатайствовал о его освобождении перед школьным отделом Наркомпроса (см.: Там же. Л. 47). В Крестах, а затем в Андрониевском концлагере в Москве Розенталь пробыл до конца декабря 1919 (первый арест относится еще к декабрю 1918, см.: Брачев 2013: 146). В 1923 Розенталю удалось издать свою магистерскую диссертацию о Юлиане Отступнике. В декабре 1924 комиссия губернского отдела народного образования проверяла обществоведов в трудовой школе № 15 (так теперь именовалось Тенишевское училище; историю в школах больше не преподавали) и сочла, что учитель 4-го класса Розенталь не удовлетворяет необходимым требованиям (см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 2. Д. 111. Л. 61. Копия). В ночь на 9.02.1925 у Розенталя прошел обыск, его библиотеку опечатали. Спустя неделю Совет школы обратился в губернскую милицию с просьбой «дать возможность преподавателю <...> Николаю Николаевичу Розенталю пользоваться его библиотекой, необходимой ему для педагогической работы» (Там же. Л. 62). В июне 1925 Розенталь уволился из школы, в сентябре он преподавал в Пединституте им. А. И. Герцена (см.: Там же. Л. 59. Л. 63). Работал он также в ЛГУ, выпускал учебные пособия, в 1935 был арестован в Ленинграде и вместе с семьей отправлен в ссылку в Иргиз (см.: Брачев 2013: 154). После письма Сталину он смог в 1936 устроиться в университет в Одессе, в 1938 работал в Пединституте в Курске, во время войны был в Туркмении. В 1945 в Москве защитил докторскую диссертацию, преподавал в Одесском университете, в 1949 был разоблачен как космополит, но не уволен. С 1954 жил в Москве, читая лекции от общества «Знание» и выпуская популярные книги по истории христианства (подробнее см.: Там же: 145–160).

мизм сцены учения, экзамена и удачно изобразили драку дядюшки с племянником и ссору брата с сестрой. <...> Что касается «Женитьбы», то можно заметить, что все знали свои роли нетвердо и говорили своими словами, так что многие хорошие места пропали. Критик не заметил, что сцена, где женихи критикуют невесту, была из-за недоразумения актерами пропущена; <...> Саламандра⁷².

О спектакле оставили свидетельства еще два тенишевца: Жирмунский – в дневнике и Н. Н. Розенталь – в мемуарах. Не упомянутые ими школьники-актеры становятся известны лишь благодаря автору «Письма в редакцию».

Спектакль прошел 11.02.1906, готовили его полгода. В рекреационном зале на четвертом этаже училища расставили около 400 стульев, устроители с красными ленточками на груди «рассадили маленьких детей, сзади разместились взрослые. В конце зала находилась сцена. Ее скрывал занавес с инициалами училища» (Жирмунский 2013: 235). Актеров «постоянно провожали бесконечные аплодисменты и bravo, в особенности Шумкова⁷³ и Котылева⁷⁴, которые отличились в ролях Скотинина и Подколесина» (Там же).

⁷² ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 4. Ед. хр. 151. Л. 4 об. Л. 5. Подпись на Л. 5 об.

⁷³ Владимир Шумков (1892–?) – сын Владимира Васильевича Шумкова, который в 1913 был в чине действительного статского советника и служил старшим инспектором Государственного банка (см.: ЦГИА СПб. Ф. 113. Оп. 7. Д. 193. Л. 10), и Софии Ивановны; брат Натальи Владимировны Шумковой (в первом браке Гвоздева; во втором Султанова; 1895–1976, см. о ней в публикации: Тименчик 2018: 368–384). В 1901 был принят в приготовительный класс (см.: Там же. Ф. 176. Оп. 1. Д. 37. Л. 11). В конце 1905–1906 учебного года получил следующую характеристику: «Развит не в достаточной мере для своего возраста; откуда-то приобрел большие представления о своей особе, почему к замечаниям старших часто относится отрицательно, даже когда эти замечания носят чисто учебный характер. Против упрямства в этих случаях не помогают никакие убеждения. Обнаруживает мало рассудительности. Мало читает, по-видимому, пробавляется полуфантастическими вещами. Необходимо самое серьезное дисциплинирование ума и воли» (Там же. Д. 98. Л. 54). Был оставлен в 4-м параллельном классе еще на полгода. Окончил училище в январе 1911, погиб на Первой мировой войне (см.: Мец 2020: 112).

⁷⁴ Публикатор неверно прочел фамилию в дневнике Жирмунского, поэтому вместо «Котылев» напечатано «Кошелев» (см.: Жирмунский 2013: 235).

«<...> наш классный наставник Николай Николаевич Малышев⁷⁵ с чрезвычайной энергией принялся готовить с нами большой школьный любительский спектакль. Были выбраны для постановки целых две пьесы, правда, с некоторыми сокращениями: “Недоросль” Д. И. Фонвизина и “Женитьба” Н. В. Гоголя. Все исполнители работали с огромным энтузиазмом. Мне досталась очень ответственная роль госпожи Простаковой, – та самая, в которой, как я тогда узнал, подвизался в свои лицейские годы Н. В. Гоголь. Между прочим, эту роль я до сих пор твердо помню наизусть, пожалуй, как и весь текст “Недоросля”, – молодая память обладает мертвой хваткой!

Наш спектакль состоялся на масленице 1906 года и прошел с шумным успехом. Многие из него до сих пор встают у меня перед глазами. Невозможно забыть, например, нынешнего академика Дмитрия Владимировича Скобельцына, – моего тогдашнего товарища, мальчика Митю, – исполнявшего целых две роли: Кутейкина в “Недоросле” и Яичницу в “Женитьбе”. И тот и другой образ он сумел дать очень живо, но особенно сильное впечатление осталось от него в Яичнице, к которому он хорошо подходил ростом и комплекцией. Не могли мы, разумеется, не обратить внимания и на каламбурное совпадение последних букв его фамилии – “цын” с окончанием фамилии “Яичницын”, как хотел было назвать себя гоголевский Яичница, но раздумал, чтобы не было похоже на “сукин сын”.

Мальчикам по необходимости приходилось выступать и в женских ролях. <...> На долю одного, очень способного юного актера, выпала сложная задача изображать в “Женитьбе” женщину – сваху Феклу Ивановну, а в “Недоросле” мужчину – немца-гувернера Вральмана. Но он нашел выход из положения, заставив своего иностранца хвастаться и врать на самых высоких, визгливых нотах. Кстати, жизненная судьба этого разностороннего артиста, сына известного врача-гигиениста профессора В. В. Гориневского и ставшего впоследствии талантливым художником-архитектором, сложилась чрезвычайно трагично, но он сумел перенести ее с неизменно-твердой и светлой бодростью духа⁷⁶.

⁷⁵ О Н. Н. Малышеве см.: прим. 32.

⁷⁶ О друге Н. Розенталя Г. В. Гориневском см. прим. 37.

На одной из последних репетиций мы были радостно взволнованы сообщением, что к нам приехала для критических указаний какая-то известная артистка. Говорили, будто бы это – сама прославленная Вера Федоровна Комиссаржевская. Но приехавшая оказалась ее младшей сестрой, – также большим мастером сцены, – Н. Ф. Скарской⁷⁷. <...> Надежда Федоровна осталась, в общем, довольна нами, но советовала нам не злоупотреблять жестикуляцией и скороговоркой» (Розенталь Н. 1960: s. p.).

Что касается прежде неизвестных исполнителей, перечисленных в «Досуге», то в «Недоросле» Митрофана играл Константин Гилевич⁷⁸, Стародума – Борис Проценко⁷⁹. В «Женитьбе» роль Агафьи Тихоновны исполнил Георгий Ростовцев из 4-го параллельного класса⁸⁰, свахи Феклы Ивановны – Гориневский, Кочкарева –

⁷⁷ Надежда Федоровна Скарская (1868–1958) – актриса, вместе с мужем П. П. Гайдебуровым основательница «Передвижного драматического театра» (1905).

⁷⁸ Константин Гилевич (4.03.1892–?, см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 118. Л. 27). Поступил в подготовительный параллельный класс в 1901 (см.: Там же. Д. 40. Л. 19). В 1905–1906 учился в 4-м параллельном. Училище не закончил. В мемориальных списках числится Константин Александрович Гилевич, 1894, арестованный в Чите 2.12.1934 и приговоренный 20.04.1935 ОСО НКВД к 5 годам лагеря (см.: <https://base.memo.ru/person/show/2574573>), но нет уверенности, что это один и тот же человек.

⁷⁹ Борис Гаврилович Проценко (23.07.1892–?, см.: ЦГИА СПб. Ф. 478. Оп. 3. Д. 5469. Л. 3. Копия). Родившийся в Петербурге сын подмастерья портновского цеха Н. Д. Дмитриева, Борис был усыновлен тифлисским гражданином Гавриилом Кондратьевичем Проценко. Ушел из Тенишевского в 1906, окончил с серебряной медалью Самарское коммерческое училище, получив звание кандидата коммерции, и в 1909 был принят на механическое отделение Политехнического института (см.: Там же. Л. 2. Л. 3 об. Копия. Л. 5. Копия. Л. 6. Копия). В апреле 1915 собирался поступить в военное училище, 13.05.1915 просил отчислить его из института (см.: Там же. Л. 61. Л. 63. Л. 66). По воспоминаниям дружившего с ним Н. Н. Розенталя, он ушел на фронт (см.: Розенталь Н. 1960: s. p.). Возможно, что именно он в звании подпоручика участвовал в 1-м Кубанском («Ледяном») походе (см.: <https://xn--90adhkb6ag0f.xn--plai/arhiv/uchastniki-grazhdanskoj-vojni/uchastniki-belogo-dvizheniya-v-rossii/uchastniki-belogo-dvizheniya-v-rossii-pr-pya.html>).

⁸⁰ Георгий Ростовцев (27.8.1893–?) – сын гимназического преподавателя древних языков Николая Яковлевича Ростовцева и Елизаветы Юлиевны (см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 96. Л. 30 об. – 31). Поступил в подготовительный класс в 1901 (см.: Там же. Д. 37. Л. 10). В характеристике за 1905–1906 говорится: «Работящий, способный мальчик» (Там же. Д. 98. Л. 48). Окончил училище в мае 1910 (см.: Мец 2020: 111). Его брат Лев (12.12.1889–?, см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 96. Л. 44) учился классом старше Мандельштама (см.: Там же. Д. 64. Л. 12). Ушел из 7-го класса 22.04.1905 (см.: Там же. Д. 10. Л. 244).

Гердзей (он же был и режиссером⁸¹), Анучкина играл Шумков, Жевакина – Григорий Фейнберг⁸² из 4-го параллельного, Арину Пантелеймонову – Борис Ланг⁸³ из того же класса, роль Степана, слуги Подколесина, сыграл Сергей Быстров⁸⁴.

Из других публикаций журнала «Досуг» назовем реферат «Кровь и кровообращение» Г. Ростовцева и начатый печатанием реферат «Шумиро-Аккадьане. Их мировоззрение» Гориневского⁸⁵.

«Тенишевец» и «Пробужденная мысль»

Оба новых журнала появились в училище осенью 1906, оба издавались типографским способом⁸⁶. Инициатором первого жур-

⁸¹ См.: Жирмунский 2013: 235.

⁸² Григорий Фейнберг (21.4.1892–?, см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 96. Л. 31) иудейского вероисповедания, сын Морица Григорьевича Фейнберга и Ольги Михайловны (см.: Там же. Л. 30 об. – 31). В 1901 принят в подготовительный класс (см.: Там же. Д. 37. Л. 10). Из характеристики за 1905–1906: «При хороших способностях является счастливым обладателем колоссальной лени, которая мешает ему даже являться вовремя на уроки. Несомненно, в этом встречает сочувствие со стороны своей мамы» (Там же. Д. 98. Л. 52). Постановлением Педагогического комитета был переведен в пятый класс, но летом ему требовались занятия историей, русским и немецким языками, и географией (см.: Там же). Училище не окончил.

⁸³ Борис Ланг (5.10.1892–?), евангелическо-лютеранского вероисповедания, сын купца Давида Борисовича Ланга и Елизаветы Иосифовны (см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 96. Л. 30 об. – 31). Принят в подготовительный класс в 1901 (см.: Там же. Д. 51. Л. 81). В сведениях об успехах и поведении за 1905–1906 сказано: «Назойливость в сравнении с прошлым годом наблюдалась еще в больших размерах. Болтлив, непоседлив на уроках. Колоссально ленив» (Там же. Д. 98. Л. 41). Был оставлен в четвертом классе еще на полгода. Училище не закончил.

⁸⁴ См.: ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 4. Ед. хр. 151. Л. 4 об. – Л. 5 об. Сергей Федорович Быстров (10.12.1892–?, см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 118. Л. 26 об.). Поступил в подготовительный класс в 1901 (см.: Там же. Д. 37. Л. 10). Из характеристики за 1905–1906: «Умственное и нравственное развитие пока еще находится в ребяческом состоянии» (Там же. Д. 98. Л. 34). Подобно Лангу, Павловскому и Шумкову, он был оставлен в 4-ом параллельном еще на один семестр. Окончил училище в январе 1912 (см.: Мец 2020: 114).

⁸⁵ См.: ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 4. Ед. хр. 151. Л. 6 об. – 8. Л. 8–12 об. Обе публикации упоминались в: Вовина-Лебедева 2006: 218, 219.

⁸⁶ Записка директора о печатании «Тенишевца» тиражом 125 экз. датирована 13.11.1906 (см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 6. Л. 223), вероятно, она относилась к 3-му номеру, который вышел 15.11.1906 (4-й появился 10.12.1906), о датах выхода

нала был Владимир Валенков⁸⁷. 9.05.1906 Жирмунский записывал

см. ниже. Высказывалось ошибочное мнение, что «Тенишевец» был единственным школьным журналом, издававшимся в типографии (см.: Вовина-Лебедева 2006: 204). По свидетельству Жирмунского, Острогорский сказал редактору «Пробужденной мысли» Анатолию Надежину: «Я вам доверяю, типография будет печатать ваш журнал без моей подписи» (Зенченко 1958: 15). О Надежине см. прим. 96.

⁸⁷ Владимир Валенков (10.8.1889–31.12.1971, Ольденбург, Нижняя Саксония) – сын помещика, ветеринарного врача Николая Федоровича Валенкова и Марии Абрамовны (урожд. Ушаковой; 1865 – декабрь 1941, в блокаду, см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 96. Л. 38 об. – 39; Там же. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61681. Л. 2; <http://vizz.nlr.ru/blockade>). Окончил Тенишевское в 1908 (см.: Мец 2020: 106). В 1909 поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета (см.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61681. Л. 2 об.) (информация содержится в студенческом деле его младшего брата Александра). Летом 1911 ездил в Гейдельберг (см.: Жирмунский 2013: 309). Вероятно, он участвовал в Гражданской войне на стороне белых, в 1920 оказался в Бресте, т. е. на территории Польши. Преподавал естествознание в русской гимназии, после окончания Второй мировой войны жил в Германии (см.: <https://www.realbrest.by/novosti/istorija-bresta/vladimir-valenkov-uchitel-russkoi-gimnazii-v-breste-nad-bugom-uchilsja-s-mandelshatom-i-sluzhil-u-bulak-balahovicha.html>). Автор воспоминаний об Острогорском, в которых писал: «Сколько, должно быть, усилий стоило ему научить нас, избалованных барской обстановкой, уважать чужой труд, любить работать и самим уметь работать! Как трудно было вселить в нас, сытых и беззаботных, настоящую любовь к людям!» (Валенков 1908: 9). Об отношениях Жирмунского с Валенковым, его братьями и сестрой см.: Жирмунский 2013: 291–292, комментарий. (За предоставление информации о дате и месте кончины благодарю архивиста М. Класен из архива Исследовательского центра Восточной Европы при Бременском университете.) Младшие братья Владимира, Александр и Николай, также учились в Тенишевском. Александр Николаевич Валенков (16.01.1894 – декабрь 1941, см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 96. Л. 20 об. – 21; <http://vizz.nlr.ru/blockade>) поступил в первый класс 1.09.1904 (см.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61681. Л. 14 об.), окончил училище в мае 1912 (см.: Мец 2020: 115). В 1913 записался на историческое отделение историко-филологического факультета Петербургского университета, 8.01.1917 обвенчался с дочерью подпоручика Тамарой Люциановной Зелинской, 19 лет (см.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61681. Л. 2. Л. 33 об. Л. 35). В сентябре 1918 просил продлить ему срок пребывания в университете: «В течение первых четырех лет я сдал 10 экзаменов и получил зачет 4 полагающихся просеминариев. Последний же год я не мог заниматься исправно по причине чрезвычайно тяжелых условий 1917–1918 года и этот год у меня прошел бесследно» (Там же. Л. 3). Александра оставили в числе студентов до 1.06.1919 (см.: Там же). 6.12.1921 он писал проректору, прося разрешения на проезд в Петроград для сдачи оставшихся экзаменов, работал он в это время в Шамовской педагогической школе по адресу: Дмитровка Александрийского уезда Кременчугской губ. (см.: Там же. Л. 40. Л. 40 об.). Его жена была родной сестрой литературного критика К. Л. Зелинского. Брак был недолгим, не позднее 1926 ее мужем стал Михаил Александрович Танин-Цуриков (см. письмо Зелинского от 20.03.1926 к сестре и ее мужу: <https://rgali.ru/obj/13015735>). Танин-Цуриков был расстрелян 1.11.1937 (см.: сталинские расстрельные списки:

в дневнике:

Он пытался убедить меня в необходимости школьной публицистической газеты (журнала, вернее) и горячо развивал свои планы. Я несколько умерил его пыл несколькими практическими соображениями, однако издание порешено между нами, и завтра же мы начнем в школе свою работу: поговорим с А. Б.⁸⁸, с членами

<https://stalin.memo.ru/persons/p12377>), его жену ОСО при НКВД приговорило 2.02.1938 к 8 годам. Прибыла в Акмолинский лагерь 18.03.1938. Освобождена 26.08.1944 (см.: <https://base.memo.ru/person/show/2416>). Николай Николаевич Валенков (18.11.1896 – октябрь 1941, см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 118. Л. 21) осенью 1906, когда его брат стал редактором «Тенишевца», учился в подготовительном классе (см.: Там же. Л. 1 об.). Окончил училище в 1916 и поступил на экономическое отделение Политехнического института, но уже в сентябре 1916 забрал документы (см.: Там же. Ф. 478. Оп. 3. Д. 965. Л. 2. Л. 11). В 1930-е руководил лабораторией в Ленинградском оптическом институте, был арестован 23.09.1936 и приговорен ОСО при НКВД 27.01.1937 к 5 годам ИТЛ. Реабилитирован 18.09.1990 (см.: <https://base.memo.ru/person/show/2935376>; на сайте указана неверная дата рождения – 1.12.1896, вместо 30.11.1896 по новому стилю). После освобождения жил в Ленинграде в одной квартире с матерью и Александром и умер в блокаду (см.: <http://visz.nlr.ru/blockade>; на сайте приведен неверный год рождения Николая).

⁸⁸ Александр Борисович Сахаров (14.04.1872–1941, в блокаду, см.: <http://visz.nlr.ru/blockade/show/990618>). Его личного дела в архиве Тенишевского училища не сохранилось, в адресных книгах «Весь Петербург» на 1903–1906 его имя отсутствует. По всей вероятности, именно он преподавал математику в харьковской женской гимназии Н. Я. Грегорцевич в 1903 (см.: <https://rgia.su/object/934467>; по этому источнику приводим дату и месяц рождения), а в харьковской 4-й мужской гимназии – математику и физику (см.: <https://forum.vgd.ru/?o=1&t=41100&st=&p=1150707>). Осенью 1904 его пригласили в Тенишевское «дополнительным наблюдателем», поскольку открылся новый – 8-й – класс (см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 15. Л. 80), вскоре он начал вести уроки математики. Ушел из Тенишевского летом 1916 из-за конфликта, мотивы которого неизвестны. В 1922 заведовал книжным магазином при Доме литераторов (см.: *Весь Петроград 1922*: 580). Был членом и многолетним казначеем основанного в 1922 Общества экслибрисистов (см.: *Труды 1924*: 2), неоднократно выступал в нем с докладами. Так, 16.08.1923 «был заслушан доклад А. Б. Сахарова “Девизы, афоризмы и изречения на русских книжных знаках”. Докладчик собрал и классифицировал 289 вариантов надписей, весьма интересных и характерных по разнообразию вкладываемого в них владельцами содержания» (Там же: 16). Хорошо известен книжный знак, созданный для Сахарова В. В. Гельмерсеном в 1921. Надпись на экслибрисе: «Из книг А. Б. Сахарова. Ты, череп, что в углу смеешься надо мной, / Зубами белыми сверкая, / Когда-то, может быть, как я, владелец твой, / Блуждал во тьме, рассвета ожидая». Описание экслибриса: «В готическом обрамлении у стола стоит Фауст, опираясь одной рукой на глобус, а другую на стол, на котором лежат книги и череп». Библиотека Сахарова состояла «из книг по художественной

кружка самообразования (бывш. Борьбы с куреньем), дальше со «светочами училища» шестого, пятого и четвертого класса. Я уверен, что дело у нас закипит. Валенков, байбак по характеру, решившись взяться за дело в столь возвышенных словах, какие он произносил сегодня – слишком идеалист, чтобы испугаться затруднений (Жирмунский 2013: 259).

Редакторами стали, кроме Валенкова и Жирмунского⁸⁹, их одноклассник Георгий Нечволодов⁹⁰ и шестиклассник Игорь Ашешов⁹¹,

литературе, истории, истории литературы, астрономии и математике» (Там же: 17, 23). В 1930-е был доцентом Института механизации социалистического земледелия.

⁸⁹ Большинство его публикаций в журнале подписано криптонимом В. Ж. (см.: Лавров 2007: 546).

⁹⁰ Георгий Нечволодов (8.08.1889–?) – сын генерал-майора (в 1915 – генерал-лейтенант, см.: Везь Петроград 1916: 480) Платона Платоновича Нечволодова (1856–1936, в эмиграции, см.: <http://histpol.pl.ua/ru/petrovskij-poltavskij-kadetskij-korpus/vospitanniki-ppkk-ukazatel-po-godam-vypuska/vospitanniki-ppkk-1873?id=2558>), служащего в Главном артиллерийском управлении, и Нины Васильевны (см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 96. Л. 37 об. – 38). Георгий был принят в училище в январе 1904 (см.: Там же. Ф. 478. Оп. 1. Д. 1461. Л. 3 об. – 4), окончил его в 1908 (см.: Мец 2020: 107). Из-за нескольких четверок в аттестате был зачислен в Политехнический институт лишь вольнослушателем, да и то по просьбе отца, поданной в министерство торговли и промышленности, которому были подчинены и институт, и Тенишевское. В июле 1912, учась на металлургическом отделении уже как действительный студент, уволился для отбывания воинской повинности. Освобожденный от нее из-за хронической болезни, он вернулся в институт в январе 1913, в апреле женился на дочери потомственного почетного гражданина Марии Николаевне Петровой. В мае 1916 окончил институт, получив профессию инженера-металлурга (см.: ЦГИА СПб. Ф. 478. Оп. 1. Д. 1461. Л. 9–9 об. Копия. Л. 17–17 об. Л. 19. Л. 32. Л. 36 об. Л. 62). Его младший брат Дмитрий учился в 1905–1906 в 1-м параллельном классе и был оставлен в том же классе на полгода (см.: Там же. Ф. 176. Оп. 1. Д. 98. Л. 3). Об отце и старшем брате Вадиме (?–1977, в эмиграции), учившемся в Консерватории и окончившем Политехнический институт (см.: Незабываемые могилы 1999–2007, 5: 97, 98).

⁹¹ Игорь Ашешов (31.07.1891–1961, в эмиграции) – сын помощника присяжного поверенного, журналиста, драматурга, одного из основателей журнала «Новая Россия» (1922) Николая Петровича Ашешова (1866–1923) и Варвары Александровны, урожд. Протасовой (см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 96. Л. 34 об. – 35). Отец сотрудничал в самарской и нижегородской печати, переводил с французского. С женой разошелся, сына воспитывала свояченица. В 1900 переехал с сыном в СПб. (см.: Таранова 2008: 19, 23). Игорь окончил училище в мае 1910 (см.: Мец 2020: 111) вместе с Гориневским, Н. Розентаем, Г. Ростовцевым, Скобельцыным и С. Федоровым. Учился в Саратовском университете, служил бактериологом в лаборатории Белой армии, жил в Югославии,

а с декабря 1906 – и семиклассник («параллелец»⁹², как и Валенков) Константин Ляндау⁹³. Под их редакцией журнал выходил с октября 1906 по апрель 1907 (№ 1 – 1.10.1906, № 2 – 20.10.1906, № 3 – 15.11.1906⁹⁴, № 4 – 10.12.1906, № 5 – 15.01.1907, № 6 – 20.02.1907, № 7 – 1.04.1907)⁹⁵. Затем, с осени 1907, редакторы сменились, а журнал выпускался еще несколько лет и распространялся не только в училище, но «в известной мере и за его пределами» (Розенталь Л. 2010: 494).

Редактором «Пробужденной мысли» был бывший одноклассник Мандельштама Анатолий Надежин⁹⁶. 1-й выпуск журнала вышел в ноябре 1906, 2-й – 13.12.1906, 3-й – в марте или апреле 1907. Еще один номер «Пробужденной мысли», о котором известно из заметки в 4-ом номере «Тенишевца» за 1908, Надежин выпустил 5.12.1907⁹⁷.

Первые два номера «Пробужденной мысли» не сохранились; как пишет исследователь, они «известны нам по цитатам в “Тенишевце”, предоставленным в наше распоряжение выпискам А. А. Морозова⁹⁸

Великобритании, Канаде, США, с 1954 – опять в Великобритании (см.: <https://www.domrz.ru/encyclopedia/asheshov-asheshov-igor-nikolaevich-/>).

⁹² Словечко Жирмунского (см.: Жирмунский 2013: 107).

⁹³ См.: Зенченко 1959: 77; Мец 2020: 36.

⁹⁴ См.: Мец 2020: 39.

⁹⁵ См.: Лавров 2007: 546–548.

⁹⁶ Анатолий Надежин (5.04.1889–?) сын нефтепромышленника Алексея Семеновича Надежина и Антонины Владиславовны, учился вместе с Мандельштамом не позднее чем с 3-го класса (1901–1902, см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 37. Л. 16). Весной 1906 не был допущен к экзаменам и оставлен на второй год в 7-м классе, почему и закончил училище вместе с младшим братом Вячеславом в 1908 (см.: Мец 2020: 26, 107). Вячеслав Надежин (18.12.1890–?, см. ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 118. Л. 29) учился вместе с Жирмунским. Об Анатолии см. в «Шуме времени»: Мандельштам 2009–2011, 2: 232. Поэт назвал его разночинцем, между тем отец братьев был потомственным дворянином (см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 96. Л. 40 об. – 41). Именно так указал свою сословную принадлежность в прошении в ноябре 1914 сам Анатолий, поступая на временную должность помощника делопроизводителя в канцелярию городской санитарной комиссии (см.: Там же. Ф. 210. Оп. 1. Д. 1415. Л. 1. Копия). Должность эту он исполнял с 17.11.1914 до конца декабря 1914 (см.: Там же. Л. 2. Копия. Л. 3. Копия). В 1921 закончил Политехнический институт, работал бухгалтером в Управлении ленинградских городских железных дорог (см.: Мец 2020: 107).

⁹⁷ См.: Там же: 32, 39, 40.

⁹⁸ Одна из выписок – ироническая заметка шестнадцатилетнего Синани в 1-м номере журнала, в ней речь идет о пятнадцатилетнем Мандельштаме: «Прекрасный оратор-талмудист О. уже начал свою пламенную речь <...> кончить ему не удастся, его

и по выдержкам из <...> работы Н. С. Зенченко»⁹⁹ (Мец 2020: 39). О реакции Острогорского после выхода 1-го выпуска «Пробужденной мысли» сообщал 4-й номер «Тенишевца»:

В четверг, 10-го ноября в XIII а и б семестрах¹⁰⁰ не было урока законоведения. В класс пришел Александр Яковлевич, который в присутствии обоих семестров долго говорил с редактором «Пробужденной мысли». А. Я. упрекал А. Надежина в оплевании как всего училища, так и идеи, положенной в его основу. В заключение А. Я. выразил свое крайнее огорчение по поводу поведения журнала (цит. по: Мец 2020: 38).

Подобная реакция не могла быть обусловлена лишь политически радикальными взглядами редактора и авторов журнала. О том, что именно так возмутило Острогорского, дает представление информация, которая содержится в написанной спустя почти год статье Жирмунского «По поводу “Пробужденной мысли”<,> или о свободе печати в нашем училище»:

Вопрос о свободе печати <...> никогда не возникал в нашем училище до самого последнего времени. Этот вопрос был впервые вызван появлением «Пробужденной мысли», первого ученического журнала в нашем училище, который решился оплевать свою alma-mater (мать-кормилицу) и в резких выражениях выставить на позор всю деятельность наших преподавателей. <...> В своем отношении к учителям (№ 1) и, отчасти, к товарищам (№ 2), в своих карикатурах «Мысль» переступила всякие границы

хватаят, и начинается знаменитый “чиркуль”, состоящий в том, что жертву, предварительно свалив на спину, хватают за руки и крутят по полу <...> Наконец, кончилось. Можно идти домой. И тут поклонник долга О. не забывает великого назначения своей жизни и меняет свои калоши и пальто на чужие (лучшие, конечно)» (Мец 2020: 31–32). Это первое описание Мандельштама в печати – и первая карикатура на него. Как недавно было очень точно подмечено, «образ ни одного большого русского поэта первой половины XX столетия не подвергался <в мемуарах современников. – М. С.> такому сильному и массивному окарикатуриванию, как образ Мандельштама» (Лекманов 2022: 126).

⁹⁹ Имеется в виду статья: Зенченко 1959: 59–95.

¹⁰⁰ То есть в обоих 7-х классах.

приличия. Намеки на то, что у нас в училище введут военно-полевые суды, воспитателей заменят палками, что на кухне обед готовят из краденых резиновых галош; история с напечатанием журнал «Черносотенец» вместо Тенишевец, в котором «Мысль» извинялась, как в опечатке, из страха быть привлеченной к товарищескому суду¹⁰¹; сказка «Благоразумный Человек», отнесенная к сотрудникам «Тенишевца», – одним словом говоря – «плевки» не могут быть поставлены в плюс этому журналу.

Я слышал среди учеников мнение, что свобода для училищного журнала должна быть ограничена пределами такта, что надо принять репрессивные меры против «Мысли» за ее бестактность. По-моему<,> это неверно. Репрессия только придает бестактности ореол мученической славы. На бестактность можно ответить призывом к товарищескому суду, ответить разъяснением, к которому Александр Яковлевич прибегнул после выхода в свет № 1 «Мысли»¹⁰².

Авторы (кроме Надежина и Синани) и карикатуристы 1-го выпуска остаются неизвестны.

Хотя о содержании 2-го выпуска «Пробужденной мысли» мы почти ничего не знаем, можно предположить, что после внушения Острогорского авторы немного уgomонились и на свою школу больше не клеветали, однако соперников из «Тенишевца» в покое не оставили. Это следует из следующих двух фрагментов статей.

А. Надежин. «К “постороннему родителю”»:

Признавая, что учащиеся делятся на известные группы, прямо противоположные одна другой по своим взглядам и направлениям, я бы считал желательным создание партийного органа у каждой из таких групп (цит. по: Зенченко 1959: 78; со ссылкой на вып. 2. С. 8).

¹⁰¹ «<...> в первом номере “Пробужденной мысли”, в разделе “Хроника слухов” сообщалось о выходе из печати журнала “Черносотенец” (с. 12–13), а затем якобы допущенная опечатка исправлялась (на правильное “Тенишевец”, с. 16)» (Мец 2020: 38).

¹⁰² Тенишевец. 1907. № 1 (15 октября). Год II. С. 22, 24.

Синани «Несколько слов о “молодых стариках”»:

Может быть, революция пройдет без нас, но можем ли мы отстраняться от революции? Можем ли мы заниматься в минуты напряжения сил всей страны? Может быть, «разумные» сотрудники «Тенишевца» могут – мы же не можем. Вспомните октябрьскую забастовку, – кто протестовал против нее? Вспомнили? Даже педагоги не возражали, потому что не время было возражать; вопрос был поставлен ребром: или с народом или против него. Но теперь... Теперь вы протестуете... Что же, это «очень разумно». Но не верится нам, что из вас выйдут защитники прав народа! Фразами любите вы отделяться (Цит. по: Зенченко 1959: 78; со ссылкой на вып. 2. С. 11)¹⁰³.

В 5-м номере «Тенишевца», вышедшем после рождественских каникул, 15.01.1907, не замедлили откликнуться:

Кивки на «Тенишевец» и неостроумные выходки на его счет по-прежнему вызвали много споров, в особенности в XIII семестре, где чуть было не произошла драка между одним из редакторов «Тенишевца» и одним из почитателей «Мысли» (цит. по: Мец 2020: 39).

А в редакционной заметке подвели итог:

«Пробужденная мысль» в своем 2-м выпуске определила окончательно свое направление. Очевидно, журнал считает себя партийным органом и прямо противопоставляет себя нам как партии; это особенно видно из письма Анатолия Надежина. По этому поводу мы должны заявить, что «Тенишевец» – беспартиен (Там же).

¹⁰³ По поводу стоящих вместо подписи инициалах Мец пишет, что Зенченко допустила «неточность в ссылке на источник: подпись означена “Н. С.” вместо правильного “Б. С.”; исправление внесено согласно цитате в другом источнике: М. В. <Марк Вольф?> Критика 2-го выпуска “Пробужденной мысли” // Тенишевец. 1906. № 6. 20 февр. С. 92» (Мец 2020: 40).

Следует упомянуть еще одну публикацию «Пробужденной мысли», которую привел в своей биографии Манделъштама один из первых манделъштамоведов Кларенс Браун (Clarence Brown). Это открытое письмо к преподавателю словесности в старших классах Вл. В. Гиппиусу, помещенное в первом или втором номере журнала:

Dear Vladimir Vasilevich!

At one lesson you announced to us that when you arrive in our classroom you have already determined in advance to have such-and-such students recite and that even if they should not be present (regardless of whether or not they have serious reasons for being absent) you will nevertheless give them the grade which they would have received for an unsatisfactory answer. When we naturally asked why, you said that you would tell us after the lesson, but... you didn't tell us. Now we hope that you will, in the next issue of Awakened Thought, satisfy our just request (Brown 1973: 29).

3-й по счету (и 1-й по нумерации) выпуск «Пробужденной мысли» объемом в 16 страниц уцелел и хранится в РНБ¹⁰⁴. Как сказано выше, номер вышел весной 1907, он открывался следующим воззванием, подписанным «А-ий»:

Когда наступает весна, когда солнце показывается над горизонтом и начинает ласкать своим светом замерзшую землю, когда все просыпается и приветствует освобождение земли из-под гнета морозов – тогда пробуждается Мысль! <...> мы зовем товарищей

¹⁰⁴ Экземпляр был найден Г. Дальним и В. Сажиним (см.: Мец 1988: 105). Г. Дальний – псевдоним Г. Г. Суперфина. Приведем оглавление номера (в журнале оно отсутствует, как и во всех тенишевских изданиях, которые мы видели):

- С. 1. К товарищам. А-ий.
- С. 2. Волны могучие, смелые волны. А. Л. Б.
- С. 2-3 Сон. Б. Синани.
- С. 3. Тянется лесом дороженька пыльная... Фитиль.
- С. 4-5. Синие и красные сны Ю. Каменский.
- С. 5-7. «Анархист». Бес.
- С. 8. Среди лесов унылых и заброшенных О. М.
- С. 8-9. Две ночи. Икс.
- С. 10-14. «Два пути». Камень.
- С. 14-16. Журнал «Вперед». В. Сом.

выступить с нами вместе на бой с той реакцией, которая свивает себе уютное гнездо под знаменами «чистого искусства».

Идите же к нам, товарищи, поднимем и высоко водрузим стяг «Пробужденной мысли» <...> мы зовем вас к себе, зовем, как друзей. Все, что вы пережили, перечувствовали – все несите на страницы сборника и тогда наши, в отдельности слабые голоса, грянут мощным и стройным аккордом <...>¹⁰⁵.

Воззвание написал редактор Надежин¹⁰⁶. Среди авторов номера – Синани, Юрий Каменский¹⁰⁷, Мандельштам, опубликовавший два стихотворения, одно под псевдонимом «Фитиль», другое – под своими инициалами¹⁰⁸, три публикации не атрибутированы. Из рецензии, автор которой подписался как «В. Сом.», узнаем, что Дмитрий Скобельцын, бывший одним из сотрудников журнала «Вперед», отпускал «по поводу журнала “Пробужденная мысль” колкие замечания, часто переходящие в “братское порицание”», и что «в одном из первых номеров “Тенишевца” журнал “Пробужденная мысль” был “обозван” “плевательницей”»¹⁰⁹.

¹⁰⁵ Пробужденная мысль. 1907. Вып. 1. С. 1.

¹⁰⁶ См.: Мец 2020: 40.

¹⁰⁷ Кроме стихотворения в прозе «Сон», Синани принадлежит очерк «Анархист», атрибуция Меца, публикацию см.: Мец 2020: 60–63. Помимо стихотворения «Синие и красные сны», Каменским написана статья «Два пути», также атрибутированная Мецем (см.: Мец 2020: 40, 87–88, публикация стихов). Юрий Каменский (28.10.1888–1956, см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 96. Л. 43) – сын потомственного дворянина Андрея Васильевича Каменского, члена Новгородской губернской земской управы, и Леонтины Карловны (см.: Там же. Л. 42 об. – 43). В 1903–1904 учился в 6-м классе вместе с Л. Ростовцевым и В. Шнитниковым (см.: Там же. Д. 64. Л. 12), то есть классом старше Мандельштама. По-видимому, в следующем 1904–1905 был оставлен на второй год (в 1905 семестровую систему еще не ввели) и оказался в одном классе с Мандельштамом. 24.03.1906 канцелярия училища сообщила его отцу, что сын допущен к экзаменам за 7-й класс (см.: Там же. Д. 10. Л. 329). Окончил училище в 1907, стал экономистом, оставил мемуары (см.: Каменский 2009: 484–522). Подробнее о нем см. в предисловии Меца к публикации рукописей Каменского: Мец 2020: 85–90; дополнительный комментарий к этой публикации см.: Мец, Кашеева 2021: 189–204.

¹⁰⁸ Первую публикацию стихотворений см.: Мец 1988: 104–107.

¹⁰⁹ «Пробужденная мысль». 1907. Вып. 1. С. 14, 15. Фамилия Скобельцына передана как «Скобельцин», см. о нем прим. 43.

«Заниматься в минуты напряжения сил всей страны» (как писал Синани) и сдавать в апреле-начале мая 1907 11 экзаменов¹¹⁰ восьмиклассникам все же пришлось. 15.05.1907 Мандельштам, Синани и Каменский окончили Тенишевское и были приняты – первые двое вольнослушателями на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета¹¹¹, а третий – на экономическое отделение Политехнического института¹¹². Вскоре Мандельштам и Синани забрали свои документы из университета, первый – 8.10.1907, второй – 8.11.1907¹¹³. Немного погодя Мандельштам уже ехал в Париж¹¹⁴, а Синани, выдержав «удовлетворительно» в Феодосии экзамен по латинскому языку 31.05.1908¹¹⁵, смог осенью записаться на юридический факультет.

«Революционные» дела и ссоры в Тенишевском закончились. 15.10.1907 вышел новый номер «Тенишевца» с новой редакцией, приглашенной еще весной¹¹⁶, поскольку «редакторы выдвигались не самочинно, а выбирались» (Розенталь Л. 2010: 494). Это были Виктор Вейсбейн¹¹⁷, Марк Вольф¹¹⁸, Арон Левинсон¹¹⁹, Ной Рубашев¹²⁰.

¹¹⁰ См.: Мец 2020: 43–44.

¹¹¹ См.: Сальман 2010: 449; Сальман 2013b: 210.

¹¹² См.: Мец 2020: 85.

¹¹³ См.: Сальман 2010: 449; Сальман 2013b: 211.

¹¹⁴ См. посланную им родителям 16/29.10.1907 открытку из Вильны: Мандельштам 2009–2011, 3: 354.

¹¹⁵ См.: Сальман 2013b: 211.

¹¹⁶ См.: Тенишевец. 1907. № 1. Год II. С. 5.

¹¹⁷ Виктор Вейсбейн (Никополь, 14.3.1892–1909) иудейского вероисповедания, сын инженера-технолога Моисея Кельмановича Вейсбейна (Моисея Клементьевича) и Марии Абрамовны (см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 44. Л. 59 об.; Д. 50. Л. 127; Д. 96. Л. 11 об. Л. 32 об. – 33). Поступил в 1-й класс в 1901 (см.: Там же. Д. 50. Л. 126). Виктор написал об Острогорском в сборнике его памяти: «Я любил Александра Яковлевича за то, что один взгляд его, такой внимательный и ясный – ободрял, создавал уверенность, что можешь достигнуть чего-то светлого, хорошего. Я любил его за то, что знал, как он любил и уважал во мне мое человеческое, хорошее и так ласково, снисходительно, необидно прощал мне мои ошибки и недостатки. <...> И особенно стал я любить его и не столько бояться, как глубоко уважать – с 1905-го года, когда понял, сколько он вынес и выстрадал, в то время как мы поступали легкомысленно, ничем не рискуя, когда понял, что он любил “Тенишевское Училище” гораздо больше, чем мы» (Вейсбейн 1908: 6). В первых трех классах с ним вместе учился Александр Эмильевич Мандельштам (1892–1942) – брат поэта (см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1.

Д. 64. Л. 7; подробнее см.: Сальман 2013b: 204–205). Объявление о смерти Виктора см.: Тенишевце. 1909. № 1 (15 декабря, 2-я страница обложки). Владимир Валенков писал в некрологе Виктору: «мне пришлось работать вместе с ним в Тенишевце, вспомнить все наши разговоры об общем дорогом деле, о том, как все более и более росла любовь Вити к этому делу, как, уже больной, он писал в письме, что несмотря на то, что ему придется остаться в училище лишних полгода, он утешает себя мыслью, что останется это время на посту редактора Тенишевца» (Тенишевце. 1910. № 2. 31 марта. С. 5).

¹¹⁸ О М. М. Вольфе см. прим. 50.

¹¹⁹ Арон Левинсон (Вильна, 15.02.1890–?) иудейского вероисповедания, сын купца Иосифа (Иосифа-Вульфа Мордуха) Аароновича Левинсона и Евы Васильевны (Вульфовой), поступил в 3-й класс в 1903 (см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 96. Л. 11 об. Л. 34 об. – 35; Д. 51. Л. 88. Л. 89. Копия). Сохранилась его характеристика, написанная учителем ручного труда Г. К. Соломиным в 1904: «Работает лениво, но мальчик мягкий и податливый, самостоятельности проявляет мало, довольно сдержан и, пожалуй, немного застенчив» (Там же. Д. 82. Л. 90). Осенью 1907 был в 6-м классе (12-м семестре), окончил Тенишевское в январе 1910 (см.: Мец 2020: 110). О Г. К. Соломине см.: Сальман 2013b: 202–203. Наш текст о Соломине был размещен в Википедии без указания авторства и ссылок.

¹²⁰ Ной Рубашев (5.02.1891–?, см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 51. Л. 216) иудейского вероисповедания, сын купца-лесопромышленника Иосифа Григорьевича Рубашева и Розалии Исааковны (см.: Там же. Д. 44. Л. 59 об.; Д. 96. Л. 11 об. Л. 32 об. – 33; Д. 51. Л. 217 об.). Полтора года учился в 1-м реальном училище, прошение о приеме в 3-й класс Тенишевского датируется 3.02.1903 (см.: Там же. Д. 51. Л. 215. Л. 217), очевидно, тогда же выдержал вступительные экзамены (Л. Розенталь подвергался вступительным испытаниям в апреле 1906 и начал учиться с осени того же года, см.: Розенталь Л. 2010: 472). В аттестате дата поступления 1.09.1901 (см. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 55188. Л. 3 об. – Л. 4). Осенью 1907 учился в 7-м классе (13-м семестре). Окончив училище в мае 1909, поступил на юридический факультет Петербургского университета, который закончил в марте 1913 (см.: Там же. Л. 2. Л. 10). Его фамилия в журнале печаталась то как Рубашов, то как Рубашев (см.: Тенишевце. 1907. № 1. Год II. С. 5, 32). Умер в эмиграции (см.: Мец 2020: 110). Его младший брат Исаак (24.03.1895–?) в 1907–1908 учился в 3-м классе (5-й–6-й семестры) (см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 118. Л. 6. Л. 23). Среди одноклассников Исаака были два ставших впоследствии известными человека. Во-первых, писатель и переводчик Андрей Николаевич Егунов (13.09.1895–1968, см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 118. Л. 23 об.). В современных источниках приводится неверная дата его рождения: 26.09.1895 по новому стилю, т. е. 14.09.1895 по старому. О Егунове см.: Соболев [2017a]: с. р.; Соболев [2017b]: с. р. Во-вторых, зоолог и этнограф, основатель и первый директор Лапландского заповедника Герман Михайлович Крепс (29.04.1896–1944, см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 118. Л. 6. Л. 23 об.). В современных источниках допущена та же ошибка: его датой рождения указывается 12.05.1896 вместо 11.05.1896 (по новому стилю). Брат Германа, Евгений Михайлович Крепс (1899–1985), ставший впоследствии крупным ученым-физиологом, членом АН, учился в Тенишевском с декабря 1908 по декабрь 1916 вместе с Евгением Эмильевичем Мандельштамом (1898–1979), младшим братом поэта (см.: Крепс 1989: 8, 11, 14, 16), но

в разных семестрах. Евгений Мандельштам поступил в первый класс осенью 1907 и закончил училище на полгода раньше Крепса, в мае 1916 (см.: Мандельштам Е. 1995: 19, 129). Коллекционер М. С. Лесман 31.08.1971 записал воспоминания Е. М. Крепса, видевшего О. Э. Мандельштама в 1938 в лагере «Вторая речка». Они были опубликованы вдовой Лесмана, процитируем фрагмент: «Обратил внимание на интересное лицо. Седой, большие глаза, маленького роста. В первую же встречу с Мандельштамом Е. М. Крепс пытался завязать с ним беседу. Мандельштам отнесся к Крепсу с подозрением. “Я думал, что получу ключ к нему, когда сказал, что учился в Тенишевском училище. Услышав это, он встрепенулся... – “...У вас есть брат Евгений?” – “Да”. – “Я с ним учился в Тенишевском училище, но на разных семестрах”. – “Как ваша фамилия?” – спросил Мандельштам. Я назвал себя, но моя фамилия была ему незнакома. Дальше... я сделал ошибку, спросив Мандельштама, что ему инкриминируется. Мандельштам сразу замкнулся” (Князева 1990: 51). Неудивительно, что фамилия «Крепс» была незнакома Мандельштаму, ведь старший брат Евгения Крепса, Герман, учился во 2-м классе (см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 119. Л. 22 об.), когда Мандельштам был в 8-м. П. М. Нерлер беседовал с Е. М. Крепсом 30.03.1984 (см.: Нерлер 1989: 373). Приведем ту часть рассказа, которая относится к первой встрече Крепса с Мандельштамом: «Крепс обратил внимание на седого невысокого человека, на которого ему указали как на поэта по фамилии Мандельштам: большие глаза, интересное лицо. <...> Он подошел и обратился по имени-отчеству: “Здравствуйте, Осип Эмильевич!” Но Мандельштам сидел на земле и, глядя в пространство, никак не реагировал на приветствие. Тогда Крепс обратился несколько иначе: “Осип Эмильевич, я тоже тенишевец – брат Термена Крепса...” Мандельштам тут же вскочил, обрадовано заулыбался и возбужденно начал вспоминать общих тенишевских знакомых. Но тут Крепс спросил Мандельштама о том, что же ему инкриминируется. Он допустил бестактность, об этом не принято спрашивать, и поэт сразу замкнулся» (Нерлер 2014: 484, курсив автора. См. тот же текст: Нерлер 1989: 373 (до слов «тенишевских знакомых»); Нерлер 2010: 145; Нерлер 2015: 153–154). Главное, что вызывает удивление в рассказе Нерлера, это имя «Термен Крепс». Такого брата не было у Германа и Евгения Крепса, и не было в Тенишевском такого ученика. Обращает также на себя внимание редкостное сходство записей, сделанных с промежутком в 12 с половиной лет разными людьми: «интересное лицо. Седой, большие глаза, маленького роста» (Лесман); «седого невысокого человека <...> большие глаза, интересное лицо» (Нерлер); «я сделал ошибку, спросив Мандельштама, что ему инкриминируется. Мандельштам сразу замкнулся» (Лесман); «Крепс спросил Мандельштама о том, что же ему инкриминируется. Он допустил бестактность, об этом не принято спрашивать, и поэт сразу замкнулся» (Нерлер). И резкое различие: у Лесмана Крепс упоминает о брате Мандельштама, Евгении Эмильевиче, у Нерлера – о своем брате (несуществующем Термене). Уточним, кстати, что арестован Е. М. Крепс был в апреле 1937 (см.: Крепс 1989: 133; <https://base.memo.ru/person/show/3105296>, а не в 1938, как сообщает Нерлер, см.: Нерлер 2010: 145). Освобожден – весной 1940 (см.: Крепс 1989: 135, а не в 1939, см.: Нерлер 2010: 145). Самый младший из братьев, Лев Михайлович Крепс (30.05.1906 – после апреля 1985), также учился в Тенишевском, куда в 1918 пришел преподавать литературу Н. П. Анциферов (см.: Анциферов 1992: 413). Во время войны Л. М. Крепс в звании старшего лейтенанта медицинской службы работал в эвакогоспитале Ленинградского фронта, см. о нем на сайте «Память народа».

1-й номер «Тенишевца» открывался обращением от редакции:

Нашему журналу снова разрешена розничная продажа, запрещенная в прошлом году¹²¹. <...> Воспитательский совет запрещал продажу номеров школьных журналов в розницу, имея в виду уничтожить в училище торговлю и связанные с ней беспорядки¹²².

Редакция сразу письменно попросила Совет отменить запрещение:

<...> наш журнал – не торговое предприятие. Барыша с него мы, редакторы, не получаем, скорее наоборот; мы только назначаем определенную цену на журнал, соответствующую стоимости журнала, чтобы поровну, по-товарищески, распределить плату между всеми подписчиками, как это делается, например, на экскурсии, когда ученикам разрешают на общий счет купить то или другое. Если в младших классах продажа журнала превращается в торговлю, мы обязуемся не распространять свой журнал в младших классах.

Нам говорили о том волнении, которое так возбуждает учеников при выходе журнала. До сих пор мы, как редакторы, сталкивались, напротив, с хладнокровным отношением к нашему делу при всем интересе к нему. Пусть при этом воспитательский совет взвесит, много ли за год эти волнения принесли вреда. А ведь в противовес этому вреду стоит существеннейшая польза журнальной деятельности. Ведь на ее почве расцвело новое товарищество между учениками, новая любовь к школе, новые дружественные чувства между педагогами и учениками после плачевных недоразумений прошлого (1905–06) года. <...> Нам говорили про денежную конкуренцию между журналами. И это не точно. Одни и те же лица продавали в некоторых семестрах оба журнала; редактор «Пр<обужденной> мысли» предлагал нам, издателям «Тенишевца», свои услуги по продаже оставшихся №№. <...> Мы знаем, что совет воспитателей имеет в виду принцип недопустимости в стенах училища торговли. <...> Но журналы,

¹²¹ В прошлом учебном году, т. е. весной 1907.

¹²² Тенишевец. 1907. № 1. Год II. С. 2–3.

как классные, так и общеучилищные, всегда пользовались привилегией в этом отношении; потому что было ясно, что роль издателей у нас в училище – это роль простых посредников, со всего училища собирающих типографу плату за журнал¹²³.

18.09.1907 розничную продажу разрешили.

<...> продажа будет производиться после уроков и в промежутки времени от III до IV урока. На малых переменах «Тенишевец» будет продаваться в старшем классе. Будет открыта подписка на первые 5 №№ вперед¹²⁴.

В заметке «Несколько слов по поводу ограничения свободы журнального дела в Тенишевском училище», подписанной инициалами «М. В.» <М. Вольф? – М. С.>, причины запрещения и содержание редакционной просьбы излагались более четко:

<...> редакция «Тенишевца» <...> в записке, поданной в педагогический совет<,> указала, что журнал без розничной продажи абсолютно существовать не может, мотивируя это между прочим тем, что большинство учеников не пойдет на то, чтобы внести деньги в виде фонда вперед за несколько номеров. <...> Каждый год в училище появлялось несколько журналов, причем в младших классах эти журналы бывали большею частью рукописными, а в старших классах литографировались, а в последнее время печатались. Обыкновенно появление всякого журнала встречалось сочувственно не только со стороны учеников, но и со стороны педагогов. Но вот прошлой зимой на свет Божий родилась «Пробужденная мысль» <...> и педагоги, совершенно справедливо по отношению к «Пробужденной мысли», резко изменили свои взгляды о школьных журналах вообще. Видя тот вред, который приносится грубым и нахальным тоном «Пробужденной мысли», среди преподавателей появилось мнение <sic! – М. С.>, что следовало бы журналы вообще запретить или<,> по крайней мере<,> ограни-

¹²³ Там же. С. 3–4.

¹²⁴ Там же. С. 5.

чить их распространение <...> Следствием этого взгляда и было <...> постановление совета»¹²⁵.

Наконец бывший редактор – 16-летний восьмиклассник Жирмунский – сформулировал в уже цитировавшейся статье основания для выпуска тенишевской прессы:

Хотя моя статья написана по «поводу» «Пробужденной мысли», тема, которой я задался, более широкая. Это вопрос о свободе печати в нашем училище. <...> следует ли позволять в журналах обсуждение и осуждение учениками действий преподавателей? На мой взгляд – это следует не только позволять, но следует поощрять всеми силами выражение учениками своих мнений. Я исхожу не из абсолютных принципов «свободы» и «прав человека». К этому заключению я пришел, исходя из принципа педагогической пользы.

Когда в голове ученика рождается инстинктивное чувство: «Это решение педагогичес<еского> совета не хорошо», это чувство чаще всего далеко не сознательное. Но в кружке сотоварищей по «оппозиционным убеждениям» инстинкт растет, превращается в уверенность, в глухое недоброжелательство: так возникает взаимное недоверие учеников и преподавателей <...> В журнале этому чувству есть выход; но в журнале оно должно стать сознательным. Ученик много раз обдумает свою статью; <...> статья будет спокойною, более правильной, без резкостей и увлечений. <...> в суждениях даже тех, кто сами не пишут статей, исчезнет «подпольная» атмосфера <...>

И вместе с тем, какой простор для столкновения мнений, для споров, печатных опровержений. <...> Это будет лучшим средством против бестактной грубости суждений. <...>

Печать – это сходка, где нет горячей атмосферы митинговых речей, нет необходимости говорить *заразительные*¹²⁶ словечки и отвечать<,> не медля ни минуты, без обдумывания,

¹²⁵ Там же. С. 19–20.

¹²⁶ Курсив Жирмунского.

без сознательности. Печать – это сходка, где обсуждают, но без баллотировок, спорят, но не имеют власти что-либо решить. Вспомним, что педагогический совет гарантировал нам свободу таких сходок. <...>

Что касается меня, я признаю необходимым ограничение у нас свободы слова в двух отношениях. Во-первых, статьи должны касаться лишь общих вопросов. То, что учитель такой-то поставил в угол ученика, не может быть темой журнальной статьи <...> Можно обсуждать наказание это вообще, как наказание, или, говоря общее <sic! – М. С.> – меру, вообще как меру, а не в приложении к личностям. Во-вторых, свобода печати должна быть ограничена рамками дозволенного в государстве так, чтобы журналы не подводили училище, которое всегда<,> в сущности<,> будет являться «ответственным редактором» органов нашей печати. И было бы в высшей степени непорядочно подводить ту школу, для которой мы собственно и возникли, органы Тенишевского училища¹²⁷.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анфертьева А. Н. 1995. Д. В. Айналов: Жизнь, творчество, архив. – Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 259–312.
- Анциферов Н. П. 1992. Из дум о былом: Воспоминания / Вступительная ст., составление, примечания и аннотированный указатель имен А. И. Добкина. М.: Феникс; Культурная инициатива.
- Аптекман О. В. 1922. Глеб Иванович Успенский. М.: За друга.
- Балашова Ю. Б. 2007. Школьная журналистика Серебряного века. СПб.: Издательство С.-Петербургского государственного университета.
- Борман А. А. 1964. А. В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Лувэн; Вашингтон: [б. и.].
- Б. п. 1908. Острогорский А. Я. [Некролог]. – Исторический вестник. Ноябрь. С. 795–796.
- Брачев В. С. 2013. Судьба профессора Н. Н. Розенталя (1892–1960). – Новейшая история России. № 3. С. 145–160.

¹²⁷ Тенишевец, 1907. № 1. Год II. С. 22–25.

- Ваксель О. А. 2012. «Возможна ли женщине мертвой хвала?..»: Воспоминания и стихи Ольги Ваксель. М.: РГГУ.
- Валенков В. Н. 1908. Недавнее прошлое. – Александру Яковлевичу Острогорскому, учителю и другу – Тенишевцы. СПб.: Типо-Литография Б. Авидона. С. 8–11.
- Вейсбейн В. М. 1908. [31 октября]. – Александру Яковлевичу Острогорскому, учителю и другу – Тенишевцы. СПб.: Типо-Литография Б. Авидона. С. 4–7.
- Весь Петроград 1916. – Весь Петроград на 1916 год: Адресная и справочная книга г. Петрограда. [СПб.]: Издание Т-ва А. С. Суворина – „Новое время“.
- Весь Петроград 1922. – Весь Петроград. 1922 г. Пг.: Издательство „Петроград“.
- Вольф М. М. 1908. Памяти Александра Яковлевича. – Александру Яковлевичу Острогорскому, учителю и другу – Тенишевцы. СПб.: Типо-Литография Б. Авидона. С. 13–19.
- Герд Ю. И. 2005. Владимир Александрович Герд: очерк жизни и деятельности (1870–1926) / Предисловие А. С. Герда. СПб.: [б. и.].
- Годес Я. Г. 1982. Этот новый старый трамвай. Л.: Лениздат.
- Гориневский Г. В. 1908. [Без названия]. – Александру Яковлевичу Острогорскому, учителю и другу – Тенишевцы. СПб.: Типо-Литография Б. Авидона. С. 20–21.
- Жирмунский В. М. 1908. [Без названия]. – Александру Яковлевичу Острогорскому, учителю и другу – Тенишевцы. СПб.: Типо-Литография Б. Авидона. С. 31–32.
- Жирмунский В. М. 2013. Начальная пора: Дневники. Переписка / Публикация, вступительная ст., комментарий В. В. Жирмунской-Аствацатуровой. М.: Новое литературное обозрение.
- Зенченко Н. С. 1958. Воспитательная работа в общественных средних школах России начала XX века (По материалам петербургских общеобразовательных коммерческих училищ). – Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. Т. 182. Кафедра педагогики. Вып. 3. С. 5–77.
- Зенченко Н. С. 1959. Внеклассная работа в общественных средних школах России начала XX века (На материалах петербургских общеобразовательных коммерческих училищ). – Ученые записки

- Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. Т. 193. Кафедра педагогики. Вып. 4. С. 59–95.
- Зенченко Н. С., Смольевский А. А. 2006. От научного сотрудничества к дружбе. – Времена и судьбы: Сборник статей в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха. СПб.: Европейский Дом. С. 158–161.
- Каменский Ю. А. 2009. Воспоминания / Подготовка текста и примечания А. Г. Меца. – Тыняновский сборник. Вып. 13: XII–XIII–XIV Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. М.: Водолей. С. 484–522.
- Кириченко Е., Турковская Е., Чепель А. 2020. Архитектор Александр Лишнеvский. СПб.: Профили.
- Князева Н. Г. 1990. Новые свидетельства о последних днях О. Э. Мандельштама / Публикация Н. Г. Князевой; предисловие П. М. Нерлера; примечания М. С. Лесмана и П. М. Нерлера. – Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама: Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. Воронеж. Издательство Воронежского университета. С. 45–52.
- Крепс Е. М. 1989. О прожитом и пережитом / Предисловие С. Р. Микулинского. М.: Наука.
- Лавров А. В. 2007. Русские символисты: Этюды и разыскания. М.: Прогресс-Плеяда.
- Левинтон Г. А. 2010. [Телефонный разговор с А. А. Морозовым]. – Елена Петровна... Лена... Леночка... [Сборник в честь Е. П. Шумиловой]. М.: [РГУ. Институт высших гуманитарных исследований им. Е. М. Мелетинского]. С. 71–81 [URL: <http://www.ruthenia.ru/lena.pdf>]
- Лекманов О. А. 2022. Лицом к лицу: О русской литературе второй половины XX – начала XXI века. М.: Время.
- Мандельштам Е. Э. 1995. Воспоминания / Публикация и примечания Е. П. Зенкевич; Предисловие А. Г. Меца. – Новый мир. № 10. С. 119–178.
- Мандельштам О. Э. 2009–2011. – Мандельштам О. Э. Полн. собр. соч. и писем: В 3-х тт. М.: Прогресс-Плеяда.
- Материалы 1902. Материалы по коммерческому образованию. Вып. II. Коммерческие училища. Съезд директоров и представителей попечительных советов в январе месяце 1902 года, в гор. С.-Петербурге. СПб.: Типо-литография и переплетная Ю. А. Мансфельд.
- Мец А. Г. 1988. Неизвестные стихотворения Мандельштама. – Даугава. № 2. С. 104–107.

- Мец А. Г. 2019. Три заметки к биографии Осипа Манделъштама. – Литературный факт. № 2 (12). С. 317–331.
- Мец А. Г. 2020. Тенишевское училище и другие работы об Осипе Манделъштаме и его времени. СПб.: Издательский Дом «Гиперион».
- Мец А. Г., Кашеева Т. К. 2021. Петроград, 1920-е: О теневых персонажах воспоминаний Юрия Каменского. – Литературный факт. № 2 (20). С. 189–204.
- Михайловский Г. Н. 1993. Записки: Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920: В 2-х кн. М.: Международные отношения.
- Набоков В. В. 2001. Письмо С. Розову. Палестинское письмо В. Набокова / Вступительная заметка, публикация и комментарии Ю. Левинга. – В. В. Набоков: Pro et contra. Материалы и исследования о жизни и творчестве В. В. Набокова. Антология. Т. 2 / Сост. Б. В. Аверин. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института. С. 12–33.
- Незабытые могилы 1999–2007. Незабытые могилы: Российское зарубежье. Некрологи 1917–1999: В 6-ти тт. / Сост. В. Н. Чуваков. М.: Пашков дом.
- Некрасова В. Б. 1991. О семье Синани. – Сохрани мою речь. Сборник [I] / Сост. П. Нерлер, А. Никитаев. М.: Издательское предприятие Обновление. С. 60–65.
- Нерлер П. М. 1989. «С гурьбой и гуртом...»: Хроника последнего года жизни О. Э. Манделъштама. – Минувшее: Исторический альманах. [Вып.] 8. Paris: Atheneum. С. 350–386.
- Нерлер П. М. 2010. Слово и «Дело» Осипа Манделъштама: Книга доносов, допросов и обвинительных заключений. М.: Петровский парк.
- Нерлер П. М. 2014. Con amore: Этюды о Манделъштаме. М.: Новое литературное обозрение.
- Нерлер П. М. 2015. Осип Манделъштам и его солагерники. М.: Издательство АСТ.
- Нерлер П. М. 2018. Осип Манделъштам и оптика трех революций. – Текст и традиция: Альманах. [Вып.] 6. СПб.: Росток. С. 249–299.
- Никитин А. Л. 2003а. Орден российских тамплиеров. Т. I: Документы 1922–1930 гг. / Публикация, вступительные ст., комментарии, указатель А. Л. Никитина. М.: «Минувшее».
- Никитин А. Л. 2003б. Орден российских тамплиеров. Т. II: Документы 1930–1944 гг. / Публикация, вступительные ст., комментарии, указатель А. Л. Никитина. М.: «Минувшее».

- Острогорский А. Я. 1907. Уроки чтения. – Памятная книжка Тенишевского училища в С.-Петербурге за 1903/4 и 1904/5 уч. гг. Год IV и V. СПб.: Типо-литография Б. М. Вольфа. С. 53–58.
- Отчет 1914. Отчет о состоянии и деятельности императорского С.-Петербургского университета за 1913 год. СПб.: [б. и.].
- Памятная книжка 1902. Памятная книжка Тенишевского училища в С.-Петербурге за 1900/1 учебный год. Год I. СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза».
- Памятная книжка 1905. Памятная книжка Тенишевского училища в С.-Петербурге за 1901/2 и 1902/3 учебн. гг. Год II и III. СПб.: Типо-Литография Б. М. Вольфа.
- Памятная книжка 1907. Памятная книжка Тенишевского училища в С.-Петербурге за 1903/4 и 1904/5 уч. гг. Год IV и V. СПб.: Типо-литография Б. М. Вольфа.
- Переписка Ал. Алтаева 1991. Переписка Ал. Алтаева с Н. Я. Берковским / Вступительная ст., публикация и комментарий М. А. Кузьменко. Псков: [б. и.].
- Письма Е. Н. Чирикова 2020. – Письма Е. Н. Чирикова к А. М. Федорову / Публикация А. В. Назарова, М. В. Михайлова. – Новый журнал. № 300. С. 245–279.
- Пушкинист 1914. Пушкинист: Историко-литературный сборник. [Вып. I] / Под ред. проф. С. А. Венгерова. СПб.: Фототипия и Типогр. А. Ф. Дресслера.
- Рабинович А. 2005. «Главной его чертой была человечность...». – Знаменитые универсанты: Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета: В 3-х тт. Т. 3. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета. С. 385–407.
- Райков Б. Е. 2011. На жизненном пути: Автобиографические очерки: В 2-х кн. / Вступительная ст. К. В. Манойленко и др.; примечания А. Г. Абайдулова и др. СПб.: Коло.
- Розенталь Л. В. 2010. Непримечательные достоверности: Свидетельские показания любителя стихов начала XX века / Вступительная ст., публикация и комментарии Б. А. Рогинского. М.: Новое литературное обозрение.
- Розенталь Н. Н. 1960. Из Петербурга в Москву. Воспоминания русского интеллигента и гражданина СССР. [URL: http://samlib.ru/s/smekalin_d_o/izpeterburgawmoskwu.shtml]

- Роскина Н. А. 1980. Четыре главы: Из литературных воспоминаний. Paris: YMCA-PRESS.
- Русские писатели 1989–2019. Русские писатели: 1800–1917. Биографический словарь. Т. 1–6. М.: Большая Российская энциклопедия.
- Сальман М. Г. 2010. Осип Манделъштам: Годы учения в Санкт-Петербургском университете (по материалам Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга). – Russian Literature. Vol. LXVIII. No. III–IV. С. 447–499.
- Сальман М. Г. 2013а Из школьных лет О. Э. Манделъштама: 1. Религиозный вопрос в Тенишевском училище. – Русская литература. № 3. С. 168–181.
- Сальман М. Г. 2013б. Из школьных лет О. Э. Манделъштама: 2. Одноклассники. – Русская литература. № 4. С. 200–211.
- Синани И. Б. 2000. Психиатр Борис Наумович Синани. – Сохрани мою речь. Вып. 3: В 2-х частях. Часть II. Воспоминания. Материалы к биографии. Современники / Сост. О. Лекманов, П. Нерлер, М. Соколова, Ю. Фрейдин. М.: Российский государственный гуманитарный университет. С. 179 – 185.
- Сконечная О. Ю. 1991. Набоков в Тенишевском училище. – Наше наследие. № 1 (19). С. 109–112.
- Соболев А. Л. [2017а]. К биографии А. Н. Егунова (одноклассники): Начало. – [URL: <https://lucas-v-leyden.livejournal.com/258644.html>]
- Соболев А. Л. [2017б]. К биографии А. Н. Егунова (одноклассники): Окончание. – [URL: <https://lucas-v-leyden.livejournal.com/258941.html>]
- Соболев А. Л. 2017с. Тургенев и тигры. Из архивных разысканий о русской литературе первой половины XX века. М.: Трутень.
- Съезд учителей 1906. Съезд учителей и деятелей средней школы в Петербурге. Июнь 1906. СПб.: Издание журнала «Русская школа».
- Таранова Е. П. 2008. Скромный псевдоним «А.». – Театрон. № 1. С. 17–24.
- Тенишевское училище 1902. Тенишевское училище. [СПб.]: [б. и.].
- Тименчик Р. Д. 2018. Заметки комментатора: 7. К иконографии Осипа Манделъштама. – Литературный факт. № 10. С. 368–384.
- Труды 1924. Труды Ленинградского общества экслибрисистов. Вып. I-й. Л.: Тип. «Коминтерн» изд-ва «Красная Новь».
- Шруба М. 2004. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов. М.: Новое литературное обозрение.

Brown C. 1973. Mandelstam. Cambridge: Cambridge University Press.

REFERENCES

- Altaev, A. I. and N. Ia. Berkovskii. *Perepiska A. I. Altaeva s N. Ia. Berkovskim*. Published, prefaced and annotated by M. A. Kuz'menko. Pskov: n. p., 1991.
- Anfert'eva, A. N. "D. V. Ainalov: Zhizn', tvorchestvo, arkhiv." In *Arkhivy russkikh vizantinistov v Sankt-Peterburge*, 259–312. Saint-Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1995.
- Anonymous. "Ostrogorskii A. Ia. [Nekrolog]." *Istoricheskii vestnik* 11 (1908): 795–96.
- Antsiferov, N. P. *Iz dum o bylom: Vospominaniia*. Prefaced, edited and annotated by A. I. Dobkin: Moscow: Phoenix; Kul'turnaia initsiativa, 1992.
- Aptekman, O. V. *Gleb Ivanovich Uspenskii*. Moscow: Zadruga, 1922.
- Balashova, Iu. B. *Shkol'naia zhurnalistika Serebrianaogo veka*. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2007.
- Borman, A. A. A. V. *Tyrkova-Vil'iams po ee pis'mam i vospominaniiam syna*. Leuven and Washington, D. C.: n. p.
- Brachev, V. S. "Sud'ba professora N. N. Rozentalia (1892–1960)." *Noveishaia istoriia Rossii* 3 (2013): 145–60.
- Brown, C. *Mandelstam*. Cambridge: Cambridge University Press, 1973.
- Chirikov, E. N. "Pis'ma E. N. Chirikova k A. M. Fedorovu." Published by A. V. Nazarova and M. V. Mikhailova. *Novyi zhurnal* 300 (2020): 245–79.
- Gerd, Iu. I. *Vladimir Aleksandrovich Gerd: ocherk zhizni i deiatel'nosti (1870–1926)*. Foreword by A. S. Gerd. Saint-Petersburg: [b. i.], 2005.
- Godes, Ia. G. *Etot novyi staryi tramvai*. Leningrad: Lenizdat, 1982.
- Gorinevskii G. V. "[Bez nazvaniia]." In *Aleksandru Iakovlevichu Ostrogorskomu, uchiteliu i drugu – Tenishevtsy*, 20–21. Saint-Petersburg: Tipo-Litografiia B. Avidona, 1908.
- Kamenskii, Iu. A. 2009. "Vospominaniia." Edited and annotated by A. G. Mets. In *Tynianovskii sbornik*. Vol. 13, XII-XIII-XIV *Tynianovskie chteniia. Issledovaniia. Materialy*, 484–522. Moscow: Vodolei.
- Kirichenko, E., E. Turkovskaia and A. Chepel'. *Arkhitektork Aleksandr Lishnevskii*. Saint-Petersburg: Propilei, 2020.
- Kniazeva, N. G. "Novye svidetel'stva o poslednikh dniakh O. E. Mandel'shtama." Published by N. G. Kniazeva, prefaced by P. M. Nerler, annotated by M. S. Lesman i P. M. Nerler. In *Zhizn' i tvorchestvo O. E. Mandel'shtama: Vospominaniia. Materialy k biografii. "Novye stikhi". Kommentarii. Issledovaniia*, 45–52. Voronezh. Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, 1990.

- Kreps, E. M. *O prozhitom i perezhitom*. Prefaced by S. R. Mikulinskii. Moscow: Nauka, 1989.
- Lavrov, A. V. *Russkie simvolisty: Etiudy i razyskaniia*. Moscow: Progress-Pleiada, 2007.
- Lekmanov, O. A. *Litsom k litsu: O russkoi literature vtoroi poloviny XX – nachala XXI veka*. Moscow: Vremia, 2022.
- Levinton, G. A. “[Phone conversation with A. A. Morozov].” In *Elena Petrovna... Lena... Lenochka... [Sbornik v chest' E. P. Shumilovoi]*, 71–81. Moscow: [RGGU. Institut vysshikh gumanitarnykh issledovaniim im. E. M. Meletinskogo], 2010. Accessed November 20, 2021. <http://www.ruthenia.ru/lena.pdf>
- Mandel'shtam, E. E. “Vospominaniia.” Published and annotated by E. P. Zenkevich, prefaced by A. G. Mets. *Novyi mir* 10 (1995): 119–78.
- Mandel'shtam, O. E. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. 3 vols. Moscow: Progress-Pleiada, 2009–2011.
- Materialy po kommercheskomu obrazovaniiu*. Vol. 2, *Kommercheskie uchilishcha. S'ezd direktorov i predstavitelei popechitel'nykh sovetov v ianvare mesiatse 1902 goda, v gor. S.-Peterburge*. Saint-Petersburg: Tipo-litografiia i pereplet-naia Iu. A. Mansfel'd, 1902.
- Mets, A. G. “Neizvestnye stikhotvoreniia Mandel'shtama.” *Daugava* 2 (1988): 104–07.
- . “Tri zametki k biografii Osipa Mandel'shtama.” *Literaturnyi fakt* 12 (2019): 317–31.
- . *Tenishevskoe uchilishche i drugie raboty ob Osipe Mandel'shtame i ego vremeni*. Saint-Petersburg: Izdatel'skii Dom “Hyperion,” 2020.
- Mets, A. G. and T. K. Kashcheeva. “Petrograd, 1920-e: O tenevykh personazhakh vospominanii Iurii Kamenskogo.” *Literaturnyi fakt* 20 (2021): 189–204.
- Mikhailovskii, G. N. *Zapiski: Iz istorii rossiiskogo vneshnepoliticheskogo vedomstva. 1914–1920*. 2 vols. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1993.
- Nabokov, V. V. “Pis'mo S. Rozovu. Palestinskoe pis'mo V. Nabokova.” Published, prefaced and annotated by Yu. Leving. In *V. V. Nabokov: Pro et contra. Materialy i issledovaniia o zhizni i tvorchestve V. V. Nabokova. Antologiiia*. 2 vols. Vol. 2, 12–33. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta, 2001.
- Nekrasova, V. B. “O sem'e Sinani.” In *Sokhrani moi rech'.* *Sbornik [I]*. Edited by P. Nerler and A. Nikitaev, 60–65. Moscow: Izdatel'skoe predpriiatie Obnovlenie, 1991.

- Nerler, P. M. “S gur’boi i gurtom...”: Khronika poslednego goda zhizni O. E. Mandel’shtama.” In *Minuvshee: Istoricheskii al’manakh*. Vol. 8, 350–86. Paris: Atheneum, 1989.
- . *Slovo i “Delo” Osipa Mandel’shtama: Kniga donosov, doprosov i obvinitel’nykh zakliuchenii*. Moscow: Petrovskii park, 2010.
- . *Con amore: Etiudy o Mandel’shtame*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014.
- . *Osip Mandel’shtam i ego solagerniki*. Moscow: Izdatel’stvo AST, 2015.
- . “Osip Mandel’shtam i optika trekh revoliutsii.” In *Tekst i traditsiia: Al’manakh*. Vol. 6, 249–99. Saint-Petersburg: Rostok, 2018.
- Nezabytye mogily: Rossiiskoe zarubezh’e. Nekrologi 1917–1999*. 6 vols. Edited by V. N. Chuvakov. Moscow: Pashkov dom, 1999–2007.
- Orden rossiiskikh tamplierov*. Edited, prefaced and annotated by A. L. Nikitin. Vol. 1, *Dokumenty 1922–1930 gg*. Moscow: Minuvshee, 2003.
- Orden rossiiskikh tamplierov*. Edited, prefaced and annotated by A. L. Nikitin. Vol. 2, *Dokumenty 1930–1944 gg*. Moscow: Minuvshee, 2003.
- Ostrogorskii, A. Ia. “Uroki chteniia.” In *Pamiatnaia knizhka Tenishevskogo uchilishcha v S.-Peterburge za 1903/4 i 1904/5 uch. gg. God IV i V*, 53–58. Saint-Petersburg: Tipo-litografiia B. M. Vol’fa, 1907.
- Otchet o sostoianii i deiatel’nosti imperatorskogo S.-Peterburgskogo universiteta za 1913 god*. Saint-Petersburg: n. p., 1914.
- Pamiatnaia knizhka Pamiatnaia knizhka Tenishevskogo uchilishcha v S.-Peterburge za 1900/1 uchebnyi god. God I*. Saint-Petersburg: Tipografiia Tovari-shchestva “Obshchestvennaia pol’za,” 1902.
- Pamiatnaia knizhka Tenishevskogo uchilishcha v S.-Peterburge za 1901/2 i 1902/3 uchebn. gg. God II i III*. Saint-Petersburg: Tipo-Litografiia B. M. Vol’fa, 1905.
- Pamiatnaia knizhka Tenishevskogo uchilishcha v S.-Peterburge za 1903/4 i 1904/5 uch. gg. God IV i V*. Saint-Petersburg: Tipo-litografiia B. M. Vol’fa, 1907.
- Pushkinist: Istoriko-literaturnyi sbornik*. Edited by S. A. Vengerov. Vol. 1. Saint-Petersburg: Fototipiia i Tipogr. A. F. Dresslera, 1914.
- Rabinovich, A. “Glavnoi ego chertoi byla chelovechnost’...” In *Znamenitye universanty: Ocherki o pitomtsakh Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 3 vols. Vol. 3, 385–407. Saint-Petersburg: Izdatel’stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2005.
- Raikov, B. E. *Na zhiznennom puti: Avtobiograficheskie ocherki*. Prefaced by K. V. Manoilenko et al., annotated by A. G. Abaidulova et al. 2 vols. Saint-Petersburg: Kolo, 2011.

- Roskina, N. A. *Chetyre glavy: Iz literaturnykh vospominanii*. Paris: YMCA-Press, 1980.
- Rozental', L. V. *Neprimechatel'nye dostovernosti: Svidetel'skie pokazaniia liubitelia stikhov nachala XX veka*. Published, prefaced and annotated by B. A. Roginskii. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010.
- Rozental', N. N. *Iz Peterburga v Moskvu. Vospominaniia russkogo intelligenta i grazhdanina SSSR*. Accessed November 20, 2021. http://samlib.ru/s/smekalin_d_o/izpeterburgawmoskwu.shtml
- Russkie pisateli: 1800–1917. Biograficheskii slovar'*. Vols. 1–6. Moscow: Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia, 1989–2019.
- S"ezd uchitelei i deiatelei srednei shkoly v Peterburge. Iiun' 1906*. Saint-Petersburg: Izdanie zhurnala "Russkaia shkola," 1906.
- Sal'man, M. G. "Osip Mandel'shtam: Gody ucheniia v Sankt-Peterburgskom universitete (po materialam Tsentral'nogo gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva Sankt-Peterburga)." *Russian Literature* 68, no. 3–4 (2010): 447–99.
- . "Iz shkol'nykh let O. E. Mandel'shtama: 2. Odnoklassniki." *Russkaia literatura* 4 (2013): 200–11.
- . "Iz shkol'nykh let O. E. Mandel'shtama: 1. Religiozni vopros v Tenishevskom uchilishche." *Russkaia literatura* 3 (2013): 168–81.
- Schruba, M. 2004. *Literaturnye ob"edineniia Moskvy i Peterburga 1890–1917 godov*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Sinani, I. B. "Psikhiatr Boris Naumovich Sinani." In *Sokhrani moiu rech'*. Edited by O. Lekmanov, P. Nerler, M. Sokolova and Iu. Freidin. Vol. 3, pt. 2, *Vospominaniia. Materialy k biografii. Sovremenniki*, 179–85. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 2000.
- Skonechnaia, O. Iu. "Nabokov v Tenishevskom uchilishche." *Nashe nasledie* 1 (1991) S. 109–112.
- Sobolev A. L. "K biografii A. N. Egunova (odnoklassniki): Nachalo." Accessed November 20, 2021. <https://lucas-v-leyden.livejournal.com/258644.html>
- . "K biografii A. N. Egunova (odnoklassniki): Okonchanie." Accessed November 20, 2021. <https://lucas-v-leyden.livejournal.com/258941.html>
- . *Turgenev i tigr. Iz arkhivnykh razyskaniia o russkoi literature pervoi poloviny XX veka*. Moscow: Truten', 2017.
- Taranova, E. P. "Skromnyi psevdonim 'A.'" *Teatron* 1 (2008): 17–24. *Tenishevskoe uchilishche*. [Saint-Petersburg]: n. p., 1902.
- Timenchik, R. D. "Zametki kommentatora: 7. K ikonografii Osipa Mandel'shtama." *Literaturnyi fakt* 10 (2018): 368–84.

- Trudy Leningradskogo obshchestva ekslibristov*. Vol. 1. Leningrad: Tip. "Komin-tern" izd-va "Krasnaia Nov'," 1924.
- Vaksel', O. A. "Vozmozhna li zhenshchine mertvoi khvala?..": *Vospominaniia i stikhi Ol'gi Vaksel'*. Moscow: RGGU, 2012.
- Valenkov, V. N. "Nedavnee proshloe." In *Aleksandru Iakovlevichu Ostrogorskomu, uchitel'iu i drugu – Tenishevtsy*, 8–11. Saint-Petersburg: Tipo-Litografiia B. Avidona, 1908.
- Veisbein, V. M. "[31 oktiabria]." In *Aleksandru Iakovlevichu Ostrogorskomu, uchitel'iu i drugu – Tenishevtsy*, 4–7. Saint-Petersburg: Tipo-Litografiia B. Avidona, 1908.
- Ves' Petrograd na 1916 god: Adresnaia i spravochnaia kniga g. Petrograda*. [Saint-Petersburg]: Izdanie T-va A. S. Suvorina – "Novoe vremia", 1916.
- Ves' Petrograd. 1922 g.* Petrograd: Izdatel'stvo "Petrograd," 1922.
- Vol'f, M. M. "Pamiati Aleksandra Iakovlevicha." In *Aleksandru Iakovlevichu Ostrogorskomu, uchitel'iu i drugu – Tenishevtsy*, 13–19. Saint-Petersburg: Tipo-Litografiia B. Avidona, 1908.
- Zenchenko, N. S. "Vospitatel'naia rabota v obshchestvennykh srednikh shkolakh Rossii nachala XX veka (Po materialam peterburgskikh obshcheobrazovatel'nykh kommercheskikh uchilishch)." *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. A. I. Gertsena* 182, no. 3. (1958): 5–77.
- . "Vneklassnaia rabota v obshchestvennykh srednikh shkolakh Rossii nachala XX veka (Na materialakh peterburgskikh obshcheobrazovatel'nykh kommercheskikh uchilishch)." *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. A. I. Gertsena* 193, no. 4 (1959): 59–95.
- Zenchenko, N. S. and A. A. Smol'evskii. "Ot nauchnogo sotrudnichestva k družbe." In *Vremena i sud'by: Sbornik statei v chest' 75-letii Viktora Moiseevicha Paneiakha*, 158–61. Saint-Petersburg: Evropeiskii Dom, 2006.
- Zhirmunskii V. M. "[Bez nazvaniia]." In *Aleksandru Iakovlevichu Ostrogorskomu, uchitel'iu i drugu – Tenishevtsy*, 31–32. Saint-Petersburg: Tipo-Litografiia B. Avidona, 1908.
- . *Nachal'naia pora: Dnevniki. Perepiska*. Published, prefaced and annotated by V. V. Zhirmunskaiia-Astvatsaturova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013.

О ЛЕТОПИСИ ПОЭТОВОЙ: НАПРИМЕР, АХМАТОВА

Р. Д. Ти́менчик
(Иерусалим)

Отменная «Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой» В. А. Черных (см.: Черных 2016) еще раз ставит вопрос о границах этого жанра (см.: Ти́менчик 1998: 409–428), и о расширении таковых трактует нынешняя заметка, памятуя о личной ахматовской концепции своей жизни, событиями которой является и все, произошедшее с другими в связи с ней, например, запись июня 1958 года: «(в эту ночь 3 чел<овека> очень обо мне беспокоились)» (Ахматова 1996: 19) или о передачах зарубежного радио 20 февраля 1966 г., в дни обсуждения процесса Синявского-Даниэля: «Говорят, меня поминали где-то далеко... (1946) как жертву» (Ахматова 1996: 711).

Предлагается не ограничивать конспект жизнеописания поэта датами создания и публикации произведений, рецензий и статей, перемещений, дружеских и брачных контактов, исторических событий, преломивших ход биографии. В жанровые пределы представляется возможным вместить различные формы инобытия «образа Ахматовой». Межой здесь могут служить, например, сны современников, в которых этот образ появляется, и самым заметным из сновидцев являлся, как известно, Алексей Ремизов¹.

¹ Ср.: «Сны играют большую роль в жизни Ремизова. Из них родились те необыкновенные сказки, где рядом живут реальные и волшебные существа, чарующие нас своей детской прелестью. “Ночь без сновидений, как потерянный день”, говорит Ремизов. Многие склонны считать его “странности” чрезмерными и не способны следовать за ним в необычный мир, им созданный, тогда как он в нем себя чувствует как дома. По своей абсолютной искренности в экстравагантности всего, что он выдумывает, по этой его верности сновидениям наряду с реальностью, по отказу разделять их или разбираться в них, Алексей Ремизов занимает единственное место в современной литературе» (Унбегаун Е. Русская литература во Франции. – Новое русское слово. 1954. 16 мая).

Ему Ахматова снилась в 1952 году, это было, по-видимому, дневным остатком от сообщений эмигрантской печати о грядущем издании однотомника Ахматовой в американском издательстве имени Чехова. И вот его сон на 8 марта 1952 г.:

Театральный зал. Проникнуть было трудно, надо было проходить через холодильник. Но это собрание. Я стою в партере. Скрип кресел, стоит впереди в красной кофточке, она похожа на А. Ахматову. Она смотрит в себя, никого не замечая. На блюдечках несут мороженое желтое сливочное. Но мне не попало. Я понимаю, на всех не хватит. / Вл. Ив. Лебедев² говорит: – А у нас был такой молодой коммунист, он написал: «арестовать Ремизова». / И я увидел, как эта налитая красным подняла глаза и посмотрела на меня. И я подумал, вот и я, и она – мы не сидим со всеми, а на виду у всех, это здешняя поэтесса – Ахматова. И я поклонился ей (Ремизов 2012: 25).

Можно отодвинуть обочину еще дальше, включив своего рода «сны наяву», подобно фантазму юного К. Г. Паустовского, описывавшего в 1917 году в письме к подруге из Москвы воображаемый вечер grand-gala:

Вы сидите и коснеете в Ефремове, и мне вас жаль. Вчера я был на лекции о русском писателе, – Анна Ахматова прострелила меня своими египетскими глазами. Сиял лысиной и золотом зубов Серафимович с ужасающим, корявым лицом Квазимодо и хмельными глазами, по-английски строг, изыскан и стар был Бунин с глухим голосом и легким хохлацким акцентом. Тяжелый Сумбатов, величественный Телешов, пылкий и грассирующий Потемкин. Маленький неуклюжий старичок с крашеной бородой и блеклыми глазами все потирал руки и что-то тихо говорил голосом Марии Александровны. Это Короленко. И просто одетый, суровый, измученный, с презрительной складкой у губ

² Эсер Владимир Иванович Лебедев (1885–1956) входил в редакцию газеты «Воля народа», где в конце 1917 – начале 1918 печатался Ремизов (см.: Иезуитова 1994: 67–80) и Ахматова.

и умным квадратным лицом Шмелев – самый молодой, резкий и отчеканенный. Изящный, как юноша, Станиславский и Лилина, Бурджалов, Осоргин и другие» (Паустовский 1986: 52–53).

Репортаж о мнимом событии был вполне в духе писательских устремлений Паустовского который и спустя четыре десятилетия делился своим замыслом:

– Я хочу написать автобиографическую книгу. Это будет повествование о моей жизни, но не такой, какая она была, а о том, какой она могла быть. Ну, например... Я не был знаком с Блоком и даже никогда не видел его. Но ведь мы были современниками и могли бы быть не только знакомы, но даже и дружны... И не только с Блоком (Ардов 2005: 137).

Но если не говорить о таких экстравагантных случаях оседания имени Ахматовой в семиосфере, имеются и более привычные значимые для судьбы поэта, сиречь его творений, отражения его образа в умах современников, входящие в летопись его земного бытия. Это и слухи (в том числе ложные слухи о смерти), сплетни, домыслы, недоразумения, читательские очитки и ослышки. Ахматова говорила Льву Озерову, «что публика почти не знала ее книг. И вот – расхватывают, есть подражатели. Есть свой “фольклор” – сплетня, молва» (Озеров 2014: 102).

Ниже представлены образцы поддающихся датировке текстов, документирующих широко понимаемую биографию поэта. Некоторые из них в известном отношении являют раздел *addenda* к корпусу его сочинений – это стихи, обращенные к поэту. Напомним, что Ахматова составляла перечни таковых, которые именовала «В ста зеркалах», но о существовании иных из них не знала или забыла. Все они в большей или меньшей мере являлись попыткой подключения к поэтической системе Ахматовой – от невзыскательных (23 марта 1946), а то и неуклюжих гимнов, как у Ю. Полянова (1925, месяц уточняется), через вполне профессиональные опыты (2 октября 1919; 28 февраля 1921; 22 февраля 1943) и трогательные миниатюры (16 марта 1929; 12 августа 1965) к изящной эпистоле-мадригалу Михаила Лозинского, подносящей

дополнение к намечавшейся уже в ранних стихах Ахматовой индивидуальной «поэтике розы» (см.: Корона 1999) и к сложившейся уже мадригальной традиции во главе с альбомным акростихом Н. Гумилева «Аддис-Абеба – город роз» (24 февраля 1916).

В летопись жизни входят и датированные свидетельства о колебаниях поэтовой репутации (1 января 1922; апрель 1924; 10 ноября 1925; февраль 1927; январь 1935; 13 сентября 1946; 19 января 1951; 12 октября 1951; 14 ноября 1954; 4 января 1965), производной от высказываний как поклонников, «ахматовцев» (20 февраля 1917) и «ахматисток» (октябрь 1920), так и ненавистников (октябрь 1920; 19 февраля 1941; 21 августа 1946). Здесь особенно показательны протяженные списки (18 апреля 1962), фиксирующие котировку на табло «журнальной биржи поэтических ценностей», по слову Вяч. И. Иванова (Иванов 1935: 5). Эта позиция отражена в капитальной летописи:

1962 апреля 18. Подписан к печати журнал «Вопросы литературы» № 5; в нем помещена статья В. Огнева «Семь ли цветов в радуге? (Заметки о поэзии 1961 года)»: «Мы очень обеднили бы себя, не заглядывая хоть изредка в тайны своей души вместе с А. Ахматовой». Первое упоминание А. А. в ежегодных обзорах поэзии в «Вопросах литературы» (Черных 2016: 698).

Но полагаем, что здесь существенен и весь контекст – поименный состав конкурентов по рейтингу, а мы, в отличие от составителей бумажных книг, в своем прожектировании свободны от соображений об экономии места.

Судьба отдельных стихотворений и отдельных стихов, ставших мемами в читательской среде, – широкая тема, выборочно представленная в нашей подборке (июнь 1933; 22 июня 1964), исследующая бытование строк, в том числе – цитируемых по памяти (30 апреля 1927; 5 августа 1927; январь 1931; 12 марта 1941) или перифразируемых (октябрь 1934). К этому примыкают данные о маршрутах экземпляров сборников (декабрь 1919) и списков (10 июня 1961). Фактически подобными свидетельствами протоколируется вхождение в школу читателей Ахматовой (декабрь

1919), внутри которой, если продолжать эту метафору, возникают конфликты между «классами» (август 1952). Мы имеем и портрет безымянной отсутствующей читательницы в интерьере (декабрь 1916).

Имя Ахматовой возникает в суждениях (с не всегда внятыми сближениями) о ее подражателях (август 1916; 6 ноября 1921; июль 1922; 10 декабря 1940) и подражательницах-продолжательницах (3 февраля 1924; 1 июня 1930; январь 1931; май 1934; декабрь 1934; июнь 1938; 10 октября 1939; 19 февраля 1941; 28 марта 1941; 24 января 1954; 28 ноября 1954), здесь затрагиваются и постоянная жизненная тема Ирины Одоевцевой – страх ахматовского влияния на нее (30 октября 1921; 31 марта 1958), и полувековая история противопоставления Марине Цветаевой (9 мая 1954). Речь идет о своего рода двойниках, иногда – иноязычных, которых мы пока оставляем за рамками подборки. Приведем только один пример: украинская эмигрантская поэтесса Наталья Андреевна Левицкая-Холодная (*укр.* Лівницька-Холодна Наталя Андріївна; 1902–2005), которая войдет в ахматовскую летопись упоминанием в немецкой антологии европейской поэзии, где в справке о ней Освальд Федорович Бургардт (писавший под псевдонимом «Юрий Клен»; 1891–1947) сообщил, что она „schreibt glühende Liebesgedichte von wundervoller Einfachheit und größter Formvollendetheit, in denen sie die Tradition der russischen Dichterin Anna Achmátova fortsetzt“ (Wais 1939: 463; [«пишет жгучие любовные стихи, характеризующиеся чудесной простотой и величайшим совершенством формы, продолжающие традицию русской поэтессы Анны Ахматовой»]). Ранее Бургардт-Клен писал о том же в украинской эмигрантской прессе: «Поэзия Левицкой-Холодной – лишь перепевы Ахматовой» (Клен 1936: 906). Сама Левицкая-Холодная вспоминала, что еще раньше так ее представлял поэт Евгений Маланюк (о его отношении к Ахматовой – разговор важный и отдельный): «Я ему читала свои первые стихи, и он однажды, в каком-то литературном собрании представил меня присутствующим словами: “Наша Анна Ахматова”. Это меня очень смутило и встревожило. Ведь Ахматову я знала только из чтений Бориса Крата и самого Евгения. Хотя Евгений тогда

больше увлекался Цветаевой, которая сама тогда жила в Праге. Меня больше пленяла Ахматова» (Куценко 1997: 30; перевод Е. Э. Ильиной). Ныне об обеих поэтессах см.: Averbuch 2019: 459–485.

Даты журнальных публикаций устанавливаются по подписи к печати.

1916

24 февраля 1916. *Михаил Лозинский.* «*Анне Ахматовой при посылке “Гюлистана”*»:

Ты видишь – несколько стеблей
Развенчано рукой небрежной:
До света в тишине аллей
Здесь кто-то шел с добычей нежной.

И чья-то грудь уже пила
Росистых, темных роз прохладу,
Пока хозяйка не сошла
К благоухающему саду.

16.2, 24.2. 1916³

Копию снял в архиве М. Л. Лозинского Игнатий Михайлович Ивановский (1932–2016) – поэт и переводчик, ученик М. Л. Лозинского, добрый знакомый Ахматовой; в московском альманахе «Гюлистан» (*перс.* «Сад роз») печатались Вячеслав Иванов, Валерий Брюсов, Федор Сологуб и менее известные литераторы. Стихотворение Тихона Чурилина из альманаха цитировал О. Э. Мандельштам: «Он хорошо знал и помнил чужие стихи, часто влюблялся в отдельные строчки, легко запоминая прочитанное ему. Например: “На грязь, горячую от топота коней / Ложится белая одежда брата-снега...” (Я помню это только с его голоса. Чье это?)» (Ахматова 1989: 122, 148).

³ ИРЛИ. РІ. Оп. 15. № 216. Л. 5.

Август 1916. Александр Свенцицкий. «Лики поэтов. II. Георгий Иванов (“Вереск”):

Из стихотворений Иванова все время выглядывают хорошо всем нам знакомые лица, и потому каким-то недоразумением кажется пометка «Г. Иванов» там, где ожидаешь встретить заголовок: «Вереск, альманах современной поэзии, при участии А. Ахматовой, Н. Гумилева, М. Кузмина и др.» <...> Ахматова и Кузмин преобладают; приведем наиболее характерные отрывки.

Рассеянно трубку курит,
Покачиваясь слегка,
Глаза свои он щурит
На янтарные облака...

(См. Ахматова: «Ты куришь черную трубку»...):

....Дул влажный ветер весенний,
Тускнела закатная синева,
А я на открытой сцене
Говорила прощальные слова...
(Свенцицкий 1916: 13)

«Прощальные слова» – видимо, отсылка к сюжету стихотворения «Я написала слова...»; автор – вероятно, критик Александр Вячеславович (Мечиславович) Свенцицкий (Свенцицкий).

29 декабря 1916. Сергей Ауслендер. Чужие дома:

Мне достался маленький будуар рядом с гостиной. Дамский письменный столик с хорошенькой чернильницей, на стене дорогой гобелен, розовая козетка и китайский фонарик – все это было неуловимо изящнее, чем в других комнатах, а в небольшом книжном шкапу красного дерева под стеклом стояли запертые на ключ Ахматова, Блок, много других таких знакомых и будто забытых сейчас книг. Казалось, что жила здесь женщина, которая о чем-то тосковала, томилась, может быть, печально мечтала

(Русская воля. 1916. 29 декабря; подписано: «Декабрь 1916 г. Действующая армия»).

Прозаик Сергей Ауслендер (1886–1937), хороший знакомый Ахматовой, как фронтовой корреспондент в Польше был размещен в большой и нарядной квартире.

1917

20 февраля 1917. *Петр Пильский. Рец. на кн.: Вольпин В. Обманный путь: Стихи. Кн. 1. Ташкент, 1917:*

В маленькой брошюрке В. Вольпина попадают отдельные строки, привлекающие внимание читателя. Возьмем несколько примеров наугад:

В душе моей тайное зодчество
Незримый построило храм.
В нем бродит монах – Одиночество
И курит тоске фимиам.

Или:

О есть костер, которого не смеет
Коснуться ни забвение, ни страх.

Или еще:

Но для женщины прошлого нет,
Разлюбила – и стал ей чужой...

Увы, все приведенные отрывки являются <...> эпиграфами: первый – из Ал. Вознесенского, второй – из А. Ахматовой, третий – из И. Бунина. Стихи же самого В. Вольпина – плохие подражания хорошим образцам (Русская воля. 1917. 20 февраля; подпись: «Д.»).

Ахматовский эпиграф – из стихотворения «Не будем пить из одного стакана...». Петр Мосеевич Пильский (1879–1941) – влиятельный газетный критик в дореволюционной России и в эмиграции; см. в одном из его очерков:

И вдруг память приносит милые женские стихи – впрочем, одно начало. Не больше.

Сегодня мне письма не принесли.
 Забыл он написать, или уехал;
 Весна как трель серебряного смеха,
 Качаются в заливе корабли.
 Сегодня мне письма не принесли...

(Пильский 1915: 352)⁴.

Валентин Иванович Вольпин (1891–1956) – поэт, библиограф, автор статьи об Ахматовой, подписанной «гамсуновским» псевдонимом «В. Нагель» (см.: Вольпин 1917: 9–15), причислен в Ташкенте к «интимистам-ахматовцам» (см.: Черновский 1923: 20).

4 октября 1917. *Илья Игнатов. Рец. на кн.: Ветвь. Сборник клуба московских писателей. М., 1917:*

...слышится, напр., Ахматова в стихотворении Ив. Новикова: «Я люблю ребенка и мужа, а сердце в груди, как струна» (Русские ведомости. 1917. 4 октября).

См. текст названного стихотворения (С. 24 рецензируемого сборника):

Я люблю ребенка и мужа,
 а сердце в груди, как струна.
 Минула зимняя стужа,
 И за окном весна.
 О, как сладки чары искусства!
 Песня и яд – одно.
 Но пусть не хочу я этого чувства,
 Пусть затворю окно, –
 Все усилия воли – что льняные волокна,
 И в душе шумит, гуляет гроза,

⁴ Перепечатано под заглавием «Разлука»: Русский вестник. Рига. 1944. 30 мая.

И раскрыты настежь, настежь все окна:
Это мои глаза.

(Новиков 1917: 24)

Публицист Илья Николаевич Игнатов (1858–1921) ранее писал об Ахматовой:

Коротенькие стихотворения проникнуты чувством острой, резкой, только что надвинувшейся и неразрешимой тоски. Действующие лица – она и он. Что было между ними, неизвестно – но сейчас все связи порваны; нет упреков, нет обвинений, – одно чувство страшного непоправимого несчастья, крушения всяких связей с жизнью. <...> Коротенькие стихотворения красивы; в них чувство острой, немного любующейся собой тоски, – тоски, которая не может окончиться иначе, как в глубине пруда, где-то там, далеко от земной жизни⁵.

Иван Алексеевич Новиков (1877–1959) – поэт, прозаик; в последнее десятилетие на аукционы выставлялась его книга (см.: Новиков 1931) с инскриптом: «Дорогой Анне Ахматовой с душевным приветствием. Автор. 29 дек. 1930. – Москва».

1919

2 октября 1919. *Яков Полонский. Стихотворение в альбом:*

В небе тянется нить
Бархата зеленоватого.
В такие сумерки можно только любить
И бредить Ахматовой;
И еще пальцы целовать
Холодные, как ирисы;
Да радость весеннюю отпевать
Перед небесным клиросом.
В небе тянется нить

⁵ Игнатов И. Литературные отклики. – Русские ведомости. 1913. 6 апреля.

Бархата зеленоватого;
 В такие сумерки можно только любить,
 И еще бредить Ахматовой⁶.

Яков Борисович Полонский (1892–1957) – автор сборников стихов «Вино волос» и «Клубок осени» (оба: Пг.: Зеленая мастерская, 1921).

6 декабря 1919. *Дарственная надпись на экземпляре «Белой стаи» (Тифлис):*

Пусть, милая моя Арусенька, эта книжечка стихов Ахматовой вскрылит в тебе белую стаю новых образов и впечатлений. Твой Шура. Тифлис (Ахматова 1919; собрание Л. М. Турчинского).

Княжна Арусяк Амбарцумовна Мелик-Шахназарова (1890–1922) – поэтесса; даритель – предположительно поэт, сценарист Александр Самойлович Балагин (наст. фамилия – Гершенович; 1894–1937).

1920

Октябрь 1920. *Николай Чужак. Рец. на кн.: Статьева В. Стихи. Т. 1. Шанхай, 1920:*

Это, к счастью, не комнатная поэзия (и психология), как у многих наших поэтесс последнего времени (Анны Ахматовой, Марии Моравской, Лидии Лесной и др.), но от куриной поступи «женской поэзии» Варвару Статьеву спасает только осязательность, характерная цепкость чувств – вульгарно говоря: на месте поставленные глаз и нюх, – влюбленность во все земляное (Чужак 1920: 79; подписано: «Д-т», т. е. «Дилетант»).

Николай Федорович Чужак (наст. фамилия Насимович; 1876–1937) – критик-марксист, превратившийся в друга футуристов и лефовца, в «ярого догматика, убежденного врага всякой «лирики»» (Паперный 1958: 218), он атаковал поклонников Ахматовой (Валериана Прав-

⁶ Альбом Н. Н. Минаева. – РГАЛИ. Ф. 1336. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 11; сообщено А. Л. Соболевым.

духина) и «ахматисток» (А. Коллонтай) (см.: Ахматова 1989: 57–58), а самое Ахматову – за то, что она «уносится в библейские времена» в стихотворении «Лотова жена» (см.: Белобровцева 1992: 107); о Варваре Статъевой-Перевошиковой (188? – после 1922) см.: Статъева 2020.

1921

28 февраля 1921. *Василий Федоров. «Белая птица: Анне Андреевне Ахматовой»:*

Я – смертельно раненный рыцарь
на последних полях пустоты.
...Спите, спите, пугливые птицы
моей полусмутной мечты!

Пусть суровые ветры хоронят
недопетые песни, и в сон –
вечный сон мой – тихонько уронят
одуванчики свой перезвон.

Слишком долго пришлось мне томиться
в нестерпимо-слепой полумгле...
...Я – последняя белая птица
на сожженной закатом земле.

(Федоров 2001: 30)

О Василии Павловиче Федорове (1883–1942), закончившем жизнь в Унжинском ИТЛ, см.: Дроздков 2001: III–XIII.

10 августа 1921. *П. Л. Рец. на кн.: Радлова А. Корабли: Вторая книга стихов. Пб., 1920:*

Анна Радлова отравлена другой «Анной», чье имя светло, как «белая стая». Я говорю об Ахматовой. Радлова, правда, любовно перебирает «Четки» Ахматовой, но – неумело... <...> «Слова» Радловой – варианты ахматовских. Если у второй «безласковый», то у первой «беспесенный» и т. д. (Новый путь. Рига. 1921. 10 августа)

Носитель криптонима не установлен; у А. Радловой «Как корабли, обитые железной / Каймой, беспесенные плыли дни» (Радлова 1920: 18); слово «безласковый» у Ахматовой не встречается; об Анне Дмитриевне Радловой (1891–1949) и Ахматовой см.: Тименчик 2014b: 446–448.

Сентябрь 1921. *Константин Мочульский. [Сводная рецензия]:*

...маленький сборник «Пасмурные птицы» Григория Финна производит отрадное впечатление. Молодой поэт несомненно одарен художественным вкусом и чувством формы <...>. Поэтический язык г. Финна колеблется между мистически-торжественным стилем молодого Блока и четкой простотой слога Ахматовой. Эти два имени невольно припоминаются при чтении его сборника. Голос Блока слышится в стихах:

Ты ль мерцающею песнью
В черный год вошла в мой дом
Преклонившего колени
Опоясала мечом

или:

Уже земля в туманах только мнится.
Простор зеленый пуст и тих.
О, Русь, угрюмая орлица,
Мучительнейшая из возлюбленных моих.

<...> Но в молитвенный строй Блока вплетается тонкая мелодия ахматовского лиризма.

Милый, прощай, покидаю тебя.
Тонет в далеком море дорога.
Знаю, горько кляня и любя,
Будешь роптать и печаловать много.
Стану у крепко молчащих ворот
(Осени нас Господняя сила).
Долго чашу несла я и вот
На гранит ступеней уронила.

<...> У г. Финна еще нет своего стиля: он поет – и притом не плохо – с чужих голосов. Но он учится у больших мастеров – и такая школа, несомненно, оформит его дарование (Мочульский 1921: 324).

Ср.: «И я стану – Христос, помоги!» в стихотворении «Столько просьб у любимой всегда!..»; «На гранит блестящих ступеней...» в стихотворении «Долго шел через поля и села...»; см. републикацию сборника Г. Финна и цитируемой рецензии (с опечаткой): Желтова 2018: 54–60.

30 октября 1921. *Эрих Голлербах.* «В саду поэзии (о новых книгах стихов)»:

«Подорожник» Ахматовой – книга, о которой как ни странно, просто не хочется писать. Подобно тому, как мы не говорим *urbi et orbi* о самом любимом, о тайном, о последних глубинах своей души; подобно тому, как мы оберегаем тишину молитвенного уединения. Нет нужды в том, чтобы критический скальпель в сто первый раз вскрывал хрупкое тело этих стихов. Хотите знать, что такое Ахматова? Об этом всем расскажут очень хорошие статьи Чуковского и покойного Недоброво. Хотите заглянуть в ее глаза, услышать ее голос? Раскройте «Подорожник». <...> Ирина Одоевцева подражает на этот раз Ахматовой и очень плохо подражает (Новый мир. Берлин. 1921. 30 октября).

Стихотворение И. Одоевцевой «Поэт» напечатано в книге II «Альманаха Цеха поэтов»:

Белым полем шла я ночью,
И странник шел со мной.
Он тихо сказал, качая
Белоснежной головой:

– На земле и на небе радость –
Сегодня Рождество!
Ты грустна оттого, что не знаешь, –

Сейчас ты увидишь его.
И поэт прошел предо мною,
Сердцу стало вдруг горячо.

И тогда сказал мне странник:
– Через правое взгляни плечо.

Я взглянула – он был печальный,
Добрый был он, как в стихах своих,
И в небе запели звезды,
И снежный ветер затих.

И опять сказал мне странник:
– Через левое плечо взгляни.

Я взглянула.
Поднялся ветер,
И в небе погасли огни.
А он стал злой и веселый,
К нему подползла змея,
Под тонкой рукой блеснула
Пятнистая чешуя.

Год прошел и принес с собою
Много добра и много зла,
И в дом пять, по Преображенской,
Я походкой робкой вошла:
Низкая комната. Мягкая мебель,
Книги повсюду и теплая тишь.
Вот сейчас выползет черепаха,
Пролетит летучая мышь...
Но все спокойно и просто,
Только совсем особенный свет:

У окна папиросу курит
Не злой и не добрый поэт.

(Одоевцева 1921: 31–32)

Ср. воспоминания И. Одоевцевой:

...стихотворение, написанное мною под Рождество 1920 года <...>

Да, все совсем так, как в моем стихотворении. Все правильно – и разбросанные повсюду книги, и теплая тишь, и сказочное ощущение, что “вот сейчас выползет черепаха, пролетит летучая мышь”, и “особенный свет”, таинственно освещающий курящего Гумилева. Свет горячей печки. Ведь Гумилев курит не у окна, а у печки (цит. по: Лекманов 2020: 100–101).

Замечание Э. Ф. Голлербаха, по-видимому, нацелено на стихотворение «Я пришла к поэту в гости...» с поправкой на фигуру первого мужа Ахматовой, убитого за два месяца до написания этого обзора; об Ирине Владимировне Одоевцевой (Ираиде Густавовне Гейнике; 1895–1990) и Ахматовой см.: Тименчик 2009: 541–547.

6 ноября 1921. *Филипп Вермель. Рец. на кн.: Иванов Г. Сады: Третья книга стихов. Пг., 1921:*

В стихотворении «В кузнецовской пестрой чашке» слышится Ахматова «Я пришла к поэту в гости» (Новый мир. Берлин. 1921. 6 ноября).

Филипп Матвеевич Вермель (1898–1938; расстрелян) – поэт, филолог, переводчик; ср. в рецензии Эммануила Германа на тот же сборник о том же стихотворении:

В белых стихах Иванова чувствуется Ахматова. Не из нее ли:

На Сенной – мороз и солнце,
Снег скрипит под сапогами,
Громко голуби воркуют
На морозной мостовой.
Да веселый, да румяный,
Озорной и чернобровый
На Демидов переулок
Не вернется никогда.

В этом цитируемом стихотворении, как и в некоторых других, отраженная прелесть хорошо знакомой нам ахматовской безулыбочной шутки» (Новый путь. Рига. 1922. 15 января).

Эммануил Яковлевич Герман (1892–1963) – поэт, печатавший сатирические произведения под псевдонимом «Эмиль Кроткий».

Октябрь 1921. Некрологи:

Скончался А. Блок, автор поэмы «Двенадцать», отражающей быт наших дней.

А. Блок является одним из крупных поэтов современности.

Умер в Персии поэт С. Городецкий, один из основателей школы акмеистов. В последнее время С. Городецкий принимал большое участие в Советском строительстве; революция оказала большое влияние на его творчество.

Скончалась в Питере А. Ахматова, автор известной книги «Четки». В ее стихах было много неподдельной интимности, яркой искренности. В ее лице поэзия потеряла одного из крупных поэтов современности.

В Питере скончался поэт Н. Гумилев, основатель школы акмеистов. Лучшие его книги: «Романтичные <sic!> цветы», «Жемчуга», «Костер» ([Б. п.] 1921: 59).

В рецензии на книгу «Подорожник» сказано: «Невольно хочется сказать, что незадолго до смерти автор шевелил уже холодными губами» ([Б.п.] 1921: 60); сообщение о смерти Сергея Городецкого было столь же преждевременным, сколь и об Ахматовой.

1922

1 января 1922. А. П. Семенов-Тянь-Шанский – В. П. Шнейдер:

Но что же за шушера современные наши «певцы» во главе с не лишенной талантливости А. Ахматовой! (Письма 2012: 477)

Андрей Петрович Семенов-Тянь-Шанский (1866–1942) – географ, энтомолог, переводчик Горация, поэт. Варвара Петровна Шнейдер (1860–1941) – художница.

10 апреля 1922. *Тарас Мачтет. Дневник:*

...на вечере Осипа Манделъштама Шенгели сказал, что считает в России поэтами трех: Ахматову, Ходасевича и Манделъштама. Да, в Союзе писателей как-то это сказал, издеваясь над имажинистами, Георгий Шенгели (цит. по: Дроздков 2014: 767; дата установлена: Видгоф 2021: 80–81).

Тарас Григорьевич Мачтет (1891–1942) – поэт; о взаимоотношениях Ахматовой и Г. А. Шенгели см.: Постоутенко 2000: 727–735; Тименчик 2006с: 625–639; Тименчик 2012: 328–330.

12 июля 1922. *Илья Эренбург. Рукопись рецензии на сборник Б. Пастернака «Сестра моя жизнь»:*

Я понимаю, почему в этот курорт (наз<ываемый> Пастернак) с равной охотой идут Маяковский, Брюсов, Ахматова (Пастернак 2012: 985).

Дата – день посылки рукописи Пастернаку из Берлина; возможно, здесь – ссылка на идущий от самого Пастернака рассказ о его январском знакомстве с Ахматовой (через М. И. Цветаеву, общавшуюся в это время с Эренбургом); в печатный текст рецензии (Новая русская книга. 1922. № 6) фраза не вошла.

Июль 1922. *Лев Горнунг. Рец. на кн.: Адамович Г. Чистилище: Стихи. Книга вторая. Пб., 1922:*

В стихотвореньях «Качается фонарь. Белеет книга» и «Едва слышу я два-три последних слова» слышится Ахматова (Горнунг 1922: 108).

Ср.:

Качается фонарь. Белеет книга.
По вышитым подушкам бледный свет,
И томный вздох: «Ах, как люблю я Грига,
Ах, как приятен этот менуэт».

Но белым клавишам роняя думы,
Любовь свою и домыслы свои,
Ты слышишь ли, каким унылым шумом
Они, желанные, заглушены?

(Адамович 1922: 43)

И:

Едва расслышу я два-три последних слова,
Едва взгляну на бледный лоб,
И все, и навсегда, недвижно и сурово
Под пеленою скроет гроб.

И страшен оттого мне каждый час разлуки,
И грустно день за днем встречать,
И руки тянутся, беспомощные руки,
Блаженство наше удержать.

(Там же: 55)

Ноябрь 1922. *Давид Виленский. «На»:*

Куда тут поэта лохматого
Перед ним барикады
Из Анны Ахматовой

(Виленский 1922: 36)

Т. н. «сибирский футурист» Давид Федорович Виленский (1896–1937; расстрелян); см. о нем: Лошилов, Подлубнова 2017: 150–164.

1924

3 февраля 1924. *Вадим Андреев. Рец. на кн.: Литературные вечера. Вечер первый. Пг., 1923:*

Здесь Ахматова и вдобавок еще плохая Ахматова:

А эти губы, сжатые в разлуке
Не смели ветру в поле рассказать,
Как тяжело забыть мужские руки,
На тело наложившие печать.

(Накануне. Берлин. 1924. 3 февраля; подпись: «В. А.»)

О стихотворении В. Кровицкой «Ты не впустил, ты подал у порога...»; Вадим Леонидович Андреев (1902–1976) – поэт, прозаик, мемуарист. О Вере Яковлевне Кровицкой (1903 – после 1927) см.: Тименчик 2018: 113.

Апрель 1924. *Иван Егоров. «Краснофлотская поэзия»:*

И пусть формалистам искусства маленький стишок Мандельштама или Ахматовой кажутся <sic!> алмазами и драгоценными камнями. Но в их сиянии отразилась пустота и бессодержательность, в их стихах и в стихах, подобных им (Егоров 1924: XV).

Иван Васильевич Егоров (1887–1971) – деятель Наркомпроса.

1925

10 ноября 1925. *Ольга Каменева. «Театр и жизнь»:*

...мною было дано В. Э. Мейерхольду задание организовать зрелища в казармах для того, чтобы хотя <бы> временно отвлечь демобилизованные массы от разгрома винных складов.

Всеволод Эмильевич, со свойственной ему энергией и настойчивостью, создал ударные группы семерок, и хотя работу этих

семерок, по признанию самого В<. > Э., нельзя было назвать удачной, и она не внесла новых лавров в его венок, но была необычайно симптоматична. Даже умышленно нельзя было придумать более яркой демонстрации двух самых враждебных друг другу миров: с одной стороны были задерганные, замызганные, измученные войной солдаты, с другой – вылощенные актеры с чуждой слушателю психологией и несоответственным репертуаром, в виде арий из Онегина и Тоски и строк Бальмонта и Ахматовой (Каменева 1925: 3).

Речь идет о начале 1918 года, когда Ольга Давидовна Каменева (ур. Бронштейн; 1883–1941; расстреляна), сестра Л. Д. Троцкого и первая жена Л. Б. Каменева (Розенфельда), заведовала управлением театров в Наркомпросе; см. о ней: Ходасевич 1997: 241–261.

Месяц уточняется. Ю. Полянов. «А. Ахматовой»:

В «Белой Стае» Ахматовой Анны
Шопот строчек – журчанье ручья.
Все мотивы немножко печальны,
Но печаль эта из хрусталя.

Я люблю эту стаю коротких,
Но чарующих негой стихов.
В их напевах задумчиво – кротких
Слышу шелест родимых лесов.

В тихий вечер, когда потухает
Чуть алеющий, дальний закат,
В них душа от скорбей отдыхает,
С ними легче гнет тяжелых утрат.

(Полянов 1925: 13)

Настоящая фамилия автора – Костюков; ранее в Тарту им был издан совместный сборник: Полянов Ю., Князева А. Силуэты. Юрьев: Тип. Э. Бергмана, 1924. 74 с.; другими биографическими данными об авторе не располагаем; приношу благодарность эстонским

библиографам Ларисе Петиной и Ирине Оплетаевой за поиски в этом направлении.

1927

Февраль 1927. Борис Бобович. «Гастрономия с литературой (Шарж в 1 действии)»:

Продавец (отпуская товар).

Селедки беспрерывно идут в символистах или тому подобном. Можно селедочку пустить в Федоре Сологубе или Андрее Белом. А то еще бывает – завернем иной раз в грусть Анны Ахматовой, тоже неплохо получается. Нежная селедочка с нежной женской лирикой – антик, можно сказать. Нам не жалко. Не собаке же под хвост бросать, на самом деле, нежную лирику (Бобович 1927: 34).

Борис Вульфович Бобович (1896–1975) дебютировал как поэт в Одессе. В 1924 году в Москве писал о вечере журнала «Русский современник»: «Кому было показать суровый пафос революций?.. Этого не мог сделать Корней Чуковский, этого, вероятно, не хотел сделать Пильняк, об этом почти не позаботился Абрам Эфрос, отошел от современности и талантливый Замятин... От Ахматовой этого требовать едва ли пришлось бы. Действительность требует к себе сугубого внимания. Отойти от нее, спрятать, как павлин в перья свою голову, чтобы только из-под гущи перьев одним глазом глядеть на мир божий, значит – игнорировать все, что зовет к жизни, к современности, к революции» (цит. по: Ахматова 1989: 70).

30 апреля 1927. С. Н. Подвальный. «Одиночество и отчужденность»:

...libido дает себя знать, а с другой стороны аутизм мешает постоянно настоящей близости, отсюда один шаг до неофициальной почти проституции. Это переплетение любви с ненавистью, это расщепление и отсюда мозаичность полового влечения, эта ненависть к близкому и любовь к дальнему хорошо передана в ряде нервных стихов Анны Ахматовой, например: Сжала руки под снежной <sic!> вуалью... (Подвальный 1927: 355)

Другие искажения в цитируемом стихотворении: «Искривил мучительно рот»; «Повернулся спокойно и жутко / И промолвил Не стой на ветру» (Там же).

5 августа 1927. Эпиграф к статье А. Файнберга «Лебедь Александр (К 6-летию со дня смерти Александра Блока)»:

Наше солнце<, > в муках угасшее
(Красный Дагестан. Махачкала. 1927. 5 августа)

Цитата по памяти из стихотворения «А Смоленская нынче именинница...» с его финалом:

Принесли мы Смоленской Заступнице,
Принесли Пресвятой Богородице
На руках во гробе серебряном
Наше солнце, в муке погасшее,
Александра, лебедя чистого.

(Ахматова 1922: 24)

Автор эпиграфа не назван; Абель Файнберг в 1919–1920 гг. был членом бакинского Цеха поэтов, руководимого Сергеем Городецким.

1929

16 марта 1929. Лев Арнс. Надпись А. А. Ахматовой:

По певучим следам Ахматовой,
Моей знаменитой сельчанки,
Моя выступает лохматая,
Несясь на дрожащей тачанке.

Входило в рукописный сборник Л. Е. Арнса «Облачный корабль», внесено им в «Красную тетрадь» (март–апрель 1966 г.), копировано оттуда поэтом Арсеном Мирзаевым. Лев Евгеньевич Арнс (1890–1967) – биолог, поэт, житель Царского села, «сельчанкой» которого была Ахматова; в 1960-е годы он и его семья жили на даче Ахматовой («Будке») в Комарове.

1930

1 июня 1930. *Георгий Адамович. «Литературные заметки»:*

Еще два слова – о стихах Л. Червинской. Они появляются в печати, кажется, в первый раз. Сквозь обще-женский, слегка ахматовский стиль, тон и чужие приемы в них пробивается свой голос (Последние новости. 1930. 1 июня).

О Лидии Давыдовне Червинской (1907–1988) как одной из возможных прототипов поэтессы Лизы, подражательницы Ахматовой, в романе Владимира Набокова *Rhin* см.: Тименчик 2014b: 329–330; здесь речь идет о стихах, напечатанных в двух «Сборниках стихов» Союза молодых поэтов и писателей в Париже – например, отдаленные отголоски ахматовских мотивов можно видеть в таком стихотворении:

Не надо трогать слово: благодарность,
Ведь лучшего на свете не найти.
– В большом кафе, рассветном и угарном,
Остались те, кто позабыл уйти.
И оттого, что мне их жаль немного,
И оттого, что я не лучше их,
Такое слово стало стыдно трогать...
(Червинская 2011: 46)

1931

Январь 1931. *А. Н. Рец. на кн.: Семеро: Стихи. «Молодая Чураевка». Харбин, 1931:*

Нина Ильнек – вся в Ахматовой, но Ахматовой первых ее книг, когда, в годы кризиса символизма, акмеисты стали проповедывать четкость, законченность и прочность поэтических образов... Когда Ахматова писала о хлыстике и перчатке, забытых на столе, или об устрицах, которые остро пахли морем.

И до сих пор многих волнует: «Повернулся <sic> спокойно и жутко и сказал мне – Не стой на ветру!».

Поэтому и в наши дни пишут (Н. Ильнек):

А теперь ты с ней стоишь поодаль.
Не подметил так, как я, никто,
как любовно ты в дверях ей подал
шелковое легкое манто.

И пока то драгоценное, что дала в русскую поэзию Анна Ахматова, будет звучать, – будут писаться и стихи о манто, забытых перчатках и о том прочем, что, по выражению проф. Жирмунского, дает чувствовать конечное, человеческое, законченное в себе самом.

Одни стихи будут хуже, другие лучше. Стихи Нины Ильнек хороши. В своей сфере она едва ли не законченный художник. Ее стихи красивы, дают радость. Чего же еще вправе мы требовать от поэта? (А. Н. 1931: 30).

Цитируемое стихотворение «У театра»:

У театра я стою покорно
с тихую усталостью в груди.
Ты пошел проститься с дамой в черном,
с тою, что сидела впереди.

А теперь ты с ней стоишь поодаль.
Не подметил так, как я, никто,
как любовно ты в дверях ей подал
шелковое легкое манто.

Ветер ли, сорвавшись по капризу,
сбросил вниз перчатку, закружив,
и, подняв, спросил ты: «Это вызов?» –
и ответом вспыхнуло: «Призыв».

Поцелуй же руку ей в запястье,
взглядом взгляд поймай, останови!
Ведь всегда – ворованное счастье
кажется заманчивей любви.

(Русская поэзия Китая 2001: 218)

О дальнейшей судьбе поэтессы Н. Ильнек сведений нам не удалось; носитель криптонима пока не идентифицирован.

1933

Июнь 1933. *Ирина Кунина. «Только факты, сэр!»:*

Я говорила ему стихи Ахматовой. И мне хотелось, чтобы он думал, как я в ту минуту, что это обо мне, о нас:

И крикнул: <<>Что сделал с тобой любимый,
Что сделал любимый твой?>> –

И потом:

После ветра и мороза было
Любо мне погреться у огня,
Там за сердцем я не уследила,
И его украли у меня.

(Кунина 1933: 83)

Ирина Ефимовна Кунина-Александр (1900–2003) – поэтесса, прозаик, актриса, мемуаристка. «Кунина перевела на сербский язык штук восемь стихотворений АА. В их числе “Настоящую нежность не спутаешь...”, “Кто-то, во мраке деревьев незримый...” (последнее, кажется, напечатано в заграничном журнале. Во всяком случае, первое стихотворение напечатано)» (Лукницкий 1997: 105). Она была дружна с Гумилевым в 1918 году, ее рассказы об этом записывал П. Н. Лукницкий (см.: Лукницкий 1991: 224–225, 241). См. о цитированной книге в письме В. Набокова Зинаиде Шаховской от 25 июля 1933 г.: «...далеко не бездарна, но пишет так, словно моет пол à grandeur, шумно выжимая – до черна мокрую – половую тряпку в ведро, из которого затем поит читателя; в общем, книга скучная и кривая» (цит. по: Shraye 2000: 535).

11 декабря 1933. *Евгений Замятин – Ирине Куниной-Александр:*

Пишу Вам, чтобы напомнить о Вашем милом обещании быть святочным St. Nicolas и послать посылку Анне Ахматовой. Ее адрес – вот: А. А., Ленинград, Фонтанка 44 <sic!>, кв. <пропуск>. Или, кажется, Вы хотели заменить посылку переводом из Торгсина, и то, и другое – хорошо, делайте, как сочтете лучше.

Сообщено Александром Юрьевичем Галушкиным (1960–2014). 26 декабря Е. И. Замятин писал И. Куниной: «Спасибо – за Ахматову. Если Вы призовете на помощь свою фантазию и представите себе, какое это там событие чек на Торгсин – Вы будете вознаграждены еще на этом свете».

1934**Май 1934.** *Сергей Риттенберг. Рец. на кн.: Булич В. Маятник. Гельсингфорс, 1934:*

Она литературная крестница Ахматовой. Но в отличие от большинства поэтов, вошедших в литературу под знаком Ахматовой, Вера Булич никак не может быть названа ее подражательницей. Лишь в некоторых далеко не лучших ее стихотворениях (напр. стр. 20), мы целиком находим манеру Ахматовой, так легко превращающуюся у ее подражательниц в манерность. Близость Булич с Ахматовой не внешняя, а органическая. Не столько даже зоркость к явлениям внешнего мира и меткость эпитетов роднит их, сколько вечно-женское в их поэзии (Риттенберг 1934а: 29; подпись: «-г.»).

О Сергее Александровиче Риттенберге (1899–1975) и Ахматовой см.: Тименчик 2019b: 270–274; Вера Сергеевна Булич (1898–1954) – поэтесса, жившая в Финляндии, автор 4 сборников стихов, перепечатанных в новейшем издании: Булич 2010; указанное стихотворение:

Сказать ему: – ты измучил!
Будет так мало.
Может быть, это и лучше,
Что я ничего не сказала.

Дала целовать свои руки,
Смотрела и улыбалась.
Стерплю и горечь, и муки,
Только не жалость.

А день уже падал к ночи,
Последний день, небывалый.
Завтра скажу я устало:
– Праздник окончен.

(Булич 1934: 20)

Октябрь 1934. *Сергей Риттенберг. Рец. на кн.: Шаховская З. Уход. Брюссель, 1934:*

И по темам и по манере письма она примыкает к парижским поэтам, занимающим сейчас в русской зарубежной лирике центральное место. Перефразируя стихи Ахматовой, о них можно бы сказать, что на поэзию их «грусть легла, и голос их незвонк» (Риттенберг 1934а: 29; подпись: «Г»).

Перифразируется финал стихотворения «В ремешках пенал и книги были...». Зинаида Алексеевна Шаховская (в замужестве Малевская-Малевич; псевд. «Зинаида Сарана» (1906–2001) – поэтесса, мемуаристка, беллетристка. См. о подражании Ахматовой в ее первом сборнике, а также и в этом: Тименчик 2018е: 253.

Декабрь 1934. *Елизавета Базилевская. Рец. на кн.: Булич В. Маятник. Гельсингфорс, 1934:*

Чисто женская тема любовных переживаний роднит Булич с Ахматовой. В этих стихах автор часто пользуется ахматовским

словарем. В стихах религиозного характера Булич совершенно самостоятельна (Базилевская 1934: 105).

Подписано «Е. Б.»; Елизавета Гертруда Альфредовна Роос-Базилевская (1902–1951) – поэтесса; см. комментированную републикацию первой главы ее диссертации об Ахматовой: Пономарева, Шор, Тименчик 2004: 73–101.

1935

Январь 1935. *Глеб Струве. Рецензия на антологию советской литературы:*

On the other hand, equally unjustifiable seems to me the inclusion of Anna Akhmatova, who does live in Russia, though she has published practically nothing since 1922. She is not an active force in present-day literature and, if she continues to write, it is not accidental that her writings are not published; one can say with certainty that the future historian of Russian literature will not include Akhmatova in the Soviet period. To include her in a Soviet anthology is a mistake of bad taste and of short-sighted historical judgement (Struve 1935: 478; [«Необоснованным кажется мне включение Анны Ахматовой, живущей в России, но не публиковавшей практически ничего с 1922 года. Она не является активной деятельницей сегодняшней литературы и, если она продолжает писать, не случайно, что ее сочинения не печатаются; с уверенностью можно сказать, что будущий историк русской литературы не станет включать Ахматову в советский период. Включать ее в советскую антологию – ошибка дурного вкуса и близорукого исторического суждения»)]⁷.

О Глебе Петровиче Струве (1898–1985) и Ахматовой см.: Тименчик 2018b: 217–234.

⁷ Перевод мой. – Р. Т.

1938

Июнь 1938. Вера Булич. «О зарубежной русской поэзии 1937 года»:

София Прегель ведет свое литературное происхождение от Анны Ахматовой, от той стороны ее творчества, которая выразилась хотя бы в стихотворении:

Цветов и неживых вещей
Приятен запах в этом доме.
У грядок груды овощей
Лежат, пестры, на черноземе.
Еще струится холодок,
Но с парников снята рогожа и т. д.

Описательность, «ощупь», взвешенность образов и эпитетов, их пластичность, стремление к лаконичности и живописной выразительности, все это усвоено Прегель от Ахматовой и продолжено в дальнейшем несколько одностороннем, но своеобразном развитии (Булич 1938: 13).

Доклад, прочитанный В. С. Булич 21 января в Гельсингфорсе, в литературно-художественном содружестве «Светлица»; София Юльевна Прегель (1897–1972) – поэтесса, мемуаристка; она писала А. В. Бахраху 12 июня 1952 г. по выходе однотомника Ахматовой в издательстве им. Чехова:

У меня от встречи с Ахматовой осталось, скорее, ощущение грусти (не обязательно «просветленной»). «Всё это было, было, было...». Боль ее не всегда доходит, а примиренность никогда не примиряет. Частично ее разбазарили подахматывавшие. Они сумели «кровь сердца моего» и муки – *tourner au ridicule*. И всё-таки это замечательно (горсточка благоухающего пепла). И даже значительно, хоть и не может жить «во времени» (Прегель 2017: 219).

1939

10 октября 1939. *Протоколы занятий и список участников бригады поэтов, руководимой И. Л. Сельвинским:*

Слуцкий. Первое впечатление от творчества Тамариной, что она пишет стихи женские, которые протаривают дорогу Анны Ахматовой. Ряд очень характерных для Ахматовой приемов. Например, роль пейзажа и отсутствие четкой связности пейзажа с внутренним содержанием. Стремление к лаконичности, к простому и развернутому афоризму. «Красные, заржавленные клены» очень похоже на «Царскосельскую статую» из «Белой стаи» Ахматовой. Когда учишься у больших поэтов, задерживаешься на формальных приемах, но надо стремиться в старую форму влить свое содержание.

Кацнельсон. <...> О женских стихах. У нас лучшие произведения женских поэтов теряют эти черты. Под Ахматовой мы понимаем зажатый камерный мирок. Но наши лучшие поэтессы от этого отходят, их стихи – мужественны.

Сельвинский. Нельзя говорить о женских стихах. Или о мужских. Можно различать мужественные и женственные. У Адалис, у Марины Цветаевой, несмотря на то, что они женщины – стихи мужественные.

Кульчицкий. <...> Стихи женщин бывают разных родов. Ахматовские – поражение женщин до победы. Стихи Можяевой из разряда этих ахматовских стихов. Очень много излюбленных поэтических клише («не судьба, не грусти, забудь»).

Тов. Коган. Стихотворение Тамариной «Ключик». – *Р. Т.* – неудачно, подражательно, напоминает произведения Ахматовой и по теме, и по образам.

Тов. Сельвинский считает, что стихотворение «Ключик» не характерно для творчества Тамариной, написано действительно целиком под влиянием чужих стихов⁸.

⁸ РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 1003. Л. 23, 24, 25, 75, 81.

Об отношении Ильи Львовича Сельвинского (1899–1968) к «Поэме без героя» и о фразе Ахматовой о нем: «Думали, он – гитарист-виртуоз, а он ничего не умеет» см.: Тименчик 2014б: 84; Руфь Мееровна Тамарина (ур. Гиршберг; 1921–2005) впоследствии провела восемь с половиной лет в ГУЛАГе; ср. ее рассказ о знакомстве в ранней молодости с поэтами Я. Кейхаузом и Р. Слоним: «Услышав мои первые стихи <...>, мне сказали, что они – подражание Ахматовой, и долго от души смеялись, когда я гордо возразила, что никогда ее не читала» (Тамарина 1991: 74). О взаимоотношениях Бориса Абрамовича Слуцкого (1919–1986) и Ахматовой см.: Тименчик 2010: 160–164; Тименчик 2019а: 139–141; Леонид Михайлович Кацнельсон (1913–1944) – сотрудник Музея Маяковского; о культе Гумилева у Михаила Валентиновича Кульчицкого (1919–1943) и Павла Давидовича Когана (1918–1942) см.: Тименчик 2018d: 267–270; сведений о дальнейшей литературной судьбе «Лели Можаяевой» у нас пока нет.

1940

10 декабря 1940. Даниил Данин. *«Чувство времени и поэтический стиль (О критиках и поэтах-“старообрядцах”):*

Ходасевич и Ахматова, Гумилев и Блок столь же явственно проглядывают из-за стихов Шефнера, как и Тютчев.

Выше в той же статье:

Я уже не тревожу многочисленных слепков с Тютчева, Ахматовой, Ходасевича, Есенина и даже со старинных романсов. Всего этого сколько угодно в «Светлом берегу» (Данин 1940: 276).

Даниил Семенович Данин (Плотке; 1914–2000) – критик и мемуарист, принадлежавший к школе читателей Пастернака, и прохладно относившийся к Ахматовой (Тименчик 2014б: 63); Вадим Сергеевич Шефнер (1914/1915–2002) оставил воспоминания об Ахматовой: Шефнер 1990: 411–416.

1941

19 февраля 1941. *Семен Трегуб. «Надо бы другаться»:*

В ее <М. Алигер. – Р. Т.> стихах о любви можно легко узнать то интонации Ахматовой, то Цветаевой, то Пастернака:

Не лишай меня права тебя ревновать,
задыхаясь от каменной муки.
Прикажи мне уйти для того, чтоб узнать
освежающий холод разлуки.

(Трегуб 1941: 220)

Заглавие цитирует предсмертную записку Маяковского; Семен Адольфович Трегуб (1907–1975) – критик, выступивший против Ахматовой в 1946 году (см.: Ахматова 1989: 245) и потому получавший от читателей сигналы вроде письма ленинградской корректорши А. М. Комаровской от 16 сентября 1948 г. о стихотворении М. Алигер «Над полем медленно и сонно...»:

Я – рядовой советский читатель<,> и с моей точки зрения эти стихи упаднические, не воодушевляющие меня на трудовые или иные подвиги в жизни, а наоборот разочаровывают <sic!> в жизни. Так чем же тогда отличаются стихи М. Алигер от стихов Анны Ахматовой?⁹

12 марта 1941. *Борис Бухштаб. Рец. на кн.: Шенгели Г. Техника стиха. Практическое стиховедение. М., 1940:*

Очень удивляет в книге Г. Шенгели систематическое искажение цитируемых стихов <...> просто от излишнего доверия автора к своей памяти. <...>

А у нас серых глаз
Нет приказу подымать (стр. 91).

У Ахматовой: «светлых глаз» (Бухштаб 1941: 185).

⁹ РГАЛИ. Ф. 2872. Оп. 1. Ед. хр. 670. Л. 41.

Борис Яковлевич Бухштаб (1904–1985) литературовед, знакомый Ахматовой; см.: Свиченская 2018: 163.

28 марта 1941. *Сергей Швецов. «Новые стихи Маргариты Алигер»:*

Но если некоторые поэты полагают, что смакование и воспевание любовных неурядиц в духе Анны Ахматовой обогатят советскую поэзию, то они заблуждаются. <...> М. Алигер отдала известную дань довольно распространенной у нас полуакмеистической полумимпрессионистической лирике, почему-то претендующей на звание философской (Швецов 1941: 208).

Сергей Александрович Швецов (1903–1969) – поэт-сатирик.

1943

22 февраля 1943. *Ольга Крейчева. «Портрет»:*

С портрета переснятого
С черной челкой на лбу
Смотрит Анна Ахматова
Глазами Распятого –
Будто чует беду.

Высокая и тонкая,
Поза вся под углом,
Из зрачков смотрит звонкая,
Чувства лучшие комкая, –
Пустота, как излом...

(Крейчева 1944: 25; Копршилова 2008: 366)

Ольга Карловна Крейчева-Шеттнер (1923–1982), автор двух машинописных сборников, первый из них – «На пороге» (1942), одно время подруга пушкиниста Н. А. Раевского, который описал знакомство с ней в дневнике 10 августа 1940 г.:

М<ария >С<тепановна Шеттнер> посоветовала мне попросить Олю почитать свои стихи – очень, мол, талантливо. Я из веж-

ливости так и сделал. Приготовился слушать рифмованное печенье Ахматовой (без ее таланта, конечно). А через десять минут я понял, что передо мной девушка совершенно необыкновенная. Большой в ней выверт – и в жизни, а частью и в стихах, но если не свихнется, чего доброго, станет всероссийской знаменитостью (цит. по: Цинговатов 2015: 71).

1946

23 марта 1946. *Зоя Пунина. «Ахматовой»:*

Ты колдунья-чаровница
Заметаешь след стихом.
Ну, скажи-ка шепотком,
Что любила я, шутница,
Очарована дружкой.

Дай напиток мне любовный
Из написанных стихов
Собери их горстью полной
В чашу медну до краев
Я их выпью за любовь¹⁰.

Зоя Евгеньевна Пунина (1886–1969), педагог, жена А. Н. Пунина (брата Н. Н. Пунина), сестра Анны Аренс (жены Н. Н. Пунина) и Льва Аренса.

21 августа 1946. *Справка зам. нач. Ленинградского управления МГБ Якушева «Об откликах среди интеллигенции на постановление ЦК ВКП(б)»:*

Артист Театра музыкальной комедии *Янет*: «Я никак не мог предположить, что это будет так серьезно. Для Зощенко и Ахматовой это просто гражданская казнь».

Зав. Спецхимлабораторией Педиатрического института *Котон*: «Такой забористой литературы, как у Зощенко, я вообще не читаю.

¹⁰ Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме

Терпеть не могу и Ахматову, а потому всецело приветствую постановление ЦК ВКПб. Воздух чище – жить легче»¹¹.

Николай Яковлевич Янет (1893–1978) – актер, режиссер, художественный руководитель Ленинградского театра музыкальной комедии; Михаил Михайлович Котон (1908–2005) – химик-органик, член-корреспондент АН СССР (1960), член-корреспондент РАН (1992); в том же отчете приведена фраза старшего инженера-конструктора завода им. Ленина Терещенко: «...А что бы стал делать в наше время Пушкин. Он, очевидно, попал бы куда следует»¹².

22 августа 1946. *А. А. Аграновский – А. Д. Аграновскому:*

Как тебе «нравится» статья в «Правде» относительно Зоценки и Ахматовой. Вопрос мой риторический, но весь наш двор всполошился (Аграновский 1994: 284).

Анатолий Абрамович Аграновский (1922–1984) – журналист, один из авторов мемуаров Л. И. Брежнева. Абрам Давидович Аграновский (1896–1951) – журналист, его отец, в 1937–1941 гг. репрессирован. Аграновский-младший исполнял под гитару песню на слова «Чугунной ограды».

25 августа 1946. *Справка начальника Ленинградского управления МГБ Д. Г. Родионова:*

Берковский Н. Я., профессор-критик – литературовед, беспартийный:

«С Ахматовой же все просто – шум, шум, который подняли вокруг ее имени, привлек внимание, а также ее поэма, которая ходила по рукам, в которой она воспевала расстрелянного Гумилева»¹³.

¹¹ ЦГАИПД, Ф. 24. Оп. 2-в. Ед. хр. 7626. С. 97; сообщено Т. С. Поздняковой.

¹² Там же.

¹³ Там же.

Наум Яковлевич Берковский (1901–1972) писал 10 февраля 1962 г. М. В. Алпатову: «В Комарове живу дверь против двери с Анной Андреевной Ахматовой. В разговорах она восхитительно умна, каким-то особым умом, пушкинского времени, так умны были сам Пушкин, Боратынский или Вяземский...» (Дубшан 2020); ср. его слова:

Анне Андреевне хотелось, чтобы я о ней написал. Ей нравилась моя статья о прозе Мандельштама. Но то, что я мог бы написать о ней, ей бы не понравилось. Я любил ее гораздо больше, чем ее стихи.

Со смертью Анны Андреевны я потерял своего лучшего собеседника. Есть вещи, которые я мог сказать только ей...» (цит. по: Роскина 1980: 134).

13 сентября 1946. *Е. Д. Кускова – Н. В. Вольскому:*

Обезьяньи приключения Зощенко и «опасность» мирной Ахматовой нас и совсем убили. Надо быть в пьяном виде, чтобы такую, действительно обезьянью штучку загнать... Дама в черной шали не выходит из головы. Много лет не писала из-за расстрела мужа, а потом слилась с советским строем и получала ордена за защиту Ленинграда. И писала тонко, но советским языком. И, кажется, это кому-то понадобилась или ее квартира, или ее шаль, почему не повторить 1917-й год? И не свергнуть даму в пропасть?.. Ахматова – тонкий цветок, каким-то чудом уцелевший на советской почве. Так вот на тебе! На тебе! Чуть какая-то, кровью и насилием пахнущая (цит. по: Розенталь 2015: 385–386)!

Екатерина Дмитриевна Кускова (ур. Есипова, по второму браку – Прокопович; 1869–1958) – активистка революционного движения; выслана из России в 1922 г., с 1939 г. жила в Женеве); Николай Владиславович Валентинов (при рождении Вольский; 1880–1964) – публицист, экономист; в командировке в Париже в 1930 году перешел на положение эмигранта.

1951

19 января 1951. *Жертвы большевицкого террора. Синодик погибших:*

Анна Ахматова – замолчала. <...> Осип Мандельштам – арестован и погиб в Ельце. 1941 г. (Русская мысль. 1951. 19 января).

Список позаимствован из «Известий Литературного Фонда» (Нью-Йорк).

12 октября 1951. *Николай Нароков. «Крови, Яго, крови!»:*

Гумилев, погибший в большевистской ЧК и Ахматова, погибшая на антибольшевистской каторге – вот символ большевистской борьбы с большевиками (Новое русское слово. 1951. 12 октября).

Николай Владимирович Нароков (наст. фамилия Марченко, 1887–1969) – прозаик; участник Белого движения, с 1935 г. жил в Киеве, активный автор коллаборационистской прессы, с 1950 г. – в США.

1952

Август 1952. *Николай Ульянов. «Внуки Лескова»:*

Мережковские, Бунины, Зайцевы были «неактуальны», не ставили задачи свержения большевизма при помощи своих стихов и романов, заботились только об их художественности, но история запишет в их актив величайшую политическую заслугу – они сохранили русскую литературу за рубежом; «Внуки Лескова» идут прямо противоположным, шестидесятилетним путем. Удастся ли им своими перьями сразить большевицкую гидру – неизвестно, но погубить литературу, по крайней мере, собственные литературные дарования – несомненно удастся. Много уже достигнуто в этом смысле. Стремясь к «изображению фактически жившего (или еще живущего) человека, к документальности, достоверности литературного типажа», некоторые зашли в тупик грубейшего натурализма, выходящего за пределы эстетики. В уста «фактически

живших» вкладываются, порой, словечки и выражения, от которых не всякий способен на ногах устоять: «Верка что ли обидела, пощупать не дала»? «Обнюхивает посылку, как кобель сучку, аж слюнки текут». «А Кремль-то и наклал в штаны».

Некоторые перлы такой словесности рассчитаны на произнесение их со сцены: «Горючего не хватило – трын-трава! Нет бензину – на соплях веду машину!»

Добро бы это были случайный брызги грязи, а то ведь встречаются произведения, сплошь написанные таким жаргоном. «Не вышла зануда. Танцует с Колькой», «а от меня отлипни», <...> «Шарики за бобики в мозгу заходят»...

Всего ужаснее, когда говорящие таким языком вдруг заявляют: «Очень люблю Ахматову!» и начинают читать ее стихи (Ульянов 1952: 170; подпись: «Н. Шварц-Омонский»).

Николай Иванович Ульянов (1904/1905–1985) – историк и писатель, в 1936–1941 гг. находился в заключении в СССР, после войны – в эмиграции.

1954

24 января 1954. Юрий Терапиано. *Рец. на: Возрождение. Выпуск № 30 (Часть литературная):*

Абсолютно противоречит литературной этике <...> утверждение, что критик, «к которому поэтесса в течение долгих лет питала нежные чувства» ... «в благодарность за это называл ее продолжательницей Анны Ахматовой, допевшей на ином языке Деборд-Вальмор» (Новое русское слово. 1954. 24 января).

Юрий Константинович Терапиано (1892–1980) – поэт, речь шла о статье Рогаля-Левицкий 1953: 174–186, где цитировалась старая статья Георгия Адамовича о Лидии Червинской:

Она вообще – прямая и едва ли не единственная преемница Ахматовой в нашей литературе. Были в последние два десятилетия женщины-поэтессы, разрабатывавшие иные темы, – и, уж если

искать сравнений, более родственные Зинаиде Гиппиус или Цветаевой. Но из тех, которые знали исключительно горестно-любвные мотивы, она одна оказалась не подражательницей, а продолжательницей, как сама Ахматова продолжила, «допела» на ином языке Марселину Деборд-Вальмор. Лирический голос Ахматовой сильнее и как-то звонче голоса Червинской, и весь облик ее цельнее, трагичнее. Но зато и холоднее¹⁴.

9 мая 1954. *Юлия Сазонова. «Призвание»:*

Оторванность поэта, внутреннее одиночество, несмотря на страстную жажду дружбы, особенно явственны в судьбе Марины Цветаевой, бесспорный поэтический дар которой единодушно признаны всеми. Но в то время, как Ахматова, несмотря на личный трагизм своей судьбы, могла, пережив всех близких, продолжать свой путь и выдержать тяжесть призвания, – Цветаева металась в одиноком искании и, подобно Поплавскому, Маяковскому, Есенину, сама прервала свою жизнь. <...>

Яд сатиры, резкой и почти жуткой, показан ею в изображении вечера поэтесс, который нарисован как будто не пером, а бичом. Похвалы Ахматовой, с приведенным отрицательным замечанием Блока и пренебрежительным отзывом Брюсова обо всех поэтессах, умеющих писать только о любви и страсти, звучат как бы наперекор себе, так как в спокойном течении ахматовской поэзии нет тех элементов, которые кипят и пенятся у Цветаевой (Новое русское слово. 1954. 9 мая).

Юлия Леонидовна Сазонова (урожд. Слонимская; 1887–1957) – театральная критик, давняя знакомая Ахматовой, упоминает здесь цветаевский очерк «Герой труда», вошедший в нью-йоркский сборник Цветаевой «Проза».

14 ноября 1954. *Григорий Аронсон. Рец. на: Новый журнал. Книга 38:*

Мысли Маркова о символизме и акмеизме весьма любопытны, хотя в оценке отдельных поэтов, напр. Ахматовой, он явно не-

¹⁴ Адамович Г. Литературные заметки. – Последние новости. Париж. 1937. 17июня.

справедлив, говоря: «она металась между салонным говорком и стилизованными причитаниями». В своей критике акмеизма Марков договаривается до парадоксов: «Не умри в подвалах Чеки, акмеизм мог бы стать официальной литературной теорией, и не надо было бы изобретать социалистического реализма» (Новое русское слово. 1954. 14 ноября).

Новое русское слово; Григорий Яковлевич Аронсон (1887–1968) – меньшевик, поэт, публицист (см. о нем: Серман 1995: 528–537); ср. другой отклик на статью В. Ф. Маркова:

Они убили или замучили до смерти крестьянских поэтов, нескольких символистов и акмеистов. В первую голову и самым зверским образом убили Гумилева. Неприлично поэтому кощунствовать над его памятью: «Акмеизм мог бы стать официальной теорией С.С.С.Р., и не надо было бы изобретать «социалистического реализма». Мы не знаем, что могло бы быть. Факты остаются фактами: Гумилев был замучен и убит в подвалах Чека, а Маяковского Сталин не только награждал, но и возвел в «гениальнейшие поэты советской эпохи»¹⁵.

О Владимире Федоровиче Маркове и Ахматовой см.: Тименчик 2018с: 37–40.

28 ноября 1954. Александр Браиловский. *Рец. на кн.: Алексеева Л. Лесное солнце: Стихи. Франкфурт на Майне, 1954:*

При всем своеобразии «Лесное солнце» Л. Алексеевой ближе всего к «Четкам» Ахматовой. Ей чужда истерическая несколько манерная растрепанность Марины Цветаевой, и лишь в самой малой мере свойственна склонность к натянутым, напряженно-вымышленным метафорам и ассоциациям стихотворцев пастернаковской моды (Новое русское слово. 1954. 28 ноября).

¹⁵ Забежинский Г. Мысли о русском футуризме. – Новое русское слово. Нью-Йорк. 1954. 5 декабря.

Александр Яковлевич Брайловский (1884–1958) – поэт, переводчик, общественный деятель, эмигрант с дореволюционных лет, в ранней молодости – брюсовский «юноша бледный со взором горящим» (см.: Тименчик 2016: 339–343, 351–352); поэтесса Лидия Алексеевна Алексеева (наст. фамилия Девель, в замужестве Иванникова; 1909–1989) была в родстве с Ахматовой. Она писала 9 декабря 1988 г. югославскому историку русской эмиграции А. Б. Арсеньеву, любезно поделившемуся со мной выпиской: «Вы спрашиваете в письме, какое у меня родство с А. А.: довольно близкое, т. к. ее отец и отец моей мамы родные братья, т. е. мама ее двоюродная сестра. Мамин отец – Владимир Антонович Горенко, а отец А. Ахматовой – Андрей Антонович – т. е. Антон Горенко общий дед мамы и А. А. К большому сожалению, мы никогда не встречались – мы жили в Крыму, она в Петербурге, и она не проявляла интереса к родственникам. Но мамин родной брат Анатолий жил в Петербурге и постоянно бывал в доме Горенко, рассказывал: “За Аней ухаживает поэт” – вероятно, это был Гумилев». Со стихами Алексеевой Ахматову познакомил Алексис Раннит (см.: Ахматова 1996: 218, 247, 255); ср. также отзывы других критиков: «Среди поэтесс Л. Алексеева стоит особняком: ни жалоб, ни «женского канона», созданного Ахматовой» (Забезинский 1954: 291); «Чувствуется, что Алексеева много училась <красоте. – Р. Т.> у королевы русских поэтесс Анны Ахматовой, и вполне достойна быть в числе первых фрейлин ее свиты. Но как непохожа она своим поэтическим обликом на грешную, страдающую от любви Ахматову, с ее жадной тюркской кровью!» (Ульянов 1981: 18).

1958

31 марта 1958. *Георгий Адамович – Ирине Одоевцевой:*

...первое очень хорошее, в очень Вашей манере <...>. Второе тоже хорошее, но неожиданно напоминает Ахматову, позднюю, особенно последняя строфа. Ее тон. Но это ничего, что напоминает, и это не подражание, а совпадение. Только позвольте поправку, по

старой памяти о «не таких словах». Лучше бы «нет дома», а не «не стало дома». Будет короче строка, но это Гумилев напрасно уверял, что «надо выравнивать» (Адамович 1997: 478).

Речь о стихотворении Ирины Одоевцевой:

Скользит слеза из-под закрытых век,
Шуршат бумажки на церковном блюде.
О чем бы ни молился человек,
Он непременно молится о чуде –

Чтоб дважды два вдруг оказалось пять,
И розами бы расцвела солома,
Чтобы к себе домой придти опять –
Домой, хотя давно не стало дома.

Чтоб из-под холмика с могильною травой
Ты вышел вдруг веселый и живой.

(Одоевцева 1957: 59)

Ср. стихотворения «Пока не свалюсь под забором...» и «Есть три эпохи у воспоминаний...». Поправку И. Одоевцева приняла.

1961

10 июня 1961. *Константин Паустовский – Славчо Чернишеву:*

Много хороших стихов, в особенности у Анны Ахматовой. Встретимся, тогда я Вам прочту ее стихи: «Стоят стеной дремучие дожди...» (Паустовский 1986: 403).

Славчо Иванов Чернишев (1924–2000) – болгарский поэт; неопубликованное стихотворение «И снова осень валит Тамерланом...», обращенное к Пастернаку, Паустовскому сообщил М. В. Ардов (см.: Ардов 2005: 137).

1962

18 апреля 1962. Владимир Огнев. «*Семь ли цветов в радуге? (Заметки о поэзии 1961 года)*»:

Если счастливая индивидуальность Л. Мартынова в том, чтобы закреплять словом процесс вечной изменчивости мира, то благодаря ей мы постоянно будем ощущать радость первооткрывателей. Но мы бы не утолили другой страсти своей души – тяги к прочной устойчивости, верности дальним ориентирам человечности, народным идеалам, если бы не была «прописана» рядом с нами муза А. Твардовского; мы очень обеднили бы себя, не заглядывая хоть изредка в тайны своей души вместе с А. Ахматовой; мы одряхтели бы от быта, если б не рвал паруса наших желаний «ветер» Н. Асеева; не звал бы нас могучий порыв чувств со страниц И. Сельвинского; не светил бы далекий ясный свет поэзии покойного Н. Заболоцкого; мы скорее бы забывали то, что нельзя забывать никогда, если бы не были рядом с вами совестливые советчики – строки М. Алигер; если б не гудел телеграфным проводом высокой тревоги голос О. Берггольц; мы становимся добрее и чище, читая М. Светлова; возвышенно и романтически видим мир глазами остающейся с нами поэзии В. Луговского; учимся красоте простых чувств и верности долгу у Я. Смелякова; граненой прямоте суждений у героя стихов Б. Слуцкого; пластической объемности мира Е. Винокурова; нас поражает певучая ладность красок А. Прокофьева.

...Вот и не заметил, как впал в грех «списка»! А надо ли его продолжать? Любитель стиха знает своих поэтов. И не только русских, но и великолепных мастеров других наших республик. Главное – в другом: если мы сами богаты душой, нам нужна духовно богатая поэзия (Огнев 1962: 27–28).

О критике Владимире Федоровиче Огневе (Немец; 1923–2017) и Ахматовой см.: Тименчик 2014а: 67–71, 171; Тименчик 2014б: 114, 244.

1964

22 июня 1964. Белла Левантовская. «Терзания певчих птиц; Комедия в пяти картинах»:

Ладухин. А фамилия твоя Коханенко. Это значит коханая – любимая.

Лена. Нет мне радости в жизни с такой фамилией. Все одинаково объясняются в любви... Легко и просто. Даже слов искать не надо.

Ладухин. Все? Одинаково? Жизни теперь без тебя нет...

Лена. А вы не придумали это? Люди часто придумывают себе любовь, горесть-печали...

Ладухин. Горесть, печали... Столько этого в жизни, что и придумывать нечего.

Лена. И любви?

Ладухин. Тебе об этом лучше знать. Я женат не был...

Лена. Ах, вот что!

Ладухин. Говорят, старика любила? Правда это?

Лена (*вызывающе*). Правда, а что? Он был обаятельный...

Ладухин. Ладно.

Лена. Нет, не ладно. (*Придумывает.*) Умный, красивый. Спортсмен. И танцор. И научный работник. Легко было потерять голову. А родных нет. Посоветовать некому...

Ладухин. Никого-никого?

Лена. Никого на свете. Он бросил меня через год. Сказал: не люблю больше. Я спросила: «За что, Серафим?» Его звали Серафим. Он сказал: «Прости. Я был увлечен твоей юностью. Но ты неэффективная женщина. А мне нужна жена-красавица. Я понял это только теперь». И уехал... Боже мой! Прошли годы. Я все плакала и помнила. И до сих пор забыть не могу.

Ладухин. Красиво рассказываешь...

Лена. Это была красивая, романтическая любовь. Ах, Федя... Море! Черные, непроницаемы ночи юга. Бархатные. Полные ласки и тайны. Шум прибоя. Огромные валуны, как морские чудища, среди которых мы бродили по ночам... Там протекала наша любовь.

Ладухин. На камнях, что ли?

Лена (*взорвалась смехом*). Федор Николаевич, не надо быть таким безнадежным реалистом. (*Запела.*)

Стать бы снова приморской девчонкой

Туфли на босу ногу надеть,

И закладывать косы коронкой,

И взволнованным голосом петь.

Все глядеть бы на смуглые главы

Херсонесского храма с крыльца

И не знать, что от счастья и славы

Безнадежно дряхлеют сердца <в прим. указано: «Анна Ахматова». – Р. Т.>

Ладухин. Где такие песни поют?

Лена. Нигде.

Ладухин. Будем встречаться?

Лена. А вести себя прилично будем?

Ладухин. Время ведь проводишь со мной?

Лена.

Ты не думай, миленький,

Что я тебя любила.

Делать было нечего,

Я время проводила.

Ладухин. Эх, ты... (Левантовская 1964: 70).

Белла Ильинична Левантовская (1915–1994) – поэтесса, драматург. «Стать бы снова приморской девчонкой...» и далее – из стихотворения «Вижу выцветший флаг над таможенной...».

1965

4 января 1965. *Записная книжка Александра Цыбулевского:*

А что значит путь Ахматовой? Ее ранние стихи уже принадлежат вечности. Сегодняшние бессмертные стихи – сегодняшнему дню (Цыбулевский 2017: 300).

Александр Семенович Цыбулевский (1928–1975) – поэт, живший в Тбилиси.

12 августа 1965. *Лев Арнс. «Будка»:*

Пусть крыльцо мое разваливается,
 Моя кровля ветхая течет,
 Но у входа шпажник развеивается,
 И поэзия к будке всех влечет.

Комарово.

Перед этим эпиграфом (в античном смысле) в «Красной тетради» две строчки: «Шпажник (гладиолус), принесенный внучкой от садовницы, мы посадили перед крыльцом и А. А. неоднократно им любовалась» (сообщено А. Мирзаевым). Комментирующий эти строки за две недели до написания этого четверостишия, увлекаемый, пожалуй, поэзией, вместе с Н. Е. Горбаневской посетил Будку и до встречи с Ахматовой имел короткую беседу с Львом Евгеньевичем о временах бюджетлянских.

БИБЛИОГРАФИЯ

- А. Н. 1931. <Рец. на кн.:> Семеро: Стихи. Изд. «Молодой Чураевки». Харбин. Х.С.М.Л. – Рубеж. Харбин. № 2. С. 30.
- Аграновский В. 1994. Последний долг: Жизнь и судьба журналистской династии Аграновских с прологом и эпилогом. М.: РИФ “Academia”.
- Адамович Г. 1922. Чистилище: Стихи. Книга вторая. Пб.: [б. и.].
- Адамович Г. 1997. Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды: Письма Г. Адамовича И. Одоевцевой и Г. Иванову (1955–1958) / Публикация О. А. Коростелева. – Минувшее: Исторический альманах. Вып. 21. М.; СПб.: Athenaeum – Феникс. С. 391–501.
- Ардов М. 2005. Монография о графомане. М.: Захаров.
- Ахматова А. 1919. Белая стая: Избранные стихотворения. Тифлис: Кавказский посредник; Тип. Союза Городов Республики Грузии.
- Ахматова А. 1922. Anno Domini MCMXXI. Пб.: «Petropolis».
- Ахматова А. 1989. Requiem / Сост. и примечания Р. Д. Тименчика при участии К. М. Поливанова. М.: Издательство МПИ.
- Ахматова А. 1996. Записные книжки (1958–1966) / [Сост. и подготовка текста К. Н. Суворовой; вступительная ст. Э. Г. Герштейн; научное консультирование, вводные заметки к записным книжкам, указатели В. А. Черных.] М.; Torino: Giulio Einaudi editore.

- Базилевская Е. 1934. <Рец. на кн.:> Булич В. Маятник. – Новь: Седьмой сборник под ред. П. Иртеля. Таллинн: Издание „Нови“. С. 105.
- Белобровцева И. 1992. Бунтарь и цензор. – Грани. № 165. С. 101–116.
- Бобович Бор. 1927. Гастрономия с литературой (Шарж в 1 действии). – Синяя блуза. № 4 (52). С. 33–36.
- [Б. п.] 1921. Некрологи. – Трудовые зори: Журнал экономической жизни и социалистического строительства Серпуховского района. Серпухов. № 5–6–7. С. 59.
- Булич В. 1934. Маятник: Стихи. Гельсингфорс: Акц. О-во «Либрис».
- Булич В. 1938. О зарубежной русской поэзии 1937 года. – Журнал Содружества. Выборг. № 6 (66). С. 11–22.
- Булич В. 2010. Чужая весна / Изд. подготовили В. Кудрявцев и С. Ковнер. Рудня; Смоленск: Мнемозина, 2010.
- Бухштаб Б. 1941. <Рец. на кн.:> Шенгели Г. Техника стиха. Практическое стиховедение. М.: Советский писатель. 1940. – Звезда. № 2. С. 183–184.
- Видгоф Л. М. 2021. Осип Мандельштам в разных ракурсах: Статьи и мемуары. М.: Водолей.
- Виленский Д. 1922. На. М.: [Б. и.]
- Вольпин В. 1917. Анна Ахматова (Литературный силуэт). – Буревестник. Ташкент. № 1. С. 9–15.
- Горнунг Л. 1922. <Рец. на кн.:> Георгий Адамович. «Чистилище». Стихи. Книга вторая. Изд. «Петрополис». П. 1922. стр. 96. – Гермес. № 1 (Июль). С. 107–110.
- Данин Д. 1940. Чувство времени и поэтический стиль (О критиках и поэтах-«старообрядцах»). – Знамя. № 11–12. С. 268–282.
- Дроздов В. А. 2001. Дерзопоэт Василий Федоров. – Фёдоров Вас. Мумии: 1921: Книга стихов / [Вступительная ст. В. А. Дроздова; подготовка текста Л. М. Турчинского]. М.: «ПалеАлиТ». С. III–XIII.
- Дроздов В. А. 2014. Dum spiro spero. О Вадиме Шершеневиче, и не только: Статьи, разыскания, публикации. М.: Водолей.
- Дубшан Л. 2020. «...Tomorrow в Комароу...»: Из переписки Наума Яковлевича Берковского. – Colta.ru. 30 сентября. [URL: <https://www.colta.ru/articles/literature/25539-leonid-dubshantomorrow-v-komarou-naum-yakovlevich-berkovskiy-iz-perepiski>]
- Егоров Ив. 1924. Краснофлотская поэзия. – Алые вымпела: Сборник Краснофлотского литературного творчества. Л.: Редакционно-издательский отдел Морского Ведомства. С. III–XV.

- Желтова Н. Ю. 2018. Григорий Финн. Пасмурные птицы. Стихи 1918–1920 годов / Публикация и комментарий Н. Ю. Желтовой. – Филологическая регионалистика. Т. 10. № 1–2 (25–26). С. 54–60.
- Забезинский Г. 1954. <Рец. на кн.:> Алексеева Л. Лесное солнце. Франфурт. 1954. – Новый журнал. № 39. С. 291.
- Иванов Вяч. 1935. Предисловие. – Голенищев-Кутузов И. Память: Стихи. Париж: Парабола. С. 5–14.
- Иезуитова Л. А. 1994. «Слово о погибели земли русской» А. М. Ремизова в газете «Воля Народа». – Алексей Ремизов: Исследования и материалы / Отв. ред. А. М. Грачева. СПб.: Дм. Буланин. С.67–80.
- Каменева О. 1925. Театр и жизнь. – Новый зритель. № 45 (96). С. 3–4.
- Клен Ю. [О. Ф. Бургардт] 1936. Слово живе і мертва. – Вісник (Лвів). Кн. 12. С. 902–915.
- Копршилова А. 2008. Неизвестные стихи русских пражан. – Новый журнал. № 251. С. 360–367.
- Корона В. В. 1999. Поэзия Анны Ахматовой: Поэтика автовариаций. Екатеринбург. Издательство Уральского университета.
- Крейчева О. 1944. На новый путь: Сборник стихов. [Прага: Б. и.]
- Кунина И. 1933. Только факты, сэр! Роман. Берлин: Петрополис.
- Куценко Л. 1997. З епістолярію Наталі Лівичької-Холодної. – Вежа: Літературний часопис. № 8–9. С. 27–39.
- Левантовская Б. 1964. Терзания певчих птиц: Комедия в пяти картинах. – Ангара. № 2 (63). С. 56–86.
- Лекманов О. А. 2020. «Жизнь прошла. А молодость длится...»: Путеводитель по книге Ирины Одоевцевой «На берегах Невы». М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной.
- Лоцилов И. Е., Подлубнова Ю. С. 2017. Поэма Давида Виленского «Воскресение». – Сюжетология и сюжетография. № 2. С. 150–164
- Лукницкий П. Н. 1991. Асуміана: Встречи с Анной Ахматовой. Т. I: 1924–1925. Париж: YMCAPress
- Лукницкий П. Н. 1997. Асуміана: Встречи с Анной Ахматовой. Т. II: 1926–1927. Париж; М.: YMCAPress; Русский путь.
- Мочульский К. 1921. [Сводная рецензия]. – Русская мысль. № 8–9. С. 321–324.
- Новиков Ив. 1917. Я люблю ребенка и мужа... – Ветвь: Сборник клуба московских писателей. М.: [Северные дни.] С. 24.

- Новиков И. 1931. Мне двадцать лет: Рассказы. М.: Федерация.
- Огнев В. 1962. Семь ли цветов в радуге? (Заметки о поэзии 1961 года). – Вопросы литературы. № 5. С. 3–28.
- Одоевцева И. 1921. Поэт. – Альманах Цеха поэтов. Кн. 2. Пг.: Издание Цеха поэтов. С. 31–32.
- Одоевцева И. 1957. Скользит слеза из-под закрытых век... – Новый журнал. № 51. С. 59.
- Озеров Л. 2014. Дневники 1951–1960 годов / Публикация и подготовка текста А. Озеровой и С. Зенкевича. – Арион. № 4 [URL: <https://magazines.gorky.media/arion/2014/4/dnevniki-1951-8211-1960-godov.html>].
- Паперный З. С. 1958. Маяковский в работе над поэмой «Про это»: (Три рукописи поэмы). – Новое о Маяковском. Т. I. М.: Издательство Академии наук СССР. С. 217–284.
- Пастернак Б. Л. 2012. Б. Л. Пастернак: Pro et contra. Б. Л. Пастернак в советской, эмигрантской, российской литературной критике: Антология / [Сост. Ел. В. Пастернак, М. А. Рашковская, А. Ю. Сергеева-Клятис]. Т. I. СПб.: РХГА.
- Паустовский К. 1986. <Письмо к Е. С. Загорской-Паустовской от 16 февраля 1917 г.> – Паустовский К. Соб. соч.: В 9-ти тт. Т. 9. М.: Художественная литература. С. 52–53.
- Пильский П. 1915. Милое лицо. – Мир красоты. № 11. С. 352.
- Письма 2012. Письма – больше, чем воспоминания... Из переписки Семеновых-Тян-Шанских и сестер А. П. и В. П. Шнейдер/ Изд. подготовлено М. А. Семеновым-Тян-Шанским и А. Ю. Заднепровской. М.: Новый Хронограф.
- Подвальный С. Н. 1927. Одиночество и отчужденность. – Современная психоневрология. Киев. № 4 (24). С. 348–357.
- Полянов Ю. 1925. Колосья поля дум. Юрьев: Тип. Я. Раудсеп.
- Пономарева Г., Шор Т., Тименчик Р. 2004. Пономарева Г., Шор Т. Фрагмент магистерской работы Елизаветы Роос об Анне Ахматовой / Комментарии Р. Д. Тименчика. – Балтийско-русский сборник / Под ред. Бориса Равдина и Лазаря Флейшмана. Кн. 1. Stanford: The Department of Slavic Languages and Literatures. С. 73–101 (Stanford Slavic Studies. Vol. 27).
- Постоутенко К. 2000. Анна Ахматова и Георгий Шенгели (К истории взаимоотношений). – Поэзия и живопись: Сборник трудов памяти

- Н. И. Харджиева / Сост. и общая ред. М. Б. Мейлаха и Д. В. Сарабьянова. М.: Языки русской культуры. С. 727–735.
- Прегель С. 2017. Разговор с памятью: В 2-х тт. Т. II. Кн. 1: Письма / Сост., подготовка текста, вступительная ст. и комментарии В. Хазана. М.: Водолей.
- Радлова А. 1920. Корабли: Вторая книга стихов. Пб.: Алконост.
- Ремизов А. М. 2012. Дневник мыслей: 1943–1957 гг. Т. 1: Май 1943 – январь 1946. СПб.: Издательство «Пушкинский Дом».
- Риттенберг С. 1934а. <Рец. на кн.:> Булич В. Маятник. Гельсингфорс. 1934. – Журнал Содружества. Выборг. № 5. С. 29.
- Риттенберг С. 1934б. <Рец. на кн.:> Шаховская З. Уход. Брюссель. 1934. – Журнал Содружества. Выборг. № 10 (22). С. 29.
- Роголя-Левицкий Ю. 1953. Горе-авторы нашего зарубежья. – Возрождение. № 30. С. 174–186.
- Розенталь И. С. 2015. Н. Валентинов и другие: XX век глазами современников. М.: Новый хронограф.
- Роскина Н. 1980. Четыре главы: Из литературных воспоминаний. Париж: YMCA Press.
- Русская поэзия Китая 2001. Русская поэзия Китая: Антология / Сост. В. Крейд и О. Бакич. М.: Время.
- Свентицкий А. 1916. Лики поэтов. II. Георгий Иванов («Вереск»). – Журнал журналов. № 35. С. 13.
- Свиченская М. К. 2018. «Бухштаб и другие». – Архив ученого-филолога: Личность. Биография. Научный опыт: Сборник научных статей. СПб.: Издательство «Пушкинский Дом». С. 137–163.
- Серман И. 1995. Григорий Яковлевич Аронсон. – Евреи в культуре Русского Зарубежья: Статьи, публикации, мемуары, эссе / Сост. и издатель М. Пархомовский. Т. IV: 1939–1960. Иерусалим: [б. и.]. С. 528–537.
- Статьева В. 2020. Ночные огни: Стихотворения. Проза / Сост., подготовка текстов, биографический очерк и комментарии С. Шаргородского. S. 1.: Salamandra P.V.V.
- Тамарина Р. М. 1991. Щепкой – в потоке...: Документальная повесть, стихи, поэма. Алма-Ата: Жазуши.
- Тименчик Р. 1998. О трудах и днях Ахматовой [Рец. на кн.: Черных В. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. Ч. 1: 1889–1917. М., 1996]. – Новое литературное обозрение. № 29. С. 409–428.

- Тименчик Р. 2006а. Из *Именного указателя* к «Записным книжкам» Ахматовой. – Анна Ахматова: Эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский научный сборник. Вып. 4. Симферополь: Крымский Архив. С. 142–180.
- Тименчик Р. 2006б. «Записные книжки» Анны Ахматовой: Из «Именного указателя». I. – Эткиндовские чтения II–III: Сборник статей по материалам Чтений памяти Е. Г. Эткинда / Сост. П. Л. Вахтина, А. А. Долинин, Б. А. Кац. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. С. 214–275.
- Тименчик Р. 2006с. «Записные книжки» Анны Ахматовой: Из «Именного указателя». – Стих, язык, поэзия: Памяти Михаила Леоновича Гаспарова. М.: РГГУ. С. 614–639.
- Тименчик Р. 2009. Из *Именного указателя* к «Записным книжкам» Ахматовой. – *Memento vivere*: Сборник памяти Л. Н. Ивановой. СПб.: Наука.
- Тименчик Р. 2010. Из *Именного указателя* к «Записным книжкам» Ахматовой (К вопросу о технических проблемах комментирования). – Лесная школа: Труды VI Международной летней школы на Карельском перешейке по русской литературе. Поселок Поляны (Уусикирко) Ленинградской области: [б. и.]. С. 143–172.
- Тименчик Р. 2012. Из *Именного указателя* к «Записным книжкам» Анны Ахматовой. – «...Как в прошедшем грядущее зреет...»: Полувековая парадигма поэтики серебряного века. М.: Издательский центр «Азбуковник». С. 289–330.
- Тименчик Р. 2014а. Последний поэт: Анна Ахматова в 60-е годы. Издание второе, исправленное и расширенное. Т. 1. М.: Иерусалим; М.: Гешарим; Мосты культуры.
- Тименчик Р. 2014б. Последний поэт. Анна Ахматова в 60-е годы. Издание второе, исправленное и расширенное. Т. 2: Сноски и выноски. Иерусалим; М.: Гешарим; Мосты культуры.
- Тименчик Р. 2016. Ангелы. Люди. Вещи: В ореоле стихов и друзей, М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим.
- Тименчик Р. 2017. Подземные классики. Иннокентий Анненский. Николай Гумилев. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим.
- Тименчик Р. Д. 2018а. Из *Именного указателя* к «Записным книжкам» Ахматовой. – *Slavica Revalensia*. Vol. V. С. 256–312.

- Тименчик Р. 2018b. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой. – Wiener Slavistisches Jahrbuch. Neue Folge. Bd. 6. С. 207–235.
- Тименчик Р. 2018с. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой. – Across Borders: 20th Century Russian Literature and Russian-Jewish Cultural Contacts. In Honor of Vladimir Khazan / Ed. by Lazar Fleishman and Fedor Poljakov. Berlin et al.: Peter Lang Verlag. P. 29–44 (Stanford Slavic Studies. Vol. 48).
- Тименчик Р. 2018d. История культа Гумилева. М.: Мосты культуры.
- Тименчик Р. 2018е. Успехи Анны Ахматовой. – Литературный факт. 2018. № 9. С. 244–263.
- Тименчик Р. 2019а. Вместо комментария. – Иерусалимский журнал. № 52. С. 139–141.
- Тименчик Р. 2019b. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой. – Wiener Slavistisches Jahrbuch. Neue Folge. Bd. 7. S. 270–287.
- Трегуб С. 1941. Надо бы доругаться. – Новый мир. № 2. С. 204–230.
- Ульянов Н. И. 1952. Внуки Лескова. – Возрождение. № 22. С. 159–171.
- Ульянов Н. 1981. Скрипты. Ann Arbor: Эрмитаж.
- Федоров Вас. 2001. Мумии: 1921: Книга стихов / [Вступительная ст. В. А. Дроздова; подготовка текста Л. М. Турчинского]. М.: «ПАЛЕАлиТ».
- Финн Гр. 1922. На перепутье: Стихотворения. Берлин: Книгоиздательство „Маска“.
- Ходасевич Вл. 1997. Белый коридор: Из кремлевских воспоминаний. – Ходасевич Вл. Собр. соч.: В 4-х тт. Т. 4. М.: Согласие. С. 241–261.
- Цинговатов Ю. 2015. Юная поэтесса. – Простор. № 4. С. 70–74.
- Цыбулевский А. 2017. Поэтика доподлинности: Критическая проза. Записные книжки. Фотографии. М.: Новое литературное обозрение.
- Червинская Л. 2011. Невидимая птица / Издание подготовили В. Кудрявцев и С. Ковнер. Рудня; Смоленск: Мнемозина.
- Черновский А. 1923. Туркестанские поэты. – Книга и революция. 1923. № 11–12 (23–24). С. 17–20.
- Черных В. 2016. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой: 1889–1966. М.: Азбуковник.
- Чужак Н. 1920. <Рец. на кн.:> Статьева В. Стихи. Т. 1. Шанхай: Даль, 1920. – Творчество. Владивосток. № 5. С. 79.
- Швецов С. 1941. Новые стихи Маргариты Алигер. – Красная новь. № 3. С. 206–208.

Шефнер В. 1990. Поэзия сильнее, чем судьба. – Об Анне Ахматовой. Стихи, эссе, воспоминания, письма. Л.: Лениздат. С. 411–416.

Averbuch, A. 2019. The Theurgy of Impurity: *Fin-de-Race* and Feminine Sin in Russian and Ukrainian Modernisms. – *The Russian Review*. Vol. 78. No. 3. P. 459–485.

Shrayer, M. D. 2000. Был ли Набоков литературным женоненавистником? / Авторизованный пер. с английского Веры Полищук. – *Revue des Études Slaves*. T. LXXII. № 3–4. С. 531–540.

Struve, G. 1934. <Review of:> *Soviet Literature: An Anthology*. Edited and translated by George Reavey and Marc Slonim. (Wishart & Co.) Pp. 430. 8s. 6d. net. – *The Slavonic and East European Review*. Vol. XII. No. 35. P. 476–479.

Wais, K. 1939. *Die Gegenwartsdichtung der europäischen Völker* / Hrsg. von Kurt Wais. Berlin: Junker und Dünhaupt Verlag.

REFERENCES

- A. N. Review of *Semero: Stikhi*, by “Molodaia Churaevka.” *Rubezh* 2 (1931): 30.
- Adamovich, G. *Chistilishche: Stikhi. Kniga vtoraiia*. Petersburg: n. p., 1922.
- Adamovich, G. “Epizod sorokapiatiletnei družby-vrazhdy: Pis'ma G. Adamovicha I. Odoevtsevoi i G. Ivanovu (1955–1958).” Published by O. A. Korostelev. In *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh*. Vol. 21, 391–501. Moscow and Saint-Petersburg: Athenaeum – Feniks, 1997.
- Agranovskii, V. *Poslednii dolg: Zhizn' i sud'ba zhurnalistskoi dinastii Agranovskikh s prologom i epilogom*. Moscow: RIF “Academia,” 1994.
- Akhmatova, A. *Belaia staia: Izbrannye stikhotvoreniia*. Tiflis: Kavkazskii posrednik; Tip. Soiuza Gorodov Respubliki Gruzii, 1919.
- . *Anno Domini MCMXXI*. Petersburg: Petropolis, 1922.
- . *Requiem*. Edited and annotated by R. D. Timenchika in collaboration with K. M. Polivanov. Moscow: Izdatel'stvo MPI, 1989.
- . *Zapisnye knizhki (1958–1966)*. Moscow and Turin: Giulio Einaudi editore, 1996.
- Anonymous. “Nekrologi.” *Trudovye zori: Zhurnal ekonomicheskoi zhizni i sotsialisticheskogo stroitel'stva Serpukhovskogo raiona* 5–6–7 (1927): 59.
- Ardov, M. *Monografiia o grafomane*. Moscow: Zakharov, 2005.
- Averbuch, A. “The Theurgy of Impurity: *Fin-de-Race* and Feminine Sin in Russian and Ukrainian Modernisms.” *The Russian Review* 78, no. 3 (2019): 459–85.

- Bazilevskaia, E. Review of *Maiatnik*, by V. Bulich. *Nov'*: *Sed'moi sbornik pod red. P. Irtelia*, 105. Tallinn: Izdanie "Novi," 1934.
- Belobrovtsseva, I. "Buntar' i tsenzor." *Grani* 165 (1992): 101–16.
- B. L. Pasternak: *Pro et contra. B. L. Pasternak v sovetskoj, emigrantskoj, rossijskoj literaturnoi kritike: Antologija*. Edited by El. V. Pasternak, M. A. Rashkovskaia and A. Iu. Sergeeva-Kliatis. Vol. 1. Saint-Petersburg: RKhGA, 2012.
- Bobovich, Bor. "Gastronomiia s literaturoi (Sharzh v 1 deistvii)." *Siniaia bluza* 4 (1927): 33–36.
- Bukhshtab, B. Review of *Tekhnika stikha. Prakticheskoe stikhovedenie*, by G. Shengeli. *Zvezda* 2 (1941): 183–184.
- Bulich, V. *Maiatnik: Stikhi*. Helsinki: Akts. O-vo "Libris," 1934.
- . "O zarubezhnoi russkoj poezii 1937 goda." *Zhurnal Sodruzhestva* 6 (1938): 11–22.
- . *Chuzhaia vesna*. Edited by V. Kudriavtsev and S. Kovner. Rudnia and Smolensk: Mnemozina, 2010.
- Chernovskii, A. "Turkestanskije poety." *Kniga i revoliutsiia* 11–12 (1923): 17–20.
- Chernykh, V. *Letopis' zhizni i tvorcestva Anny Akhmatovoi: 1889–1966*. Moscow: Azbukovnik, 2016.
- Chervinskaia, L. *Nevidimaia ptitsa*. Edited by V. Kudriavtsev and S. Kovner. Rudnia and Smolensk: Mnemozina, 2011.
- Chuzhak, N. Review of *Stikhi*, by V. Stat'eva. *Tvorcestvo* 5 (1920): 79.
- Danin, D. "Chuvstvo vremeni i poeticheskii stil' (O kritikakh i poetakh-'staroobriadsakh')." *Znamia* 11–12 (1940): 268–82.
- Die Gegenwartsdichtung der europäischen Völker*. Edited by Kurt Wais. Berlin: Junker und Dünnhaupt Verlag, 1939.
- Drozdov, V. A. "Derzopoet Vasilii Fedorov." In *Mumii: 1921: Kniga stikhov*, by Vas. Fedorov, III–XIII. Moscow: PaLEAlIT, 2001.
- . *Dum spiro spero. O Vadime Shersheneviche, i ne tol'ko: Stat'i, razyskaniia, publikatsii*. Moscow: Vodolei, 2014.
- Dubshan, L. "...Tomorrow v Komarou...": Iz perepiski Nauma Iakovlevicha Berkovskogo." *Colta.ru*. Accessed November 20, 2021. <https://www.colta.ru/articles/literature/25539-leonid-dubshan-tomorrow-v-komarou-naum-yakovlevich-berkovskiy-iz-perepiski>
- Egorov, Iv. "Krasnoflotskaia poeziia." In *Alye vypela: Sbornik Krasnoflotskogo literaturnogo tvorcestva*, III–XV. Leningrad: Redaktsionno-izdatel'skii otdel Morskogo Vedomstva, 1924.

- Fedorov, Vas. *Mumii: 1921: Kniga stikhov*. Prefaced by V. A. Drozdov, edited by L. M. Turchinskii. Moscow: PaLEAlIT, 2001.
- Finn, Gr. *Na pereput'e: Stikhotvoreniia*. Berlin: Knigoizdatel'stvo "Maska," 1922.
- Gornung, L. Review of *Chistilishche. Stikhi. Kniga vtoraiia*, by Georgii Adamovich. *Hermes* 1 (July 1922): 107–10.
- Iezuitova, L. A. "Slovo o pogibeli zemli russkoi' A. M. Remizova v gazete 'Volia Naroda.'" *Aleksei Remizov: Issledovaniia i materialy*. Edited by A. M. Gracheva, 67–80. Saint-Petersburg: Dm. Bulanin, 1994.
- Ivanov, Viach. "Predislovie." In *Pamiat': Stikhi*, by I. Golenishchev-Kutuzov, 5–14. Parizh: Parabola, 1935.
- Kameneva, O. "Teatr i zhizn'." *Novyi zritel'* 45 (1925): 3–4.
- Khodasevich, Vl. "Belyi koridor: Iz kremlevskikh vospominanii." In *Sobranie sochinenii*. 4 vols. Vol. 4, 241–61. Moscow: Soglasie, 1997.
- Klen, Iu. [O. F. Burgardt, pseud.]. "Slovo zhive i mertve." *Visnik* 12 (1936): 902–15.
- Koprshivova, A. "Neizvestnye stikhi russkikh prazhan." *Novyi zhurnal* 251 (2008): 360–67.
- Korona, V. V. *Poeziia Anny Akhmatovoi: Poetika avtovariatsii*. Ekaterinburg. Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 1999.
- Kreicheva, O. *Na novyi put': Sbornik stikhov*. Prague: n. p., 1944.
- Kunina, I. *Tol'ko fakty, ser! Roman*. Berlin: Petropolis, 1933.
- Kutsenko, L. "Z epistoliaruiu Natali Livits'koi-Kholodnoi." *Vezha: Literaturnii chasopis* 8–9 (1997): 27–39.
- Lekmanov, O. A. "Zhizn' proshla. A molodost' dlitsia...": *Putevoditel' po knige Iriny Odoevtsevoi "Na beregakh Nevy"*. Moscow: AST, Redaktsiia Eleny Shubinoi, 2020.
- Levantovskaia, B. "Terzaniia pevchikh ptits: Komedii v piati kartinakh." *Angara* 2 (1964): 56–86.
- Loshchilov, I. E. and Iu. S. Podlubnova. "Poema Davida Vilenskogo 'Voskresenie'." *Siuzhetologii i siuzhetografiia* 2 (2017): 150–64.
- Luknitskii, P. N. *Acumiana: Vstrechi s Annoi Akhmatovoi*. Vol. 1, 1924–1925. Paris: YMCA Press, 1991.
- . *Acumiana: Vstrechi s Annoi Akhmatovoi*. Vol. 2, 1926–1927. Paris and Moscow: YMCA Press; Russkii put', 1997.
- Mochul'skii, K. "[Svodnaia retsenziia]." *Russkaia mysl'* 8–9 (1921): 321–24.
- Novikov, Iv. "Ia liubliu rebenka i muzha..." In *Vetv': Sbornik kluba moskovskikh pisatelei*, 24. Moscow: [Severnye dni,] 1917.

- . *Mne dvadtsat' let: Rasskazy*. Moscow: Federatsiia, 1931.
- Odoevtseva, I. "Poet." *Al'manakh Tsekha poetov*. Vol. 2, 31–32. Petrograd: Izdanie Tsekha poetov, 1921.
- . "Skol'zit sleza iz-pod zakrytykh vek..." *Novyi zhurnal* 51 (1957): 59.
- Ognev, V. "Sem' li tsvetov v raduge? (Zametki o poezii 1961 goda)." *Voprosy literatury* 5 (1962): 3–28.
- Ozerov, L. "Dnevniky 1951–1960 godov." Published and edited by A. Ozerova and S. Zenkevich. *Arion* 4 (2014). Accessed November 20, 2021. <https://magazines.gorky.media/arion/2014/4/dnevniky-1951-8211-1960-godov.html>
- Papernyi, Z. S. "Maiakovskii v rabote nad poemoi 'Pro eto': (Tri rukopisi poemy)." In *Novoe o Maiakovskom*. Vol. 1, 217–84. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1958.
- Paustovskii, K. "[Pis'mo k E. S. Zagorskoi-Paustovskoi ot 16 fevralia 1917 g.]" In *Sobranie sochinenii*. 9 vols. Vol. 9, 52–54. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1986.
- Pil'skii, P. "Miloe litso." *Mir krasoty* 11 (1915): 352.
- Pis'ma – bol'she, chem vospominaniia... Iz perepiski Semenov-Tian-Shanskikh i sester A. P. i V. P. Shneider*. Edited by M. A. Semenov-Tian-Shanskii and A. Iu. Zadneprovskii. Moscow: Novyi Khronograf.
- Podval'nyi, S. N. "Odinochestvo i otchuzhdennost'." *Sovremennaiia psikhonevrologiia* 4 (1927): 348–57.
- Polianov, Iu. *Kolos'ia polia dum*. Tartu: Tip. Ia. Raudsep, 1925.
- Ponomareva, G., T. Shor and R. Timenchik. "Fragment magisterskoi raboty Elizavety Roos ob Anne Akhmatovoi." Published by G. M. Ponomareva and T. K. Shor, annotated by R. D. Timenchik. In *Baltiisko-russkii sbornik*. Edited by Boris Ravdin and Lazar Fleishman. Pt. 1. Stanford Slavic Studies. Vol. 27, 73–101. Stanford: The Department of Slavic Languages and Literatures.
- Postoutenko, K. "Anna Akhmatova i Georgii Shengeli (K istorii vzaimootnoshenii)." In *Poeziia i zhivopis': Sbornik trudov pamiaty N. I. Khardzhieva*. Edited by M. B. Meilakh and D. V. Sarab'ianova, 727–35. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 2000.
- Pregel', S. *Razgovor s pamiat'iu*. 2 vols. Prefaced, edited and annotated by V. Khazan. Vol. 2, pt. 1, *Pis'ma*. Moscow: Vodolei, 2017.
- Radlova, A. *Korabli: Vtoraia kniga stikhov*. Petersburg: Alkonost, 1920.
- Remizov, A. M. *Dnevnik myslei: 1943–1957 gg*. Vol. 1, *May 1943 – January 1946*. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo "Pushkinskii Dom," 2012.

- Rittenberg, S. Review of *Maiatnik*, by V. Bulich. *Zhurnal Sodruzhestva* 5 (1934): 29.
- . Review of *Ukhod*, by Z. Shakhovskaia. *Zhurnal Sodruzhestva* 10 (1934): 29.
- Rogalia-Levitskii, Iu. "Gore-avtory nashego zarubezh'ia." *Vozrozhdenie* 30 (1953): 174–86.
- Roskina, N. *Chetyre glavy: Iz literaturnykh vospominanii*. Paris: YMCA Press, 1980.
- Rozental', I. S. *N. Valentinov i drugie: XX vek glazami sovremennikov*. Moscow: Novyi khronograf, 2015.
- Russkaia poeziia Kitaia: Antologiiia*. Edited by V. Kreid and O. Bakich. Moscow: Vremia, 2001.
- Serman, I. "Grigorii Iakovlevich Aronson." In *Evrei v kul'ture Russkogo Zarubezh'ia: Stat'i, publikatsii, memuary, esse*. Edited by M. Parkhomovskii. Vol. 4, 1939–1960, 528–37. Jerusalem: n. p., 1995.
- Shefner, V. "Poeziia sil'nee, chem sud'ba." In *Ob Anne Akhmatovoi. Stikhi, esse, vospominaniia, pis'ma*, 411–16. Leningrad: Lenizdat, 1990.
- Shrayer, M. D. "Byl li Nabokov literaturnym zhenonenavistnikom?" Translated from the English by Vera Polishchuk. *Revue des Études Slaves* 72, no. 3–4 (2000): 531–40.
- Shvetsov, S. "Novye stikhi Margarity Aliger." *Krasnaia nov' 3* (1941): 206–08.
- Stat'eva, V. *Nochnye ogni: Stikhotvoreniia. Proza*. Published, edited and annotated by S. Shargorodskii. N. p.: Salamandra P.V.V., 2020.
- Struve, G. Review of *Soviet Literature: An Anthology* by George Reavey and Marc Slonim. *The Slavonic and East European Review* 12, no. 35 (1934): 476–79.
- Sventitskii, A. "Liki poetov. II. Georgii Ivanov ('Veresk')." *Zhurnal zhurnalov* 35 (1916): 13.
- Svichenskaia, M. K. "Bukhshtab i drugie." In *Arkhiv uchenogo-filologa: Lichnost'. Biografiia. Nauchnyi opyt: Sbornik nauchnykh statei*, 137–63. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo "Pushkinskii Dom," 2018.
- Tamarina, R. M. *Shchepkoi – v potoke...: Dokumental'naia povest', stikhi, poema*. Almaty: Zhazushi, 1991.
- Timenchik, R. "O trudakh i dniakh Akhmatovoi." Review of *Letopis' zhizni i tvorchestva Anny Akhmatovoi*. Vol. 1, 1889–1917, by V. Chernykh. *Novoe literaturnoe obozrenie* 29 (1998): 409–28.
- . "Iz Imennogo ukazatel'ia k 'Zapisnym knizhkam' Akhmatovoi." In *Anna Akhmatova: Epokha, sud'ba, tvorchestvo: Krymskii Akhmatovskii nauchnyi sbornik*. Vol. 4, 142–80. Sympheropolis: Krymskii Arkhiv, 2006.

- . “‘Zapisnye knizhki’ Anny Akhmatovoi: Iz ‘Imennogo ukazatelja.’ I.” In *Etkindovskie chteniia II–III: Sbornik statei po materialam Chtenii pamiati E. G. Etkinda*. Edited by P. L. Vakhtina, A. A. Dolinin and B. A. Kats, 214–75. Saint-Petersburg: Izdatel’stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2006.
- . “‘Zapisnye knizhki’ Anny Akhmatovoi: Iz ‘Imennogo ukazatelja.’” In *Stikh, iazyk, poeziia: Pamiati Mikhaila Leonovicha Gasparova*, 614–39. Moscow: RGGU, 2006.
- . “Iz Imennogo ukazatelja k ‘Zapisnym knizhkam’ Akhmatovoi.” In *Memento vivere: Sbornik pamiati L. N. Ivanovoi*. Saint-Petersburg: Nauka, 2009.
- . “Iz Imennogo ukazatelja k ‘Zapisnym knizhkam’ Akhmatovoi (K voprosu o tekhnicheskikh problemakh kommentirovaniia).” In *Lesnaia shkola: Trudy VI Mezhdunarodnoi letnei shkoly na Karel’skom peresheike po russkoi literature*, 143–72. Poselok Poliany (Uusikirko) Leningradskoi oblasti: n. p., 2010.
- . “Iz Imennogo ukazatelja k ‘Zapisnym knizhkam’ Anny Akhmatovoi.” In “...Kak v proshedshem griadushchee zreet...”: *Poluvekovaia paradigma poetiki serebrianogo veka*, 289–330. Moscow: Izdatel’skii tsentr “Azbukovnik,” 2012.
- . *Poslednii poet. Anna Akhmatova v 60-e gody*. 2nd ed. Vol. 1. Jerusalem and Moscow: Gesharim; Mosty kul’tury, 2014.
- . *Poslednii poet. Anna Akhmatova v 60-e gody*. 2nd ed. Vol. 2, *Snoski i vynoski*. Jerusalem and Moscow: Gesharim; Mosty kul’tury, 2014.
- . *Angely. Liudi. Veshchi: V oreole stikhov i družei*. Moscow and Jerusalem: Mosty kul’tury; Gesharim, 2016.
- . *Podzemnye klassiki. Innokentii Annenskii. Nikolai Gumilev*. Moscow and Jerusalem: Mosty kul’tury; Gesharim, 2017.
- . “Iz Imennogo ukazatelja k ‘Zapisnym knizhkam’ Akhmatovoi.” *Slavica Revalensia* 5 (2018): 256–312.
- . “Iz Imennogo ukazatelja k ‘Zapisnym knizhkam’ Akhmatovoi.” *Wiener Slavistisches Jahrbuch. Neue Folge* 6 (2018): 207–35.
- . “Iz Imennogo ukazatelja k ‘Zapisnym knizhkam’ Akhmatovoi.” In *Across Borders: 20th Century Russian Literature and Russian-Jewish Cultural Contacts. In Honor of Vladimir Khazan*. Edited by Lazar Fleishman and Fedor Poljakov. Stanford Slavic Studies. Vol. 48, 29–44. Berlin et al.: Peter Lang Verlag, 2018.

- . *Istoriia kul'ta Gumileva*. Moscow: Mosty kul'tury, 2018.
- . “Uspekhi Anny Akhmatovoi.” *Literaturnyi fakt* 9 (2018): 244–63.
- . “Vmesto kommentarii.” *Ierusalimskii zhurnal* 52 (2019): 139–41.
- . “Iz Imennogo ukazatel'ia k ‘Zapisnym knizhkam’ Akhmatovoi.” *Wiener Slavistisches Jahrbuch. Neue Folge* 7 (2019): 270–87.
- Tregub, S. “Nado by dorugat'sia.” *Novyi mir* 2 (1941): 204–30.
- Tsingovatov, Iu. “Iunaia poetessa.” *Prostor* 4 (2015): 70–74.
- Tsybulevskii, A. *Poetika dopodlinnosti: Kriticheskaia proza. Zapisnye knizhki. Fotografii*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017.
- Ul'ianov, N. I. “Vnuki Leskova.” *Vozrozhdenie* 22 (1952): 159–71.
- . *Skripty*. Ann Arbor: Hermitage, 1981.
- Vidgof, L. M. *Osip Mandel'shtam v raznykh rakursakh: Stat'i i memuary*. Moscow: Vodolei, 2021.
- Vilenskii, D. *Na*. Moscow: n. p., 1922.
- Vol'pin, V. “Anna Akhmatova (Literaturnyi siluet).” *Burevestnik* 1 (1917): 9–15.
- Zabezhinskii, G. Review of *Lesnoe solntse*, by L. Alekseeva. *Novyi zhurnal* 39 (1954): 291.
- Zheltova, N. Iu. “Grigorii Finn. Pasmurnye ptitsy. Stikhi 1918–1920 godov.” Published and annotated by N. Iu. Zheltova. *Filologicheskaja regionalistika* 10, no. 1–2 (2018): 54–60.

ЭПИСТОЛЯРИЯ КАК ЛИТЕРАТУРНЫЕ БЕСЕДЫ: ПИСЬМА Г. В. АДАМОВИЧА А. В. БАХРАХУ

О. Р. Демидова

(С.-Петербург)

Отложившийся в собрании Александра Бахраха корпус писем Георгия Адамовича¹ составляет часть его обширного эпистолярного наследия 1940-х – начала 1970-х гг., тематически во многом перекликаясь с письмами Адамовича к И. А. и В. Н. Буниным², А. С. Гингеру и А. С. Присмановой, З. Н. Гиппиус³, Г. В. Иванову и И. В. Одоевцевой⁴, С. Ю. Прегель⁵,

¹ The Bakhmeteff Archive of Russian and East-European History and Culture (BAR), Columbia University, New York (далее – BAR). Coll. Bacherac. Box 1. Folders 1–16. Adamovich, без нумерации листов (далее письма цитируются по сверенной с оригиналами электронной копии с сохранением особенностей авторской орфографии и пунктуации и с указанием даты в тексте).

Общее число писем 176, часть из них не датированы; хронологические рамки эпистолярного корпуса – 1940–1972 гг., география – Париж, Ницца, Лондон, Манчестер, Нью-Йорк; пик переписки приходится на 1940-е – 1950-е гг.

63 письма 1940–1953 гг. с ошибками в прочтении, купюрами и пропусками опубликованы в: Крейд и Крейд 1999а: 98–146; Крейд и Крейд 1999б: 41–82; кроме того, одно письмо от 15 марта 1965 г. опубликовано В. Крейдом в подборке писем Адамовича из архивного собрания С. Прегель и В. Руднева Иллинойского университета (см.: Крейд 1994: 316–317, с ошибочным указанием А. С. Гингера как адресата и с обращением в начале письма: «Дорогой Александр Васильевич!»). Письма после 1953 и до 1972 гг. опубликованы В. Крейд в «Новом журнале» (см.: Крейд 2001а: 70–98; Крейд 2001б: 148–185; Крейд 2002: 151–191; Крейд 2003: 130–155).

² Переписку Адамовича с Буниными 1926–1961 гг. см.: Коростелев, Дэвис 2004: 8–164.

³ Письма Адамовича З. Н. Гиппиус хранятся в собрании Центра русской культуры Амхерста (Amherst Center for Russian Culture. Z. Gippius and D. Merezhkovsky Papers. Box 1. Folders 6–10); опубликованы в: Богомолов 2002: 435–535.

⁴ Письма Адамовича Г. И. Иванову и И. В. Одоевцевой хранятся в собрании Beineke Rare Books and Manuscript Library, Yale University; опубликованы в: Коростелев 1997: 391–501.

⁵ Письма Адамовича А. С. Гингеру, А. С. Присмановой и С. Ю. Прегель 1951–1972 гг. хранятся в архивном собрании В. Руднева и С. Прегель University of Illinois Urbana-Champaign; опубликованы в «Новом журнале»: Крейд 1994: 258–319; републикация: Адамович 1996: 393–414; цитируются по «Новому журналу».

А. А. Полякову⁶, Л. Д. Червинской⁷, В. С. Яновскому⁸ и др. Переключки относятся прежде всего к сфере профессиональной: многие из адресатов Адамовича принадлежали к миру литературы, поэтому значительная часть писем касается литературных дел каждого из них и общего положения эмигрантской словесности, а равно и бытия писателей в военные и послевоенные годы. Кроме профессиональных интересов, переключки обусловлены тем, что можно было бы назвать перекрестной дискурсивной (авто)цитатностью: поскольку переписывались «все со всеми» и у каждого автора были во многом одни и те же адресаты, в свою очередь, выступавшие авторами встречных писем, единый эмигрантский эпистолярный дискурс⁹ складывался из множества «парных», «тройных» и пр. т. п. фрагментов-цепочек, что делало повторы и автоповторы неизбежными.

Длившаяся с различной степенью регулярности тридцать лет переписка с Бахрахом¹⁰ не составляла исключения, являясь

⁶ Письма Адамовича А. А. Полякову хранятся в: BAR. Coll. A. A. Poliakov. Box 1. Adamovich. Folders 1–18; цитируются по копиям с оригиналов.

⁷ Письма Адамовича Л. Д. Червинской 1952–1972 гг. хранятся в: BAR. Ms Coll. Adamovich; частично опубликованы нами в «Вестнике Крымских литературных чтений»: Демидова 2006: 110–138 (22 письма 1952–1955 гг.).

⁸ Письма Адамовича В. С. Яновскому хранятся в: BAR. Ms Coll. Yanovsky. Box 1. Folder 1. Adamovich; частично (12 писем 1945–1956 гг.) опубликованы в: Крейд и Крейд 1999: 121–140; цитируются по копиям с оригиналов.

⁹ Об эпистолярном дискурсе и роли эпистолярности в жизни эмиграции см.: Демидова 2015: 314–326.

¹⁰ Встречная часть переписки, вероятнее всего, не сохранилась, поскольку Адамович, за редкими исключениями, корреспонденции личного характера не хранил, см., напр., его письмо к Бунину от 22 июня 1948 г.: «Я очень люблю получать от Вас письма и мой “архив” только из них и состоит. Другие все летят в печку или в корзину» (Бунин 2004: 85); ср. письма Бахраху от 1 августа 1947 г. («Пожалуйста, рвите мои письма, а то когданибудь мои исследователи и комментаторы их напечатают – и будет скандал. До исследователей же они у Вас валяются на столе, где Ваши друзья могут бросить нескромный взор на них») и 4 марта 1957 г.: «Не писал я Вам действительно долго. Отчасти потому, что меня чем-то разозлило Ваше предыдущее письмо (не помню, чем, а письмо сжег, как все)»; впрочем, в письме от 1 января 1957 г. Адамович, призывая Бахраха ответить ему как можно скорее, не без иронии замечает: «Когданибудь издадим для потомства»; см. также письмо от 2 мая 1965 г.: «Читая Вас, позавидовал, что у Вас есть “архив”. У меня, когда я помру, не останется ничего. Нет,

не только обменом новостями между двумя приятелями, но прежде всего – перепиской литераторов, сообщающих друг другу новости о жизни членов сообщества в годы оккупации¹¹ и в послевоенные годы; о старых и новых книгах и периодических изданиях¹²; о литературных и политических скандалах, которыми изобиловало первое десятилетие после освобождения Парижа и окончания войны; о ссорах, противостояниях и разгоравшихся по разным причинам – далеко не всегда литературным – «войнах»¹³; о жизненных и творческих планах, о «смене вех» и мн. др. Среди «многого другого» были и события сугубо личного характера: например, рассказ Адамовича о тяжбе с некоей м-м Гурфинкель по поводу плагиата¹⁴, его поздравление Бахраху в связи с получением

кое-что останется, и именно в Иельском Ун<иверсит>-те, у Раннита. Последняя моя продажа ему – письмо Жида, очень лестное (вопреки Вашей клевете, что он счел меня болваном), за 120 долларов».

¹¹ См., напр., ответ Адамовича на вопрос Бахраха о судьбе Ю. Фельзена: «О Фельзене я ничего не знаю. То, что он был в Лионе – для меня новость. Не знаю, радоваться ли этому, т. к. подозрительно его молчание после – но все таки я за него теперь спокойнее» (недатированное письмо начала 1940-х); Фельзен погиб в немецком концлагере в 1943 г.; подробнее см.: Ливак 2001: 47–70; см. также статью Адамовича «Смерть и время» (Адамович 1946: 171–182), в которой он вспоминает погибших в годы войны писателей: Ю. Фельзена, Б. Вильде, мать Марию (Е. Кузьмину-Караваеву) и умершего в 1942 г. в швейцарском санатории от чахотки А. Штейгера.

¹² Одна из центральных тем переписки второй половины 1940-х – 1950-х гг. – судьба послевоенной эмигрантской газеты просоветской ориентации «Русские новости» (Париж, 1945–1970), в которой сотрудничали Адамович и Бахрах, и планы организации нового издания демократического толка; подробнее см.: Демидова О. Р. «Георгий Адамович: От “Русских новостей” к “Русской мысли”» (в печати).

¹³ См., напр., письма от 11 сентября 1952 г., 17 октября 1954 г. и 14 ноября 1954 г., передающие парижскую атмосферу тех лет: «Все поэты перессорились, до меня только доходят слухи, что один врун, другой – нахал, третий – подлец, et ainsi de suite»; «В Париже я провел три недели. После юга, Ниццы и всего такого он мне вообще казался мрачен, а тут еще стоны со всех сторон: кто болен, кто нищ, кто безнадежно влюблен. Сплошной общий вопль»; «Из Парижа – новостей мало. Лида стонет (деньги и Ноля). Другие по мере сил сплетничают, но неинтересно». *Ноля* – Арнольд Самсонович Блох, близкий друг Червинской.

¹⁴ Причиной тяжбы явилось то, что г-жа Гурфинкель в 1954 г. издала книгу под названием «L'autre patrie», полностью повторяющим название книги Адамовича 1947 г., что он расценил как плагиат, см. его письма Бахраху от 27 января и 24 февраля 1954 г.: «Я в переписке с Editions du Lenil насчет сочинения г-жи Гурфинкель. Они мне указывают, что L.U.T. est liquide и distribution de mon livre terminée. Я им отвечаю:

последним французского гражданства (см. письмо от 1 августа 1947 г.: «Поздравляю с производством во французы – и завидую»), а через некоторое время – в связи с помолвкой и женитьбой; уведомление о запрошенной у Адамовича рекомендации Бахраху для принятия его в ложу «Юпитер» (письмо от 18 июля 1956 г.)¹⁵; начиная с середины 1950-х гг. весьма актуальной становится тема болезней автора и адресата писем¹⁶. Кроме того, почти во всех письмах упоминаются

да, может быть, но книга моя есть еще в продаже. Они могут спросить: где? Вот тут и дельце к Вам: Вы вероятно бываете у Каплана. Если у него нет “L’Autre patrie” (была) попросите его взять у Plon 1–2 экземпляра. Пусть они у него стоят. А если он боится, что не продаст, скажите, что я их у него куплю сам, как делает Даманская. Пожалуйста, сделайте это. Пусть и Plon – на случай чего – подтвердит, что книга еще требуется. “Seuil” отвиливает и между прочим пишет ерунду, что прошел “un laps de temps convenable”. А моя книга вышла в 1947 году, и 6 лет – никак не convenable! Я бы оставил их и Madame Gourfinkel в полном покое, если бы они мне за laps convenable заплести une somme convenable»; «С “Seuil” переписка моя оборвалась на том, что они хотели бы меня видеть. Сначала писали почти нахально, а потом стали любезнее, т. к. почувствовали, что я собираюсь судиться. Надеюсь, что свидание кончится вручением чека, и пусть Гурфинкельша тогда выпускает хоть еще книжку под тем же заглавием. Вопрос: сколько?»

¹⁵ «Одновременно с письмом от Вас получено письмо от Ермолова с просьбой сказать, что я о Вас думаю. Ответ мой останется вечной тайной. Но предупреждаю, что я, как человек серьезный и уважаемый, ответил тоже серьезно – ничего в своих суждениях о Вас не скрывая и подчеркнув, что особых посвятительных и миссионерских надежд связывать с Вами, при Вашем скепсисе, нельзя. Voila. Остальное покажет будущее. Никаких тайн Вам открывать при первых беседах никто не станет, будет разговор общий, о погоде или об Алжире, но Ермолов достаточно опытен, чтобы сквозь погоду уловить то, что ему нужно»; завершение этого сюжета см. в письме от 4 декабря 1956 г.: «Очень рад, что 20го – ежели буду жив и в Париже – я проткну Вас шпагой. Мне сообщил об этом Ермолов, кстати сообщивший и то, что он больше не председатель Юпитера».

¹⁶ Впервые тема болезней появляется в письме от 14 февраля 1955: «К тому же я сейчас – в немощах и болезнях. Был грипп, а теперь болят глаза, да так, что я сижу в темных очках, а пишу или читаю только вопреки доктору, категорически это мне запретившему. Сегодня чуть-чуть лучше, вот я и собрался ответить на письмо Ваше, давно уже у меня лежащее»; в письмах от 31 октября и 14 декабря 1964 гг. Адамович сообщает Бахраху о первом инфаркте, в следующих письмах, отвечая на вопросы Бахраха, подробно пишет о симптомах и о своем состоянии; ср. письма Гингеру от 20 февраля 1955 и 14 декабря 1964 гг. (Крейд 1994: 273, 316); кроме того, в письме от 31 октября 1964 г. Адамович откликается на известие о случившемся с Бахрахом «казусе» (травме ноги), о котором идет речь также в письмах от 20 ноября, 14 и 27 декабря 1964 и 3 февраля 1965 гг.

регулярные встречи «для покера», на которые собирались заядлые картежники Адамович и Гингер в доме матери Бахраха Р. Г. Дижур, и во многих – подробные «реляции» о состоянии ее здоровья и советы, касающиеся сложных внутрисемейных дел.

Инициатором возобновления прерванных событиями лета 1940 г. эпистолярных отношений был, вероятнее всего, Бахрах, см. первое из писем Адамовича к нему, не датированное, но, судя по содержанию, написанное не ранее октября 1940 г.¹⁷: «Спасибо за письмо. Я был очень рад получить его и узнать, что Вы все живы и здоровы. Кроме того, был рад, что вспомнили обо мне. *Pas les temps qui court* всякий знак внимания дорог. Я живу в полном одиночестве, если не считать семьи, конечно. Никого и ничего. Не могу сказать, чтобы меня это тяготило – но сколько это продлится? Ницца опустела совсем, “иных уж нет, а те далече”¹⁸. <...> Кажется, в первый раз в жизни написал Вам такое большое письмо» (подчеркивание Адамовича. – О. Д.).

Уже в первом письме задается не только установка на выраженную литературность, но и те уровни, на которых она эксплицируется: новости литературной жизни и жизни литераторов; критические оценки прочитанного; вызванные определенным текстом размышления философского порядка; многочисленные аллюзии и прямые (авто)цитаты. Подобная литературоцентричность характерна для всех писем Адамовича собратьям по перу, своей преимущественной ориентацией на нее, своей фрагментарностью, аллюзивностью и кажущейся «неточностью» и недоговоренностью отчетливо напоминающих его знаменитые «Литературные беседы»¹⁹, с которых начался путь Адамовича-критика в эмиграции. Разумеется, Адамович, тонко чувствующий адресатов, неизменно

¹⁷ Ср.: «Скажите пожалуйста Вере Николаевне, что я с ужасом вспомнил в октябре, что было 17 сентября!», т. е., День Ангела В. Н. Буниной, с которым он забыл ее поздравить.

¹⁸ Ср. описание послевоенного Парижа в письме к В. С. Яновскому от 26 декабря 1945 г.: «А вообще в Париже – мерзость и запустения <sic! – О. Д.> вероятно безвыходная» (BAR. Ms Coll. Yanovsky. Box 1. Adamovich. Folder 1, без нумерации листов).

¹⁹ Полный корпус «Бесед» с предисловием и комментариями О. А. Коростелева см.: Адамович 1998.

старается найти нужный тон с каждым из собеседников²⁰, и все же представляется возможным говорить об ориентации на профессионально ориентированную диалогичность как о типологической специфике его эпистолярии и об инварианте дружественного «литературно-философического» письма-свободно текущей беседы как ее основе²¹. В переписке с Бахрахом эта особенность явлена в полной мере²².

В цитированном выше первом письме, отвечая на вопрос Бахраха о судьбе Лулу Каннегиссер, сестры Леонида Каннегиссера, Адамович сопоставляет не вызывающий у него сомнений трагический финал ее жизни (гибель в концлагере) с пришедшейся на первое десятилетие двадцатого века юностью, полной радостных надежд и светлой веры в будущее, которое, казалось, ей «улыбалось», и в связи с этим пассажем отсылает Бахраха к «Нездешнему вечеру» М. Цветаевой, очень точно передающему самый дух эпохи и петербургского дома Каннегиссеров: «Кстати, прочтите, если найдете, этот “Нездешний вечер”. Она была конечно “царь-дура”, но это она написала все таки больше как царь, чем как дура, и местами неподражаемо – метко и верно». Весьма показательны в этом фрагменте не только высокая оценка текста Цветаевой, но и автоцитата, восходящая к известному противостоянию Адамовича с нею в межвоенные годы²³.

И уже почти в финале письма Адамович как будто «между делом», продолжая начатый какое-то время назад разговор, признается Бахраху в своем последнем литературном «пристрастии», сопровождая признание развернутой оценкой и не без доли легкой самоиронии делясь с адресатом возникшими во время чтения мыслями и планами: «Знаете, чем я сейчас увлекаюсь и во что

²⁰ Подробнее об этом см.: Демидова 2000: 153–162.

²¹ Подробнее о традиции дружеского письма см.: Тодд 1994.

²² См., напр., полушутливое-полусерьезное признание Адамовича в письме от 10 мая 1953 г.: «Я когда Вам пишу, то будто сижу в кафэ и болтаю, что придется»; ср. финал письма от 17 ноября 1953 г.: «Ну, cheri, до свидания. Очень я разболтался».

²³ Подробнее об этом см.: Коростелев 2000: 3–12; перепечатано в: Коростелев 2013: 195–205.

погружен: Saint-Simon. Это удивительный писатель, совсем первый сорт, и с такими подробностями, что весь Людовик XIV со всем своим невероятным двором как живой, будто все это только вчера было. И до чего люди всегда те же и всякая суета сует до чего вечна. Самое странное, что он иногда, когда начинает захлебываться от злобы и страсти, делается похож на Достоевского. Надо бы это запомнить, чтоб когда воскреснут “Посл<едние> Новости” щегольнуть таким эффектным сравнением».

Спектр передаваемых Адамовичем Бахраху новостей о литераторах и о фактах литературного быта весьма широк. В военные годы, когда письма сделались единственным средством сообщения между т. н. свободной и оккупированной зонами Франции, другими европейскими странами и Америкой и, соответственно, единственным доступным эмигрантскому сообществу источником информации, Адамович сообщает сведения о жизни и судьбе друзей, коллег, близких и дальних знакомых: арестованных, отправленных в концлагеря, погибших, собирающихся эмигрировать или уже эмигрировавших за океан. В первые послевоенных годы к ним добавляются известия политического характера, бывшие весьма актуальными на фоне двух центральных для диаспоры тем: коллаборантства в годы войны, обвинениям в котором и соответствующим гонениям подверглись многие литераторы²⁴,

²⁴ См., напр., отзвуки «дела Берберовой» в недатированном письме предположительно середины августа 1947 г. и 1 сентября 1947 г.: «Пишу Вам по делу. Получил сегодня письмо от Берберовой. Она сообщает, что к ней – нет, к Макееву – явился “хорошо ему известный человек” и сказал, что вскоре будет опубликовано факсимиле ее письма ко мне, в котором есть такая фраза: “русским писателям в сущности нет дела до борьбы различных рас между собой”. У них осталось впечатление, что это шантаж. Письмо будто бы находится у какого-то “третьего лица” – и как будто требует выкупа. Ninon предлагает мне ответить – как ей реагировать на такие визиты? Я ей отвечаю: реакция одна – дать гостю по морде; каким образом письмо, адресованное мне, попало в руки “третьего лица” – не знаю; было ли такое письмо – не помню; если бы такое письмо было опубликовано с указанием моего имени – подаю в суд. Делюсь я всем этим с Вами во первых потому, что Вы мой конфидент, а во вторых – потому, что может быть Вы чтонибудь по этому делу знаете. Кто мог у меня украсть письмо? Мог ли комунибудь его дать сам? Зачем? Ничего не помню. Не помните ли Вы чегонибудь из наших разговоров в Ницце? У меня есть одно предположение, откуда идет шантаж – если Вы догадливы,

и послевоенного советофильства, в котором, среди прочих, обвинялись И. А. Бунин и А. М. Ремизов, а также и Адамович с

то догадаетесь. Но неужели это возможно? *Ce serait* все таки слишком чудовищно и глупо. А где письмо могло бы быть напечатано. Не у нас же?! Где же больше? Скорей всего это только угроза обнародования – для вымогательства. *Cher petit*, напишите мне Ваши соображения об этом. Вы все и всех знаете. Пишите откровенно, без страха – я письмо Ваше порву сейчас же, клянусь. *Je trouve cette affaire plutot degantante*, и мне очень неприятно касательство к ней. В сущности, ничего уж столь одиозного в фразе *Ninon* нет. Шантаж на авось. <...> Жду ответа. Ваш Г. А. *Tout cela est strictement entre nous*, пожалуйста. Никому не говорите ничего, не то еще пойдут новые сплетни; «Все это в общем чепуха. Спасибо за обстоятельный ответ, но в макиавелизм *Ninon* дошедшей до такой каверзости – не верится. Хотя и в шантаж верить трудно – слишком ясно, что откупаться она не станет. Покойник Ходасевич действительно мог бы такой ход придумать для подкопа под врага – но едва ли она. Однако Вы не поняли моего намека на источник возможного шантажа: о П.<олонском> я никак не думал и знаю, что на это он не способен. Я теперь так боюсь писать, что видите имен не называю – а то как Чичиков “пострадал от людской несправедливости”. Здесь я показал письмо *Ninon* только Алданову, который конечно только промычал и развел руками. Поговорим обо всем этом при встрече».

Николай Васильевич Makeev (1889–1973) – писатель, публицист; второй муж Берберовой. См. о нем: Берберова 1996: 433–435, 464; Берберова 1997: 175; Винокурова 2014: 200–214.

Ср. воспоминания Яновского: «Весною 1941 года <...> Адамович мне рассказал об открытке, полученной недавно Буниним от Берберовой; она приглашала Ивана Алексеевича вернуться из свободной зоны в Париж, уверяя, что “теперь объединение всей русской эмиграции вполне возможно”. – Стерва, еще подводит идейную базу! – решили мы посмеиваясь» (Яновский 1983: 51); см. также письмо М. Алданова Адамовичу от 16 апреля 1946: «Поскольку же дело идет о Берберовой, то ведь отрицательное отношение к ней здесь года четыре тому назад установилось в значительной мере именно вследствие В а ш е г о чрезвычайно резкого письма о ней к Александру Абрамовичу <Полякову. – О. Д.> и [почти] столь же резкого отзыва о ней в разговоре с Яновским в Ницце. Ваше письмо и привезенный Яновским отзыв были, кажется, первыми, позднее последовали другие» (BAR. Coll. Aldanov. Vox 1; разрядка Алданова. – О. Д.); ср. письмо А. Седых Бахраху от 26 августа 1981: «Отлично помню, как Адамович принес на Променад де-з-Англэ ее открытку из Парижа: “Вам надо вернуться. Нас обманывали. Открываются громадные возможности работы в России”. После чего Ив<ан> Ал<ексеевич>, Алданов и я решили порвать с ней всякие отношения. К бойкоту присоединился позже и А. А. Поляков. Ив<ан> Алексеевич, по слабости характера, ее позже амнистировал, но Алданов, я и Поляков сохранили к ней полное презрение» (BAR. Coll. Vacherac. Vox 5). Подробнее о «деле Берберовой» см.: Будницкий 1999: 141–173; Винокурова 2019: 162–176; см. также статью С. Франк, в которой на основании неверного прочтения цитированного выше письма Адамовича Бахраху от 14 августа 1947 г. делается вывод о виновности Берберовой: Frank 2018: 602–620; анализ этой ошибки см. в: Винокурова 2019: 176.

Бахрахом, сотрудничавшие в просоветских «Русских новостях» (первая публикация Адамовича в газете появилась 18 мая 1945 г.). С этим сотрудничеством связаны новости, касающиеся положения дел в редакции газеты, внутри-редакционных противостояний²⁵, поступивших литературных материалов²⁶. С ним же связана довольно болезненная тема запятнанной репутации, неоднократно «откликавшаяся» и после ухода Адамовича из газеты в конце 1949 г.²⁷

Начиная со второй половины 1940-х гг., по мере возрождения литературной жизни в письмах появляются упоминания о новых периодических изданиях, планируемых, готовящихся или уже вышедших в свет²⁸; о деятельности парижских литературных

²⁵ См., напр., письма от 29 июня (?) 1948 г., <августа> 1949 г., 24 августа, 10 сентября 1949 г., 8 февраля и 3 марта 1950 г., 26–28 марта 1953 г. и др.

²⁶ См. письма от 1 августа 1947 г., недатированное письмо лета 1948 г., 9 августа и 9 октября 1948 г., 3 и 10 сентября 1949 г.

²⁷ См., напр., недатированное письмо августа 1949 г., в котором Адамович рассказывает о неодобрении его решения принять участие в «Русских новостях», постфактум выраженного М. А. Алдановым: «Т. е., в 1945 году! На что я ему бурно возразил, что от тогдашнего желания целоваться со Сталиным не отрекаюсь!»; см. также письмо от 11 августа 1952 г., в котором Адамович пишет, что «коллаборация со Ступницким и Ратнером <т. е., участие в «Русских новостях». – О. Д.> очевидно все еще остается пятном на репутации»; ср. письмо от 29/VII–53 г.: «Кстати, Чиннов (по рассказу Гринберга) хотел написать в какой-то мюнхенской русской газетке статью об «Опытах». Ему поставили условием: ни слова об Адамовиче и Вейдле. Первое – в порядке вещей, но второе? Вероятно это уже результат тамошней склоки». Ср. письма Адамовича А. А. Полякову от 20 июля 1945 г., 29 мая 1947 г. и 11 июня (?) 1956 г.: «Ваш иронический вопрос о сменевеховстве – для меня ясен в смысле Вашего отношения к нашим здешним настроениям. Спорить не стоит и не к чему. Но знаете, самое грустное во всем этом то, что если бы мы были в Нью-Йорке то думали бы как Вы, а Вы, если бы были в Париже, думали бы, как мы. Исключений нашлось бы немного. «Бытие определяет сознание», т. е., не совсем бытие, а среда, воздух, окружение, – и сознание вовсе не так свободно, как считает себя»; «О газете нашей не пишу, зная Ваше к ней отношение. <...> если бы Вы были здесь, то многое истолковали бы иначе. Если не разумом, то инстинктом. Здесь положение такое, что «или – или». А второе «или» – это бывшие немецкие друзья»; «Кстати, я ничуть не раскаиваюсь в своем участии в «Русских» Н<новостях>» и продолжаю считать, что тогда это было правильно. М. б., только ушел я оттуда поздно, надо было бы раньше!» (BAR. Mss Coll. A. A. Poliakov).

²⁸ До начала 1950-х гг. особый интерес вызывали проекты (нереализованные) создания новой газеты (см. письма от [августа], 24 августа, 3 и 10 сентября 1949 г., 8 февраля и 2 марта 1950 г., 24 июля, 8 августа и 30 декабря 1951 г., 16 (без указания месяца, предположительно – февраля) 1952 г.; кроме того, в письмах от 14 августа

объединений²⁹ и салонов, в частности, известного «Неточкиного» (секретаря Объединения русских писателей и поэтов А. М. Элькан) салона на рю Тильзит и о происходивших там регулярных собраниях³⁰; об изданных книгах и обстоятельствах их издания и финансирования³¹; о планах подготовки необходимых для

и 1 сентября 1947 г. упоминаются (без названия) альманах «Орион», единственный номер которого вышел в свет в Париже в 1947 г. (ред. Ю. Одарченко, В. Смоленский, А. Шайкевич); в письмах от 15 февраля и 28 июля 1953 г. и 11 февраля 1957 г. – нью-йоркский журнал «Опыты», в письме от 29 января 1962 г. впервые упомянут мюнхенский журнал «Мосты», с которым Адамович сотрудничал, см., напр. его статьи «О нас и о французах», «Пушкин», «На полях “Реквиема” Анны Ахматовой», «Об Александре Гингере», «Зинаида Гиппиус» (1961. № 8. С. 106–112; 1962. № 9. С. 144–152; 1965. № 11. С. 206–210; 1966. № 12. С. 266–268; 1968. № 13–14. С. 204–208); кроме того, в «Мостах» был опубликован фрагмент перевода С.-Ж. Перса «Анабазис», выполненный Адамовичем в соавторстве с Г. Ивановым; публикация была осуществлена по изданию: Перс 1926; см. отклик Адамовича на журнальную публикацию в письме от 29 января 1962 г.: «P. S. Не могу ничего ответить о “Мостах”, ибо получил их в день отъезда и оставил в Париже, во внимание к тяжести этого тома. Но спасибо за лестный отзыв о моей там статейке. Бербериха настаивала будто бы, чтобы печатать Перса полностью, а я хотел бы знать, кто этот опус прочел, и в силах был прочесть, хотя бы в отрывках! Вот тема: “о жульничестве новой поэзии”». «Статейка» – упомянутая выше статья, в которой Адамович рассуждает о переводе «Анабазиса».

²⁹ См. напр., письмо от 8 апреля 1952 г.: «Вчера было заседание Объединения (правление). Ваша отставка от всех должностей и участия <читается предположительно. – О. Д.> зарегистрирована. На Ваше место верно будет введен Чиннов. Общее собрание решили отложить, т. к. негде и некого собирать, а я свои председательские функции передал Терапьяне, оставшись членом правления. Все это запечатлено протоколно, на французском языке»; речь идет об Объединении русских писателей и поэтов, председателем которого Адамович был с 12 мая 1950 г. (избран на общем собрании, состоявшемся у А. М. Элькан).

³⁰ Собрания в этом салоне упоминаются достаточно часто и неизменно иронически, см., напр., письмо от 11 декабря 1952 г.: «В Париже – бури в стакане тильзитно-неточкиной воды, гл. образом из за Оцупа, который чудит и дерзит. Но при этом – еженедельные обсуждения смысла жизни по Рудольфу Штейнеру и Терапиано. Главная vedette кажется Померанцев»; ср. письмо от 25 ноября 1953: «Меня озадачило и даже вдохновило известие, что Неточка переезжает к дочери <...> Как же без rue Tilsith? Это совсем конец русской литературы».

³¹ Например, в письме от 25 апреля 1952 г. Адамович после фразы «Вы просите сплетен: их нет у меня» сообщает, что «Тэффи бодра и привычно-язвительна (по адресу Даманской, умудрившейся пристроить свой роман в нью-иоркском изд-ве и получить аванс)»; речь идет о романе А. Ф. Даманской «Миранда», принятом к изданию в нью-иоркском Издательстве имени Чехова (вышел в свет в 1953 г., см. рецензию Адамовича: Новое русское слово. 1953. 26 июля); далее следует намеренно юмористический

эмиграции книг, например, биографии И. А. Бунина (впервые: письмо от 20 июля 1952 г.) и посвященного ему мемориального тома (впервые: в письме от 17 ноября 1953 г.)³², а через два года после смерти Бунина – о судьбе его архива (впервые: письмо от 13 августа 1955)³³; о появлении новых литературных

перечень событий «литературной» жизни: «Присманова угощала уткой, а в общем все то же. Был у Бунина, тоже – то же. Насчет Глюкберга слышал, что Вы написали вдове какое-то удивительное письмо, заставившее ее рыдать. Я у нее был, но не застал, – признаюсь, был этому рад. Что же еще? Маковский выгнал чуть ли не мордобитьем Жоржа Иванова, усомнившегося в чистоте его расчетов при передаче ему буровских денег. Как видите, жизнь кипит».

³² См. продолжение мемориальной темы в письме от 25 ноября 1953 г.: «Да, Алданов спрашивает, “написал ли Бахрах Чех<овскому> Изд<ательству> с предложением сборника памяти И<вана> А<лексеевича>?” Я ответил, что по моему Вы считаете, что это его роль и его дело. Правда? Но я думаю, что сборник лучше отложить в виду неладов из-за редакторства. Кстати, 19го февраля, в Лондоне, в эмигрант<ском> Пен-клубе будет вечер памяти И<вана> А<лексеевича> с моим председательством (!) и докладом Колина-Гершуни, по моему развязного болвана. Он меня умолил председательствовать, чтобы ему остался доклад. Но я тоже по французски скажу 2 слова. Он хотел просить В<еру> Н<иколаевну> прислать портрет И<вана> А[лексеевича]»; см. также упоминание о первой годовщине со дня смерти Бунина в письме от 14 ноября 1954 г.: «У Веры Ник<олаевны> был траурный прием, было 54 человека, все что-то говорили, даже она, но по ее словам особенно блистал и всех потряс Лень».

³³ В 1955 г. советская сторона начала предпринимать шаги для получения архива, для чего обратилась к В. Н. Буниной с предложением продать архив; посредником в этих переговорах выступил Л. В. Никулин; в результате переговоров Бунина согласилась подготовить архив для продажи, осенью 1957 г. передала представителю СССР опись вместе с частью архива, однако обещанного гонорара не получила – вместо него Совет министров СССР без согласования с нею назначил ей пожизненную пенсию; подробнее см.: Белобровцева 2020: 186–187; ср. письмо Адамовича Бахраху от 13 августа 1955 г.: «Получил Ваше письмо, а сегодня – вдогонку – второе, относительно Веры Ник<олаев>-ны. Под впечатлением пишу именно об этом деле. Мысль извлечь, что можно, из неожиданного фавора И<вана> Ал<ексееви>-ча возникла давно, сразу по получении этих сведений. Заинтересовался этим Кантор, ездивший к Маклакову советоваться. Тот приветствовал инициативу, но признал дело деликатным: просить – неудобно, требовать – опасно, т. к. может провалить все. Я лично говорил об этом с В<ерой> Н<иколаевной> которая полу-“gaga”, и мало что понимает. Сначала она упиралась, потом вдруг сообразила, что “Олечке будет это хорошо” и очень оживилась (надо Вам сказать, что Олечка – дочь Ляли Жировой – теперь почти вытеснила Ленью в заботах и любви В<еры> Н<иколаевны>). Уехал я из Парижа, когда дело было в неопределенном положении, и В<ера> Н<иколаевна> склонялась к тому, чтобы все поручить miss Bradley, нечто вроде agent littéraire. Здесь я в первый же день имел об этом разговор с Марком Ал<ександрови>-чем <Алдановым. – О. Д.>, пришедшим от этой

имен³⁴ и направлений³⁵, о переменах в жизни писателей³⁶. Подчеркнуто иронически описаны многочисленные полу-анекдотические коллизии литературного быта: история о попытке А. Ф. Даманской «покровительствовать молодежи»³⁷, конфликт С. К. Маковского и А. С. Гингера, вызванный эпитетом «матер-

затеи в неопикуемый принципиальный ужас. Помимо принципов, он утверждал, что на В<еру> Н<иколаевну> и так всех собак вешают, а тут поднимется вой и травля. Я чуть не поругался с ним из-за всех этих идиотских принципов. Но на следующий день он явился с тем, что все свои слова берет обратно и что согласен, что если несчастная старуха может дожить жизнь в довольстве – что, кстати, она заслужила! – то это реальнее принципов. А что скажет Зайцев (отчасти из зависти), не так важно. Вот мои сведения об этом деле. Как видите, Ваши призывы к конспирации опоздали. Насколько могу судить, Мих<аил> Сем<енович> <Кантор. – О. Д.> впутался в это дело напрасно, в особенности если его никто об этом не просил. А едва ли его просили! Все это надо было бы провести иначе, хотя в сущности важен только результат».

³⁴ «Да, вот новость: объявился новый великий поэт – Кантор. Честное слово! Он дал мне сюда рукопись, это, конечно, не Бог весь <sic! – О. Д.>, как талантливо в смысле словесном, но очень по своему в эмоциях, складе и т. д. – нечто вроде модернизированного и подсушенного Случевского, однако без сумасшествия (даже жаль). Во всяком случае это лучше 99% нашей средней местной продукции» (письмо от 10 мая 1953 г.).

³⁵ См., напр., письмо от 5 февраля 1956 г.: «Вчера Оцуп в Париже читал лекцию о новом лит<ературном> направлении, им создаваемом. Очень жалею, что не присутствовал: истинных развлечений в нашей жизни не столь много!»; ср. письмо Адамовича Присмановой и Гингеру от 3 февраля 1956 г.: «Прочел в газетах, что наш Оцуп намерен основать новое литературное направление и пожалел, что меня нет в Париже: все таки развлечение» (Новый журнал. 1994. № 194. С. 279–280). Речь идет о т. н. персонализме, единственным представителем которого остался Оцуп.

³⁶ См., напр., сообщение о значимом событии в жизни Л. Ф. Зурова в письме от 13 августа 1955 г.: «Что касается Лени, то у него роман с какой-то русской англичанкой, которая его и пригласила не то в Норвегию, не то в Шотландию и занята его славой, переводами и т. д.»; речь идет о М. Э. Грин, сыгравшей существенную роль в жизни Зурова и – опосредованно – в судьбе архива Бунина; подробнее об этом см.: Белобровцева 2020: 177–191.

³⁷ Об этом забавном эпизоде Адамович сообщает в письме от 20 июля 1952 г.: «Да, с Чех<овским> изд<ательств>-вом у меня вышла история: Даманская, никого не спросив, решила покровительствовать молодежи и спросила их, не издадут ли они сборник моих старых статей. Они об этом запросили Алданова (“почему Ад<амович> действует через третьих лиц?”), в 7 ч<асов> утра мне об этом телефонировала Полонская, я написал Даманской, что она дура, и Даманская ответила мне афоризмом: “Я огорчена, что Вы огорчены”; ср. письмо Адамовича Алданову от 28 июня 1952 г.: “Я не могу на нее сердиться – потому, что вероятно в ее действиях не было никаких дурных помыслов. Было м. б. желание продемонстрировать свою влиятельность и свое право покровительствовать молодежи, только и всего» (BAR. Coll. Aldanov. Box 1).

ний» в одном из стихотворений последнего³⁸; доклад Н. Оцуа о Гумилеве³⁹ и мн. др. В 1960-е гг. предметом детальных обсуждений во многих письмах становится поступившее от московского «Литературного наследства» приглашение участвовать в готовившемся советской стороной бунинском томе. В эти же годы Адамович регулярно сообщает Бахраху о материалах для мюнхенского радио «Свобода», где Бахрах был штатным

³⁸ См. письмо от 10 мая 1953 г.: «У Гингера все какие-то передраги с Маковским, который требует исключить слова вроде “матерний”, которое действительно довольно матерно, хотя есть в приличном значении во всех словарях». Речь идет о строке «вернулся, скуден к матернему лону» из сонета А. С. Гингера «Лоно», которую автор предполагал включить в книгу, готовившуюся для издательства «Рифма». Главный редактор издательства С. К. Маковский возразил против эпитета «матернее» и, поскольку Гингер настаивал на своем, обратился с письмами к известным поэтам и писателям (Адамовичу, Г. Иванову, А. Ремизову и др.) с просьбой разрешить спор. См. письмо Адамовича Гингеру от 6 мая 1953: «От Маковского я получил третьего дня Ваш сонет и тут же вернул его ему с резолюцией. Смысл ее был в том, что 1) матернее – чисто русское слово, у Даля подтвержденное пословицей о “матернем сердце” <...> Главное же, и это я написал Маковскому, все это вопросы **стиля**, а стиль Вашего сонета требует таких изысков и вольностей. Стиль выдержан, а грамматика тут ни при чем»; ср. письма ему же от 9 октября 1952 и 28 октября 1955 гг. «Честное слово, собираюсь писать Вам каждый день, чувства к Вам питаю самые матернии, а собраться все не могу»; «Видели ли Вы в предпоследнем номере «Нов<ого> Журнала» цитату из Макса Волошина: И матернии органы Европы... Я Волошина не особенно уважаю, но для Маковского, кажется, это великий мэтр и авторитет. Что же он думает об этих строчках?» (Крейд 1994: 266, 264, 276). Адамович упоминает напечатанную в № 39 «Нового журнала» (декабрь 1954 г.) подборку неизвестных стихов М. А. Волошина из его книги «Пламена. Война и революция». См. также воспоминания Адамовича об этом эпизоде: «Вспоминаю его <Гингера. – О. Д.> резкое столкновение с Сергеем Маковским, писателем, у которого языковое чутье развито было, правду сказать, сравнительно слабо. Столкновение возникло из-за прилагательного “матерний”, введенного Гингером в одно из стихотворений и показавшегося Маковскому решительно недопустимым и непристойным. Конечно, это было неверно. Маковский спутал два схожих эпитета, один из которых действительно непристойен, и забыл, что слово “матерний” – в значении “материнский” – встречается у некоторых старых поэтов, если не ошибаюсь, у Батюшкова. Но стилистически его протест был на мой взгляд не лишен оснований. Эпитет, выбранный Гингером, устарел, вышел из употребления, и лично меня он коробил не грубостью, нет, а некоторой манерностью» (Адамович 1966: 267; сонет «Лоно» вошел в сборник стихотворений Гингера «Сердце» (Париж: Рифма, 1965).

³⁹ См. письмо от 15 февраля 1953 г.: «Пойдите на доклад Оцуа о Гумилеве и сообщите мне беспристрастно, что это было. Развлечений в жизни мало, я очень жалею, что пропускаю хотя бы такие. Будет это в экс-Вашем “Объединении”».

сотрудником⁴⁰ и начальником отдела, а Адамович – парижским корреспондентом, писавшим скрипты о русской, советской и эмигрантской литературе, о балете, о кино (в 1962–1964 гг. он по протекции Бахраха провел на радиостанции несколько месяцев⁴¹). В письме от 2 мая 1965 г. появляется первое упоминание об интересе западных исследователей к эмигрантской литературе: «Hagglund, спрашивавший Вас о моих трудах, вовсе не швед, а американец, только что назначенный лектором в Yale. Я его видел несколько раз, он был у меня даже в больнице. Очень мил и не глуп. Но эти вопросы он разослал всем (Кантор, Вейдле, Терапиано и т. д.). Он меня спрашивал: *quelle est votre méthode critique?* – *Je n'ai pas de méthode.* – *Quels étaient vos maities?* – *Je ne sais pas.* Все в этом роде, вот он с отчаяния и обратился к другим. Ответьте ему, что хотите, а если ответите, что у Вас нет времени для ответов, тоже не беда»⁴².

В ряде писем речь идет о книгах, заказанных Адамовичу, и о тех статьях и книгах, которые он писал, руководствуясь велением сердца и чувством долга перед эмигрантской культурой. К первым

⁴⁰ См. отклик Адамовича в письме от 4 марта 1957 г. на известие об эвентуальном переезде Бахраха в Мюнхен: «Ваше письмо меня расстроило, ибо нахожусь я в состоянии слезливом, а не стоическом. Конечно, я рад за Вас. Это – очень хороший исход Ваших неурядиц, хотя Даманская и не станет теперь подавать Вам руки! Но за себя – я совсем не рад. В жизни осталось мало хорошего, а поговорить о поэзии Пушкина и преимуществах мальчиков над девочками совсем не с кем. Ну, словом Ваше отсутствие – для меня удар и с Вашей стороны свинство. Но пора привыкнуть и к одному, и к другому».

⁴¹ Впервые речь о возможности краткого визита в Мюнхен идет речь в письме от 13 июня 1962 г., в письме от 21 июня того же года Адамович благодарит Бахраха за увенчавшиеся успехом хлопоты: «Чувствительно благодарю за хлопоты. Думаю – и чувствую между строками – что было это не совсем легко <...>. Ну, удалось, так и слава Богу. Я мог бы приехать *disons* в среду 4го июля, дня на два или даже три, если не очень Вас обременю; см. также письма Адамовича Гингеру и Прегель этого времени в: Крейд 1994: 310–314.

⁴² Речь идет об американском слависте Роджере Хагглунде, защитившем диссертацию «Адамович – критик» и издавшем монографию об Адамовиче “*A Vision of Unity: Adamovich in Exile*” (Ann Arbor: Ardis, 1985; см.: Hagglund 1985a) и его библиографию, к сожалению, далеко не полную: “*Georgy Adamovich: An Annotated Bibliography–Criticism, Poetry, and Prose, 1915–1980*” (Ann Arbor: Ardis, 1985; за исключением особо оговоренных случаев, все отсылки к публикациям Адамовича в периодических изданиях 1940-х – 1970-х гг. приводятся по этому изданию; см.: Hagglund 1985b).

относятся биографии В. А. Маклакова⁴³ и книга о балете⁴⁴, ко вторым – статьи «Поэзия в эмиграции» и «Невозможность поэзии», опубликованные в нью-йоркском журнале «Опыты» (1955. № 4. С. 45–61; 1958. № 9. С. 33–51)⁴⁵, и книги «L'Autre patrie» (Paris: Eglhoff, 1947)⁴⁶, «Одиночество и свобода» (Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1955)⁴⁷ и «Комментарии» (Washington, D. C.: Издание Русского книжного дела в США Victor Kamkin, Inc., 1967)⁴⁸. Кроме

⁴³ Василий Алексеевич Маклаков: Политик, юрист, человек. Париж: Издание друзей В. А. Маклакова, 1959. 261 с.; см. препринт фрагмента книги под названием «Маклаков и Толстой» (Новое русское слово. 1958. 20 июля; републикация: Русская мысль. 1958. 24 июля).

⁴⁴ См. письмо от 12 октября 1953: «Я сочиняю в ударном порядке балетную книжку» (сведений о выходе книги, которую Адамович писал по-французски, нет).

⁴⁵ См. письмо от 15 февраля 1953 г.: «Я сочинял три дня статейку для “Опытов”, которой был очень увлечен, вопреки тому, что бывает обычно».

⁴⁶ См. письмо от 1 августа 1947 г. с откликом Адамовича на статью Бахраха о книге: «Хочу Вам два слова написать серьезно о “Ин<ом> отечестве”. Неужели Вы хоть одну минуту думали, что мои упреки и попреки имеют значение? Я тронут и польщен Вашей статьей и перечитываю ее каждый день на ночь! Никогда и в мыслях у меня никакой претензии не было, так что Ваши огорчения напрасны. Правда, c'est tout a fait serieux»; ср. с письмом от 1 сентября 1947 г.: «С Даманской я в переписке по той причине, что она мне прислала копию своей статьи о “L'Autre Patrie”. Вот Вы поучились бы, как пишут о таких книгах – сплошной стон восторга!»

⁴⁷ Подробнее о книге и истории ее создания см. в: Адамович 2002: 309–322; в письме Бахраху от 5 февраля 1956 г. Адамович объяснил выбор персонажей для книги: «Я очень искренне доволен и польщен, если книга Вам пришлась по душе. В ней половина болтовни, а другая половина писана всерьез. Мне лично больше всего по душе то, что о Гиппиус. Насчет Тэффи Вы пожалуй правы, но мне было жаль обидеть покойницу. Нажил себе, кажется, смертельного врага в лице Аминадо, а если бы Тэффи не было, он бы меньше был уязвлен. Но между ними все же есть дистанция. И Даманская обижена (“он никогда меня не ценил, как все другие”). Пропуск Ходасевича и Цветаевой умышлен, как и Бальмонта: я не хотел писать о поэтах, отчасти из-за Г. Иванова. Теперь он написал в “Н<овом> Ж<урнале>” рецензию обо мне, и снова я могу писать и о нем. Я ему говорил летом, когда был у них, что после его знаменитой статейки первый шаг должен быть его» (речь идет о статье Г. Иванова «Конец Адамовича», приведшей к длительному разрыву в их отношениях); ср. письмо к Яновскому от 23 ноября 1954 г.: «Я ни о ком, кроме стариков и классиков, в книге не пишу, исключение – Сирин, да и то потому, что написал о нем давно, еще не зная плана книги».

⁴⁸ Подробнее о книге и истории ее создания см. в: Адамович 2002: 593–612; в этом же ряду – брошюра «Толстой» (см.: Адамович 1961b), основанная на лекции, прочитанной Адамовичем в Париже в связи с пятидесятилетием смерти Толстого; «Вклад русской эмиграции в мировую культуру» (см.: Адамович 1962b; в 1962 г. издана во французском и английском переводах, выполненных соответственно Н. Вырубовым и

того, 9 декабря 1953 г. Адамович, явно в ответ на замечания Бахраха, предлагает авторский анализ своего стихотворения «Был вечер на пятой неделе...», опубликованного в «Опытах» (1953. № 2. С. 6–7)⁴⁹, а в письме от 18 января 1965 г. отвечает на вопрос Бахраха о подготовке к изданию сборника своих стихов: «Издание моих стихов? Все в порядке. Раннит пишет предисловие (но когда напишет?), в котором будет указано, что я – Вермеер русской поэзии. Лестно, поэтому я не протестую, а что глупо – тут и протестовать бесполезно. Сборничек будет маленький, хотя Раннит все время требует включения новой дряни, ему нравящейся»⁵⁰.

Во многих письмах Адамович сообщает о бедственном положении коллег по цеху (И. А. Бунина, Л. Д. Червинской, Г. В. Иванова и И. В. Одоевцевой и мн. др.), о помощи нуждающимся литераторам, об обращениях в Литературный фонд, об участии в благотворительных вечерах и лекциях в пользу писателей, о сборе средств на издание книг, лечение, отдых и другие нужды (письма от 8 и 23 июня 1952 г., 5 марта 1954 г., 14 февраля 1955 г., 11 октября 1956 г., 4 декабря 1956 г., 11 февраля 1957 г. и др.).

Д. Оболенским); «О книгах и авторах. Заметки из литературного дневника» (Мюнхен и Париж, 1966), основанная на скриптах, написанных Адамовичем для радио «Свобода» (см.: Адамович 1967b).

⁴⁹ «Что же касается моих стихов, то Вы совершенно правы: второй стишок – сильно “астический”, но честное слово, я сообразил это только прочтя его в печати! В голову прежде не пришло, иначе я его оставил бы для потомства. Ва<м> не нравится “кольт”. Я – писатель щепетильный, и хотя этот кольт тоже мне не по душе, он нужен по двум причинам: 1) couleur locale, Петербург 17го года и очаровательные чекисты, все в патронташах и револьверах 2) для обоснования “мертвого сердца”, дважды упомянутого. А вообще это стихотворение слишком бойкое, я хорошо это знаю, и даже чуть-чуть хамское» (подчеркивание Адамовича. – О. Д.); текст стихотворения см.: Адамович 1999: 253.

⁵⁰ Речь идет о последнем поэтическом сборнике Адамовича «Единство» (см.: Адамович 1967a), стихи для которого предельно строго отобраны самим автором; подробнее об истории подготовки и издания сборника см.: Адамович 1999: 475–477; см. первое упоминание о намерении издать книгу стихов в письме от 14 декабря 1964 г.: «Вот, сидел все эти дни над эвентуальным сборником стихов, который собирается издать Раннит из Yale (т. е. из Университета). Сегодня послал ему рукопись, но с чувством, что все не то и не так, кроме 2–3 “пьес”, как выражался Ходасевич. Завидую людям, которые собой довольны, хотя и удивляюсь: как это может быть?»; книга «Единство. Стихи разных лет» вышла в нью-йоркском издательстве «Русская книга».

Особый тип новостей составляют сообщения об «историях болезни» и о смертях, пополняющих синодик эмиграции; нередко известие о смерти сопровождается мемориальными пассажами, воссоздающими историю отношений Адамовича с ушедшими из жизни и оценкой их личности. Первое сообщение подобного рода – отклик в недатированном письме на сообщение Бахраха об инсульте у З. Н. Гиппиус: «Я очень огорчился известием о Зин<аиде> Ник<олаевне>. Каюсь, я никогда не любил Мережковского и даже чувствовал себя “не по себе”, оставаясь с ним вдвоем. Но ее я очень любил, а если это удар, то значит это конец⁵¹. Вы ее, кажется, мало знали. Это было одно из редких существ, выпущенных Богом в единственном, неповторимом экземпляре, а не “en serie”, как почти все люди. Даже все что в ней было бесвкусного <sic! – О. Д.> или скверно-женского, было “свое”. Да и стихи ее такие. Любить их трудно, а спутать ни с какими другими нельзя». Впоследствии этот оценочно-некрологический фрагмент «отзовется» в посвященной Гиппиус главе «Одиночества и свободы»⁵².

В последующие годы сообщения о болезнях и утратах становятся все более частотными. В 1950-е – 1960-е гг. близкий Адамовичу и Бахраху круг литераторов существенно поредел: в 1953 г. не стало Бунина (письма от 17 и 25 ноября 1953 г., 24 февраля и 5 марта 1954 г.), в 1955 – Д. Кнута и П. С. Ставрова (письмо от 3 марта 1955 г.)⁵³; в 1953 неизлечимая душевная болезнь поразила Л. Ф. Зурова⁵⁴; в 1957 случился инсульт у В. А. Зайцевой (письмо

⁵¹ Гиппиус умерла 9 сентября 1945 г.; Адамович отозвался на ее смерть некрологической статьей «Разговор с З. Гиппиус» (Встреча. 1945. № 2. С. 31–32).

⁵² Ср.: «Действительно, она была человеком в своем роде единственным <...>. Несколько слов о стихах Гиппиус. Есть в них одна бесспорная, неотъемлемая черта: их нельзя спутать ни с какими другими. Из тысячи анонимных стихотворений разных авторов человек, сколько-нибудь чувствительный к стилю, безошибочно выделит то, которое принадлежит Гиппиус. Мало о ком из современных поэтов можно бы с уверенностью сказать то же самое» (Адамович 2002: 149, 161–162).

⁵³ См. некрологическую статью Адамовича «Довид Кнут и Перикл Ставров» (Новое русское слово. 1955. 29 мая).

⁵⁴ См. отклик Адамовича на это известие в письме от 28 июля 1953 г.: «Что с Зуровым? Нета писала мне, что он отправлен в клинику, но “специальную”. Видите, вы смеялись, а это в самом деле драма».

от 11 февраля 1957 г.), на долгие годы приковавший ее к постели; в этом же году скончался М. А. Алданов (письмо от 4 марта 1957 г.)⁵⁵, в 1958 – Г. В. Иванов⁵⁶ и Н. Оцуп⁵⁷; в 1960 – А. С. Присманова⁵⁸, в 1961 – В. Н. Бунина, в 1962 – А. М. Элькан и С. К. Маковский, в 1965 – Гингер (письмо от 13 сентября 1965 г.)⁵⁹. Уже в начале 1955 г. Адамович предваряет очередные известия о смертях грустно-ироническим замечанием: «*A part cela* – всякие сенсации. Первая – что много людей умирает» (письмо от 3 марта 1955 г.), а 11 июля 1967 г. пишет Яновскому: «В Париже – пустыня»⁶⁰.

Новости *pro domo sua* – забавные и грустные, бытовые и творческие, достоверные и не очень – образуют верхний слой, единую событийно-семиотическую сетку писем, в которую многочисленными нитями вплетаются ячейки двух других, глубинных слоев: литературно-критического и собственно литературного. Первый складывается из отзывов Адамовича о прочитанных книгах и (пере)оцениваемых авторах, второй – из множественных цитат разного рода: прямых, косвенных, аллюзивных, контаминированных, отсылающих как к художественным текстам, так и к фактам писательских биографий и литературно-бытовым коллизиям. При этом зачастую оба слоя сосуществуют в режиме взаимоналожения не только в рамках одного письма, но и одного пассажа или одной фразы.

Перечень упоминаемых, оцениваемых и цитируемых в письмах книг и авторов весьма репрезентативен и являет собой нечто вроде малого компендиума русской и западной литературы как минимум

⁵⁵ См. статью Адамовича «Алданов – человек и писатель» (Новое русское слово. 1957. 1 августа).

⁵⁶ См. некрологическую статью Адамовича «Георгий Иванов» (Новое русское слово. 1958. 2 ноября) и его же статью «Наши поэты: 1. Георгий Иванов» в «Новом журнале»: Адамович 1958: 55–62.

⁵⁷ См. статьи Адамовича «Памяти Николая Оцуца» (Русская мысль. 1959. 3 января) и «Николай Оцуп» (Русская мысль. 1962. 18 января).

⁵⁸ См. статью Адамовича «Анна Присманова» (Русская мысль. 6 февраля).

⁵⁹ Адамович сообщает, что написал О Гингере для «Мостов», см.: Адамович 1966: 266–268.

⁶⁰ BAR. Ms Coll. Yanovsky. Box 1. Adamovich (без нумерации листов).

четырёх столетий. Французская литература представлена именами и текстами Ж.-Б. Боссюэ, Ж. де Лафонтена, Ж. Расина, А. Сен-Симона, Г. де Мопассана, А. Франса, Ш. Бодлера, А. Рембо, П. Валери, А. Жида, П. Клоделя, А. Камю⁶¹, А. Труайя и др.; английская – В. Шекспира, и О. Уайлда; американская – Э. По.

В ряду отечественных авторов девятнадцатого столетия – В. Г. Белинский, чью роль Адамович иногда себе иронически «присваивает»⁶²; И. Ф. Богданович, А. И. Герцен⁶³, Н. В. Гоголь, И. А. Гончаров, А. С. Грибоедов, Ф. М. Достоевский, Н. А. Некрасов, А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, Ф. И. Тютчев, Н. Н. Страхов и др.

Из авторов русского модерна и старшего поколения эмиграции упоминаются и/или цитируются И. Ф. Анненский, А. А. Ахматова⁶⁴,

⁶¹ Камю упоминается в связи с предпринятым Адамовичем переводом его романа «L'Étranger»; первое упоминание см. в письме от 15 августа 1965, в котором Адамович выражает согласие выполнить предложенный ему в одном из предыдущих писем перевод, заказанный через радио «Свобода», ср.: «<...> D'accord <...>. Но я был удивлен, т. к. слышал (от кого?), что перевод предложили Галине Кузнецовой. Что, она плохо перевела пробу или отказалась? Меня этот перевод даже интересует, т. к. это работа не совсем механическая, а если и трудная, то приятно-трудная по моей любви к Camus. Постараемся удовлетворить заказчиков! Но от кого это исходит и неужели "Étranger" <sic! – О. Д.> не переведен в России?»; в письме от 13 сентября Адамович отвергает предложенный Бахрахом вариант перевода названия «Чужак»: «"Чужак" – мне не по душе. Есть противоречие (конечно, *vous ras Camus*) между идиотским и хамоватым стилем рассказчика и строгим стилем авторского названия. "Чужак" слегка развязно, как то разговорно» (подчеркивание Адамовича. – О. Д.); в письме от 6 декабря сообщает о ходе работы и о своем варианте перевода названия – «Незнакомец»; в письмах от 20 и 21 декабря оговаривается количество экземпляров готового перевода, которое следует передать заказчику; книга под названием «Незнакомец» вышла в 1966 г. (Paris: Editions Victor); см. анализ перевода в статье Ю. Яхниной «Три Камю» (Яхнина s. a.: s. p); в статье перевод Адамовича сравнивается с переводами Н. Галь и Н. Немчиновой, опубликованными под одинаковым названием «Посторонний» в 1968 г. («Иностранная литература») и 1969 г. (М.: Прогресс) соответственно.

⁶² См., напр., письмо от 19 июля 1953 г.: «Я читал разные стихи, новые, и хотел бы на правах современного Белинского, довести до общего сведения, что Иваск вовсе не так плох (а главное – не так пуст) как создалось мнение. Не знаю, почему его запресизировали. Вероятно, началось с Маковского, который право мало что понимает».

⁶³ См. письмо от 11 декабря 1952 г.: «Я тут читаю Герцена и не перестаю удивляться, до чего он был умен и талантлив».

⁶⁴ См. упоминание Ахматовой в письмах от 3 февраля и 13 сентября 1965 г.; первое связано с публикацией в нью-йоркском альманахе «Воздушные пути» стихотворений Ахматовой «Нас четверо» и «Невидимка, двойник, пересмешник» (1965. № 3) и

К. Д. Бальмонт, А. А. Блок, И. А. Бунин, В. Н. Бунина, З. Н. Гиппиус, Н. С. Гумилев, Дон-Аминадо, Б. К. Зайцев, М. Кузмин, О. Э. Мандельштам, Д. С. Мережковский, А. М. Ремизов, В. В. Розанов, К. К. Случевский, Н. Тэффи, В. Ф. Ходасевич и др.

Среднее и младшее эмигрантские поколения представлены именами М. А. Алданова, Н. Н. Берберовой, В. С. Варшавского, В. В. Вейдле, А. С. Гингера, Л. Ф. Зурова, Г. В. Иванова, Ю. Иваска, В. В. Набокова (Сирина), И. В. Одоевцевой, Н. А. Оцупа, К. Д. Померанцева, Б. Ю. Поплавского⁶⁵, С. Ю. Прегель, А. С. Присмановой,

мемуарных текстов «Амедео Модильяни» и «Мандельштам» (1965. № 4), гонорар за которые издатель альманаха Р. Н. Гринберг ей задолжал, чем и был вызван упоминаемый Адамовичем во втором письме конфликт, ср.: «Газданов, будто бы по уговору с Ризером, просил меня что-то писать, раза два в месяц, нечто вроде “литературн<ого> дневника”. Первое я уже сочинил и вчера ему послал: о Мандельштаме, в связи с воспоминаниями Ахматовой в “Возд<ушных> Путях” и кое-чем другим, тоже новым. Кстати, видели Вы эти “Пути”? Я не сказал Одоевцевой, как она, т. е. Ахм<атова>, отзывается о Жорже Иванове, но “Триолешка” меня восхитила»; «Ахматова и Гринберг. Эпизод этот мне рассказывали в Париже, но в другой редакции. Гринберг мне звонил из Лондона, и узнав, что я должен с А<хматовой> увидеться, сказал: “знаете, это такой ужас!” Без объяснения, но было ясно, что что-то произошло. Напрасно Вы думаете, что я буду его защищать. И по Вашей версии, и по моей он хам и свинья. <...> Ахматова никогда дамой во всех отношениях приятной не была, а теперь стала резкой. Я ей это сказал, на что ответ был – “иначе нельзя, меня жизнь этому научила”. Верно жизнь – там, на Родине с большой буквы. Видел ли ее Вейдле? По моему нет. Мы говорили о многих, имени его она не произнесла. Но я не уверен, что он в это время был в Париже. Кажется, я Вам писал, что одно имя, от которого она лишь при упоминании бледнела от ярости – Серж Маковский»; о реакции Ахматовой на публикации, конфликт с издателем и встречи с эмигрантами в 1965 г. см.: Чуковская 1997: 290–295, 454–457; ярость Ахматовой была вызвана опубликованными в 1950-е – нач. 1960-х гг. мемуарными книгами Маковского «Портреты современников» (Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1955; см.: Маковский 1955) и – особенно – «На Парнасе “Серебряного века”» (Мюнхен: Издательство ЦОПЭ, 1962) с главой, посвященной Гумилеву (см.: Маковский 1962).

⁶⁵ См., напр., письмо от 28 июля 1953 г., часть которого посвящена анализу первого номера нью-йоркского журнала «Опыты»: «“Опыты” отдают диллетантизмом, но не лишены свежести по сравнению с “Нов<ым> журналом”. Помимо всего, там есть Поплавский, который почти гениально-талантлив в каждой фразе. Я читал и ахал: не то, что “хорошо” в бунинском смысле, а как-то необыкновенно, будто действительно был среди нас Рэмбо и исчез»; ср. раздел о Поплавском в главе «Трое (Поплавский, Штейгер, Фельзен)» «Одиночества и свободы»: «Для него Артур Рэмбо был не менее дорог и близок, чем Пушкин, – потому, что он во Франции вырос, во Франции сложился, и ее веяниями был проникнут» (Адамович 2002: 272).

В. А. Смоленского, А. Л. Толстой, М. И. Цветаевой, Л. Д. Червинской, И. В. Чиннова и др.; кроме них, упоминаются критики и историки литературы М. Л. Слоним⁶⁶ и И. И. Тхоржевский⁶⁷.

Из известных советских авторов названы В. Ф. Панова, К. С. Симонов, А. И. Солженицын⁶⁸, Ал. Н. Толстой, К. А. Федин⁶⁹,

⁶⁶ См. письмо от 6 декабря 1966 г.: «Это тип “литературоведа” au courant всех новостей».

⁶⁷ См. письмо от 1 февраля 1950 г. с отзывом о книге И. И. Тхоржевского «Русская литература: 2 т.» (Париж: Издательство „Возрождение“, 1946), которой Адамович пользовался для подготовки к лекциям в университете Манчестера: «Как пособие, между прочим, Тхоржевский: не бездарно, вопреки тому, что я думал, но до чего легкомысленно и развязно! И мало чутья».

⁶⁸ В письме от 8 мая 1968 г. Адамович настоятельно рекомендует Бахраху прочесть «Раковый корпус», сравнивая роман и его автора с Л. Н. Толстым и Буниным и утверждая, что после Толстого в русской литературе не было ничего подобного этому роману и что Солженицын писатель намного лучший, чем Бунин; см. также статьи Адамовича «Солженицын» (Русская мысль. 1969. 20 марта), «Место Солженицына в русской литературе» (Русская мысль. 1974. 4 апреля; опубл. посмертно) и рецензии на «Раковый корпус» и «Август четырнадцатого» (Русская мысль. 1968. 29 мая; Русская мысль. 1971. 24 июня); см. также статью Адамовича «Une mise en garde : á propos d'un entretien» в: Nivat, Aucouturier 1971: 412–416.

⁶⁹ К. А. Федин упоминается в связи с его выступлением на Втором Всесоюзном съезде советских писателей, в котором он, в частности, заявил: «Недостало сил, уже будучи советским гражданином, вернуться домой Ивану Бунину – русскому классику рубежа двух столетий, который оставался реалистом и в прозе, и в поэзии той поры, когда господствовала мода на декаданс. Не следует, по моему мнению, отчуждать Бунина от русской литературы, и всё ценное из его творчества должно принадлежать русскому читателю так, как принадлежит лучшее из наследия Куприна» <курсив в цитируемом тексте. – О. Д.>» (цит. по: Бабореко 1956: 197); ср. письмо Алданова Адамовичу от 13 февраля 1955: «Вы, конечно, читали о московском заявлении Федина: Бунин стал советским гражданином! Это вызвало в эмиграции большой шум. Очень многие поверили! Вы удивитесь, если я Вам скажу, что эта история имела последствием (не очень, разумеется, важным и, надеюсь, лишь кратковременным) “холодок” у меня – одновременно с Верой Николаевной и Бор<исом> Зайцевым (вещь довольно редкая). С Верой Николаевной потому, что я два раза убедительно просил ее тотчас опровергнуть ложь Федина, а ей почему-то не хотелось это делать, и приводила она совершенно беспомощные доводы, даже тот, что у нее нет времени! Я просил ее об опровержении, конечно, из уважения к памяти Ивана Алексеевича (которого и в Ницце, и в Париже, и не враги уже начинали сравнивать с Ал<ексеем> Толстым), да еще из заботы об ее собственных интересах: “вдова не опровергает, значит это правда!” Она ответила мне довольно нелюбезно. С Зайцевым другое. <...> Об этом заявлении Федина он мне написал странно – и, по моему, с радостью: “Бунина Ф<един> назвал советским гражданином. Это неверно, но у каждого писателя свой облик и своя известность. Сомневаюсь, чтобы меня кто-нибудь назвал советским гражданином”!! Таким образом надо

М. А. Шолохов⁷⁰ и др.; из добившихся к тому времени признания молодых – Е. А. Евтушенко и А. А. Вознесенский⁷¹.

Едва ли не в каждом письме Адамович сообщает о своих «актуальных» литературных пристрастиях⁷², оценках новых авторов и переоценках старых, поддерживает, а нередко опровергает сложившуюся литературную иерархию имен и книг⁷³, что позволяет рассматривать его письма еще и как многолетний читательский «формуляр» поэта, критика и историка литературы, современника

сделать вывод, что у Ивана Алексеевича был большевистский облик и большевистская известность!!! И почему Бунину противопоставляется тут именно он, Б<орис> К<онстантинович>? Я не ответил, чтобы не поссориться» (BAR. Coll. Aldanov. Box 1).

⁷⁰ М. А. Шолохов упоминается в ряде писем 1965 г. в связи с присуждением ему Нобелевской премии по литературе.

⁷¹ Впервые Евтушенко упоминается в письме от 25 июня 1966 г.: он прислал Адамовичу свою книжку «с длиннейшим посланием на ней», в ответ Адамович, выполняя его просьбу, передал для него свой перевод романа А. Камю «Посторонний»; 1 июня 1967 г. Адамович сообщает: «Был у меня Евтушенко <...> могу только сказать, что он на редкость мил и приятен, притом талантлив в каждой фразе. Мне он чуть-чуть напоминает Поплавского»; продолжая тему, Адамович пишет 10 ноября 1967 г.: «Вот, как Вы кажется знаете, у меня слабость к Евтушенко (в противоположность Вознесенскому)»; см. также статью Адамовича о стихах Евтушенко: Новое русское слово. 1966. 4 сентября; 1967. 2 июля; Русская мысль. 1967. 9 ноября (в этой статье речь идет о поэзии Евтушенко и И. Бродского); последнее упоминание Евтушенко и Вознесенского см. в письме из Нью-Йорка от 18 ноября 1971 г.: «Вчера у меня был с почтительным визитом к мэтру Андрей Вознесенский, здесь гастролирующий. Я его прежде не знал. Ничего, мил, вежлив, очень не глуп. Но он подарил мне две своих книжки и читая их, я остаюсь при мнении, что мой любимец Женя Евт<ушенко> лучше и талантливее, хотя особенно изысканные эстетсы с этим и не согласны».

⁷² «Знаете ли Вы, кто моя последняя любовь в поэзии? Случевский. Стихи нескладные (не всегда), но что-то столь грустное и жуткое за стихами, что иногда и Анненский кажется сладким кисельком рядом. Если бы были слушатели, я бы с удовольствием прочел о нем лекцию в Париже» (письмо от 2 марта 1950 г.).

⁷³ См., напр., письма от 31 января и 11 февраля 1957 г.: «Щедрин. Ну, это разговор высоко литературный. По моему, это полу-писатель, хотя в этом “полу” бывает очень силен (“Головлевы” напоминают “Суходол”: хуже, но именно сильнее, резче)»; «Я читаю Щедрина, для своего курса, и поражаюсь, как пусто, как плохо и какая злоба, ничем не оправданная. А дурак-Горький писал: “глубже и сильнее Гоголя!” Гоголь рядом Монблан и душка, Салтыков прежде всего крайне противен и зубоскалит будто по обязанности. Ну, “Головлевы” – туда-сюда, но все остальное! А Ваш приятель Gide ведь тоже уверял, что это гениально. Даже Иудушка – на 3 ½, потому, что в сущности весь – в одной фразе Плюшкина: “против святого слова ведь не устоишь!” (на что Чичиков мысленно отвечает: “Ну, ты-то устоишь!”)».

многих авторов Серебряного века и европейского модернизма, читателя с очень тонким художественным чутьем и безупречным вкусом.

Имена писателей и названия их произведений встречаются в самых разных контекстах и могут быть обусловлены различными причинами, а в некоторых случаях – возникнуть и без очевидных причин. Иногда Адамович в режиме «а ргoгoс», нередко – в финале письма дает краткий отзыв о той или иной книге, как в случае с «Кружилихой» Пановой, ср.: «Я прочел очаровательный советский роман “Кружилиха” Пановой, советую взять у Каплана и прочесть. Эренбургу до нее как до звезды, да и не только ему, но и Пантелею⁷⁴, моему другу» (письмо от 9 августа 1948 г.; подчеркивание Адамовича. – О. Д.)⁷⁵. В других случаях имя «всплывает» по ассоциации, см., напр., письмо от 2 февраля 1952 г. из Манчестера, где Адамович в 1951–1960 гг. читал лекции по истории русской литературы: «Все таки спасибо за письмо, доставившее мне, как выражался Гоголь, “истинно-душевную радость”. Гоголя я теперь читаю, т. е. не Гоголя, а книгу Вересаева о нем⁷⁶ – целый клад и сокровище». Упоминание А. Н. Толстого в письме от 25 апреля 1952 г. основано на последовательно разворачиваемой тройной ассоциации «Элькан – Толстой – Иванов и Одоевцева», толчком к которой являются поведение и склад характера первой, с одной стороны, напоминающих Адамовичу чету Ивановых, с другой – соответствующих типу художественного дарования Толстого. Ассоциативный ряд словно описывает полный круг от Элькан к Толстому и Ивановым, а от них – обратно к Толстому и Элькан, ср.: «Неточка спрашивала, очень ли Вы на нее сердиты. Я ручался, что не очень. Она бедная, все что то крутит и вертит, причем мне

⁷⁴ Имеется в виду Б. Г. Пантелеймонов (1888–1950) – прозаик, инженер-химик, меценат; см. рецензии Адамовича на его романы «Зеленый шум» (Русские новости. 1947. 1 августа), «Звериный знак» (Русские новости. 1948. 9 июля) и «Золотое число» (Русские новости. 1949. 29 июля).

⁷⁵ См. также рецензию Адамовича на роман: Русские новости. 1948. 27 августа.

⁷⁶ Речь идет о книге В. В. Вересаева «Гоголь в жизни: систематический свод подлинных свидетельств современников» (М.; Л.: «Academia», 1933).

это всегда жалко видеть, по моему мягкосердечию. Ее хорошо бы описал Ал. Толстой, который на таких восторженных мошенниц был великий мастер (кстати, он как никто изобразил бы и чету Ивановых)». В письме от 24 февраля 1954 г. ассоциация держится не на литературных фактах или специфике личности, а на грядущих переменах в жизни Бахраха: «Вижу, что одной ногой Вы уже в Канаде, а насчет того, что еще возможны всякие “сюрпрайз”, то об этом я как раз читаю сейчас книгу Алданова “Ульмская ночь”: все в жизни есть случай! Кстати, книга очень интересна, но не для Вас, а для любителей чтения серьезного» (подчеркивание Адамовича. – О. Д.)⁷⁷.

В письмах, написанных в годы сотрудничества в «Русских новостях», оценки диктовались необходимостью принять к печати или отвергнуть присланные в редакцию тексты, ср.: «Насчет Симонова Вы и правы и не правы. Конечно, он в стихах дитя, но и наши притворяются Спинозами без оснований. Кстати, он умный человек и сам о своих стихах все знает (почти все)» (письмо от 10 сентября 1946 г.). «Стихи Богаевского – дрянь, согласен. Но это имя новое, печатать надо в порядке поощрения ростков. А стихи Струве, присланные Бродским – то же дрянь, притом в поливке уже не нуждающаяся. Пожалуйста, поддерживайте круговую поруку и не кричите всем, что дрянь. Знаю по опыту, что никто ничего не понимает – и можно любую дрянь выдать за шедевр. Сейчас я сижу (изучаю) над стихами Эм. Рейса – нечто очень путаное и странное, скорей с прелестью, чем с талантом <...>. Вообще я хочу свободы и покоя» (письмо от 1 сентября 1947 г.). «Гингера я заменяю, а жаль! Он прелестен и талантлив до краски зависти при чтении, что по Гумилеву верный признак удачи. Я хотел послать Мамченку, но перечтя представил себе Суворова, этот бред читающего, и не послал. Мамченко впрочем Ваш protege, Вы его и отстаивайте! Но что за хаос в его бедной и возвышенной голове!» (письмо от 9 октября 1948 г.). «А сегодня я получил письмо от Чиннова и стишки – неожиданно прелестные. Я даже расчувствовался, читая

⁷⁷ См. рецензию Адамовича на роман: Новое русское слово. 1954. 4 апреля.

их: в этом пузыре что то есть, несмотря на потные руки» (письмо от 3 сентября 1949 г.)⁷⁸.

В значительном количестве писем оценки носят выражено полемический характер⁷⁹, причем Адамович полемизирует не только с адресатом, но и с автором книги или статьи, становящихся предметом полемики, нередко – заочно, иногда – сквозь время, а случается – и «сквозь смерть», как, например, отзываясь об изданной Берберовой книге статей Ходасевича: «Ходасевич – новая книга, т. е. сборник старых статей⁸⁰, с предисловием Ninon, утверждает 1) что в “Горе от ума” нет следа поэзии, и что Грибоедов был поэтически бездарен 2) что Богданович много лучше Лафонтэна. Я возмутился и написал кое-что об этом для “Н<ового> Р<усского> С<лова>”⁸¹. Ну, пусть – “Т<оре> от ума”, но Богданович и Лафонтэн!! Думаю, что он Лафонтэна не читал. А дура-Берб<ерова> пишет в предисловии, что “все талантливое группировалось вокруг Х<одасеви>-ча”. Группировалась, собственно, она одна, да еще Смоленский. Но кое-что у Ходасевича очень хорошо (паралель – <sic! – О. Д.> Пушкин-Тютчев, и о Державине)» (письмо от 14 ноября 1954 г.).

Полемика может разворачиваться во времени, актуализируя хранящиеся в свернутом виде в памяти тексты (свои и чужие) и события многолетней давности, в результате чего письмо или его фрагмент превращается в многоуровневый вербальный и историко-культурный палимпсест, состоящий из плотно спрессованных цитатных слоев различного типа. См., напр., начинающее «набоковский сюжет» письмо от 20 июля 1952 г., в котором Адамович полемизирует с Г. С. Евангуловым и Ю. К. Терапиано (заочно): «Не дошел ли до Вас сборник стихов

⁷⁸ Подробнее об истории отношений Адамовича и Чиннова см.: Демидова 2015: 293–304.

⁷⁹ Впрочем, иногда мнения Бахраха и Адамовича совпадают, см., напр., письмо от 25 января 1967 г.: «Насчет зайцевской патоки о Верах вполне с Вами согласен. Под конец к тому же не без ехидства. Вера Николаевна <Булнина. – О. Д.> когда-то расшифровала его инициалы: “Божья Коровка Злая”».

⁸⁰ Имеется в виду издание: Ходасевич В. Литературные статьи и воспоминания. Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1954.

⁸¹ Адамович Г. На полях книги Ходасевича. – Новое русское слово. 1954. 21 ноября.

Сирина⁸²? Евангулов написал о нем идиотски-высокомерно. Это блестящее хамство, но все таки блестящее, а местами (редко) и самая настоящая поэзия. Терапиано тоже фыркает, а в одной сиринской строчке все таки больше таланта, чем во всех парижских потугах (кроме конечно Игоря Владимировича)⁸³. Впоследствии Адамович развернул пассаж о стихах Набокова в посвященной ему главе «Одиночества и свободы», ср.: «Несколько слов о стихах Набокова. Он, несомненно, единственный в эмиграции подлинный поэт, который учился и чему-то научился у Пастернака. <...> Некоторые из сравнительно ранних набоковских стихов звучат настолько по-пастернаковски, что иллюзия возникает полная. <...> У него, на мой слух, меньше романтической музыки, чем у Пастернака. <...> Его вдохновение не силится подняться над словом, а наоборот, с упоением в нем утопает: он ворожит, бормочет, приговаривает, заговаривает и все дальше уходит от того, что можно бы назвать поэтическим чудом, от двух-трех волшебного светящихся строк, к которым нечего прибавить, в которых нечего объяснять. <...> Однако, Набоков – поэт прирожденный, и это сказывается даже в поисках. Некоторые стихи его прекрасны в полном значении слова» (Адамович 2002: 218, 221, 222, 223). Через много лет, в письме от 27 декабря 1964 г., являющемся, как указывает Адамович, ответом на письмо Бахраха от 20 декабря, вновь возникает имя Набокова, ср.: «Набоков счел Ходасевича “величайшим поэтом XX века”!⁸⁴ Это меня удивляет. Едва ли тут “кукушка и петух”, хотя он верно

⁸² Вероятно, имеется в виду сборник Набокова «Стихотворения 1929 – 1951» (Париж: Рифма, 1952); см. посвященные ему две части статьи Адамовича «По поводу стихов Влад. Набокова» (Новое русское слово. 1953. 29 марта; 26 апреля).

⁸³ Имеется в виду И. В. Чиннов.

⁸⁴ Вероятно, Адамович откликается на утверждение в статье Бахраха, написанной для мюнхенского альманаха «Мосты» (возможно, этот пассаж Бахрах процитировал в письме Адамовичу от 20 декабря, ср.: «Не меньшее удивление может вызвать тот факт, что Набоков, очень свысока относящийся ко всем русским поэтам, кроме Пушкина и, пожалуй, Тютчева, заявляет в своих комментариях [к англ. переводу “Евгения Онегина”] <скобки – в тексте письма. – О. Д.>, что “нынешнее столетие не выдвинуло пока ни одного поэта, превосходящего Владислава Ходасевича” (Мосты. 1965. № 11. С. 242–243); в письме от 2 мая 1965 г. Адамович сообщал: «Читал я и Вас (“с удовольствием”) в “Мостах”. О Набокове Вы написали мягче, чем я думал (особенно вспомнив рецензию

помнит, что Х<одасевич> его превозносил⁸⁵, когда все его ругали (Зин<аида> Гиппиус – “юлю в литературе”, Г. Иванов – “кухаркин сын” и т. д.)⁸⁶. Х<одасевич> конечно хороший поэт, но в рамках и пределах, твердо чувствующихся. У самого Набокова есть строчки – правда, только строчки – которые идут дальше и выше его. Какую Вы собираетесь пустить в связи с этим шпильку в “Мостах”? Это меня интересует, напишите. По части шпилек сам Х<одасевич> был непревзойденный мастер». В следующем письме, от 18 января 1965 г., продолжая полемику с Бахрахом и – опосредованно – с Набоковым, Адамович по ассоциации вспоминает набоковскую мистификацию, жертвой которой ему пришлось стать в 1930-е гг.: «А насчет того, что у Набокова есть строчки, которых не написать бы Ходасевичу: у него были стихи в “Совр<еменных> Зап<исках>”, еще до войны, где что-то было о “фосфорных рифмах последних стихов”, за подписью Б. Житкова. Меня это стихотворение поразило, я о нем написал в “Посл<едних> Н<овостях>”, спрашивая и недоумевая: кто это Житков? – и не зная, что это Набоков. Конечно, в целом Ход<асевич> больше поэт, чем он. Но у Наб<окова> есть pointes, идущие дальше, по общей, большей талантливости его натуры». Речь в этом пассаже идет о стихотворениях Набокова “Поэты” и “К России”, опубликованных в «Современных записках» (1939. Кн. 69, 70) под псевдонимом «Василий Шишков», как вспоминал впоследствии Набоков в комментарии к «Поэтам», «с целью пой-

на его “Онегина” в Н<овом> Ж<урнале>); имеется в виду далеко не комплиментарная рецензия американского слависта М. Фридберга (см.: Фридберг 1964: 297–300).

⁸⁵ Ходасевич был одним из самых ранних ценителей творчества Набокова и неизменно высоко отзывался о нем, см., напр., статьи «Камера obscura» (Возрождение. 1934. 3 мая), «О Сирине» (Возрождение. 1937. 13 февраля); подробнее об истории отношений и взаимных печатных отзывов Набокова и Ходасевича см.: Малмстад 1991: 277–91.

⁸⁶ Адамович вспоминает о т. н. литературной войне Набокова и журнала «Числа». В первом номере журнала была помещена резкая рец. Г. Иванова на романы Набокова (см.: Иванов 1930: 233–236), в которой рецензент назвал Набокова самозванцем, кухаркиным сыном, черной костью, смердом (см.: Там же: 235). Рецензия вызвала широкий отклик в парижских литературных кругах, возмущив многих своей грубостью; З. Н. Гиппиус вступилась за Иванова, напомнив читателям о жестких полемических правилах, царивших в русской журналистике рубежа веков, см.: Крайни<й>: 148–154; подробнее об этом эпизоде см., напр.: Мельников 1996: 73–82.

мать в ловушку знаменитого критика. <...> Уловка удалась: в своем недельном отчете он с таким энтузиазмом приветствовал появление “таинственного нового поэта”, что я не мог удержаться от того, чтобы не продлить шутку, описав мои встречи с несуществующим Шишковым в рассказе, в котором, среди прочего изюма, был критический разбор самого стихотворения и похвал Адамовича» (Набоков 1979: 319)⁸⁷. Ср. пассаж главы о Набокове из «Одиночества и свободы» («Достаточно было бы одного такого стихотворения, как “Поэты” или “Отвяжись, я тебя умоляю...” <...>. Как все хорошо в них! Как удивительно хороши эти “фосфорные рифмы” с “последним чуть зримым сияньем России” на них!». – Адамович 2002: 223), свидетельствующий о том, что Адамович использовал текст своей статьи 1939 г. при работе над книгой, но за истекшие со времени ее выхода десять лет забыл вымышленное имя автора стихов и название второго стихотворения «К России», хотя абсолютно точно процитировал его первую строку и последнюю строку второго катрена «Поэтов», поразившую его без малого тридцать лет назад.

Кроме рассуждения, касающегося стихов Набокова, в письме от 27 декабря 1964 г. есть еще одно полемическое замечание, адресованное Бахраху, сделанное как будто «мимоходом», но при этом актуализирующее несколько уровней историко-культурного текста и требующее основательного герменевтического прочтения «вглубь»: «Насчет Эдгара По Вы ошиблись. Я его люблю, но a *traverse Baudelaire*⁸⁸, и даже помню о нем фразу Бальмонта: “самый звездный из заблудившихся на земле трубадуров вечности”⁸⁹. Речь в этом

⁸⁷ Упомянутую Адамовичем рецензию см.: Последние новости. 1939. 17 августа; рассказ Набокова «Василий Шишков» был опубликован в «Последних новостях» от 12 сентября, реакция Адамовича на него – в той же газете от 22 сентября 1939.

⁸⁸ Вероятно, Адамович прежде всего имеет в виду статьи Бодлера о По «Edgar Allan Poe: sa vie et ses ouvrages» (1852) и «Notes Nouvelles sur Edgar Poe» (1857), весьма далекие от оригинала переводы которых публиковались в России в 1852 и 1856 гг. в «Пантеоне» (№ 9. Отд. III. С. 1–34) и «Сыне отечества» (№ 14. Июль. С. 21, 33–36) соответственно, и/или издание: Бодлер 1910; не исключено, что он читал рассказы По во французских переводах Бодлера.

⁸⁹ Адамович цитирует фразу из предисловия Бальмонта к третьему изданию его переводов Э. По, ср.: «В дополнение к 5 томам произведений Эдгара По, я готовлю

пассаже идет прежде всего об истории восприятия творчества Э. По во Франции, опосредовавшего его восприятие в России; во-вторых – о сопоставительной истории французского и русского декадентства и символизма; в-третьих – о Ш. Бодлере как о переводчике прозы По и пропагандисте его творчества во Франции и о переводчике его поэзии К. Д. Бальмонте, создавшем в России культ американского автора, восходящий к его французскому культу, основоположником которого был Бодлер; наконец, о влиянии текстов и образа По на французскую и русскую литературу и культуру 1850-х – 1910-х гг. в целом⁹⁰. Иными словами, в двух предложениях оказываются «зашифрованными» события нескольких десятилетий и более чем полувековая история литературных связей трех стран, запечатленная в текстах, часть из которых входила в круг юношеского чтения Адамовича и запомнилась ему навсегда.

Иногда исходное выражение согласия с адресатом перерастает в развернутый полемический фрагмент как литературно-критического, так и философского характера, занимающий большую часть письма, ср.: «С Расином у нас совпадение: я тоже его читал, т. к. написал статейку о Винавере⁹¹ и по цитатам вошел во вкус. Кстати, в статейке есть кое-какие мысли о нем, намеком только, которые я хотел бы, чтобы Вы прочли. Но это потом, un jour ou l'autre. А вообще то должен вам сказать (вопреки статье), что что-то остается для меня в Расине неприемлемо, и очевидно во мне больше “русскости”, чем в Вас. Пушкин написал о нем чепуху, но что-то все таки у него не то, на русский слух. Но вот впечатление “за”, а не “против”: сразу после “Федры”, в тот же вечер, я взялся читать

подробное исследование, посвященное жизни и творчеству любимого моего песнопевца, самого звездного из заблудившихся на земле трубадуров Вечности (Бальмонт 1911: VIII; выражаю искреннюю признательность А. Я. Липидус за эти сведения. – О. Д.); вероятнее всего, именно по этому изданию юный Адамович знакомился с русскими переводами По.

⁹⁰ Подробнее об этом с полной историей и литературой вопроса и с сопоставительным анализом английских, французских и русских текстов см.: Гроссман 1998.

⁹¹ Речь идет о статье Адамовича «Расин и Россия» (Новое русское слово. 1952. 9 марта), являющейся откликом на книгу Е. М. Винавера «Racine et la poésie tragique : essai» (см.: Vinaver 1951).

“Горе от ума”, по долгу службы, чтобы кое-что вспомнить: нельзя читать, это рядом с Расином такое мелкое и суетное говно, что стыдно за русские восторги перед Грибоедовым! Я знаю хорошо, что впечатление случайно, что в “Горе от ума” – тысяча достоинств, но падение после той бледной и действительно царственной грусти в это московское болото – удручительно.

А относительно Жида Вы робко намекаете на то, что у него уязвимо. Когда я Вам об этом говорил, Вы кипятились, явно от того чтобы висящий у Вас на стене портрет имел больше цены и весу. Но с Жидом в конце концов многое “не того”, и другого порядка, чем с Расином. Единственное (и вполне возможное) оправдание – что он все свои желания и стремления хотел сделать всем открытыми, чтобы не рисоваться ни в чем решительно, чтобы его судили каким он был. Если это так, тут есть почти героическая откровенность. М. б. это и в самом деле так, не знаю. Он был достаточно умен, чтобы не понимать глубокой мелочности многого, что он о себе рассказал (напр. слез по поводу сожженных женой писем). Но м. б. он ничего не хотел скрыть, даже то, что его репутации вредило, – не непристойности, а именно мелочности. Если так, то в этом есть почти *grandeur*.

Но я не вполне уверен, что это так, и кстати, сейчас вспомнил его давний, ужасный (и вероятно вполне простодушный) рассказ, как он сел с Уайльдом в кафэ спиной к улице, чтобы его в такой компании не видел никто. <...> Даже факт издания всяких писем и дневников Жида можно подвести под то же объяснение: хочется, – значит незачем скрывать! Но плохо, что “хотелось”. Толстому не хотелось⁹² (письмо от 8 марта 1952 г., подчеркивание Адамовича).

В письме от 10 мая 1953 г. упоминание о Жиде связано с оценкой Бунина и вызвано ассоциацией с отношением Жида к А. Франсу, возникшей у Адамовича во время чтения вышедших в 1953 г. в издательстве им. Чехова двух сборников бунинской прозы: «Весной,

⁹² См. некрологическую статью Адамовича «Андрэ Жид» (Новое русское слово. 1951. 11 марта); см. также «Table Talk, II», содержащий фрагменты о Жиде, Достоевском, Алданове, Блоке, Анненском и др. (Новый журнал. 1961. № 66. С. 85–98).

в Иудее. Роза Иерихона» и «Митина любовь. Солнечный удар»⁹³: «Я читал все время два томика Бунина, недавно вышедшие, со всеми его шедеврами. Хорошо, – но плохо поддается перечитыванию: т. е. все сразу было понято и оценено, нет подводных течений, нет той *renombre*, за отсутствие которой Жид не любил Ан. Франса. Хорошо, – и хочется поставить книгу на полку, *il n'y a rien qui traîne après*. Но это – строжайше между нами, даже для друзей и знакомых, которые таких еретических суждений знать не должны. Впрочем, все знают это сами, но я всегда громогласно упорствую, что И<ван> А<лексеевич> – последний великий писатель»⁹⁴.

Встречаются в эпистолярной беседе и юмористические оценочные прогнозы сослагательного характера, напоминающие игру в предсказания. Самый выразительный из них предложен Адамовичем в письме от 27 июня 1967 г. и касается атмосферы на мюнхенском радио «Свобода» и обсуждаемых в режиме иронической ретроспекции предполагаемых карьерных возможностей русских писателей Золотого и Серебряного веков на радиостанции, где в это время служил Бахрах, судя по реакции Адамовича в ответных письмах, регулярно жаловавшийся ему на царившие в Мюнхене нравы⁹⁵. Непосредственным поводом для прогноза послужило, вероятно, сообщение Бахраха о том, что И. Одоевцевой удалось немного заработать на «Свободе», вызвавшее удивление Адамовича, убежденного в том, что она – дама «не станционная», и по ассоциации вспомнившего о разговоре с Червинской, за несколько лет до письма возмущавшейся тем, что ей не удалось стать штатным сотрудником станции, ср.: «Я когда-то говорил Червинской <...>, что если бы на станцию взяли Блока, то он в почете не был бы, а Льва Толстого выгнали бы после первого скрипта <...>. Вот Пушкин мог бы процвести и даже стать во главе отдела».

⁹³ См. рецензию Адамовича «Читая Бунина» (Новое русское слово. 1953. 31 мая).

⁹⁴ Ср. оценки Адамовичем прозы Бунина в письмах к нему 1930-х – 1950-х гг. в: Бунин 2004: 35, 101–102, 108; см. также написанный Адамовичем некролог: Новое русское слово. 1953. 17 ноября.

⁹⁵ См. письмо от 29 января 1962 г.: «Почему-то мне кажется, что Вам совсем осточертел Мюнхен».

Примечательно, что к подобного рода прогнозам был склонен не только Адамович – в письме от 14 декабря 1964 г. он сообщает Бахраху, что «Володя Варшавский беспокоится за кого бы голосовал Достоевский, неужели за Голдвотера?!»⁹⁶

Цитатность, закрепившаяся в литературе и эпистолярной эмиграции как один из структурообразующих семиотических кодов сообщества в целом, в письмах Адамовича обретает статус приема, едва ли не стилистического тропа, во многих случаях «запускающего» литературную игру, способность участвовать в которой свидетельствует о принадлежности к литературному сообществу, отделяя «своих» от «чужих». См., напр., письма от 2 и 29 февраля 1952 г.: «(Кстати, насчет “а он мятежный...” – что это Вы в шутку спрашиваете “откуда”? А знаете ли Вы откуда “Мой дядя самых честных правил”?)»; «А по поводу “Мятежно ищет бури” – оставим до личной встречи. Я хочу раньше пощупать Ваш пульс и видеть, не свести ли Вас к доктору. Не напишу, чье это и откуда, нарочно. Если бы я обнаружил здесь столь энциклопедическое невежество, меня бы выгнали из Университета».

Этой коллизии созвучен эпизод, воссозданный в письме от 11 августа 1952 г. из Ниццы: «Недавно здесь появилась чета Рубинштейнов, живущая около Vence. Я ездил к ним завтракать, а потом они привезли меня в Ниццу и по дороге так ругались, что я чуть не выпрыгнул в окно. Между прочим – *et ceci est super-entre-pous* – он спросил меня, не знаю ли я рассказа Толстого “Путешествие в Арзрум” – и видя на моем лице недоумение добавил: – Есть у кого-то другое “Путешествие в Арзрум”... не помню у кого... что-то такое есть... но нет, я спрашиваю о Толстом! Я от смущения что-то помычал, и разговор на этом кончился. У Толстого есть путешествие

⁹⁶ Речь идет о прошедших в США в ноябре 1965 г. президентских выборах, на которых республиканец Б. Голдуотер потерпел поражение, уступив демократу Л. Джонсону, победившему в 44 из 50 штатов и набравшему 61,1 % голосов. Возможно, поводом для размышлений Варшавского послужило, с одной стороны, намерение Голдуотера упразднить созданные в 1930-х гг. Ф. Рузвельтом программы социального страхования, с другой – высказанные в ходе предвыборной кампании Линденом обвинения в том, что Голдуотер ввергнет США в ядерную войну с СССР.

в Арзамас, а называется его рассказ даже не так, а “Записки сумасшедшего”. Но как Вам нравится наш *fin lettre*?!»

Принципы и специфика эпистолярного цитирования у Адамовича вполне заслуживают отдельного исследования систематизирующего характера, посвященного типологическим инвариантам его цитаций, которые можно выделить, опираясь на различные критерии: авторства (свой⁹⁷ – чужие тексты), жанра и вида цитируемого текста (поэтические, прозаические, публицистические, мемуарные, эпистолярные, научные⁹⁸, литературно-бытовые, общекультурные)⁹⁹, вида цитаты и принципа цитирования (прямое, аллюзивное, ассоциативное, контаминированное и пр.), хронологический, этнокультурный, языковой (на русском или иностранном языке), телеологический и связанный с ним стилистический, (авто)биографический (соотносящий цитируемый текст с жизненными обстоятельствами автора и/или адресата письма или других лиц) и даже статистический (частотность цитации)¹⁰⁰. Адамович цитирует поэзию и прозу отечественных

⁹⁷ В некоторых случаях Адамович цитирует собственные стихи, см., напр., финал письма от 10 августа 1966 г.: «До свидания, cher ami, “Друг моих снов, моего забвения” (это, насколько я помню, цитата из самого себя, и это были не плохие стихи); цитируется стихотворение «Ночь, и к чему говорить о любви?» (1947).

⁹⁸ Так, в письме от 14 февраля 1955 г. Адамович подробно излагает мнения английских исследователей по поводу теории локальных цивилизаций А. Тойнби.

⁹⁹ В письме от 25 ноября 1953 г. «вагнерианец» Адамович просит Бахраха при встрече или в телефонном разговоре спросить одного из коллег по редакции «Русских новостей» «то, что Брунгильда спрашивает Вотана», отсылая к третьему акту «Валькирии» – второй части тетралогии «Кольцо нибелунга», торжественного сценического представления для трех дней и предвечерия на музыку и слова Р. Вагнера и завершая просьбу вопросом: «Неужели я так провинился, что и прощения мне нет?»; вероятно, имеется в виду вопрос Брунгильды «Неужели, отец, отверг ты меня?» (Вагнер 1900: 33).

¹⁰⁰ Пожалуй, к самым частотным относятся толстовское сокращение «е. б. ж.», превратившееся в устойчивый троп, и строка из «Каменщика» В. Я. Брюсова (1901): «Знаем все сами, молчи», неизменно цитируемая неверно: «Сами все знаем, молчи»; первое стилистически нейтрально и употребляется во всех случаях, когда речь идет о близких или дальних планах, вторая имеет явную ироническую окраску и цитируется (преимущественно неточно), когда дело касается предсказуемой в своей непредсказуемости Червинской и/или произведений некоторых авторов, эстетически чуждых Адамовичу, см., напр., отзыв об Алданове в письме от 14 ноября 1954 г.: «Я его

(русских, советских и эмигрантских литераторов) и иностранных авторов от XVII века до современности, критические и историко-литературные статьи, различные *mots*¹⁰¹ и крылатые фразы, мемуары и письма¹⁰², отсылает к известным литературно-бытовым коллизиям¹⁰³ и фактам писательских биографий. Зачастую он по забывчивости или намеренно искажает оригинальные тексты¹⁰⁴, сокращает, контаминирует и перифразирует их¹⁰⁵, указывает имя автора¹⁰⁶, опускает его или представляет аллюзивно-описательно, иногда дополняя описание не вполне обязательной подсказкой¹⁰⁷. Он использует цитирование для (вос)создания настроения или атмосферы¹⁰⁸, введения новой темы, характеристики – нередко

всегда от всех защищаю и удивляюсь, сколько о нем злословят. Даже литературно: ну, да, “сами все знаем” – но чем Газданов и К, его презирающие, лучше?».

¹⁰¹ В письме от 18 января Адамович цитирует когда-то его поразившую фразу Прегель «Сталина я вам дарю, но Ленина я обожаю».

¹⁰² См., напр., письмо от 27 декабря 1964 г.: «До свидания, ангел души моей, как писал мне Штейгер».

¹⁰³ Например, не единожды упоминает о резко негативной реакции Гиппиус на словечко «так» в значении «просто так, без причины», см., напр., письмо от 3 февраля 1965 г.: «“Так” – объяснение, приводившее в ярость Зинаиду Гиппиус (“Что значит: так?”)».

¹⁰⁴ См. финал письма от 19 июня 1966 г.: «А остальное – между строк и само собой ясно. “Трустно жить на свете, господа”. (У Гоголя, кажется, “скучно”»).

¹⁰⁵ См., напр., письмо от 14 февраля 1955 г.: «Учитесь жертвовать собой”, если перефразировать Пушкина. Как видите, я стал в одиночестве Бен-Акибой, и все Вас поучаю».

¹⁰⁶ В письме от 9 октября 1949 г., возмущаясь тем, что редакция «Русских новостей» отвергла одну из его статей, Адамович апеллирует к известному имени: «А ответить я могу как Розанов: “согласен, я бездарен, но тема то моя талантлива”».

¹⁰⁷ См., напр., письмо от 11 декабря 1952 г., в котором после пожелания Бахраху счастья в браке Адамович пишет: «На свете счастья нет...», как заметил Ваш любимый поэт. Но в его время люди были еще очень требовательны».

¹⁰⁸ Так, для характеристики любимой им Ниццы Адамович неизменно цитирует первую строку стихотворения Тютчева «О, этот юг, о, эта Ницца» (1864), заменяя «юг» на «свет»; в письме от 17 ноября 1953 г. строка из стихотворения Тютчева «Глядел я, стоя над Невой...» (1844) цитируется как будто по ассоциации от противоположного – тьмы в Манчестере, ср.: «Сегодня здесь было нечто столь удивительное, как <sic! – О. Д.> я никогда в жизни не видел: с 12 до 3 дня была полная, абсолютная тьма, как глубокой ночью, при том без особого тумана. Даже для Манчестера это была будто бы большая редкость. Не думайте, что я пишу “тьма” более или менее относительно. Нет, темнее, чернее быть не может. И я вспомнил Тютчева, т. е. о том, что сейчас где нибудь “на

иронической – персонажей¹⁰⁹, как эпитафия¹¹⁰, как зачин письма¹¹¹ или как его финал, прямо или от противного подводящий итог сказанному¹¹².

Минимальный объем цитации – слово, отсылающее к известному классическому тексту, например, используемое как утешительный аргумент в письме от 16 мая 1956 г. дважды повторенное заковыченное «образуется», безошибочно соотносимое с известным эпизодом утреннего разговора Стивы Облонского с камердинером Матвеем¹¹³. Следующий уровень – сокращенная до двух слов

солнце пламенеет роскошной Генуи залив...», однако по существу ассоциация здесь более сложная, отсылающая не только к традиционному поэтическому противопоставлению мрачного севера и сияющего светом юга, но и к устойчивому для эмигрантской литературы и мемуаристики образу Петербурга и петербургского тумана.

¹⁰⁹ См., напр., письмо от 3 сентября 1949 г.: «Алданова вижу довольно часто, он грустен, вежлив и мил, как впрочем Вы знаете сами. Я ему рассказал что Тучных был с Вами tout sucre, он печально покачал головой и сказал: “Яков Моисеевич – прекрасный и сердечный человек”. Немножко из Гоголя, правда? Читаю рукопись Шайкевича о Сереже, наконец мне доставленную. Что было за перо у этого человека! (Это по ассоциации с Гоголем)»; в письме от 30 декабря 1951 г. Адамович описывает визит к Буниным: «Вчера обедал у Буниных. Он сидел за столом, и чтоб меня раздражать, бранил Некрасова. Но был, – цитируя того же Некрасова – “элегантен и мил”»; в письме от 26–28 марта 1953 г. сопоставляет «сюрреалистические» сновидения жены Я. Б. Полонского с рассказами прозаика Н. В. Кодрянской, близкого друга А. М. Ремизова: «Обедал у Любочки Полонской, которая рассказывала мне свои сны, требуя их истолкования. А сны вроде сказок Кодрянской: вижу, идет палка, и вдруг эта палка стала вороной – et ainsi de suite»; Адамович ссылается на рассказ Кодрянской «Деревянная палка», отчасти контаминируя его с рассказом «Земля Русская» на уровне мотива превращения (см.: Ковчег 1942: 81–87; Новый журнал. 1942. № 1. С. 177–182; переиздание: Демидова 2003: 318–328).

¹¹⁰ Недатированному письму лета 1948 г. вместо датировки предпослан эпитафия: «Пятница, а числа не помню».

¹¹¹ См., напр., начало письма от 8 августа 1951 г. с двойной цитацией: «Надеюсь, что Вы образумились и из дальних странствий уже возвратились. Пора, мой друг, пора».

¹¹² См., напр., финал письма от 21 мая 1952 г., в котором Адамович благодарит Бахраха за соболезнования в связи со смертью сестры-инвалида, О. В. Адамович, долгие годы бывшей на попечении брата: «Простите, если письмо сухое. Le style n'est pas toujours l'homme».

¹¹³ См.: «Анна Каренина». Часть первая. Глава II; ср. письмо Адамовича: «Очень сочувствую, что Флоренция n'a rien donne, а так же ничего не предвидится другого. Но все “образуется”, а Вы по природе и сущности человек благополучный, так что я не очень за Вас тревожусь. Конечно, как “образуется” – не предвижу».

фраза, см., напр., письмо от 14 ноября 1954 г.: «Написали ли Вы Алданову? Напишите, и не потому, что “собака дворника”, а потому, что пригодится и он правда человек редкий по доброжелательной услужливости».

В некоторых случаях цитация оставляет определенное пространство для неоднозначного истолкования, как, напр., в финале первого письма, завершающегося строками из известного стихотворения М. Кузмина «Среди ночных и долгих бдений...» из цикла «III. ***» (1915): «От души желаю Вам всего, что теперь можно желать, а по Вашему молодому возрасту, в придачу к этому, и немножко развлечений, похожих на счастье. Без этого *la vie n'est pas viable*. Кстати, мне почему то вспомнились две строки, которые мне когда то очень нравились:

...Быть может, это не любовь,
Но так похоже на блаженство».

Еще один случай заложенной автором в текст письма неоднозначности толкования – в письме от 24 июля 1951 г., периода самых напряженных усилий разных кругов и сложных переговоров по поводу создания в Париже новой газеты, в которых Адамович принимал активное участие, с течением времени все более теряя надежду на благополучный исход предприятия. «Деятельность я развиваю бешеную, но “сулит мне труд и горе...”», – пишет он, отсылая адресата к пушкинской «Элегии» (1830) и намеренно опуская следующую строку («Грядущего волнуемое море...») для усиления иронического по тональности эффекта *suspense*, сквозь который явно проступает грядущий эффект обманутых ожиданий.

Дважды, в письмах от 3 октября 1953 г. и 19 мая 1966 г., цитата отсылает к истории отношений Бахраха с Цветаевой, героем одного из «эпистолярных романов» которой он был в начале 1920-х гг.¹¹⁴ В обоих случаях цитируется посвященная К. Родзевичу «Попытка ревности» (1924); следующая сразу за обращением цитация

¹¹⁴ Подробнее см.: Саакянц 1997: 305–360; письма Цветаевой к Бахраху см.: Цветаева 1995: 557–638.

представляет собой свободную контаминацию фразы «Как живется вам», начинающей первый стих первого катрена и рефреном повторяющейся в нескольких последующих, и начала второго стиха восьмого катрена. В письме 1953 г. цитата не закавычена, и за нею следует одна из самых частотных у Адамовича французских фраз, ср.: «Как живется Вам и можется? Et ainsi de suite», которая в данном контексте может быть истолкована по-разному: и как фигура речи, предполагающая стандартные уточняющие этикетные формулы, следующие после подобного вопроса; и как отсылка к полному тексту стихотворения; и как намек на жизненную коллизию тридцатилетней давности. Цитация в письме 1966 г. представляет собой частично закавыченный (и при этом неточный!) двухчастный парафраз, сопровождающийся уточнением, задающим вполне определенный ракурс восприятия, ср.: «Как живете и “как Вам можется”, по Цветаевой, Вашей любимице?»

Богатство стилистической палитры писем Бахраху существенно отличает их тональность от ровного, в пределах двух-трех регистров, тона сохранившихся посланий Адамовича другим адресатам¹¹⁵, а свойственные письмам всепроникающая беззлобная ироничность, во многих случаях маскирующая искреннюю привязанность¹¹⁶, легкость перехода из одного стилистического регистра в другой, дружеская интимность и раскрепощенность, иногда – с оттенком гривуазности на грани легкой скабрзности¹¹⁷, свидетельствуют о

¹¹⁵ Тональность писем Алданову, Буниным, Гиппиус, Полякову сочувственно-понимающе-уважительная, иногда – слегка ироническая, при этом Адамович почти никогда не поддерживает предлагаемого Буниным грубовато-эпатажного тона, неизменно оставаясь в рамках приличий; тон писем Яновскому – грубовато-иронический, соответствующий манере и стилистике писем адресата; писем Червинской – сочувственный, в некоторых случаях – с плохо скрываемым раздражением, когда речь идет об анализе стихов – слегка наставнический.

¹¹⁶ См., напр., письмо от 28 июля 1953 г., в котором серьезность выражения привязанности как будто «снимается» иронической уступкой: «Я Вас честное слово очень люблю, не знаю за что».

¹¹⁷ См., напр., письма от 25 июля 1947 г., 16 февраля 1950 г., 30 декабря 1951 г., 23 июня, 10 августа и 11 сентября 1952 г., 29 июля 1953 г.: «Как Ваши дела денежные и любовные? Буду ждать обстоятельного отчета насчет всего»; «Здесь <в Оксфорде. – О. Д.> пейзажи first class. Но недоступные. Боюсь при покушении быть высланным по этапу»;

присущем Адамовичу чувстве слова, ритма, интонации и меры, из которых и складываются стиль и тон его свободного доверительного эпистолярного общения с Бахрахом, который сам Адамович сопоставлял с пушкинским¹¹⁸.

Последнее письмо Бахраху написано в Ницце 19 февраля 1972 г., после возвращения из Америки, где Адамович провел без малого три месяца¹¹⁹. В письме он спрашивает, был ли Бахрах на похоронах Б. К. Зайцева¹²⁰, сообщает о том, что «Лифарь бросил балет и стал художником – и весной будет его выставка», и называет срок своего предполагаемого возвращения в Париж: «к 1 марта», даже не добавив своих излюбленных оговорок «е. б. ж.» и «sauf imprévu». Однако вернуться не удалось: 21 февраля Адамович умер после второго инфаркта.

«Веселитесь со шведками и финками, но приезжайте скорей в Париж. <...> Слышал, что Вы привозите какого то чухонца, который будет жить с Вами в одной комнате. Что это? Андрюша? Я финнов и вообще северян обожаю, и за одного белобрысого чухну отдам весь французский флот»; «Вот бы мне поглядеть на олимп<ийские> игры, верно, лучше, чем place Blanche!» (Финляндия, где в это время находился Бахрах, готовилась принять Олимпийские игры, прошедшие в Хельсинки с 19 июля по 3 августа 1952 г. – О. Д.); «Вчера сюда прибыл Корнфельд, которого я (по глупости) поселил в той же квартире, где и я. Но он специалист по педерастическим развлечениям, т<ак> что м<ожет> б<ыть> глупость моя, и будет вознаграждена»; «О Маковском мне сообщили, что он мной возмущен: я будто бы хвалил Чиннова потому, чтобы заставить его мне “отдаться”! <...> Я на крайность предпочел бы самого Сергея Константиновича»; «В заключение хочу Вам сообщить анекдот, дошедший до меня из Парижа. Мне очень нравится. Старый русский столяр ищет работу. Его рекомендуют французской даме. Он возвращается расстроенный. “Ну, что, сговорились?” – “Да нет, не подошло... Она сразу спрашивает: “c’est vous l’ébéniste?” Ну, какой же я в 70 лет ебенист!».

Корнфельд Михаил Генрихович – журналист, издатель, в 1910-е гг. издавал петербургский журнал «Сатирикон», в 1931 г. вместе с Л. Г. Мунштейном (Лоло) на несколько месяцев возродил его в Париже (т. н. третий «Сатирикон»; о нем см., напр., Демидова 1999).

¹¹⁸ См. его письмо от 11 декабря 1952 г.: «Ах, cher ami, я по привычке пишу в глупом (но по традиции – пушкински-эпистолярном) тоне».

¹¹⁹ См. его письма из Нью-Йорка от 18 сентября, 28 октября, 18 ноября и 7 декабря 1971 г.

¹²⁰ Зайцев скончался 22 января 1972 г.

АРХИВЫ

BAR. Coll. Adamovich.

BAR. Coll. Aldanov. Box 1.

BAR. Coll. Bacherac. Box 1: Adamovich.

BAR. Coll. Bacherac. Box 5: Tsvibak.

BAR. Coll. A. A. Poliakov. Box 1. Adamovich. Folders 1–18.

BAR. Ms Coll. Yanovsky. Box 1. Folder 1: Adamovich.

БИБЛИОГРАФИЯ

Адамович Г. 1946. Смерть и время. – Русский сборник. Париж: Подорожник. С. 171–182.

Адамович Г. 1958. Наши поэты: 1. Георгий Иванов. – Новый журнал. № 52. С. 55–62.

Адамович Г. 1959. Василий Алексеевич Маклаков: Политик, юрист, человек. Париж: Издание друзей В. А. Маклакова.

Адамович Г. 1961a. Вклад русской эмиграции в мировую культуру. Париж: [б. и.]

Адамович Г. 1961b. Толстой. Париж: Imprimerie de Navarre.

Адамович Г. 1966. Об Александре Гингере. – Мосты. № 12. С. 266–268.

Адамович Г. 1967a. Единство: Стихи разных лет. Нью-Йорк: Русская книга.

Адамович Г. 1967b. О книгах и авторах. Заметки из литературного дневника. Париж: [б. и.]

Адамович Г. 1996. Одиночество и свобода / Сост., автор предисловия и примечаний В. Крейд. М.: Республика.

Адамович Г. В. 1998. Собр. соч.: Литературные беседы / Вступительная ст., сост. и примечания О. А. Коростелева. Кн. 1–2. СПб.: Алетейя.

Адамович Г. В. 1999. Собр. соч.: Стихи, проза, переводы / Вступительная ст., сост. и примечания О. А. Коростелева. СПб.: Алетейя.

Адамович Г. 2000. Письма Василию Яновскому. Письма Роману Гринбергу / Публикация В. Крейда. – Новый журнал. № 218. С. 121–151.

Адамович Г. В. 2000. Собр. соч.: Комментарии / Сост., послесловие и примечания О. А. Коростелева. СПб.: Алетейя.

Адамович Г. В. 2002. Собр. соч.: Одиночество и свобода / Сост., послесловие и примечания О. А. Коростелева. СПб.: Алетейя.

Бабореко А. К. 1956. Из переписки И. А. Бунина / Публикация и примечания А. К. Бабореко. – Новый мир. № 10. С. 197–211.

- Бальмонт К. Д. 1911. Предисловие к третьему изданию. – Собр. соч. Эдгара По / В пер. с английского К. Д. Бальмонта. Изд. 3-е, переработанное. Т. 1. М.: Скорпион. С. VII–VIII.
- Белобровцева И. З. 2020. Леонид Зуров: В тени Бунина. М.: Азбуковник.
- Берберова Н. Н. 1996. Курсив мой: Автобиография / Вступительная ст. Е. В. Витковского; комментарии В. П. Кочетова, Г. И. Мосешвили. М.: Согласие.
- Берберова Н. Н. 1997. Люди и ложи: Русские масоны XX столетия. М.; Харьков: Прогресс-Традиция; Калейдоскоп.
- Богомолов Н. А. 2002. Письма Г. В. Адамовича к З. Н. Гиппиус: 1925–1931 / Подготовка текста, вступительная ст. и комментарии Н. А. Богомолова. – Диаспора: Новые материалы. Вып. 3. Париж; СПб.: Athenaeum; Феникс. С. 435–535.
- Бодлер Ш. 1910. Эдгар По: Жизнь и творчество. Одесса: Тип. Н. Гальперина.
- Будницкий О. В. 1999. Дело Нины Берберовой. – Новое литературное обозрение. № 39. С. 141–173.
- Вагнер Р. 1900. Валькирия: Опера в 3-х актах / Музыка Рихарда Вагнера; перевод И. Тюменева. 2-е изд. М.: Музыкальная торговля П. Юргенсона.
- Винокурова И. 2014. «Камер-фурьерский журнал» Нины Берберовой. – Звезда. № 8. С. 200–214.
- Винокурова И. 2019. Неоконченные споры. Еще раз о «деле» Нины Берберовой. – Звезда. № 8. С. 162–176.
- Гингер А. 1965. Сердце. Париж: Рифма.
- Гроссман Дж. Д. 1998. Эдгар По в России: Легенда и литературное влияние. СПб.: Академический проект.
- Демидова О. Р. 1999. К истории третьего «Сатирикона» (Материалы из архива Дон-Аминадо). – Вестник Удмуртского университета. Специальный вып. С. 161–171.
- Демидова О. Р. 2000. Еще раз о маске: Образ автора в письмах Георгия Адамовича. – Потаенная литература: Исследования и материалы. Вып. 2. Иваново: Ивановский государственный университет. С. 153–162.
- Демидова О. Р. 2003. Мы: Женская проза русской эмиграции / Сост. О. Р. Демидова. СПб.: РХГИ, 2003.
- Демидова О. Р. 2006. Письма Георгия Адамовича Лидии Червинской / Подготовка текста и публикация О. Р. Демидовой. – Вестник Крымских литературных чтений. Вып. 3. С. 110–138.

- Демидова О. Р. 2015. Изгнание как послание: Эстезис и этос русской эмиграции. СПб.: Русская культура.
- Демидова О. Р. Георгий Адамович: От «Русских новостей» к «Русской мысли» (в печати).
- Иванов Г. 1930. <Рец. на:> В. Сирин. «Машенька», «Король, дама, валет». «Защита Лужина», «Возвращение Чорба». – Числа. № 1. С. 233–236.
- Ковчег 1942. Ковчег: Сборник русской зарубежной литературы. Нью-Йорк: Association of Russian Writers in New York.
- Коростелев О. А. 1997. Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды. Письма Г. Адамовича И. Одоевцевой и Г. Иванову (1955–1958) / Публикация О. А. Коростелева. – Минувшее: Исторический альманах. Вып. 21. М.; СПб.: Athenaeum; Феникс. С. 391–501.
- Коростелев О. А. 2000. Два полюса одной литературы: Марина Цветаева и Георгий Адамович: Хроника противостояния. М.: Дом-музей Марины Цветаевой.
- Коростелев О. А. 2013. От Адамовича до Цветаевой: Литература, критика, печать Русского зарубежья. СПб.: Издательство им. Н. И. Новикова; Издательский дом «Галина скрипит».
- Коростелев О., Дэвис Р. 2004. Переписка И. А. и В. Н. Буниных с Г. В. Адамовичем (1926–1961) / Публикация О. Коростелева и Р. Дэвиса. – И. А. Бунин: Новые материалы. Вып. I. М.: Русский путь. С. 8–164.
- Крайни<й> А. [З. Н. Гиппиус] 1930. Литературные размышления. – Числа. № 2–3. С. 148–154.
- Крейд В. 1994. Письма Георгия Адамовича / Публикация и примечания В. Крейда. – Новый журнал. № 194. С. 257–319.
- Крейд В. и Крейд В. 1999а. Письма Георгия Адамовича / Публикация В. Крейда и В. Крейд. – Новый журнал. № 216. С. 98–146.
- Крейд В. и Крейд В. 1999б. Письма Георгия Адамовича / Публикация В. Крейда и В. Крейд. – Новый журнал. № 217. С. 41–82.
- Крейд В. и Крейд В. 2000. Георгий Адамович: Письма Василию Яновскому. Письма Роману Гринбергу / Публикация и примечания В. Крейда и В. Крейд. – Новый журнал. № 218. С. 121–151.
- Крейд В. 2001а. Георгий Адамович: Письма А. В. Бахраху: 1954–1956 / Публикация В. Крейд. – Новый журнал. № 224. С. 70–98.
- Крейд В. 2001б. Георгий Адамович: Письма А. В. Бахраху (1957–1965) / Публикация В. Крейд. – Новый журнал. № 225. С. 148–185.

- Крейд В. 2002. Георгий Адамович: Письма А. В. Бахраху (1966–1968) / Публикация В. Крейд. – Новый журнал. № 228. С. 151–191.
- Крейд В. 2003. Георгий Адамович: Письма А. В. Бахраху (1969–1972) / Публикация В. Крейд. – Новый журнал. № 230. С. 130–155.
- Ливак Л. 2001. Материалы к биографии Юрия Фельзена. – *From the Other Shore: Russian Writers Abroad: Past and Present*. Vol. 1. С. 47–70.
- Маковский С. К. 1955. Портреты современников. Нью-Йорк: Издательство им. Чехова.
- Маковский С. К. 1962. На Парнасе «Серебряного века». Мюнхен: Издательство ЦОПЭ.
- Малмстад Дж. 1991. Из переписки В. Ф. Ходасевича / Публикация Дж. Малмстада. – *Минувшее: Исторический альманах*. Вып. 3. М.: Прогресс; Феникс. С. 277–291.
- Мельников Н. 1996. «До последней капли чернил...»: Набоков и «Числа». – *Литературное обозрение*. № 2. С. 72–82.
- Набоков В. Стихи. *Ann Arbor / Ann Arbor: Ардис / Ardis*, 1979.
- Перс С.-Ж. Анабазис / Пер. Георгия Адамовича и Георгия Иванова. Париж: Издательство Я. Е. Поволоцкого.
- Саакянц А. 1997. Марина Цветаева: Жизнь и творчество. М.: Эллис Лак.
- Тодд III У. М. 1994. Дружеское письмо как литературный жанр в пушкинскую эпоху. СПб.: Академический проект.
- Фридберг М. 1964. «Евгений Онегин» в переводе Набокова. – *Новый журнал*. № 77. С. 297–300.
- Цветаева М. И. 1995. *Собр. соч.*: В 7-ми тт. Т. 6: Письма. М.: Эллис Лак.
- Чуковская Л. 1997. *Записки об Анне Ахматовой*: В 3-х тт. Т. 3. М.: Согласие.
- Яновский В. С. 1983. *Поля Елисейские: Книга памяти*. Нью-Йорк: Серебряный век.
- Яхнина Ю. s. a. Три Камю. – <http://www.vavilon.ru/noragal/yahnina.html>
- Adamovitch, G. 1947. *L'Autre patrie*. Paris: Egloff.
- Adamovitch, G. 1971. *Une mise en garde : á propos d'un entretien*. – *Soljénitsyne / Dirigé par Georges Nivat et Michel Aucouturier*. Paris : Éditions de l'Herne. P. 412–416.
- Frank, S. 2018. *A Scandal in Letters: Nina Berberova and the Nazi Occupation of France*. – *The Russian Review*. Vol. 77. No 4. P. 602–620.

Hagglund, R. 1985a. *Georgy Adamovich: An Annotated Bibliography – Criticism, Poetry and Prose, 1915–1980* / Roger Hagglund, Comp. Ann Arbor: Ardis.

Hagglund, R. 1985b. *A Vision of Unity: Adamovich in Exile*. Ann Arbor: Ardis.

Vinaver, E. 1951. *Racine et la poésie tragique : essai*. Paris: Librairie Nizet.

REFERENCES

Adamovich, G. “Smert’ i vremia.” In *Russkii sbornik*, 171–82. Paris: Podorozhnik, 1946.

—. “Nashi poety: 1. Georgii Ivanov.” *Novyi zhurnal* 52 (1958): 55–62.

—. *Vasilii Alekseevich Maklakov: Politik, iurist, chelovek*. Paris: Izdanie družei V. A. Maklakova, 1959.

—. *Vklad russkoi emigratsii v mirovuiu kul’turu*. Paris: n. p., 1961.

—. *Tolstoi*. Paris: Imprimerie de Navarre, 1961.

—. “Ob Aleksandre Gingere.” *Mosty* 12 (1966): 266–68.

—. *Edinstvo: Stikhi raznykh let*. New York: Russkaia kniga, 1967.

—. *O knigakh i avtorakh. Zametki iz literaturnogo dnevnika*. Paris: n. p., 1967.

—. *Oдиночество и свобода*. Edited, prefaced and annotated by V. Kreid. Moscow: Respublika, 1996.

—. *Sobranie sochinenii: Literaturnye besedy*. Edited, prefaced and annotated by O. A. Korostelev. 2 vols. Saint-Petersburg: Aletheia, 1998.

—. *Sobranie sochinenii: Stikhi, proza, perevody*. Edited, prefaced and annotated by O. A. Korostelev. Saint-Petersburg: Aletheia, 1999.

—. “Pis’mo Vasiliuu Ianovskomu. Pis’mo Romanu Grinbergu.” Published by Vadim Kreyd. *Novyi zhurnal* 218 (2000): 121–51.

—. *Sobranie sochinenii: Kommentarii*. Edited and annotated by O. A. Korostelev. Saint-Petersburg: Aletheia, 2000.

—. *Sobranie sochinenii: Oдиночество и свобода*. Edited and annotated by O. A. Korostelev. Saint-Petersburg: Aletheia, 2002.

Adamovitch, G. *L’Autre patrie*. Paris: Egloff, 1947.

—. “Une mise en garde: à propos d’un entretien.” In *Soljénitsyne*. Edited by Georges Nivat and Michel Aucouturier, 412–16. Paris: Éditions de l’Herne, 1971.

Baboreko, A. K. “Iz perepiski I. A. Bunina.” Published and annotated by A. K. Baboreko. *Novyi mir* 10 (1956): 197–211.

- Bal'mont, K. D. "Predislovie k tret'emu izdaniuu." In *Sobranie sochinenii*, by Edgar Allan Poe. Translated from the English by K. D. Bal'mont. 3rd rev. ed. Vol. 1, VII–VIII. Moscow: Skorpion, 1911.
- Belobrovtseva, I. Z. *Leonid Zurov: V teni Bunina*. Moscow: Azbukovnik, 2020.
- Berberova, N. N. *Kursiv moi: Avtobiografiia*. Prefaced by E. V. Vitkovskii, annotated by V. P. Kochetova and G. I. Moseshvili. Moscow: Soglasie, 1996.
- . *Liudi i lozhi: Russkie masony XX stoletii*. Moscow and Kharkiv: Progress-Traditsiia; Kaleidoskop, 1997.
- Bogomolov, N. A. "Pis'ma G. V. Adamovicha k Z. N. Gippius: 1925–1931." Edited, prefaced and annotated by N. A. Bogomolov. In *Diaspora: Novye materialy*. Vol. 3, 435–535. Paris and Saint-Petersburg: Athenaeum; Feniks, 2002.
- Baudelaire, Ch. *Edgar Poe: Zhizn' i tvorchestvo*. Odessa: Tip. N. Gal'perina, 1910.
- Budnitskii, O. V. "Delo Niny Berberovoi." *Novoe literaturnoe obozrenie* 39 (1999): 141–73.
- Chukovskaia, L. *Zapiski ob Anne Akhmatovoi*. 3 vols. Vol. 3. Moscow: Soglasie, 1997.
- Demidova, O. R. "Pis'ma Georgiia Adamovicha Lidii Chervinskoi." Published and edited by O. R. Demidova. *Vestnik Krymskikh literaturnykh chtenii* 3 (2006): 110–38.
- . "K istorii tret'ego 'Satirikona' (Materialy iz arkhiva Don-Aminado)." Special issue, *Vestnik Udmurtskogo universiteta* (1999): 161–71.
- . "Eshche raz o maske: Obraz avtora v pis'makh Georgiia Adamovicha." In *Potaennaia literatura: Issledovaniia i materialy*. Vol. 2, 153–62. Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, 2000.
- . *My: Zhenskaia proza russkoi emigratsii*. Edited by O. R. Demidova. Saint-Petersburg: RKhGI, 2003.
- . *Izgnan'e kak poslan'e: Esthesis i ethos russkoi emigratsii*. Saint-Petersburg: Russkaia kul'tura, 2015.
- . "Georgii Adamovich: Ot 'Russkikh novostei' k 'Russkoi mysli.'" (forthcoming)
- Frank, S. "A Scandal in Letters: Nina Berberova and the Nazi Occupation of France." *The Russian Review* 77, no. 4 (2018): 602–20.
- Fridberg, M. "'Evgenii Onegin' v perevode Nabokova." *Novyi zhurnal* 77 (1964): 297–300.
- Ginger, A. *Serditse*. Paris: Rifma, 1965.
- Grossman, J. D. *Edgar Poe v Rossii: Legenda i literaturnoe vliianie*. Saint-Petersburg: Akademicheskii proekt, 1998.

- Ianovskii, V. S. *Polia Eliseiskie: Kniga pamiati*. New York: Serebrianyi vek, 1983.
- Iakhnina, Iu. "Tri Camus." Accessed November 20, 2021. <http://www.vavilon.ru/noragal/yahnina.html>
- Ivanov G. Review of V. *Mashen'ka, Korol', dama, valet, Zashchita Luzhina* and *Vozvrashchenie Chorba*, by V. Sirin [V. Nabokov, pseud.]. *Chisla* 1 (1930): 233–36.
- Hagglund, R. *A Vision of Unity: Adamovich in Exile*. Ann Arbor: Ardis, 1985.
- Hagglund, R., comp. *Georgiy Adamovich: An Annotated Bibliography–Criticism, Poetry and Prose, 1915–1980*. Ann Arbor: Ardis, 1985.
- Korostelev, O. A. "Epizod sorokapiatiletnei družhby-vrazhdy. Pis'ma G. Adamovicha I. Odoevtsevoi i G. Ivanovu (1955–1958)." Published by O. A. Korostelev. In *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh*. Vol. 21, 391–501. Moscow; Saint-Petersburg: Athenaem; Feniks, 1997.
- . *Dva poliusa odnoi literatury: Marina Tsvetaeva i Georgii Adamovich: Khronika protivostoianiiia*. Moscow: Dom-muzei Mariny Tsvetaevoi, 2000.
- . *Ot Adamovicha do Tsvetaevoi: Literatura, kritika, pechat' Russkogo zarubezh'ia*. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo im. N. I. Novikova; Izdatel'skii dom "Galina skripsit," 2013.
- Korostelev, O. and R. Davies. "Perepiska I. A. i V. N. Buninykh s G. V. Adamovichem (1926–1961)." Published by O. Korostelev and R. Davies. In *I. A. Bunin: Novye materialy*. Vol. 1, 8–164. Moscow: Russkii put', 2004.
- Kovcheg: Sbornik russkoi zarubezhnoi literatury*. New York: Association of Russian Writers in New York, 1942.
- Krainii, A. [Z. N. Gippius, pseud.]. "Literaturnye razmyshleniia." *Chisla* 2–3 (1930): 148–54.
- Kreyd, V. "Pis'ma Georgiia Adamovicha." Published and annotated by Vadim Kreyd. *Novyi zhurnal* 194 (1994): 257–319.
- Kreyd, V. "Georgii Adamovich: Pis'ma A. V. Bakhrakhu: 1954–1956." Published by Vera Kreyd. *Novyi zhurnal* 224 (2001): 70–98.
- . "Georgii Adamovich: Pis'ma A. V. Bakhrakhu (1957–1965)." Published by Vera Kreyd. *Novyi zhurnal* 225 (2001): 148–75.
- . "Georgii Adamovich: Pis'ma A. V. Bakhrakhu (1966–1968)." Published by Vera Kreyd. *Novyi zhurnal* 228 (2002): 151–91.
- . "Georgii Adamovich: Pis'ma A. V. Bakhrakhu (1969–1972)." Published by Vera Kreyd. *Novyi zhurnal* 230 (2003): 130–55.
- Kreyd, V. and V. Kreyd. "Pis'ma Georgiia Adamovicha." Published and annotated by Vadim and Vera Kreyd. *Novyi zhurnal* 216 (1999): 98–146.

- . “Pis'ma Georgiia Adamovicha.” Published and annotated by Vadim and Vera Kreyd. – *Novyi zhurnal* 217 (1999): 41–82.
- . “Georgii Adamovich. Pis'ma Vasiliuu Ianovskomu. Pis'ma Romanu Grinbergu.” Published and annotated by Vadim and Vera Kreyd. *Novyi zhurnal* 218 (2000) 121–151.
- Livak, L. “Materialy k biografii Iuriiia Fel'zena.” *From the Other Shore: Russian Writers Abroad: Past and Present* 1 (2001): 47–70.
- Makovskii, S. K. *Portrety sovremennikov*. New York: Izdatel'stvo im. Chekhova, 1955.
- . *Na Parnase “Serebriianogo veka”*. Munich: Izdatel'stvo TsOPE, 1962.
- Malmstad, J. “Iz perepiski V. F. Khodasevicha.” Published by J. Malmstad. In *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh*. Vol. 3, 277–91. Moscow: Progress; Feniks, 1991.
- Mel'nikov N. “Do poslednei kapli chernil...”: Nabokov i ‘Chisla.’” *Literaturnoe obozrenie* 2 (1996): 72–82.
- Nabokov, V. *Stikhi*. Ann Arbor: Ardis, 1979.
- Perse, St-J. *Anabasis*. Translated from the French by G. Adamovich and G. Ivanov. Paris: Izdatel'stvo Ia. E. Povolotskogo.
- Saakiant, A. *Marina Tsvetaeva: Zhizn' i tvorchestvo*. Moscow: Ellis Lak, 1997.
- Todd III, W. M. *Druzheskoe pis'mo kak literaturnyi zhanr v pushkinskuiu epokhu*. Saint-Petersburg: Akademicheskii proekt, 1994.
- Tsvetaeva, M. I. *Sobranie sochinenii*. 7 vols. Vol. 6, *Pis'ma*. Moscow: Ellis Lak, 1995.
- Vinaver, E. *Racine et la poésie tragique: essai*. Paris: Librairie Nizet, 1951.
- Vinokurova, I. “Kamer-fur'erskii zhurnal' Niny Berberovoi.” *Zvezda* 8 (2014): 200–14.
- . “Neokonchennye spory: Eshcho raz o ‘dele’ Niny Berberovoi.” *Zvezda* (2019): 162–176.
- Wagner, R. *Val'kiriia: Opera v 3-kh aktakh*. Music by Richard Wagner, [libretto] translated by I. Tiumenev. 2nd ed. Moscow: Muzykal'naia torgovlia P. Iurgensona, 1900.

III

**ПАМЯТИ
ЛАРИСЫ ГЕОРГИЕВНЫ
СТЕПАНОВОЙ
(1941–2009)**

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В этом году, в самом его конце (27 декабря) исполняется 80 лет со дня рождения Ларисы Степановой. Ее нет с нами уже двенадцать лет (23 июля 2009 года). Друзья, близкие и коллеги отмечают какие-то хронологические вехи.

Через 2 года после Лориной смерти, и к ее 70-летию (часть тиража удалось напечатать непосредственно ко дню рождения) вышла книга: «Laurea Logae: Сборник памяти Ларисы Георгиевны Степановой» (СПб., 2011), включавшая не только статьи, но и мемуары и работы о ней – по-русски и по-итальянски.

75-летие было отмечено одной заметкой – публикацией инскриптов Иосифа Бродского, адресованных Лоре¹. В этом году мы собрали несколько статей ближайших друзей, они перед читателем. Кто из нас доживет до следующей круглой даты – мы можем только гадать, но будем стараться поддерживать память о ней.

Г. А. Левинтон
(С.-Петербург)

¹ См.: Левинтон Г. 2016. Несколько дружеских надписей Иосифа Бродского. – Звезда. № 12. С. 133–137.

ИТАЛЬЯНСКИЕ МОТИВЫ В ПОЭМЕ ПУШКИНА «АНДЖЕЛО»

А. А. Долинин

(Мэдисон / С.-Петербург)

Поэма Пушкина «Анджело» представляет собой вольное переложение основного сюжета пьесы Шекспира «Мера за меру» (далее МЗМ) с вкраплением нескольких фрагментов ее перевода. В свою очередь, МЗМ основана на бродячем сюжете, имевшем широкое хождение в XVI в. В указателе Аарне-Томпсона он значится под номером K1353 и описывается следующим образом: “Woman deceived into sacrificing honor. Ruler promises to release her brother (husband) but afterwards refuses to do so” (Thompson 1960: 391; [«Женщину обманом вынуждают пожертвовать честью. Правитель обещает освободить ее брата (мужа), а затем отказывается выполнить обещание»¹]). В современном английском шекспироведении его обычно называют «гнусный выкуп» (“the monstrous ransom”).

Этот сюжет бытовал во многих вариантах (см.: Bolte 1902: 65; Budd 1931: 711–736; Bullough 1958: 399–530; Lawrence 1960: 84–91; Prouty 1964: 131–145; Lever 2003: XXXV–XLIV). Однако, как давно установили исследователи, источниками Шекспиру послужили две его обработки: новелла из сборника итальянского писателя Джованни Баттиста Джиральди Чинтио (Giovanni Battista Giralaldi Cinzio, 1504–1573) «Экатоммити» (“Hecatommithi” – «Сто сказаний», *греч.*, 1565; см. там же источник «Отелло») о несправедном губернаторе Инсбрука Джуристе, который уговорил юную Эпитию отдаться ему, пообещав ей за это помиловать ее приговоренного к смерти брата, но не сдержал обещание (русск. пер. см.: Итальянская новелла 1957: 503–513), а также основанная на этой новелле драма Джорджа Ветстоуна (George Whetstone, 1544?–1588) «Промос и Кассандра» (“The Right Excellent and Famous Historie of Promos and Cassandra”,

¹ Здесь и далее переводы цитат – мои. – А. Д.

1578). Об итальянской новелле в связи с «Анджело» вспомнил еще П. А. Катенин, писавший: «Шекспир переделал повесть из Жеральдо Чинтио в драму “Мера за меру”»: весьма понятно, но драму опять переделывать в повесть с разговорами: странная мысль» (Пушкин в воспоминаниях 1998, 1: 189).

Пушкин, по всей вероятности, знал о существовании источников МЗМ, так как они упоминались в предисловии Амадея Пишо к французскому переводу пьесы, которым он пользовался наряду с английским оригиналом. « On voit dans cette pièce, – писал критик, – que le génie créateur de Shakspeare pouvait féconder le germe le plus stérile. Une ancienne pièce dramatique, d’un nommé Georges Whestone <sic!>, intitulée *Promas* <sic!> et *Cassandra*, composition pitoyable, est devenue une de ses meilleures comédies. Peut-être aussi n’a-t-il même pas fait l’honneur à Whestone de profiter de son travail; car une nouvelle de Gerald Cinthio contient à peu près tous les événemens de *Mesure pour mesure*, et Shakspeare n’avait besoin que d’une idée première pour construire sa fable et la mettre en action. Dans la nouvelle de Cinthio, et dans la pièce de Whestone, le juge prévaricateur vient à bout de ses desseins sur la sœur qui demande la grâce de son frère. Condamné par le prince à être puni de mort, après avoir épousé la jeune fille qu’il a outragée il obtient sa grâce, par les prières de celle qui oublie sa vengeance dès que le coupable est devenue son époux » (Shakspeare 1823: 151–152; [«Из этой пьесы видно, что творческий гений Шекспира мог оплодотворить самое бесплодное зерно. Старинная драма некоего Джорджа Вестона <sic!>, озаглавленная “Промас <sic!> и Кассандра”, сочинение бездарное, была превращена им в одну из лучших комедий. Возможно, ему даже не пришлось оказать честь Вестону и воспользоваться его опусом, потому что одна новелла Джеральди Чинтио содержит почти все события “Меры за меру”, а Шекспиру нужна была лишь первоначальная идея, чтобы выстроить фабулу и привести ее в движение. И в новелле Чинтио, и в пьесе Вестона бессовестный судья добывается своего от девушки, которая пришла просить его помиловать ее брата. За это государь женит его на обещанной им девушке, после чего велит казнить, но в конце концов милует, благодаря мольбам той, кто забывает о мести, став женой виновного»]).

Саму новеллу Чинтио Пушкин скорее всего не читал, поскольку единственное издание французского перевода «Экатоммити»² было в России едва ли доступно, и потому должен был предполагать, что ее действие происходит на родине автора, а не в условной Вене, как у Шекспира. На итальянские корни сюжета указывали и итальянские имена почти всех персонажей МЗМ. Именно поэтому, вероятно, Пушкин перенес место действия из условной шекспировской Вены в «один из городов Италии счастливой» и назвал герцога этого города «Дук» (*итал.* Dusa – ‘герцог’), по итальянскому произношению, а не более употребительным галлицизмом «дюк».

Эпитет «счастливый» применительно к Италии – это клише, восходящее к античности и бытовавшее во всех основных европейских языках (*итал.* l’Italia felice; *франц.* l’heureuse Italie; *англ.* happy Italy; *нем.* glücklich Italien). Оно встречается еще в дошедшем до нас фрагменте (121/600) трагедии Софокла «Триптолем»: «Италия счастливая желтеет / От золотистых нив» (Софокл 1990: 396); на монетах императора Адриана чеканили надпись „Italia felix”, то есть «Италия счастливая». До «Анджело» Пушкин использовал его в одесском эпизоде «Путешествия Онегина»: «Сыны Авзонии счастливой / Слегка поют мотив игривый, / Его невольно затвердив...» (Пушкин 1937–1959, 6: 205). Как заметил И. А. Пильщикова, выражение «счастливая Италия / Авзония» с середины XVIII в. ассоциируется в первую очередь «с культурным расцветом эпохи Возрождения» (Пильщикова 2003: 210). См., например, в лекции «О последовательном прогрессе человеческого духа» (1750) французского экономиста и философа Анн-Робер-Жака Тюрго: « Je te salue, ô Italie! Heureuse terre, pour la seconde fois la Patrie des lettres et du goût... » (Turgot 1808: 87; [«Я приветствую тебя, о Италия! Счастливая страна, вторично ставшая родиной литературы и вкуса...»]). Особо важную роль в

² Le premier et le second volume des Cent excellentes Nouvelles de M. Jean Baptiste Giraldy Cinthien, Gentilhomme Ferrarois, Contenant plusieurs beaux exemples & notables histoires, partie tragiques, partie plaisantes & agréables, qui tendent à blâmer les vices, & former les mœurs d’un chacun / Mis d’Italien en François par Gabriel Chappuys Tourangeau. Paris: Pour Abel l’Angelier libraire jure, tenant sa boutique au premier pillier de la grand salle du Palais, 1583–1584. Новелла об Эпитии напечатана во втором томе сборника, р. 107–115.

распространении мифологизированных представлений об Италии эпохи Возрождения сыграл роман мадам де Сталь «Коринна, или Италия» (1807). Его героиня, итальянская поэтесса, певица, художница, импровизируя на тему «Слава и счастье Италии», воспевает родину как страну, которая возродила античное искусство и дала миру великих поэтов – Данте, Тассо, Петрарку, Ариосто, великих художников – Микеланджело, Рафаэля, великих композиторов, путешественников, ученых. В Италии, декламирует она, сам солнечный свет «будоражит воображение, возбуждает мысль, порождает отвагу и погружает в сон счастья» (см.: Staël 1820: 59; Модзалевский 1910: 341, № 1406). Делая своего Дука «другом художеств и наук», Пушкин вписывает его в один ряд с легендарными герцогами итальянских ренессансных городов-государств.

Кроме этих отсылок к «счастливой Италии» в самом начале «Анджело», поэма, как верно заметил В. Ф. Переверзев, не имеет «ничего итальянского – ни быта, ни природы» (Переверзев 1982: 413). Характерно, что единственная историко-этнографическая деталь, добавленная Пушкиным, – обычай казнить по пятницам («На полных площадях, безмолвных от боязни, / По пятницам пошли разыгрываться казни». – Пушкин 1937–1959, 5: 108) – связана не с итальянской, а с англо-американской практикой публичных экзекуций в XVII–XVIII вв.³

Отсутствие итальянского *couleur locale* отчасти компенсируется реминисценциями «Ада» Данте, которые обнаруживаются в одном из самых сильных мест «Анджело» – монологе Клавдио о смерти и загробных муках грешника (см.: Левин 1968: 257–258). Сравним английский оригинал этого монолога (с подстрочником), его прозаический французский перевод и, наконец, текст Пушкина:

³ Публичные казни часто (но не всегда) производили по пятницам в Англии и английских колониях XVI–XVIII в.; поэтому пятницу там называли «виселичный день» (“hanging day”) или «день палача» (“hangman’s day”). См., например, в «Истории Нью Йорка» Вашингтона Ирвинга: “[Friday] being that unlucky day of the week, termed ‘hanging day’” (Irving 1824: 199; «<Пятница> несчастливый день недели, который называют “висельным днем”»)

Ay, but to die, and go we know not where;
To lie in cold obstruction, and to rot;
This sensible warm motion to become
A kneaded clod; and the delighted spirit
To bathe in fiery floods, or to reside
In thrilling region of thick-ribbed ice;
To be imprison'd in the viewless winds,
And blown with restless violence round about
The pendant world: or to be worse than worst
Of those that lawless and uncertain thought
Imagine howling, – 'tis too horrible.
The weariest and most loathed worldly life
That age, ache, penury and imprisonment
Can lay on nature is a paradise
To what we fear of death.

[Но все же: умереть, уйти неведомо куда,
Лежать в студеном оцепенении, гнить;
Чтоб чувствующее, теплое, подвижное вдруг стало
Комком персти; а расширившийся [delighted=dilated] дух
Окунулся в огненные потоки иль очутился
В страшном краю толсто-ребристых льдов;
Быть узником невидимых ветров
И без конца носиться под их ударами вокруг
Подвешенного земного шара; иль испытать то, что ужаснее
Самых ужасных загробных мук, которые рисует
Беззаконная и неясная фантазия. – Как это страшно!
Самая тяжелая, самая ненавистная земная жизнь, –
В старости, в болезнях, в нищете, в неволе, –
Гнетущая природу, это рай
По сравнению с тем, чего мы боимся в смерти.]

(Lever 2003: 73–74)

« Oui: mais mourir, et aller on ne sait où; être gissant dans une froide tombe, et y tomber en corruption; perdre cette chaleur vitale et douée de sentiment, pour devenir une argile docile; tandis que l'âme accoutumée

ici-bas à jouissances se baignera dans les flots brûlans, ou sera plongée dans des régions d'une glace épaisse, – emprisonnée dans les vents invisibles, pour être emportée violemment par les ouragans autour de ce globe suspendu dans l'espace, ou pour subir des états plus affreux que le plus affreux de ceux que la pensée errante et incertaine imagine avec un cri d'épouvante; oh! cela est trop horrible. La vie de ce monde la plus pénible et la plus odieuse que la vieillesse, ou la misère, ou la douleur, ou la prison puissent imposer à la nature, est encore un paradis auprès de tout ce que nous appréhendons de la mort » (Shakspeare 1821: 225–226).

Так – однако ж... умереть,
Идти неведомо куда, во гробе тлеть
В холодной тесноте... Увы! земля прекрасна
И жизнь мила. А тут: войти в немую мглу,
Стремглав низвергнуться в кипящую смолу,
Или во льду застыть, иль с ветром быстротечным
Носиться в пустоте, пространством бесконечным....
И всё, что грезится отчаянной мечте...
Нет, нет: земная жизнь в болезни, в нищете,
В печалях, в старости, в неволе... будет раем
В сравненьи с тем, чего за гробом ожидаем.

(Пушкин 1937–1959, 5: 123)

Пушкин довольно точно передает самый общий смысл монолога и его эмоциональную окраску, а также сохраняет инфинитивные конструкции. Однако образный строй оригинала у него заметно изменен и упрощен (подробнее см. Долинин 2007: 41). Создается впечатление, что пушкинского Клавдио страшат не столько посмертные мытарства бесплотной души, отделившейся от истлевающего тела и покинувшей земной шар, как в МЗМ, сколько телесные муки наказанных грешников в аду, как в «Inferno» и в народных верованиях. Два ярких образа у Пушкина – «немая мгла» и «кипящая смола» – вообще отсутствуют как в оригинале, так и во французском переводе, но имеют параллели у Данте.

Как заметил Ю. Д. Левин, «кипящая смола» отсылает к песни XXI «Inferno», где описаны муки лихоимцев (пятый ров восьмого круга).

Бесы бросают их в ров, где кипит густая смола («*bolgia là giuso una pegola spessa*» – XXI, 17), и не позволяют высунуть голову наружу (см.: Левин 1968: 258). «Огненные потоки» в МЗМ – это метафизический образ совсем другого происхождения и характера. За ним стоит античная идея загробного очищения душ от скверны погружением в космические стихии. Ср. в «Энеиде»: «Одни, овеваемы ветром, / Будут висеть в темноте, у других пятно преступленья / Выжжено будет огнем или смыто в пучине бездонной» (Вергилий 1979: 260; пер. С. А. Ошерова).

Метафора «немая мгла» до Пушкина использовалась в русской поэзии – в балладе архаиста А. И. Писарева на сюжет Шарля Юбера Мильвуа «Выкуп Оссиана» («Лишь изредка браздой огонь мраки раздирает, / Как славные дела немую мглу веков»), напечатанной в альманахе Одоевского и Кюхельбекера «Мнемозина» (Ч. 3. М., 1824. С. 148) и в «Соревнователе просвещения и благотворения» (Ч. 28. 1824. С. 65). Писарев мог подхватить ее в ранней редакции элегии того же Мильвуа «Годовщина» («*L'anniversaire*», 1806): «*L'obscurité muette augmenta ma souffrance*» (Millevoeye 1809: 134; [«немая мгла усилила мои страдания»])⁴. Однако в обоих случаях она тематически никак не связана с загробным миром: у Мильвуа речь идет о бессонных ночах, а у Писарева – об историческом прошлом. С другой стороны, в «Inferno» «немота / молчание» дважды выступает как метафорический атрибут солнца или света, означая тьму. В первой песни поэмы, перед появлением Вергилия и вхождением в ад, страшная волчица гонит героя прочь, туда, где «молчит солнце» («*là dove 'l sol tace*» – I, 60), то есть в тот темный лес («*una selva oscura*» – I, 2), из которого он пытается вырваться (о «молчащем мраке» как символе богооставленности см. Neilbronn-Gaines 1995: 287–288). Сходный образ «молчащего света» («*Io venni in luogo d'ogni luce muto*» – V, 28) появляется и в начале пятой песни, когда Данте вступает во второй круг ада, где караются сластолюбцы, чей разум был побежден же-

⁴ В брюссельском собрании сочинений Мильвуа, которое сохранилось в библиотеке Пушкина, «Годовщина» напечатана в сокращении без этого стиха (Millevoeye 1823: 60–61; Модзалевский 1910: 289, № 1171).

ланием («...peccator carnali, / che la ragion sommettono al talento» – V, 38–39). Если вспомнить, что Клаудио приговорен к смертной казни за плотский грех с девицей, то ассоциация его страхов именно со вторым кругом получает сильную мотивировку.

Правда, мрак во втором круге не «молчит», потому что в нем звучат стоны и жалобы наказанных грешников. Там их мучает «адский ураган, который, никогда не затихая, всей своей силой гонит души: терзает их, крутя и колотя» («La bufera infernal, che mai non resta, / mena li spirti con la sua rapina; / voltando e percontendo li molesta» – V, 31–33). Мотив ураганного ветра, который терзает души умерших, есть и в монологе Клаудио, но, как давно установили шекспироведы, он восходит не к Данте, а к античным источникам – к процитированному выше месту из шестой песни «Энеиды» и к финалу шестой книги диалога Цицерона «О Республике», так называемого «Сна Сципиона». В этой книге Сципиону во сне является покойный Публий Африканский, который поднимает его высоко над Землей, показывает звезды и планеты, объясняет устройство космоса и, наконец, говорит о том, что душа вечна и ее нужно готовить к вечной жизни после смерти:

Ибо дух тех, кто предавался чувственным наслаждениям, предоставил себя в их распоряжение как бы в качестве слуги и, по побуждению страстей, повинующихся наслаждению, оскорбил права богов и людей, носится, выйдя из их тел, вокруг самой Земли и возвращается в это место только после блужданий в течение многих веков (Цицерон 1966: 87–88).

Оба описания (особенно первое) считаются прообразами средневековых христианских представлений о чистилище⁵, и это обстоятельство позволило американскому шекспироведу Джону Хэнкинсу предположить, что, говоря об огненных потоках, о страшном крае льдов и о ветрах, которые носят душу вокруг Земли, шекспировский Клаудио имеет в виду муки чистилища, а не ада (см.: Hankins 1956: 487–494).

⁵ Об истории этих представлений см.: Le Goff 1990; Walls 2012; в шекспировскую эпоху – Greenblatt 2013.

В переводе монолога Пушкин отбросил почти все мотивы, связанные с чистилищем, и заменил их мотивами «адскими». Если у Шекспира Клаудио боится после смерти попасть в страну льдов – согласно ряду ранних средневековых источников, одну из двух или трех частей чистилища (см.: Le Goff 1990: 197–198, 297), то у Пушкина он воображает, что вмерзнет в лед, подобно предателям, которых Данте поместил в последний, девятый круг ада. Если у Шекспира душа проходит очищение в огненных потоках или реках (постоянный мотив всех текстов о чистилище), то у Пушкина ее казнят в «смоле кипящей», как в «Inferno». Только ураганный ветер в переводе отнесен не к аду, как у Данте, а к «бесконечному пространству», хотя и здесь Пушкин отклоняется от оригинала, где Шекспир отталкивался от «Сна Сципиона».

Поскольку французский перевод МЗМ, которым пользовался Пушкин, довольно точно передает все сложные места монолога, сделанные замены нельзя списать на его недостаточную языковую компетенцию. По всей вероятности, скрещение Шекспира с Данте понадобилось Пушкину, чтобы усилить едва намеченный итальянский фон «Анджело». Это тем более вероятно, что он (как, впрочем, и большинство европейских романтиков) считал Данте и Шекспира близкими родственниками (хотя их разделяло почти 300 лет) – великими предтечами романтизма, национальными гениями одного типа, который эстетика классицизма отвергала как варварский, дикий, грубый (ср.: Вацуро 1995: 380–381). Только Шекспир и Данте, писал Август Шлегель в «Курсе драматической литературы», наделены «тем взглядом истинного поэта, который проникает во внутреннюю жизнь природы и самых тайных сил» (Schlegel 1814: 43). Недаром в известной заметке Пушкина о смелости гения имени Шекспира и Данте стоят рядом:

Есть высшая смелость: смелость изобретения, создания, где план обширный объемлетс творческой мыслью – такова смелость Шекспира, Dante, Milton'a, Гете в Фаусте, Молиера в Тартюфе (Пушкин 1937–1959, 11: 61).

При таком подходе огромные различия между двумя «смелыми» гениями скрадываются, а сходство преувеличивается, и в перевод из одного легко вживляются мотивы и образы из другого.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вацуро В. Э. 1995. Пушкин и Данте. – Лотмановский сборник. [Вып.] 1. М.: Издательство «ИЦ-Гарант». С. 375–391.
- Вергилий 1979. Буколики. Георгики. Энеида. М.: Издательство «Художественная литература».
- Долинин А. А. 2007. Пушкин и Англия: Цикл статей. М.: Новое литературное обозрение.
- Итальянская новелла 1957. Итальянская новелла Возрождения. М.: Государственное Издательство Художественной Литературы.
- Левин Ю. Д. 1968. Об источниках поэмы Пушкина «Анджело». – Известия Академии Наук СССР. Серия литературы и языка. Т. XXVII. Вып. 3 (май–июнь). С. 255–258.
- Модзалевский Б. Л. 1910. Библиотека А. С. Пушкина (Библиографическое описание). – Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. IX–X. СПб.: Типография Императорской Академии наук.
- Переверзев В. Ф. 1982. Гоголь. Достоевский. Исследования. М.: Советский писатель.
- Пильщиков И. А. 2003. Батюшков и литература Италии: Филологические разыскания / Под ред. М. И. Шапира. М.: Языки славянской культуры.
- Пушкин А. С. 1937–1959. Полн. собр. соч.: В 17-ти тт. [М.; Л.]: Издательство Академии Наук СССР.
- Пушкин в воспоминаниях 1998. А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. 3-е изд. В 2-х тт. / Вступительная ст. В. Э. Вацуро; сост. и примечания В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсона, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович и др. СПб.: Академический проект.
- Софокл 1990. Драмы / В пер. Ф. Ф. Зеленского. Под ред. М. Л. Гаспарова и В. Н. Ярхо. М.: Наука.
- Цицерон 1966. Диалоги. О государстве. О законах / Изд. подготовили И. Н. Веселовский, В. О. Горенштейн и С. Л. Утченко. М.: Наука.
- Bolte, J. 1902. Italienische Volkslieder aus der Sammlung Hermann Kestners. – Zeitschrift des Vereins für Volkskunde. Bd. XII. Berlin: Verlag von A. Asher & Co. S. 57–65.

- Budd, F. E. 1931. Material for the Study of the Sources of Shakespeare's *Measure for Measure*. – *Revue de littérature comparée*. Vol. 11. P. 711–736.
- Bullough, G. (ed.) 1958. Narrative and Dramatic Sources of Shakespeare. Vol. II: The Comedies, 1597–1603. London; New York: Routledge and Kegan Paul; Columbia University Press.
- Greenblatt, S. 2013. Hamlet in Purgatory / With a new preface by the author. Princeton and Oxford: Princeton University Press.
- Hankins, J. E. 1956. The Pains of the Afterworld: Fire, Wind, and Ice in Milton and Shakespeare. – *PMLA*. Vol. 71. No. 3 (June). P. 482–495.
- Heilbronn-Gaines, D. 1995. *Inferno* I: Breaking the Silence. – Dante's *Inferno*: The Indiana Critical Edition / Translated and edited by Mark Musa. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press. P. 286–298.
- [Irving, W.] 1824. A History of New York from the Beginning of the World to the End of the Dutch Dynasty <...> by Diedrich Knickerbocker. London: Printed for Thomas Tegg.
- Lawrence, W. W. 1960. Shakespeare's Problem Comedies. Second Edition. New York: F. Ungar Pub. Co.
- Le Goff, J. 1990. The Birth of Purgatory / Translated by Arthur Goldhammer. Aldershot: Scolar Press.
- Lever, J. W. (ed.) 2003. *Measure for Measure*. The Arden Edition of the Works of William Shakespeare. London: The Arden Shakespeare.
- Millevoye, Ch.-H. 1809. Belzunce, ou La peste de Marseille, et La bataille d'Austerlitz, poèmes, suivis d'autres poésies. Second édition, corrigée, augmentée de plusieurs pièces et de la traduction in vers des odes choisies d'Anacréon. Paris: De l'Imprimerie de Giguet et Michaud.
- Prouty, Ch. T. 1964. George Whetstone and the Sources of *Measure for Measure*. – *Shakespeare Quarterly*. Vol. 15. No. 2 (Spring). P. 131–145.
- Schlegel, A. W. 1814. Cours de littérature dramatique / Traduit de l'Allemand [par Madame Necker, née de Saussure]. T. 3. Paris; Genève: Chez J. J. Paschoud.
- Shakespeare, [W.] 1821. Œuvres complètes / Traduites de l'anglais par Letourneur. Nouvelle édition, revue et corrigée par F. Guizot et A. P[ichot], traducteur de Lord Byron. Précédée d'une notice biographique et littéraire sur Shakespeare par F. Guizot. T. VIII. Paris: Chez Ladvocat.
- Staël, Mme la baronne de 1820. Œuvres complètes de Mme la baronne de Staël / Publiées par son fils ; précédées d'une notice sur le caractère et les écrits de

- Mme de Staël, par Madame Necker de Saussure. T. VIII: Corinne, ou L'Italie. Paris: Chez Treuttel et Würtz.
- Thompson, S. 1960. Motif-Index of Folk-Literature: A Classification of Narrative Elements in Folktales, Ballads, Myths, Fables, Medieval Romances, Exemplars, Fabliaux, Jest-Books, and Local Legends / Revised and Enlarged Edition by Stith Thompson. Vol. 4: J–K. Bloomington: Indiana University Press.
- Turgot, [A.-R.-J.] 1808. Œuvres de M^r. Turgot, ministre d'État, Précédées et accompagnées de Mémoires et de Notes sur sa Vie, son Administration et ses Ouvrages. T. II. Paris: De l'Imprimerie de Delance.
- Walls, J. L. 2012. Purgatory: The Logic of Total Transformation. Oxford; New York: Oxford University Press.

REFERENCES

- A. S. *Pushkin v vospominaniiakh sovremennikov*. Prefaced by V. E. Vatsuro, edited and annotated by V. E. Vatsuro, M. I. Gille'son, R. V. Iezuitova, Ia. L. Levkovich et al. 2 vols. 3rd ed. Saint-Petersburg: Akademicheskii proekt, 1998.
- Bolte, J. "Italienische Volkslieder aus der Sammlung Hermann Kestners." In *Zeitschrift des Vereins für Volkskunde*. Vol. 12, 57–65. Berlin: Verlag von A. Asher & Co., 1902.
- Budd, F. E. "Material for the Study of the Sources of Shakespeare's *Measure for Measure*." *Revue de littérature comparée* 11 (1931): 711–36.
- Bullough, G., ed. *Narrative and Dramatic Sources of Shakespeare*. Vol. 2, *The Comedies, 1597–1603*. London and New York: Routledge and Kegan Paul; Columbia University Press, 1958.
- Cicero. *Dialogi. O gosudarstve. O zakonakh*. Edited by I. N. Veselovskii, V. O. Gorenshtein and S. L. Utchenko. Moscow: Nauka, 1966.
- Dolinin, A. A. *Pushkin i Angliia: Tsikl statei*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007.
- Greenblatt, S. *Hamlet in Purgatory*. With a new preface by the author. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2013.
- Hankins, J. E. "The Pains of the Afterworld: Fire, Wind, and Ice in Milton and Shakespeare." *PMLA* 71, no. 3 (June 1956): 482–95.
- Heilbronn-Gaines, D. "Inferno I: Breaking the Silence." In *Dante's Inferno: The Indiana Critical Edition*. Translated and edited by Mark Musa, 286–98. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1995.

- [Irving, W.] *A History of New York from the Beginning of the World to the End of the Dutch Dynasty* [...], by Diedrich Knickerbocker. London: Printed for Thomas Tegg, 1824.
- Ital'ianskaia novella Vozrozhdeniia*. Moscow: Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Khudozhestvennoi Literatury, 1957.
- Lawrence, W. W. *Shakespeare's Problem Comedies*. 2nd ed. New York: F. Ungar Pub. Co., 1960.
- Le Goff, J. *The Birth of Purgatory*. Translated by Arthur Goldhammer. Aldershot: Scolar Press, 1990.
- Lever, J. W., ed. *Measure for Measure. The Arden Edition of the Works of William Shakespeare*. London: The Arden Shakespeare, 2003.
- Levin, Iu. D. "Ob istochnikakh poemy Pushkina 'Andzhelo'." *Izvestiia Akademii Nauk SSSR. Seriiia literatury i iazyka* 27, no. 3 (May–June, 1968): 255–58.
- Millevoye, Ch.-H. *Belzunce, ou La peste de Marseille, et La bataille d'Austerlitz, poèmes, suivis d'autres poésies*. 2nd rev. ed. Paris: De l'Imprimerie de Giguet et Michaud, 1809.
- Modzalevskii, B. L. "Biblioteka A. S. Pushkina (Bibliograficheskoe opisanie)." In *Pushkin i ego sovremenniki: Materialy i issledovaniia*. Vol. 9–10. Saint-Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk, 1910.
- Pereverzev, V. F. *Gogol'. Dostoevskii. Issledovaniia*. Moscow: Sovetskii pisatel', 1982.
- Pil'shchikov, I. A. *Batiushkov i literatura Italii: Filologicheskie razyskaniia*. Edited by M. I. Shapir. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2003.
- Prouty, Ch. T. "George Whetstone and the Sources of *Measure for Measure*." *Shakespeare Quarterly* 15, no. 2 (Spring 1964): 131–45.
- Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii*. 17 vols. [Moscow and Leningrad]: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1937–1959.
- Schlegel, A. W. *Cours de littérature dramatique*. Translated from the German [by Madame Necker, née de Saussure]. Vol. 3. Paris and Geneva: Chez J. J. Paschoud, 1814.
- Shakspeare, [W.] *Œuvres complètes*. Translated from the English by Letourneur, prefaced by F. Guizot. New rev. ed. by F. Guizot and A. P[ichot]. Vol. 8. Paris: Chez Ladvoocat, 1821.
- Sophocles. *Dramy*. Translated by F. F. Zelenskii, edited by M. L. Gasparov and V. N. Jarcho. Moscow: Nauka, 1990.

- Staël, Mme la baronne de. *Œuvres complètes de Mme la baronne de Staël*. Published by her sons, foreword by Madame Necker de Saussure. Vol. 8, *Corinne, ou L'Italie*. Paris: Chez Treuttel et Würtz, 1820.
- Thompson, S. *Motif-Index of Folk-Literature: A Classification of Narrative Elements in Folktales, Ballads, Myths, Fables, Medieval Romances, Exempla, Fables, Jest-Books, and Local Legends*. Rev. and enlarged ed. by Stith Thompson. Vol. 4, J–K. Bloomington: Indiana University Press, 1960.
- Turgot, [A.-R.-J.]. *Œuvres de M^r. Turgot, ministre d'État*. Vol. 2. Paris: De l'Imprimerie de Delance, 1808.
- Vatsuro, V. E. "Pushkin i Dante." In *Lotmanovskii sbornik*. Vol. 1, 375–91. Moscow: Izdatel'stvo "ITs-Garant," 1995.
- Vergilius. *Bukoliki. Georgiki. Eneida*. Moscow: Izdatel'stvo "Khudozhestvennaia literatura," 1979.
- Walls, J. L. *Purgatory: The Logic of Total Transformation*. Oxford and New York: Oxford University Press, 2012.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ КОММЕНТАРИЯ К «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКЕ»: 9–II¹

А. Л. Осповат

(Москва / Лос-Анджелес)

9

И такъ батюшка читалъ Придворный Календарь, изрѣдко пожимая плечами и повторяя въ полголоса: «Генераль-поручикъ!.. Онъ у меня въ ротѣ былъ сержантомъ!... Обоихъ Россійскихъ орденовъ кавалеръ!.. А давно ли мы?» Наконецъ батюшка швырнулъ Календарь на диванъ, и погрузился въ задумчивость, не предвѣщавшую ничего добраго (Глава I)².

Как следует из контекста, *Придворный Календарь* попадает в руки старшего Гринева осенью 1772 г. – «не ранее середины сентября» (Лурье 1997: 147), «предположительно во второй половине октября – начале ноября» (Долинин 1997: 54). Этот эпизод, служащий триггером развития фабулы, окружен широким референтным полем, которое в значительной степени сформировано затекстовой реальностью.

Начну со справки о военной биографии Андрея Петровича. Первая фраза романа сообщает, что *в молодости своей он служил при графе Минихе*, т. е. участвовал в Крымском походе против

¹ Предыдущую публикацию заметок из этой серии см.: Осповат 2010: 125–127.

² Здесь и далее все заглавные фрагменты приводятся по журнальной публикации романа (Пушкин 1836: 42–215), увидевшей свет при жизни и под контролем автора. Текст «Капитанской дочки», напечатанный Б. В. Томашевским в т. н. Большом Академическом собрании (Пушкин 1937–1959, 8: 277–384), представляет собой контаминацию белой рукописи и журнальной редакции (см.: Оксман 1964: 245, Оксман 2005: 178–179 [письмо П. Н. Беркову от 11 августа 1963 г.]; по частному поводу см. также прим. 9). Фрагменты из романа, цитируемые в заметках, тоже даются по журнальной публикации, но в соответствии с нормами современной орфографии, и они выделены курсивом.

Оттоманской Порты (1736–1739) под предводительством генерал-фельдмаршала Бурхарда Кристофа Миниха (Burkhard Christoph von Münnich)³. Не обращая внимание на катастрофические потери в рядах наступающей (и отступающей) по безводным степям армии, Миних прокладывал победный маршрут Бахчисарай, Очаков, Хотин (в результате сражения под Ставучанами), Яссы. Хотя по условиям мирного договора 1739 г. Турция сохранила полуостров в своем владении, релевантным оказался не политический итог этой кампании, но ее прецедентуальный смысл для русского экспансионизма на южном фронтире⁴. Имя полководца стало неперенным символом воинской славы⁵, служба под его началом, расцвеченная в преданиях всех сословий русского общества, – фамильной привилегией⁶.

³ Профиль настоящей заметки не предусматривает даже краткого изложения биографии Миниха, организатора первого дворцового переворота в России (1740) и одного из творцов «Восточного проекта». По необходимости ниже я коснусь некоторых черт репутации фельдмаршала, по смерти которого Екатерина II сказала: „Münnich <...> ist zwar kein Sohn, aber ein Vater des russischen Reichs“ (Büshing 1769: 535). Интересующихся отсылаю к работам.: Ley 1959; Münnich 1989; Berg 2001.

⁴ Миних «сделал русское оружие страшным для Порты. Победа, одержанная им над Турками и Татарами при Ставучанах, была зарею триумфов, которыми прославились <...> полководцы Екатерины» (Жизнь Потемкина-Таврического 1812: 41, прим. 2). Мнение о том, что старший Гринев ходил в некий «прусский поход Миниха» 1733 г. (см.: Гиллельсон, Мушина 1977: 97; Кожевников 1996: 200), равно как и дальнейшее обсуждение этой темы (см.: Красухин 2006: 29), не имеет под собой оснований: никакой войны с Пруссией Россия в то время не вела. Напротив, экспедицию Миниха против польского короля Станислава Лещинского, завершившуюся взятием Данцига (1734), прикрывал отряд прусской армии (см.: Бантыш-Каменский 1836, 3: 330).

⁵ Его уподобляли античному герою: «О буди кто из нас готовый, / Нам вождь Перикл, иль Миних новый...» (Сумароков 1763: 6), – и, с легкой руки Фридриха Великого, титуловали *Российским Евгением* [Савойским] (см.: Frédéric 1788: 66; Колотов 1811: VII; Бибииков 1817: 67). В своих мемуарах, опубликованных посмертно, он не обинуясь утверждал: «Le nation russe me donna deux titres, celui de *Столпъ Россикскай Имперіи*, Colonne de l'Empire Russie, & l'autre *Соколъ ou Faucon*, qui a l'œil partout » (Münnich 1989: 93).

⁶ Укажем, среди много прочего, на два эпизода, которые относятся к 1808 г. В мае, благодаря Сергея Глинку за подписку на его журнал, граф Алексей Аракчеев без всякой на то нужды вставил в свое письмо справку: «Родной мой прадед генерал-майор Аракчеев служил в этом чине во время Минихова похода к Очакову» (Аракчеев 1808: 254; это был не «родной прадед» автора письма, а брат его деда – Василий Аракчеев).

Кого же из бывших армейских знакомых Андрей Гринев обнаружил в списке персон, входивших в придворную, военную и административную элиту в 1772 г.? *Сержант* из его *роты*, позднее получивший чин *генерал-поручика*, уже опознан (см.: Лурье 1997: 147–148) – именно в этом чине в «Придворном календаре» значится кавалер ордена Св. Анны «Иван Андреевич Рейнсдорф, оренбургский губернатор» (Календарь 1772: 33)⁷. Отсюда последовал вывод об изменении «честолюбивых помыслов» отставного премьер-майора:

Петруша записан сержантом в гвардию, и в Петербурге есть знатный родственник князь Б. Но не вернее ли поручить мальчика заботам старого товарища и настоящего служаки, который достиг столь высокого положения? Под его началом Петруша станет «солдат, а не шаматон» и не будет забыт, если выпадет случай отличиться (Лурье 1997: 148).

Эта реконструкция хода мыслей Андрея Петровича, которая в целом соответствует общепринятой трактовке данного персонажа («служба» в его глазах есть «благородное служение». – Квашина 1996: 210), вызывает серьезные сомнения. Затекстовая фигура *близкого родственника* Гриневых князя Б. очевидным образом соотносится с графом Яковом Александровичем Брюсом, «кавалером ордена Св. Александра Невского, генерал-поручиком, лейб-гвардии Семеновского полка подполковником и Ея Императорского Величества генерал-адъютантом» (Календарь 1772: 22об.; см. также: Месяцослов 1772: 194)⁸. По протекции князя Б. малолетний

В октябре же Марта Уилмот, ирландская товарка княгини Екатерины Дашковой, на почтовой станции в Бронницах столкнулась со зрителем, сидевшим под портретом фельдмаршала: “On enquiring into its history he told me that his great uncle had served under Munich & received the portrait from him as a mark of favor” (Wilmot 1934: 385).

⁷ В одновременно вышедшей росписи чиновных особ (см.: Месяцослов 1772: 194), официальных документах и «Истории Пугачевского бунта» фамилия оренбургского губернатора передается как Рейнсдорп. Между тем Пушкин не располагал сведениями о его возрасте: Рейнсдорп родился в 1730 г. (см.: Овчинников 1988: 107) и не мог участвовать в Крымском походе.

⁸ Он командовал Семеновским полком – с большими перерывами – в 1766–1784 гг. (см.: Дирин 1883, 2. Приложение VII: 26). Полковником всех четырех на тот момент

Петр Гринев⁹ был записан в Семеновский полк, причем (по особой милости?) сразу *сержантом*¹⁰, что открывало возможность для перевода в офицеры любого бывшего на виду пехотного полка (см. заметку 10), где он смог бы *понюхать пороху*, стать *солдатом*, а не *шаматоном* и заодно выделиться в глазах начальства. Таким образом, упекая своего сына в захолустный полк на окраину империи в надежде лишь на покровительство давно потерявшего с ним связь *старинного товарища*, Гринев-рèге вряд ли руководствовался соображениями возвышенного свойства.

По всей вероятности, в отцовский расчет входили обстоятельства, намеренно затененные заключительной репликой при чтении *несчастной книги*. В «Придворном календаре на 1772 год» находим только двух участников Крымского похода, впоследствии ставших кавалерами *обоих* высших *Российских орденов* (св. Апостола Андрея Первозванного и св. Александра Невского), и оба они вступили в армию Миниха еще отроками. Один из них – «князь Василей Михайлович Долгоруков, генерал-аншеф» (Календарь 1772: 13, 18об.; ср.: Бантыш-Каменский 1814: 114, 209¹¹): в 1736 г., тринадцати лет от роду, он вступил в действительную службу солдатом, и за участие во взятии Перекопской крепости фельдмаршал пожаловал его в прапорщики, несмотря на запрет

полков лейб-гвардии (Преображенского, Семеновского, Измайловского и Конного) была императрица Екатерина II.

⁹ Указание на время записи в полк, присутствующее в белой рукописи: «Матушка была еще мной брюхата...» (Пушкин 1837–1959, 8: 279), – было снято в журнальной публикации. Обоснование авторской правки см.: Осповат 2000: 216–227; ср. в этой связи: Калашников 2000: 50–52.

¹⁰ По контрасту, например, с Иваном Дмитриевым, который в двенадцатилетнем возрасте (в 1772 г.) был записан в этот полк солдатом, через три года произведен в фурыеры «подполковником нашим графом Брюсом» (Дмитриев И. 1893: 17) и, последовательно проходя ступени унтер-офицерской лестницы вместе со старшим братом Александром, получил чин сержанта только на восемнадцатом году жизни (см.: Дмитриев М. 1998: 512, коммент. 59). Эти сведения Пушкин мог почерпнуть из неизданных мемуаров и устных рассказов Дмитриева, лишь частично отразившихся в «Истории Пугачевского бунта» (см.: Пушкин 1837–1959, 9: 497–498; ср.: Там же, 15: 62; Оксман 1959: 52–60).

¹¹ Этот фундаментальный труд был составлен Н. Н. Бантыш-Каменским, выставившим на обложке имя своего сына (см.: Дружинин 2018: 247–290).

императрицы Анны Иоанновны производить в офицеры отпрысков опальной фамилии Долгоруковых (см.: Бантыш-Каменский 1836. II: 273). Второй – «граф Петр Иванович Панин, генерал-аншеф» (Календарь 1772: 13, 18; ср.: Бантыш-Каменский 1814: 113, 159), который фигурирует в «Истории Пугачевского бунта». Сообщая, что летом 1774 г. он принял «главное начальство над губерниями, где свирепствовал мятеж» (Пушкин 1937–1959, 9: 70), автор отослал к отнюдь не обязательному примечанию: «Граф Петр Иванович Панин <...> родился в 1721 году. Начал службу свою под начальством Графа Миниха; в 1736 году находился при взятии Перекопа и Бахчисарая <...> (Там же: 116)¹².

Отставной премьер-майор, удалившийся в свое симбирское имение, разумеется, знал, что в 1769 г. Россия опять вступила в войну с Оттоманами; ее преемственную связь с Крымским походом, в феврале провозглашенную одописцем:

Предерзкий род! иль ты забыл,
Каков у Россов Миних был,
Свою напасть и их победы?
(Херасков [1799]: 163)¹³

– удостоверяли питомцы Миниха, которым теперь принадлежала ведущая роль. Граф Петр Румянцев, генерал-фельдмаршал (с 1772 г.), самый молодой среди них¹⁴, возглавлял Первую армию; граф Петр Панин принял под команду Вторую армию; затем, после

¹² Внимание Пушкина несомненно привлек и тот факт, что военная служба Петра Панина тоже началась при весьма неблагоприятных обстоятельствах: «Юноша лет пятнадцати, в солдатском мундире Измайловского полка, стоял на часах во дворце Императрицы Анны Иоанновны: он отдал честь ружьем Монархине, и в то самое время показалось на лице его судорожное движение, которое Государыня приняла за умышленное кривляние. <...> Он едва избежал Сибири, но был отправлен в армию против Крымцев» (Бантыш-Каменский 1834: I; Бантыш-Каменский 183, 4: 408).

¹³ Ср. в издании «Библиотеки поэта»: «Каков у россов Минин был...» (Херасков 1961: 65). Подсказанная патриотическим инстинктом опечатка восходит к тексту «Русских анекдотов» Сергея Глинки: «Бирон, Минин, Шувалов, все сии могущественные чиновники...» (Глинка 1822: 123).

¹⁴ По возрасту Румянцев не участвовал в Крымском походе, однако на рубеже 1740–1741 гг. четырнадцатилетним подпоручиком он служил на ординарцах у Миниха (см.:

взятия Бендер (1770), его сменил князь Василий Долгоруков. Как уже приходилось отмечать, тема новой войны, заключительный этап которой совпал с пугачевским мятежом, полностью элиминирована в тексте «Капитанской дочки» (см.: Осповат 1998: 51 и след.; Лямина, Осповат 2019: 98–101)¹⁵. Этот авторский умысел предусматривал, в частности, утайку истинных причин, вызвавших отсылку сержанта гвардии на службу в Оренбург.

Волей судьбы Петр Гринев остался единственной отраслью почтенного дворянского рода (*Все мои братья и сестры умерли во младенчестве*), и, как хорошо понятно, забота о наследнике составляла приоритетную обязанность его отца¹⁶. Осенью 1772 г., когда Андрей Петрович решил отправить *Петрушу* на службу¹⁷, давно запланированный отъезд сына в Семеновский полк вовсе не гарантировал его дальнейшее благополучие. Хотя после смерти Петра I гвардия не принимала участие в бранях XVIII в. (за исключением русско-шведской войны 1788–1790 гг.), офицеры этих полков постоянно «рвались в дело» (Дирин 1883, 1: 297) и нередко это им удавалось¹⁸. О том, что в 1769 г. не кто иной, как

Румянцев 1994: 83), которого позднее называл «великим человеком» (Büshing 1789: 485 passim.).

¹⁵ Единственный намек, мелькнувший в главе XIV при описании прогулки девицы Мироновой по Царскому селу осенью 1774 г.: *Марья Ивановна пошла около прекрасного луга, где только что поставлен был памятник в честь недавних побед графа Петра Александровича Румянцева*, – нельзя квалифицировать иначе как позднейшую вставку Петра Андреевича, который, как известно, излагал рассказы нареченной невесты (или уже жены) после освобождения из Казанской тюрьмы.

¹⁶ См. в этой связи: Аксаков 1986: 35.

¹⁷ По-видимому, как раз в первой декаде октября 1772 г. до провинции дошли вести о прекращении мирных переговоров с Турцией в Фокшанах. Косвенным образом об этом свидетельствует «перетревоживший» Андрея Болотова слух, что якобы «спрашивают всех отставных опять в службу и что будет с 50 душ рекрут» (Болотов 1872: 94). Было бы опрометчиво расширять событийный ряд, введенный в подтекст «Капитанской дочки», но стоит заметить, что этой осенью Петр Гринев встретил в Симбирске ротмистра Зурина, который находился там *при приеме рекрут*.

¹⁸ Например, в 1737 г. императрица Анна Иоанновна повелела «командировать к действующей армии по одному батальону из каждого гвардейского полка» (Карцов 1854: 418; ср.: Дирин 1883, 1: 216), о чем Пушкин мог знать из семейных преданий. Его прадед капитан-поручик Василий Чичерин воевал в Крыму в составе батальона Семеновского полка (см.: Карцов 1854: 448–449, прим.*) Другой его прадед, Алексей

подполковник Яков Брюс, отобрав из числа семеновских офицеров группу волонтеров, вместе с ними ушел на войну (см.: Карцов 1854: 478–485), Андрей Петрович должен был известиться по близкому родству с князем Б. Кроме того, обновленное воспоминание о юных участниках Крымского похода¹⁹ побуждало старшего Гринева задуматься о прецеденте, который мог стать воодушевляющим примером для его шестнадцатилетнего сына.

Оставляя на догадку степень информированности Андрея Петровича, нельзя упустить целый ряд фактов, находившихся в поле зрения Пушкина. Скорее всего, Вяземский, еще в детстве сблизившийся с князем Юрием Нелединским-Мелецким, сообщил ему, как в 1770 г. восемнадцатилетний сержант артиллерии добился перевода во Вторую армию Петра Панина (см.: Самарин 1876: 8–9), а из дневника Александра Храповицкого, ближайшего сотрудника Екатерины II, автор «Капитанской дочки» мог познакомиться с рассказом о «десятилетнем» прапорщике Сазонове, отличившемся при взятии Бендер в 1771 г. (см.: Храповицкий 1824: 54–55; ср.: Храповицкий 1901: 168)²⁰. Наконец, в книге, проштудированной Пушкиным в 1830-е гг., помещен довольно подробный рассказ о том, как летом или осенью 1772 г., узнав «о разрыве Фокшанского конгресса» (см. прим. 17), генерал-поручик и премьер-майор Измайловского полка Александр Бибиков внял желанию своего семнадцатилетнего сына, гвардии поручика Павла, отправить его в Первую армию Румянцева, и тот выказал «храбрость и пылкость» в боях под Силистрией (см.: Бибиков 1817: 185, 225–228; ср.: Модзалевский 1910: 9–11)²¹.

Федорович Пушкин, служил в армии Миниха пехотным офицером (см.: Веселовский 1990: 77).

¹⁹ Упомяну еще о Христофоре фон Штофельне, годом старше Петра Панина. В 1738 г. он был выпущен из Сухопутного шляхетского кадетского корпуса подпоручиком в армию Миниха; в 1770 г., командуя войсковой частью в чине генерал-поручика, фон Штофельн взял крепость Журжа и вскоре умер от моровой язвы (см.: Бантыш-Каменский 1836, V: 331).

²⁰ На самом деле подпоручик Орловского пехотного полка Иван Сазонов начал воевать с 1773 г. – в возрасте шестнадцати лет (см.: Колюбакин 1904: 55).

²¹ Такие случаи не являлись единичными. Прапорщик Петр Бибиков, волонтер из отряда Семеновского полка (однофамилец и ровесник Павла Бибикова), «оказал себя

Андрей же Гринев двинул сына совсем в другую сторону, и, по-видимому, в его письме генералу Р. дополнительно содержалась просьба перевести Петра из Оренбурга в одну из крепостей, выстроенных для охраны этого края²²; именно там молодой человек имел все шансы уберечься от дополнительного набора в войска Румянцева и Долгорукова. Впрочем, уже через год, когда Оренбургская губерния стала эпицентром казацкого бунта, преимущества богом забытой фортеции обернулись своей противоположностью. В биографии генерала Бибикова – в конце 1773 г. (в чине генерал-аншефа) призванного императрицей к «утушению опасного для отечества пожара» – главная причина «распространения оногo» определена следующим образом: «Крайняя малочисленность полевых и гарнизонных войск в Сибири, которые почти все были отправлены в армию, действующую противу Турок» (Бибиков 1817: 241, 243). Этой формулировке резонируют сетования капитана Миронова, получившего предписание оборонять от Пугачева Белогорскую крепость:

«Принять надлежащие меры!» – сказал комендант <...>. «Слышь ты, легко сказать. Злодей-то видно силен, а у нас всего сто тридцать человек, не считая казаков, на которых плоха надежда, не в укор буди тебе сказано, Максимыч<»> (глава VI).

Итак, *задумчивость*, овладевшая старшим Гриневым после чтения *Придворного календаря*, действительно не предвещала ничего *добрoгo* – Петр Андреевич, избавленный от огня, куда рванулись его одноклассники и погодки (Павел Бибиков и прочие) оказался брошенным в *полюмя*.

прямым сыном отечества» при взятии Журжи (Карцов 1854: 482; ср.: Дирин 1883, 2. Приложение IX: 41). В 1771 г. волонтерами в Крым ушли семнадцатилетние пехотинец и артиллерист – князь Иван Прозоровский и Николай Нечаев (см.: Прозоровский 2004: 713; Данилов 1842: 124).

²² В описываемую эпоху эту задачу исполняли тридцать четыре крепости, разделенные на восемь линейных «дистанций» (см.: Дубровин 1884: 250 и прим. 1–8; ср.: Пушкин 1937–1959, 9: 100, прим. 7). По гарнизонным батальонам, которые состояли в основном из приписанных к крепостям казаков и инвалидов, «малыми частями» были разбросаны три драгунских полка (Дубровин 1884: 250).

10

Я былъ произведенъ въ офицеры (глава IV).

В лаконичном сообщении отсутствует указание на офицерский чин; этот факт уясняется задним числом: из сцены на военном совете в Оренбурге, где протагонист назван *прапорщиком* (глава X), и из донесения генерала Р. о *прапорщике Гриневе*, зачитанного в Казанской секретной комиссии (глава XIV)²³. Тем самым на периферии внимания остается то обстоятельство, что комендант Миронов – следуя инструкции генерала Р. или по иной причине – приостановил карьерный рост Петра Андреевича, еще в малолетстве записанного в Семеновский полк сержантом. Согласно установленного в XVIII в. порядка военного чинопроизводства, старшие унтер-офицеры лейб-гвардии (сержанты, подпрапорщики, каптенармусы) переводились в прапорщики того же полка (в корнеты Конного полка) или – с повышением на два чина – в армейские поручики. По первому сценарию складывались биографии Державина, графа Льва Разумовского, Ивана Дмитриева и Панкратия Сумарокова (см.: Державин 1871: 449, 460; Дирин 1883, 2. Приложение IX: 145; Дмитриев 1893: 24, 32; Ларкович 2010: 202); по второму – биографии будущих генералов: братьев Григория и Алексея Орловых, Ивана Михельсона, Александра Прозоровского (см.: Овчинников 1991: 241; Ореус 1876: 193; Прозоровский 2004: 40, 717). Случаи нарушения этого порядка известны, но за исключением дисциплинарных взысканий, предполагавших понижение в чине, дело почти всегда шло о производстве через чин²⁴. Таким

²³ При производстве в офицеры Петр Гринев обязательно принимал присягу (см. хотя бы: «В день моего ангела <...> я стал настоящим офицером, потому что присягнул на верность службы царю и отечеству». – Погожев 1893: 709), о чем читатель тоже узнает задним числом. См. в главе VIII (в журнальной публикации она вторично пронумерована цифрой VII – см.: Пушкин 1836: 128): *Я природный дворянин; я присягал Государыне Императрице: тебе служить не могу.*

²⁴ Гвардии сержант мог быть пожалован подпоручиком в тот же полк, подобно Ивану, Николаю и Сергею Дмитриевым-Мамоновым (см.: Дирин 1883, 2. Приложение IX: 73), или капитаном армии, как тринадцатилетний граф Федор Толстой (см.: Толстой

образом, производство Гринева в *прапорщики* выглядит вполне экстравагантным.

Этот казус затрагивался в специальной работе о чинах пушкинских персонажей, но не получил определенной трактовки: с одной стороны, Пушкин «вряд ли знал о практике XVIII в.» (?), с другой – «[н]есостоявшаяся карьера младшего Гринева оказалась в романе все-таки отмеченной – уже в первом стихе эпиграфа к главе I <...>: “Был бы гвардии он завтра ж капитан”» (Кормилов 1999: 117–118).

Представляется, однако, что комментируемая фраза вводит новую сюжетную линию. Если недорослю, который играл в *чехарду с дворовыми мальчишками*, служба *офицером гвардии* казалась *верхом благополучия человеческого* (глава I), то с приездом в Белогорскую крепость у Петра Гринева пропадает всякий интерес к военному делу и к офицерской карьере. Проводя эту линию, автор романа с нарочитой старательностью освобождает протагониста от реального участия в боевых действиях. При взятии крепости Гринева не удается выстрелить в мятежников (глава VI); во время осады Оренбурга он *умирал со скуки*, развлекаясь лишь не имевшими результата *перестрелками с Пугачевскими наездниками*; даже намерение ударить *своей Турецкой саблей* казака, *отставшего от своих товарищей*, исчезает, как только перед ним оказывается урядник Максимыч, причем Гринева *несказанно обрадовался* встрече с предателем, еще не зная, что тот привез письмо от Марьи Ивановны (глава X). Наконец, когда Гринева оказывается в составе правительственных войск под командой Зурина, *отряженного противу шайки мятежных Башкирцев*, последние *рассеялись прежде, нежели мы их увидали*, – хотя в то же самое время «[ш]айки разбойников злодействовали повсюду», а «начальники отдельных отрядов самовластно наказывали и миловали» (глава XIII).

2001: 71). При увольнении в отставку гвардии сержант Николай Львов получил чин капитана армии (см.: Лаппо-Данилевский 1988: 139), гвардии прапорщик Николай Меншиков – чин секунд-майора армии (см.: Дирин 1883, 2. Приложение IX: 118).

В эпилоге *издатель* не находит нужным упомянуть об отставке прапорщика Гринева из военной службы, которая безусловно предшествовала *вскоре* состоявшейся его женитьбе на Марье Ивановне. Невольно попавший в эпицентр исторического катаклизма, где его личная и офицерская честь подвергалась отнюдь не всегда преодолимым испытаниям, Петр Андреевич возвращен в *Симбирскую Губернию* – в домашние нети.

II

«Ну, братцы», – сказал Пугачевъ, – затынемъ-ка на сонъ грядущій мою любимую пѣсенку<»> (глава VIII).

В письме от 8 ноября 1845 г. Яков Грот (тогда профессор Александровского университета в Гельсингфорсе) сообщал ближайшему своему другу Петру Плетневу (ректору и профессору Санкт-Петербургского университета, ординарному академику Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук) о ляпсусе, обнаруженном в тексте романа:

В «Капитанской дочке», стр. 160²⁵, нашел я, к удивлению, слова *на сонъ грядущий*, за которые бранил Сол<л>огуба (Переписка 1896: 615).

В ответном письме от 17 ноября Плетнев дал волю раздражению:

Не удивляйся, что Пушкин, цитируя церковнославянскую фразу *на сонъ грядущих*, испортил ее, как Сол<л>огуб. Из русских редкие читывали церковные книги, довольствуясь звуками их фраз, читаемых при богослужении. От того и нет у них ясности представлений об этих фразах, доходивших до них всегда в звуках неопределенных. Кто, слыша звуки: *на сонъ грядущий*, – доберется после, как действительно они кончались? (Там же: 624).

²⁵ Грот ссылается на издание: Пушкин 1838.

В отличие от многих коллег по перу, и Грот, воспитанный в лютеранской традиции, и Плетнев, сын провинциального священника, доподлинно знали заключительную часть ежедневного молитвенного правила православного христианина – «Молитвы на сон грядущим» (см.: Молитвослов 1907: 9–12). Упрек в непонимании литургического языка адресован также графу Владимиру Соллогубу, который к тому времени выпустил вторым изданием двухтомник своих прозаических сочинений, озаглавленный «На сон грядущий» (Соллогуб 1844–1845). Впрочем, в развернутом отзыве на первый том первого издания (Соллогуб 1841) Плетнев, рассыпав комплименты «молодому писателю», не обмолвился об этой промашке (см.: [Плетнев] 1841: 29–39). Где, как и когда Грот «бранил» Соллогуба – неизвестно.

Плетневу и Гроту, державшимся архаической нормы словопользования, оставалось только наблюдать, как ресемантизированное выражение «на сон грядущий» закрепилось в словесности и разговорной лексике (библиографию см.: Бирих, Мокиенко, Степанова 1994: 233). Лучше всего такое положение дел иллюстрирует эдиционная история стихотворения Вяземского «Эсмеральда» (1855). Его заключительный катрен:

И чувством всеильно влекущим
Спешим, полуночники, в путь...
Хотелось на сон нам *грядущим*
На дремлющий Лидо взглянуть.
(Вяземский 1887: 227)

– при нечастых перепечатках воспроизводится с нарушенной рифмовкой:

И чувством всеильно влекущим
Спешим, полуночники, в путь...
Хотелось на сон нам *грядущий*
На дремлющий Лидо взглянуть.
(Вяземский 1982: 227; Вяземский 2013: 270)

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аксаков С. Т. 1986. Собр. соч.: В 3-х тт. Т. 1. М.: «Художественная литература».
- Аракчеев А. 1808. Отрывок из письма знаменитого Сына Отечества к издателю Р.<усского> Вестника. – Русский вестник. Ч. II. № 5. С. 244–245.
- Бантыш-Каменский Д. 1814. Исторические собрание списков кавалерам четырех Российских императорских орденов <...>. М.: В типографии Н. С. Всеволожского.
- Бантыш-Каменский Д. 1834. Граф Панин. – Библиотека для чтения. Т. V. Отд. III. С. 1–14.
- Бантыш-Каменский Д. 1836. Словарь достопамятных людей русской земли. Ч. I. М.: В типографии Августа Семена; Ч. II. М.: В типографии С. Селивановского; Ч. III. М.: В типографии Н. Степанова; Ч. IV. М.: В типографии Лазаревых; Ч. V. М.: В Университетской типографии.
- Бибиков А. А. 1817. Записки о жизни и службе Александра Ильича Бибикова / Сыном его сенатором Бибиковым. СПб.: В Морской типографии.
- Бирих А., Мокиенко В., Степанова Л. 1994. История и этимология русских фразеологизмов (Библиографический указатель) (1825–1994). München: Verlag Otto Sagner.
- Болотов А. 1872. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков: 1738–1793. Т. III. СПб.: Печатня В. И. Головина.
- Веселовский С. Б. 1990. Род и предки А. С. Пушкина в истории. М.: «Наука».
- Вяземский П. А., кн. 1887. Полн. собр. соч. Т. XI. СПб.: Издание графа С. Д. Шереметева.
- Вяземский П. А. 1982. Сочинения: В 2-х тт. / Изд. подготовил М. И. Гиллельсон. Т. 1. М.: Художественная литература.
- Вяземский П. А. 2013. П. А. Вяземский: Неизвестный и забытый (Из поэтического наследия) / Изд. подготовили П. Р. Заборов и Д. М. Климова. СПб.: «Пушкинский дом».
- Гиллельсон М. И., Мушина И. Б. 1977. Повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка»: Комментарий. Л.: «Просвещение».
- Глинка С. 1822. Русские анекдоты, военные и гражданские, или Повествование о народных добродетелях россиян древних и новых времен. Ч. 2. М.: В типографии С. Селивановского.

- Глинка С. 1823. Русская история. Изд. 3-е, вновь дополненное. Ч. 9. М.: В Университетской типографии.
- Данилов М. 1842. Записки артиллерии майора Михаила Васильевича Данилова, написанные им в 1771 году. М.: В типографии С. Селивановского.
- Державин [Г. Р.] 1871. Сочинения с объяснительными примечаниями [и предисловием] Я. Грота. Т. VI. СПб.: В типографии Императорской Академии наук.
- Дирин П. 1883. История лейб-гвардии Семеновского полка. Т. I–II. СПб.: Типография Э. Гоппе.
- Дмитриев И. И. 1893. Сочинения / Ред. и примечания А. Ф. Флоридова. Т. II. СПб.: Издание Евг. Евдокимова.
- Дмитриев М. 1998. Главы из воспоминаний моей жизни / Подготовка текста и примечания К. Г. Боленко, Е. Э. Ляминой, Т. Ф. Нешумовой; вступительная ст. К. Г. Боленко и Е. Э. Ляминой. М.: Новое литературное обозрение.
- Долинин А. А. 1997. Еще о хронологии «Капитанской дочки». – Пушкин и другие: Сб. статей к 60-летию профессора С. А. Фомичева. Новгород: Государственный университет им. Ярослава Мудрого. С. 52–59.
- Дружинин П. А. 2018. История написания и создания книги «Историческое собрание списков кавалерам четырех российских императорских орденов. – Бантыш-Каменский Н. Н. Списки кавалерам Российских орденов, 1699–1796 <...>. / Изд. 3-е, переработанное и значительно дополненное П. А. Дружининым. М.: «Трутенъ». С. 247–290.
- Дубровин Н. 1884. Пугачев и его сообщники: Эпизод из царствования императрицы Екатерины II: 1773–1774. Т. I. СПб.: Типография И. Н. Скороходова.
- Жизнь Потемкина-Таврического 1812. Жизнь князя Григория Александровича Потемкина-Таврического, взятая из иностранных и отечественных источников. <...>. Ч. III. М.: В типографии А. Воейкова и ком.
- Калашников Г. В. 2000. К вопросу о практике записи малолетних дворян в гвардию в XVIII веке. – «За веру и верность»: 300 лет российской императорской гвардии. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа. С. 50–52.
- Календарь 1772. Придворный Календарь, или Месяцослов на лето от Рождества Христова 1772, которое есть високосное <...>. СПб.: Печатан при Императорской Академии наук.

- Карцов П. П. 1854. История лейб-гвардии Семеновского полка: 1683–1854. Ч. II. СПб.: Типография Штаба Военно-Учебных Заведений.
- Квашина Л. П. 1996. Мир и слово «Капитанской дочки». – Московский пушкинист. [Вып.] III. М.: «Наследие». С. 202–268.
- Кожевников В. А. 1996. Когда окривела тетушка Настасья Герасимовна <надо: *Герасимовна*> (К внутренней хронологии «Капитанской дочки») – Московский пушкинист. [Вып.] III. М.: «Наследие». С. 193–201.
- Колотов П. 1811. Деяния Екатерины II, Императрицы и Самодержицы Всероссийския. Ч. I. СПб.: В типографии Ф. Дрехслера.
- Колюбакин Б. 1904. Сазонов, Иван Терентьевич. – Русский биографический словарь. [Т.] Сабанеев–Смыслов. СПб.: Типография В. Демакова. С. 55–56.
- Кормилов С. И. 1999. Чины пушкинских персонажей. – Пушкин: Сборник статей. М.: Издательство МГУ. С. 106–121.
- Красухин Г. Г. 2006. Путеводитель по роману А. С. Пушкина «Капитанская дочка». М.: Издательство Московского университета.
- Лаппо-Данилевский К. Ю. 1988. Новые данные к биографии Н. А. Львова (1770-е годы). – Русская литература. 1988. № 2. С. 135–142.
- Ларкович Д. В. 2010. Сумароков Панкратий Платонович. – Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3. СПб.: «Наука». С. 202–206.
- Лурье С. 1997. Ирония и судьба. – Лурье С. Разговоры в пользу мертвых. СПб.: АО «Журнал “Звезда”». С. 137–166.
- Лямина Е., Осповат А. 2019. Заметки о хронометрии пушкинской прозы. – Скрещения судеб: Literarische und kulturelle Beziehungen zwischen Russland und dem Westen. A Festschrift for Fedor B. Poljakov. Berlin et al: Peter Lang. С. 89–101 (Stanford Slavic Studies. Vol. 49).
- Месяцослов 1772. Месяцослов с росписью чиновных особ в Государстве, на лето от Рождества Христова 1772. СПб.: При Императорской Академии наук.
- Модзалевский Б. 1910. Библиотека Пушкина (Библиографическое описание). – Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. IX–X. СПб.: Типография Императорской Академии наук.
- Молитвослов 1907. Православный толковый молитвослов с краткими катехизическими сведениями. СПб.: Синодальная типография.
- Овчинников Р. В. 1988. За пушкинской строкой. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство.

- Овчинников Р. В. 1991. Записи Пушкина о Шванвичах. – Пушкин: Исследования и материалы. Т. XIV. Л.: Наука. С. 235–245.
- Оксман Ю. Г. 1959. Пушкин в работе над «Историей Пугачева» и повестью «Капитанская дочка». – Оксман Ю. Г. От «Капитанской дочки» к «Запискам охотника»: Пушкин – Рылеев – Кольцов – Белинский – Тургенев. Исследования и материалы. Саратов: Саратовское книжное издательство. С. 5–133.
- Оксман Ю. Г. 1964. Примечания. – Пушкин А. С. Капитанская дочка / Изд. подготовил Ю. Г. Оксман. М.: «Наука».
- Оксман Ю. Г. 2005. «Искренне Ваш Юл. Оксман» (Письма 1914–1970-го годов) / Публикация М. Д. Эльзона, примечания В. Д. Рака и М. Д. Эльзона. – Русская литература. № 4. С. 140–201.
- Ореус И. И. 1876. Иван Иванович Михельсон, победитель Пугачева: 1740–1807. – Русская старина. № 1. С. 192–209.
- Осват А. Л. 1998. Исторический материал и исторические аллюзии в «Капитанской дочке». – Тыняновский сборник. Вып. 10: Шестые – Седьмые – Восьмые Тыняновские чтения. М.: без указания издательства. С. 41–69.
- Осват А. 2000. Когда был записан в гвардию Петруша Гринев (К текстологии и историографии «Капитанской дочки»). – Пушкинские чтения в Тарту. [Вып.] 2. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus. С. 216–227.
- Осват А. 2010. Из материалов для комментария к «Капитанской дочке»: [8]. – Россия Европа / Под ред. П. Песонена, Г. Обатнина и Т. Хуттунена. М.: Новое литературное обозрение. С. 125–127.
- Переписка 1896. Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым / Под ред. К. Я. Грота. Т. II. СПб.: Типография Министерства путей сообщения. [Плетнев П. А.] 1841. Новости русской литературы. – Современник. Т. XXII. С. 5–48.
- Погожев В. Н. 1893. Воспоминания. – Исторический вестник. Т. 52. № 6. С. 700–731.
- Прозоровский А. А. 2004. Записки: 1756–1776 / Изд. подготовлено А. К. Афанасьевым, Г. С. Марштупой, Е. С. Самониной, О. И. Самсоновой. М.: Российский фонд культуры.
- Пушкин А. 1836. Капитанская дочка. – Современник. Т. IV. С. 42–215.
- Пушкин А. 1838. Сочинения. Т. VII. СПб.: В Типографии экспедиции заготовления государственных бумаг.

- Пушкин А. С. 1937–1959. Полн. собр. соч.: В 17-ти тт. [М.; Л.]: Издательство АН СССР.
- Румянцев А. И. 1994. Письмо Б. Х. Миниху от 21 января 1741 г. / Публикация А. П. Капитонова. – Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв. [Вып.] V. М.: Студия «ТРИТЭ»; «Российский архив». С. 81–84.
- Самарин Н. Ф. 1876. Ю. А. Нелединский-Мелецкий: Очерк его жизни и переписки. – Хроника недавней старины: Из архива Князя Оболенского-Нелединского-Мелецкого. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. С. 1–290.
- Соллогуб В. А., граф. 1841. На сон грядущий: Отрывки из вседневной жизни. Т. I. СПб.: В Гутенберговой типографии.
- Соллогуб В. А., граф. 1844–1845. На сон грядущий: Отрывки из вседневной жизни Т. I–II. СПб.: Издание книгопродавца Андрея Иванова.
- Сумароков А. 1763. Ода Е. И. В. Государыне Екатерине Алексеевне <...> на 1764 год <...>. СПб.: При Императорской Академии наук.
- Херасков М. [1799]. Творения, вновь исправленные и дополненные. Ч. VII. М.: Университетская типография у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия. <Впервые: Херасков М. Ода российскому храброму воинству, при объявлении войны противу Оттоманской порты <...> 1769 года, в феврале месяце. М.: [Университетская типография.]>
- Херасков М. М. 1961. Избранные произведения / Вступительная ст., подготовка текста и примечания А. В. Западава. Л.: «Советский Писатель».
- Храповицкий А. В. 1824. Памятные записки. – Отечественные записки. Ч. XVII. № 45. С. 47–65.
- Храповицкий А. В. 1901. Дневник с 18 января 1782 г. по 17 сентября 1793 года / По подлинной его рукописи, с биографической статьей и объяснительным указателем Н. Барсукова. М.: В Университетской типографии.
- Berg, B., 2001. Burchard Christoph von Münnich: Die Beurteilung, Darstellung und Erforschung seines Wirkens in Rußland in der deutschen und russischen Historiographie. Der Versuch einer Perspektivenuntersuchung an Hand von Beispielen. Oldenburg: Isensee Verlag.

- Büsching, A. F., 1769. Lebensgeschichte Burchard Christophs von Münnich – Büschings Magazin für die Neue Historie und Geographie. Bd. III. S. 387–536.
- Büsching, A. F., 1789. Eigene Lebensgeschichte in vier Stücken. Halle: Johann Jacob Curts Witwe.
- Frédéric, Roi de Prusse 1788. Œuvres posthumes. T. 1 : Histoire de mon temps. Berlin: Chez Voss et Fils et Decker et Fils.
- Ley, F. 1959. Le Maréchal de Münnich et la Russie au XVIIIe siècle. Paris: Plon.
- Münnich, Maréchal de 1989. « Ebauche » de Gouvernement de l'Empire de Russie / Commentaires et notes de F. Ley. Genève: Droz.
- Wilmot, 1934. The Russian Journals of Martha and Catherine Wilmot Being an Account by Two Irish Ladies of Their Adventures in Russia <...>. London: Macmillan & Company, Ltd.

REFERENCES

- Aksakov, S. T. *Sobranie sochinenii*. 3 vols. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1986.
- Anonymous [P. A. Pletnev]. “Novosti russkoi literatury.” *Sovremennik* 22 (1841): 5–48.
- Arakcheev, A. “Otryvok iz pis'ma znamenitogo Syna Otechestva k izdateliu R[usskogo] Vestnika.” *Russkii vestnik* 2, no. 5 (1808): 244–45.
- Bantysh-Kamenskii, D. *Istoricheskie sobranie spiskov kavaleram chetyrekh Rossiiskikh imperatorskikh ordenov* [...]. Moscow: V tipografii N. S. Vsevolozhskogo, 1814.
- . “Graf Panin.” *Biblioteka dlia chteniia* 5, no. 3 (1834): 1–14.
- . *Slovar' dostopamiatnykh liudei russkoi zemli*. Vol. 1. Moscow: V tipografii Avgusta Semena; Vol. 2. Moscow: V tipografii S. Selivanovskogo; Vol. 3. Moscow: V tipografii N. Stepanova; Vol. 4. Moscow: V tipografii Lazarevykh; Vol. 5. Moscow: V Universitetskoi tipografii, 1836.
- Berg, B., *Burchard Christoph von Münnich: Die Beurteilung, Darstellung und Erforschung seines Wirkens in Rußland in der deutschen und russischen Historiographie. Der Versuch einer Perspektivenuntersuchung an Hand von Beispielen*. Oldenburg: Isensee Verlag, 2001.
- Bibikov, A. A. *Zapiski o zhizni i sluzhbe Aleksandra Il'icha Bibikova*, by his son, [A. A.] Bibikov. Saint-Petersburg: V Morskoi tipografii, 1817.

- Birikh, A., V. Mokienko and L. Stepanova. *Istoriia i etimologiya russkikh frazeologizmov (Bibliograficheskii ukazatel') (1825–1994)*. Munich: Verlag Otto Sagner, 1994.
- Bolotov, A. *Zhizn' i prikliucheniia Andreia Bolotova, opisannye samim im dlia svoikh potomkov: 1738–1793*. Vol. 3. Saint-Petersburg: Pechatnia V. I. Golovina, 1872.
- Büsching, A. F. “Lebensgeschichte Burchard Christophs von Münnich.” *Büschings Magazin für die Neue Historie und Geographie* 3 (1769): 387–536.
- . *Eigene Lebensgeschichte in vier Stücken*. Halle: Johann Jacob Curts Witwe, 1789.
- Danilov, M. *Zapiski artillerii maiora Mikhaila Vasil'evicha Danilova, napisannye im v 1771 godu*. Moscow: V tipografii S. Selivanovskogo, 1842.
- Derzhavin, [G. R.]. *Sochineniia*. Annotated [and prefaced] by Ia. Grot. Vol. 6. Saint-Petersburg: V tipografii Imperatorskoi Akademii nauk, 1871.
- Dirin, P. *Istoriia leib-gvardii Semenovskogo polka*. Vol. 1, 2. Saint-Petersburg: Tipografia E. Goppe, 1883.
- Dmitriev, I. I. *Sochineniia*. Edited and annotated by A. F. Floridov. Vol. 2. Saint-Petersburg: Izdanie Evg. Evdokimova, 1893.
- Dmitriev, M. *Glavy iz vospominanii moei zhizni*. Edited and annotated by K. G. Bolenko, E. E. Liamina and T. F. Neshumova. Foreword by K. G. Bolenko and E. E. Liamina. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1998.
- Dolinin, A. A. “Eshche o khronologii ‘Kapitanskoi dochki’.” In *Pushkin i drugie: Sbornik statei k 60-letiiu professora S. A. Fomicheva*, 52–59. Novgorod: Gosudarstvennyi universitet im. Iaroslava Mudrogo, 1997.
- Druzhinin, P. A. “Istoriia napisaniia i sozdaniia knigi ‘Istoricheskoe sobranie spiskov kavaleram chetyrekh rossiiskikh imperatorskikh ordenov’.” In *Spiski kavaleram Rossiiskikh ordenov, 1699–1796* [...], by N. N. Bantysh-Kamenskii. 3rd ed., rev. and expanded by P. A. Druzhinin, 247–90. Moscow: Truten', 2018.
- Dubrovin, N. *Pugachev i ego soobshchniki: Epizod iz tsarstvovaniia imperatritsy Ekateriny II: 1773–1774*. Vol. 1. Saint-Petersburg: Tipografia I. N. Skorokhodova, 1884.
- Frédéric, Roi de Prusse. *Ceuvres posthumes*. Vol.1, *Histoire de mon temps*. Berlin: Chez Voss et Fils et Decker et Fils, 1788.
- Gille'son, M. I. and I. B. Mushina. *Povest' A. S. Pushkina “Kapitanskaia dochka”: Kommentarii*. Leningrad: Prosveshchenie, 1977.

- Glinka, S. *Russkie anekdoty, voennye i grazhdanskije, ili Povestvovanie o narodnykh dobrodeteliakh rossiian drevnykh i novykh vremen*. Vol. 2. Moscow: V tipografii S. Selivanovskogo, 1822.
- . *Russkaia istoriia*. 3rd ed., expanded. Vol. 9. Moscow: V Universitetskoj tipografii, 1823.
- Kalashnikov, G. V. "K voprosu o praktike zapisi maloletnykh dvorian v gvardii v XVIII veke." In *"Za veru i vernost'": 300 let rossijskoj imperatorskoj gvardii*, 50–52. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2000.
- Kartsov, P. P. *Istoriia leib-gvardii Semenovskogo polka: 1683–1854*. Vol. 2. Saint-Petersburg: Tipografii Shtaba Voenno-Uchebnykh Zavedenii, 1854.
- Kheraskov, M. *Oda rossiiskomu khrabromu voinstvu, pri ob"iavlennii voiny protivu Ottomanskoj porty [...] 1769 goda, v fevrale mesiatse*. Moscow: [Universitetskaia tipografii.]
- . *Tvoreniia, vnov' ispravlennye i dopolnennye*. Vol. 8. Moscow: Universitetskaia tipografii u Khr. Ridigera i Khr. Klavdiia, [1799].
- . *Izbrannye proizvedeniia*. Prefaced, edited and annotated by A. V. Zapadov. Leningrad: Sovetskii Pisatel', 1961.
- Khrapovitskii, A. V. "Pamiatnye zapiski." *Otechestvennye zapiski* 17, no. 45 (1824): 47–65.
- . *Dnevnik s 18 ianvaria 1782 g. po 17 sentiabria 1793 goda*. Prefaced, edited and annotated by N. Barsukov. Moscow: V Universitetskoj tipografii, 1901.
- Koliubakin, B. "Sazonov, Ivan Terent'evich." In *Russkii biograficheskii slovar'*. [Vol.], *Sabaneev–Smyslov*, 55–56. Saint-Petersburg: Tipografii V. Demakova, 1904.
- Kolotov, P. *Deianiia Ekateriny II, Imperatritsy i Samoderzhitsy Vserossiiskiiia*. Vol. 1. Saint-Petersburg: V tipografii F. Drekhslera, 1811.
- Kormilov, S. I. "Chiny pushkinskikh personazhei." In *Pushkin: Sbornik statei*, 106–21. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1999.
- Kozhevnikov, V. A. "Kogda okrivela tetushka Nastas'ia Gerasimovna [sic!] (K vnutrennei khronologii 'Kapitanskoi dochki')." In *Moskovskii pushkinist*. Vol. 3, 193–201. Moscow: Nasledie, 1996.
- Krasukhin, G. G. *Putevoditel' po romanu A. S. Pushkina "Kapitanskaia dochka"*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2006.
- Kvashina, L. P. "Mir i slovo 'Kapitanskoi dochki.'" In *Moskovskii pushkinist*. Vol. 3, 202–68. Moscow: Nasledie, 1996.
- Lappo-Danilevskii, K. Iu. "Novye dannye k biografii N. A. L'vova (1770-e gody)." *Russkaia literatura* 2 (1988): 135–42.

- Larkovich, D. V. "Sumarokov Pankratii Platonovich." In *Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka*. Vol. 3, 202–06. Saint-Petersburg: Nauka, 2010.
- Ley, F. *Le Maréchal de Münnich et la Russie au XVIIIe siècle*. Paris: Plon, 1959.
- Liamina, E. and A. Ospovat. "Zametki o khronometrii pushkinskoi prozy." In *Skreshcheniia sudeb: Literarische und kulturelle Beziehungen zwischen Russland und dem Westen. A Festschrift for Fedor B. Poljakov*. Stanford Slavic Studies. Vol. 49, 89–101. Berlin et al: Peter Lang, 2019.
- Lur'e, S. "Ironiia i sud'ba." In *Razgovory v pol'zu mertvykh*, 137–66. Saint-Petersburg: AO "Zhurnal 'Zvezda,'" 1997.
- Mesiatsoslov s rospis'iu chinovnykh osob v Gosudarstve, na leto ot Rozhdestva Khristova 1772*. Saint-Petersburg: Pri Imperatorskoi Akademii nauk, 1772.
- Modzalevskii, B. L. "Biblioteka A. S. Pushkina (Bibliograficheskoe opisanie)." In *Pushkin i ego sovremenniki: Materialy i issledovaniia*. Vol. 9–10. Saint-Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk, 1910.
- Münnich, Maréchal de. « *Ebauche* » de *Gouvernement de l'Empire de Russie*. Annotations and notes by F. Ley. Geneva: Droz, 1989.
- Oksman, Iu. G. "Pushkin v rabote nad 'Istoriei Pugacheva' i povest'iu 'Kapitanskaia dochka.'" In *Ot "Kapitanskoi dochki" k "Zapiskam okhotnika": Pushkin – Ryleev – Kol'tsov – Belinskii – Turgenev. Issledovaniia i materialy*, 5–133. Saratov: Saratovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1959.
- . "Primechaniia." In *Kapitanskaia dochka*, by A. S. Pushkin. Edited by Iu. G. Oksman. Moscow: Nauka, 1964.
- . "Iskrenne Vash Iul. Oksman' (Pis'ma 1914–1970-go godov)." Published by M. D. El'zon. Annotated by V. D. Rak and M. D. El'zon. *Russkaia literatura* 4 (2005): 140–201.
- Oreus, I. I. "Ivan Ivanovich Mikhel'son, pobeditel' Pugacheva: 1740–1807." *Russkaia starina* 1 (1876): 192–209.
- Ospovat, A. L. "Istoricheskii material i istoricheskie alliuzii v 'Kapitanskoi dochke'." In *Tynianovskii sbornik*. Vol. 10, *Shestye – Sed'mye – Vos'mye Tynianovskie chteniia*, 41–69. Moscow: n. p., 1998.
- . "Kogda byl zapisan v gvardiiu Petrusha Grinev (K tekstologii i istoriografii 'Kapitanskoi dochki')." In *Pushkinskie chteniia v Tartu*. Vol. 2, 216–27. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2000.
- . "Iz materialov dlia kommentariia k 'Kapitanskoi dochke': [8]." In *Rossiiia Evropa*. Edited by P. Pesonen, G. Obatnin and T. Huttunen, 125–27. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010.

- Ovchinnikov, R. V. *Za pushkinskoi strokoi*. Cheliabinsk: Iuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1988.
- . "Zapisi Pushkina o Shvanvichakh." In *Pushkin: Issledovaniia i materialy*. Vol. 14, 235–45. Leningrad: Nauka, 1991.
- Perepiska Ia. K. Grota s P. A. Pletnevym*. Edited by K. Ia. Grot. Vol. 2. Saint-Petersburg: Tipografiia Ministerstva putei soobshcheniia, 1896.
- Pravoslavnyi tolkovyi molitvoslov s kratkimi katekhizicheskimi svedeniiami*. Saint-Petersburg: Sinodal'naia tipografiia, 1907.
- Pridvornyi Kalendar', ili Mesiatsoslov na leto ot Rozhdestva Khristova 1772, kotoroe est' visokosnoe [...]*. Saint-Petersburg: Pechatan pri Imperatorskoi Akademii nauk, 1772.
- Pogozhev, V. N. "Vospominaniia." *Istoricheskii vestnik* 52, no. 6 (1893): 700–31.
- Prozorovskii, A. A. *Zapiski: 1756–1776*. Edited by A. K. Afanas'ev, G. S. Marshutupa, E. S. Samonina and O. I. Samsonova. Moscow: Rossiiskii fond kul'tury, 2004.
- Pushkin, A. "Kapitanskaia dochka." *Sovremennik* 4 (1836): 42–215.
- . *Polnoe sobranie sochinenii*. 17 vols. [Moscow and Leningrad]: Izdatel'stvo AN SSSR, 1937–1959.
- . *Sochineniia*. Vol. 7. Saint-Petersburg: V Tipografii ekspeditsii zagotovleniia gosudarstvennykh bumag, 1838.
- Rumiantsev, A. I. "Pis'mo B. Kh. Minikhu ot 21 ianvaria 1741 g." Published by A. P. Kapitonov. In *Rossiiskii arkhiv: Istoriia Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII – XX vv.* Vol. 5, 81–84. Moscow: Studiia "TRITE"; Rossiiskii arkhiv, 1994.
- Samarin, N. F. "Iu. A. Neledinskii-Meletskii: Ocherk ego zhizni i perepiski." In *Khronika nedavnei stariny: Iz arkhiva Kniazia Obolenskogo-Neledinskogo-Meletskogo*, 1–290. Saint-Petersburg: Tipografiia II Otdeleniia Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantseliarii, 1876.
- Sollogub V. A., count. *Na son griadushchii: Otryvki iz vsednevnoi zhizni*. Vol. 1. Saint-Petersburg: V Gutenbergovoi tipografii, 1841.
- . *Na son griadushchii: Otryvki iz vsednevnoi zhizni*. Vol. 1, 2. Saint-Petersburg: Izdanie knigoprodavtsa Andreia Ivanova, 1844–1845.
- Sumarokov, A. *Oda E. I. V. Gosudaryne Ekaterine Alekseevne [...] na 1764 god [...]*. Saint-Petersburg: Pri Imperatorskoi Akademii nauk, 1763.
- Veselovskii, S. B. *Rod i predki A. S. Pushkina v istorii*. Moscow: Nauka, 1990.
- Viazemskii, P. A., prince. *Polnoe sobranie sochinenii*. Vol. 11. Saint-Petersburg: Izdanie grafa S. D. Sheremeteva, 1887.

- . *Sochineniia*. Edited by M. I. Gillel'son. 2 vols. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1982.
- . *P. A. Viazemskii: Neizvestnyi i zabytyi (Iz poeticheskogo naslediia)*. Edited by P. R. Zaborov i D. M. Klimova. Saint-Petersburg: Pushkinskii dom, 2013.
- Wilmot, M. and C. Wilmont. *The Russian Journals of Martha and Catherine Wilmot Being an Account by Two Irish Ladies of Their Adventures in Russia* [...]. London: Macmillan & Company, Ltd., 1934.
- Zhizn' kniazia Grigoriia Aleksandrovicha Potemkina-Tavricheskogo, vziataia iz inostrannykh i otechestvennykh istochnikov* [...]. Vol. 3. Moscow: V tipografii A. Voeikova i kom., 1812.

ЗАМЕТКИ О ДАНТОВСКИХ ПОДТЕКСТАХ И ПАРАЛЛЕЛЯХ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Г. А. Левинтон
(С.-Петербург)

I. На скатерти ни крошки

ПИРШЕСТВА

Пью горечь тубероз, небес осенних горечь,
И в них твоих измен горящую струю,
Пью горечь вечеров, ночей и людных сборищ,
Рыдающей строфы сырую горечь пью –

Земли хмельной сыны, мы трезвости не терпим,
Надежде детских дней объявлена вражда.
Унылый ветер ночей – тех здравиц виночерпьем,
Которым, как и нам, – не сбыться никогда.

Не ведает молва тех необычных трапез,
Чей с жадностью ночь опустошит крышон,
**И крохи яств ночных скитальческий анапест
Наутро подберет, как крошка Сандрильон.**

И Золушки шаги, ее самоуправство
Не нарушают графства чопорного сна,
Покуда в хрустальных неубранные яства
Во груды тубероз не превратит она.

(Пастернак 2003: 335)

В первом варианте «Пиров» Пастернака («Пиршества») нас интересуется двустишие «И крошки яств ночных скитальческий анапест / Наутро подберет, как крошка Сандрильон».

М. Л. Гаспаров и К. М. Поливанов комментируют: «Крохи яств ночных (ст. 11) – может быть, от популярного эсхилловского изре-

чения, что поэзия – это “крохи со стола Гомера”» (Гаспаров, Поливанов 2005: 96).

Можно добавить по крайней мере два источника¹, один из них дантовский²:

О, сколь блаженны восседающие за той трапезой, где вкушают ангельский хлеб! И сколь несчастны те, кто питается той же пищей, что и скотина! <...> Я же не восседаю за благодатной трапезой, но, **бежав от корма, уготованного черни, собираю у ног сидящих толику того, что они роняют.** Я знаю о жалком существовании тех, кого я оставил за собою; вкусив сладость собранного долгими моими трудами, я проникся состраданием к этим несчастным и, памятуя об оставленных, приберег для них некогда обнаруженное их взорами и возбуждившее в их душах большое желание. Посему, стремясь ныне им услужить, я намереваюсь задать всеобщее пиршество из того хлеба, который необходим для такой снеди и без которого они не смогли бы ее отведать. А это и есть пир, достойный этого хлеба и состоящий из такой снеди, которая, как я надеюсь, будет подана не напрасно («Пир», пер. А. Г. Габричевского)³.

Oh beati quelli pochi che seggono a quella mensa dove lo pane delli angeli si manca! e miseri quelli che colle pecore hanno comune cibo! <...> E io adunque, che non seggio alla beata mensa, ma, **fuggito della pastura del vulgo, a' piedi di coloro che seggono ricolgo di quello che da loro cade,** e conosco la misera vita di quelli che dietro m'ho lasciati, per la dolcezza ch'io sento in quello che a poco a poco ricolgo, misericordievolmente mosso, non me dimenticando, per li miseri alcuna cosa ho riservata, la quale alli occhi loro, già è più tempo, ho dimostrata; e in ciò li ho fatti maggiormente vogliosi. Per che ora volendo loro apparecchia-

¹ Вряд ли мы можем утверждать, что Пастернак знал еще одну античную параллель, восходящую к тому же источнику: «Тут, рассказывают, Александр воскликнул: “О Герод, все мы, софисты, лишь объедки твоей трапезы!”» Комментарий (прим. 145): «Аллюзия на знаменитые слова Эсхила, что его драмы – объедки Гомеровых пиров (Athen. VIII. 39)» (Флавий Филострат 2017: 272).

² О Данте у Пастернака см.: Иванов 2007: 260; Хетени 2003: 114; Hetényi 2007: 583–599.

³ Данте 1968: 113.

re, intendo fare un generale convivio di ciò ch'i' ho loro mostrato, e di quello pane ch'è mestiere a così fatta vivanda, senza lo quale da loro non potrebbe essere mangiata. Ed ha questo convivio di quello pane degno, co[n] tale vivanda qual io intendo indarno [non] essere ministrata. Per che ora volendo loro apparecchiare, intendo fare un generale convivio di ciò ch'i' ho loro mostrato, e di quello pane ch'è mestiere a così fatta vivanda, senza lo quale da loro non potrebbe essere mangiata. Ed ha questo convivio di quello pane degno, co[n] tale vivanda qual io intendo indarno [non] essere ministrata (Conv. I.i.7, 10–11).

Второй – евангельский, то есть, вероятно, учтенный самим Данте:

- ¹⁹ Некоторый человек был богат, одевался в порфиру и виссон и каждый день пиршествовал блистательно.
- ²⁰ Был также некоторый нищий, именем Лазарь, который лежал у ворот его в струпьях
- ²¹ и **желал напитаться крошками, падающими со стола богача** ⁴, и псы, приходя, лизали струпья его (Лк 16:19–21).

Эта же формула появляется у Сологуба: «Крупичи мудрости падают нам от стола богатых, ими мы по малости и питаемся» (Сологуб 1991: 33). В свое время я так комментировал это (упустив евангельский подтекст и назвав только его фольклорное продолжение): «...реплика юродствующего социал-демократа обнаруживает немалую эрудицию: кроме таких очевидных источников как, скажем, духовный стих “О богатом и Лазаре”, эта метафора восходит к началу “Пира” Данте (Convivio). Объясняя, почему он пишет трактат не на латыни, а на volgare (народном языке), Данте говорит: “О, сколь блаженны восседающие за той трапезой, где вкушают ангельский хлеб! И сколь несчастны те, кто питается той же пищей, что и скотина! <...> Я же не восседаю за благодатной трапезой, но, бежав от корма, уготованного черни, собираю у ног сидящих толику того, что они роняют”» (Левинтон 1998: 134).

⁴ Ц.-слав.: «И желающе насытитися от крупичи, падающих от трапезы богатого...» (Лк 16:21).

Ранее находим парафраз Евангелия (вряд ли Данте) у Лескова: «В Ярославле и во Владимире евреи, если и встречаются, то далеко не в благоденственном состоянии, а по евангельскому выражению питаются “крупницами, падающими от стола господина”» (Лесков s. a: s. p.).

Опускаем ряд ссылок связанных с темой собственно пира⁵ (наиболее существенна среди них статья Венцлова 2012: 152–162), заметим только, что Г. Г. Амелин и В. Я. Мордерер объясняют «горящую струю» через греческую квазиэтимологию слова *пир* – *пύρ* ‘огонь’ (см.: Амелин, Мордерер 2000: 18) – не упоминая, как им свойственно, той мелочи, что такое объяснение я давно уже предложил для мандельштамовских строк «Янтарь, пожары и пиры» и «Шароватых искр пиры» (строки были сближены О. Роненом; см.: Ronen 1968: 252–264)⁶.

Ряд остроумных наблюдений сделан в заметке Б. п. 2011: s. p. – в том числе переключки с «Пиром во время чумы» и возведение анапеста к *pest* (‘чума’). Тем не менее, *анапест* этим явно не исчерпывается. Сочетание *рыдающей строфы* и *анапеста* несомненно продуцирует литературоведческое (некрасоведческое) клише *рыдающий анапест* (ср. м. б. *скитальческий анапест* в «Пиршествах»). Наконец отметим то, что в раннем варианте, именно в цитированных строках, *крошки* оказываются связаны с *крошкой Сандрильон* – эти подобранные крошки как будто переключают Золушку в другой сказочный сюжет: «Дети у великана» («Гензель и Гретель», «Мальчик с пальчик» и т. д.).

⁵ О переключках «Охранной грамоты» с «Пиром» Платона см.: Флейшман 2006: 339.

⁶ См.: Левинтон 1979: 30–33.

2. Плечи отчизны

Виноград созревал, изваянья в аллеях синели.
 Небеса опирались на снежные плечи отчизны...
 (Набоков 2000, 4: 350)

Это, по формулировке Б. П. Маслова, «самый длинный из четырех дошедших до нас фрагментов» (Маслов 2001: 179) стихов Кончеева (персонажа «Дара»). Маслов возводит эти строки к нескольким стихотворениям Мандельштама, нас здесь будут интересовать только *плечи* – которые он возводит к «Зверинцу»:

И дружелюбные садились
 На плечи сонных скал орлы <...>.
 (Мандельштам 2009: 90)

Я в свое время ехидно отозвался об этом сопоставлении (см.: Левинтон 2007, 67, сн. 8), сейчас, когда я обратил внимание на тему *плеч* – я склонен более позитивно его оценить.

Снежные плечи, конечно, подразумевают горы, они и тем более *плечи сонных скал* могут восходить к «плечам гор» в *Inferno* I.16 – их нет, кажется, ни в одном русском переводе, кроме Лозинского – который вышел слишком поздно для «Дара»⁷. Цитирую этот перевод:

Я увидал, едва глаза возвел,
 Что свет планеты, всюду путеводной,
 Уже на **плечи горные** сошел.

...guardai in alto e vidi le sue **spalle**
 vestite già de' raggi del pianeta
 che mena dritto altrui per ogni calle.

(*Inf.* I, 16–18)⁸

⁷ Первая публикация перевода Лозинского – Данте Алигьери 1938: 99–111. *Плечи*, на мой взгляд, появились под влиянием «Зверинца» – такое насыщение перевода русскими подтекстами (или скорее суперстратом, «надтекстами») – частый случай в практике Лозинского, надеюсь когда-нибудь написать об этом специально.

⁸ Не к той же ли топографии восходят «холмы моей печали» в «Даре» (см.: Набоков 2000, 4: 320) – место гибели отца Годунова-Чердынцева, которые А. А. Долинин в

Не могу сказать, взял ли Набоков *плечи* из итальянского оригинала⁹, что совсем не исключено: Г. М. Утгоф обратил мое внимание на то, что в «Подвиге» (гл. 34) герой в Кембридже переводит Данте:

Немецким Мартын владел плоховато и потому радовался, если текст попадался французский, английский, или – еще лучше – итальянский: этот язык он знал, правда, еще хуже немецкого, но небольшое свое знание особенно ценил, памятуя, как с меланхолическим Тэдди переводил Данте (Набоков 2000, 3: 201)¹⁰.

Во всяком случае, эти плечи есть во многих – если не во всех – английских переводах «Божественной комедии», в которые Набоков, в бытность в Англии, скорее всего, заглядывал:

Upward I looked, and I beheld **its shoulders**,
Vested already with that planet's rays
Which leadeth others right by every road.
(Henry W. Longfellow)

I look'd aloft, and saw **his shoulders** broad
Already vested with that planet's beam,
Who leads all wanderers safe through every way.
(H. F. Cary)

комментарии 2000 г. возвел к «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» (см.: Набоков 2000, 4: 683); теперь см.: Долинин 2019: 214. Слово *печали* перекликается и с *плечами* (почти анаграмма), и со *spalle* (рифма). «По ритму и звучанию» они напоминают пушкинскую же строку – рефрен в «Певце»: «Слыхали ль вы за рощей глас ночной / Певца любви, певца своей печали? / Когда поля в час утренний молчали, / Свирили звук унылый и простой / Слыхали ль вы?» (Пушкин 1962: 216).

⁹ Г. Д. Муравьева поясняет: «*spalle* – зд. ‘вершина холма’, см. Enc[iclopedia] dant[esca] / A cura di U. Bosco. Treccani, 1970]» и переводит: «увидел, что вершина холма / уже одета лучами планеты» (Муравьева 2021: 18–19).

¹⁰ Пример набокковского «дантизма» приводит Жужа Хетени: «Высокий стиль выдержан в латинском слове, в котором омега полигенетической интертекстуальной цепи ассоциаций *Animula* отсыпает к античности, к последним словам Гадриана <sic!>, но, несомненно, посредством одноименного стихотворения Т. С. Элиота (1929), описывающего жизненный путь маленькой невинной детской “душки” (“simple soul”, “small soul”), цитирующего, в свою очередь, Данте (Чистилище, Песнь XVI)» (Хетени 2014: 157).

I looked on high and saw **its shoulders** clothed
 already by the rays of that same planet
 which serves to lead men straight along all roads.
 (Allen Mandelbaum)

...and saw **its shoulders**
 mantled already with that planet's rays
 which leadeth one aright o'er every path.
 (Courtney Langdon)

I looked on high and saw **its shoulders** clothed already with the rays
 of the planet that leadeth men aright along every path (Charles Eliot
 Norton).

Это связано, видимо, с чисто языковыми причинами – и в итальянском, и в английском *плечи горы* – это нормальная языковая метафора, тогда как в русском языке она отсутствует или встречается редко. Когда я делал доклады на эту тему в 2014 и 2015 гг., мне казалось что таких примеров вообще нет, кроме Мандельштама и Лозинского. На Тыняновских чтениях 2015 г. Д. Н. Ахапкин подсказал мне два примера из Асева: «Смотри, как остры **плечи гор**, / как бурка свесилась с плеча...» (стихотворение «Дагестан»; речь идет об успехах Советского Дагестана с реминисценциями гражданской войны, стихи датированы 1933 г.), второй пример: «Широкие **плечи гор**...» (стихотворение «Хор вершин»); оба вошли в сборник «Высокогорные стихи» (1938) но по газетным и журнальным публикациям могли быть доступны Набокову до «Дара»¹¹. Сверх того, НКРЯ (поэтический корпус) дает один пример из Ю. Балтрушайтиса («Villa La Tour», 1931):

Долина, холм, а там за ними
 Опять сады по горным склонам,
 Крест дальней церкви в тонком дыме
 И **плечи гор** в плаще зеленом...
 (Балтрушайтис 1983: 242)

¹¹ «Дагестан» вошел в подборку «Наброски поэмы» (Правда. 1933. 5 января), «Хор вершин» – в подборку «Высокогорные стихи» (Огонек. 1937. № 36. С. 9); см.: Русские 1978: 52, 56.

Конечно, Набокову вряд ли мог быть интересен Асеев, тем более поздний, вполне советский, однако он, видимо, не гнушался удачными строками советских поэтов, так стихотворение 1951 г. начинается:

Был день как день. Дремала память. Длилась
холодная и скучная весна.

(Набоков 2002: 219)

– то есть (незаметно для комментаторов) повторяет начало «Февральского дневника» Ольги Берггольц (1942):

Был день как день.
Ко мне пришла подруга,
не плача, рассказала, что вчера
единственного схоронила друга,
и мы молчали с нею до утра.

(Берггольц 1983: 225)

Что касается Мандельштама, то если *плечи сонных скал*, в самом деле, восходят к Данте, то аллегорические и геральдические звери в его «Зверинце» могут соотноситься с самым началом «Inferno», с зверями, от которых бежит Данте.

Замечу еще, что Ю. К. Щеглов (см.: Щеглов 2012: 283) ошибочно понял дантовское описание в цитированных мной строках как описание ночи, заката, между тем это утро, что ясно и из самих этих строк, и из развития – чуть ниже – темы солнца как предводителя звезд:

Temp'era dal principio del mattino,
e 'l sol montava 'n sù con quelle stelle
ch'eran con lui quando l'amor divino

mosse di prima quelle cose belle <...>.

Был ранний час, и солнце в тверди ясной
Сопровождали те же звезды вновь,
Что в первый раз, когда их сонм прекрасный

Божественная двинула Любовь¹².

(Inf. I, 37–40)

Замечательно, что здесь, в первой песни, предвосхищена последняя строка всей Комедии:

Любовь, что движет солнца и светила.

...l'amor che move il sole e l'altre stelle.

(Par. XXXIII, 45)

БИБЛИОГРАФИЯ

- Б. п. 2011. Пастернак. «Пиры» 1913/1928 (Почему в сахарнице анапест). – [URL: <http://mastul.blogspot.com/2011/04/19131928.html>]
- Балтрушайтис Ю. 1983. Дерево в огне: Стихи / Сост. и примечания Ю. Тумялиса. Вильнюс: Vaga.
- Берггольц О. 1983. Избранные произведения / Вступительная ст. А. И. Павловского. Сост. М. Ф. Берггольц и А. И. Павловского. Подготовка текста и примечания Т. П. Головановой. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение.
- Венцлова Т. 2012. Собеседники на пиру: Литературоведческие работы. М.: Новое литературное обозрение.
- Гаспаров М. Л., Поливанов К. М. 2005. «Близнец в тучах» Бориса Пастернака: Опыт комментария. М.: РГГУ.
- Данте Алигьери 1938. Ад. Три песни: Песнь 1. – Песнь 3. – Песнь 5 / Пер. и примечания М. Л. Лозинского. – Литературный современник. № 3. С. 99–111.
- Данте Алигьери 1968. Пир / Пер. прозы А. Г. Габричевского, канцон И. Н. Голенищева-Кутузова. – Данте Алигьери. Малые произведения / Изд. подготовил И. Н. Голенищев-Кутузов. М.: Издательство «Наука». С. 112–269.
- Долинин А. 2019. Комментарий к роману Владимира Набокова «Дар». М.: Новое издательство.

¹² Г. Д. Муравьева комментирует: «*mosse* от *mouvere* “двинуть”, зд. – ‘движение как творящее деяние’, см. *Enc. dant.*» и переводит: «Время было начала утра / и восходило солнце – в том созвездии, / где было оно, когда Божественная любовь / сотворила эту (небесную) красоту» (Муравьева 2021: 19–20).

- Иванов Вяч. Вс. 2007. Из наблюдений над стилем и образностью раннего Пастернака. – *The Real Life of Pierre Delalande: Studies in Russian and Comparative Literature to Honor Alexander Dolinin* / Ed. by David M. Bethea, Lazar Fleishman and Alexander Ospovat. Pt. 1. Oakland: Berkeley Slavic Specialties. С. 248–275 (Stanford Slavic Studies. Vol. 34).
- Левинтон Г. 1979. Поэтический билингвизм и межъязыковые влияния (Язык как подтекст). – *Вторичные моделирующие системы*. Тарту: [Tartu Ülikooli Kirjastus]. С. 30–33.
- Левинтон Г. А. 1998. Мелочи из запаса моей памяти (1. Ф. Сологуб: Из комментариев к «Творимой легенде», 2. Блок: Пушкинская шутка Блока, 3. Пастернак: «Из суеверья»). – *Блоковский сборник*. Вып. XIV: К 70-летию З. Г. Минц. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus. С. 134–143.
- Левинтон Г. 2007. Заметки о параномазии. I: Параномазии и подтексты у Набокова. – «На меже меж Голосом и Эхом»: Сборник ст. в честь Т. В. Цивьян. М.: Новое издательство. С. 60–69.
- Лесков Н. s. a. Еврей в России: Несколько замечаний по еврейскому вопросу. – [URL: <http://www.vehi.net/asion/leskov.html>]
- Мандельштам О. Э. 2009. Полн. собр. соч.: В 3-х тт. / Сост., подготовка текста и примечания А. Г. Меца. Вступительная ст. Вяч. Вс. Иванова. Т. 1: Стихотворения. М.: Прогресс-Плеяда.
- Маслов Б. 2001. Поэт Кончеев: Опыт текстологии персонажа. – *Новое литературное обозрение*. № 47. С. 172–186.
- Муравьева Г. Д. 2021. Данте Алигьери. Божественная комедия. Ад / Подстрочный пер. Г. Д. Муравьевой. М.: Пробел-2000.
- Набоков (Сиринъ) В. 2000. Собр. соч. русского периода: В 5-ти тт. Т. 3, 4. СПб.: Симпозиум.
- Набоков В. В. 2002. Стихотворения / Вступительная ст., сост., подготовка текста и примечания М. Э. Маликовой. СПб.: Академический проект.
- Пастернак Б. Л. 2003. Полн. собр. соч. с приложениями: В 11-ти тт. / Предисловие Л. С. Флейшмана. Сост. и комментарии Е. Б. Пастернака и Е. В. Пастернак. Т. 1: Стихотворения и поэмы. 1912–1931. М.: Слово/Slovo.
- Пушкин А. С. 1964. Полн. собр. соч.: В 10-ти тт. Изд. 3-е. Т. 1. Л.: Издательство Академии наук СССР.
- Русские 1978. Русские советские писатели. Поэты: Библиографический указатель. Т. 2: Асеев – Бедный. М.: Книга.

- Сологуб Ф. 1991. Творимая легенда / Сост., подготовка текста, послесловие Л. Соболева. Комментарий А. Соболева. Т. 1. М.: Художественная литература.
- Флавий Филострат 2017. Жизни софистов / Изд. подготовили Ф. Г. Беневич, А. А. Ветушко-Калевич, А. А. Кладова и Е. Г. Рабинович под общим руководством Е. Г. Рабинович. М.: Университет Дмитрия Пожарского.
- Флейшман Л. 2006. К публикации письма Л. О. Пастернака к Бялику. – Флейшман Л. От Пушкина к Пастернаку: Избранные работы по поэтике и истории русской литературы. М.: Новое литературное обозрение. С. 328–341.
- Хетени Ж. 2003. «Идеальная нагота»: Мотивы масонской инициации в рассказе Вл. Набокова «Посещение музея» (Масонские мотивы у Набокова, часть 1). – *Studia Slavica Hungarica*. Т. 48. No 1–3. 105–121.
- Хетени Ж. 2005. Лед, Лета, лужа: «мост через реку». Масонский и дантовский код в романе Вл. Набокова «Защита Лужина». – *Sub Rosa: In Honorem Lena Szilárd. Köszöntő könyv Léna Szilárd tiszteletére*. Сборник в честь Лены Силард / Szerk. Atanaszova-Szokolova Denise, Han Anna, Hollós Attila. Budapest: ELTE BTK Irodalomtudományi Doktori Iskola. С. 286–298.
- Хетени Ж. 2014. «Hybridization of Tongues»: Лжеязык Набокова в *Bend Sinister*. – Гибридные формы в славянских культурах / Отв. ред. Н. В. Злыднева. М.: Институт славяноведения РАН. С. 152–158.
- Щеглов Ю. К. 2012. Мотивы инициации и потустороннего мира в «Конармии» Бабеля. – Щеглов Ю. К. Проза. Поэзия. Поэтика: Избранные работы / Сост. А. К. Жолковский и В. А. Щеглова. М.: Новое литературное обозрение. С. 275–296.
- Hetényi, Zs. 2007. Un pont sur la rivière. Code maçonnique et code dantesque dans le roman de Vladimir Nabokov *La Défense Loujine*. – *Slavica Occitania*. N° 24: La Franc-maçonnerie et la culture russe. Sous la direction de Jean Breuillard et Irina Ivanova. P. 583–599.
- Ronen, O. 1968. Mandel'stam's *Kaščeј*. – *Studies Presented to Professor Roman Jakobson by His Students*. Cambridge, Mass.: Slavica Publishers. P. 252–264.

REFERENCES

- Anonymous. "Pasternak. 'Piry' 1913/1928 (Pochemu v sukharnitse anapest)." Accessed November 25, 2021. <http://mastul.blogspot.com/2011/04/19131928.html>
- Baltrušaitis, J. *Derevo v ognе: Stikhi*. Edited and annotated by J. Tumelis. Vilnius: Vaga, 1983.
- Berggol'ts, O. *Izbrannye proizvedeniia*. Prefaced by A. I. Pavlovskii, edited by M. F. Berggol'ts and A. I. Pavlovskii, annotated by T. P. Golovanova. Leningrad: Sovetskii pisatel'. Leningradskoe otdelenie, 1983.
- Dante Alighieri. "Ad. Tri pesni: Pesn' 1. – Pesn' 3. – Pesn' 5." Translated and annotated by M. L. Lozinskii. *Literaturnyi sovremennik* 3 (1938): 99–111.
- . *Pir*. Translated by A. G. Gabrichevskii (prose) and I. N. Golenishchev-Kutuzov (canzonas). In *Malye proizvedeniia*, by Dante Alighieri. Edited by I. N. Golenishchev-Kutuzov, 112–269. Moscow: Izdatel'stvo "Nauka," 1968.
- Dolinin, A. *Kommentarii k romanu Vladimira Nabokova "Dar."* Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2019.
- Flavius Philostratus. *Zhizni sofistov*. Edited by E. G. Rabinovich et al. Moscow: Universitet Dmitriia Pozharskogo, 2017.
- Fleishman, L. "K publikatsii pis'ma L. O. Pasternaka k Bialiku." In *Ot Pushkina k Pasternaku: Izbrannye raboty po poetike i istorii russkoi literatury*, by L. Fleishman, 328–41. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006.
- Gasparov, M. L. and K. M. Polivanov. "*Bliznets v tuchakh*" *Borisa Pasternaka: Opyt kommentariia*. Moscow: RGGU, 2005.
- Hetényi, Zs. "'Ideal'naia nagota': Motivы masonskoi initsiatsii v rasskaze Vl. Nabokova 'Poseshchenie muzeia' (Masonskie motivы u Nabokova, chast' 1)." *Studia Slavica Hungarica* 48, no. 1–3 (2003): 105–21.
- . "'Led, Leta, luzha: 'Most cherez reku.' Masonskii i dantovskii kod v romane Vl. Nabokova 'Zashchita Luzhina.'" In *Sub Rosa: In Honorem Lena Szilárd. Köszöntő könyv Léna Szilárd tiszteletére. Sbornik v chest' Leny Silard*. Edited by Denise Atanaszova-Szokolova, Anna Han and Attila Hollós, 286–98. Budapest: ELTE BTK Irodalomtudományi Doktori Iskola, 2005.
- . "Un pont sur la rivière. Code maçonnique et code dantesque dans le roman de Vladimir Nabokov *La Défense Loujine*." *Slavica Occitania* 24 (2007): 583–99.
- . "'Hybridization of Tongues': Lzheiazыk Nabokova v *Bend Sinister*." In *Gibridnye formy v slavianskikh kul'turakh*. Edited by N. V. Zlydneva, 152–58. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2014.

- Ivanov, Vyach. Vs. "Iz nabliudenii nad stilem i obraznost'iu rannego Pasternaka." *The Real Life of Pierre Delalande: Studies in Russian and Comparative Literature to Honor Alexander Dolinin*. Edited by David M. Bethea, Lazar Fleishman and Alexander Ospovat. Pt. 1. Stanford Slavic Studies. Vol. 34, 248–75. Oakland: Berkeley Slavic Specialties, 2007.
- Levinton, G. "Poeticheskii bilingvizm i mezh"iazykovye vliianiia (Iazyk kak podtekst)." In *Vtorichnye modeliruiushchie sistemy*, 30–33. Tartu: [Tartu Ülikooli Kirjastus], 1979.
- . "Melochi iz zapasa moei pamiati (1. F. Sologub: Iz kommentariiev k 'Tvorimoi legende,' 2. Blok: Pushkinskaia shutka Bloka, 3. Pasternak: 'Iz suever'ia')." In *Blokovskii sbornik*. Vol. 14, *K 70-letiiu Z. G. Mints*, 134–43. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1998.
- . "Zametki o paronomazii. I: Paronomazii i podteksty u Nabokova." In "Na mezhe mezh Golosom i Ekhom": *Sbornik statei v chest' T. V. Civjan*, 60–69. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2007.
- Leskov, N. *Evrei v Rossii: Neskol'ko zamechanii po evreiskomu voprosu*. Accessed November 25, 2021. <http://www.vehi.net/asion/leskov.html>
- Mandel'shtam, O. E. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. Edited and annotated by A. G. Mets, prefaced by Vyach. Vs. Ivanov. 3 vols. Vol. 1, *Stikhotvoreniia*. Moscow: Progress-Pleiada, 2009.
- Maslov, B. "Poet Koncheev: Opyt tekstologii personazha." *Novoe literaturnoe obozrenie* 47 (2001): 172–86.
- Murav'eva G. D. *Dante Alighieri. Bozhestvennaia komediia. Ad*. Word for word translation by G. D. Murav'ieva. Moscow: Probel-2000, 2021.
- Nabokov, V. *Sobranie sochinenii russkogo perioda*. 5 vols. Vol. 3, 4. Saint-Petersburg: Symposium, 2000.
- . *Stikhotvoreniia*. Prefaced, edited and annotated by M. E. Malikova. Saint-Petersburg: Akademicheskii proekt, 2002.
- Pasternak, B. L. *Polnoe sobranie sochinenii s prilozheniiami*. 11 vols. Prefaced by L. S. Fleishman, edited and annotated by E. B. Pasternak and E. V. Pasternak. Vol. 1, *Stikhotvoreniia i poemy. 1912–1931*. Moscow: Slovo/Slovo, 2003.
- Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii*. 10 vols. 3rd ed. Vol. 1. Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1964.
- Ronen, O. "Mandel'shtam's *Kaščeĭ*." In *Studies Presented to Professor Roman Jakobson by His Students*, 252–64. Cambridge, MA: Slavica Publishers, 1968.

- Russkie sovetskie pisateli. Poety: Biobibliograficheskii ukazatel'*. Vol. 2, *Aseev–Bednyi*. Moscow: Kniga, 1978.
- Sologub, F. *Tvorimaia legenda*. Edited, with an afterword, by L. Sobolev, annotated by A. Sobolev. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1991.
- Shcheglov, Yu. K. “Motivy initsiatsii i potustoronnego mira v ‘Konarmii’ Babelia.” In *Proza. Poeziia. Poetika: Izbrannye raboty*, by Yu. K. Shcheglov. Edited by A. K. Zholkovskii and V. A. Shcheglova, 275–96. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012.
- Venclova, T. *Sobesedniki na piru: Literaturovedcheskie raboty*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012.

«КОСЯЩИЙ БЕГ» (ПЕТРАРКА – МАНДЕЛЬШТАМ – ПЕТРАРКА)

Н. Г. Охотин
(С.-Петербург)

Пятьдесят первый сонет на смерть мадонны Лауры (СССХІХ в общей нумерации «Il Canzoniere»), переводить который О. Э. Манделъштам взялся в январе 1934 года, открывается следующим катреном:

I dì miei più leggier che nes(s)un cervo
Fuggir come ombra, et non vider più bene
Ch'un batter d'occhio, et poche hore serene,
Ch'amare et dolci ne la mente servo.

(Petrarca 1999: 1214)¹

Перевод Манделъштама:

Промчались дни мои – как бы оленей
Косящий бег. Срок счастья был короче,
Чем взмах ресницы. Из последней мочи
Я в горсть зажал лишь пепел наслаждений.

(Манделъштам 2009–2011, 1: 190)

Давно замечено, что «для Манделъштама первой опорной точкой при переводе была начальная строка со словом “оленей”: она не менялась ни разу и, видимо, была для него ключевой» (Гаспаров 2002: 331). Стоит уточнить, что неизменными оставались первые полтора стиха (Манделъштам 2009–2011, 1: 485–486; Семенко 1997:

¹ Подстрочный перевод: «Дни мои легче любого оленя / Промчались как тень и не видели дольше блага, / Чем на мгновенье ока и на немногие часы ясные, / Которые горькими и сладкими в памяти храню» (Семенко 1997: 318). «Дни мои легче любого оленя / промчались тенью, и не дольше видели блага, / чем на мгновенье ока и на немногие светлые часы, / которые горькими и сладкими храню я в уме» (Гаспаров 2002: 324).

70–78), составляющие одно предложение, хотя во втором стихе уже явственно заметно отклонение от оригинала, нарастающее и далее. Эти полторы строки мы и попробуем прокомментировать.

В одной из первых работ о мандельштамовских переводах из Петрарки этим строчкам посвящен специальный пассаж:

Петрарковским *промчавшимся оленем* – символом бега времени – начинается стихотворение Мандельштама. <...> С самого начала притягивает внимание необычный и многозначительный эпитет «олений *косящий* бег». Это замена петрарковской *тени* («промчались как тень»). В весомом, зрительно ощутимом образе символизировано одновременно и ускользание жизни, и то, чему в оригинале нет соответствия, – ее непрерывное отклонение от самой себя. Отказ от «тени» имеет принципиальное значение еще и потому, что у Петрарки она является символом не только быстротечности счастья, но и его тщеты и иллюзорности («жалкий мир» – этот эпитет также снят в переводе). Мандельштам, наоборот, интегрирует в быстротечности бурную динамику чувственной и духовной полноты, трагическую в силу ее необратимости. Он не принимает концепцию иллюзорности жизни. Поэтому образы Петрарки становятся в переводе чувственно более экспрессивными (Семенко 1997: 119–120).

Попытка объяснить *необычность* и *многозначительность* эпитета сводится к зыбкой интерпретации, построенной на произвольном использовании языковой полисемии: «символизировано одновременно и ускользание жизни, и то, чему в оригинале нет соответствия, – ее непрерывное отклонение от самой себя» (Там же). Однако, имплицированное в таком толковании представление о *косой* линии, отклоняющейся от прямой, кажется, не имеет отношения ни к Петрарке, ни к Мандельштаму². Куда более точным выглядит наблюдение Е. П. Сошкина: «Определение

² Подобные толкования используются, например, в работах Bonola 2003: 38 (*corsa sbieca*), Dolack 2007: 483 (*corsa tortuosa*). Более адекватный эквивалент (*mowing run*) и сравнение с жатвой смерти см.: Redko 2018: 113–114. Некоторые интерпретаторы мандельштамовского сонета отказываются от попытки истолковать или перевести этот

косящий, относящееся к бегу дней-олений, не имеет соответствия в оригинале <...> и восходит к глаголу *скосило* – предикату времени в стихотворении 1922 г.» (Сошкин 2015: 235–236; ср.: «И меня срезает время, / Как *скосило* твой каблук». – Мандельштам 2020, 1: 105)³.

Эта автореминисценция сразу выявляет топическую природу мандельштамовского образа. Время с косою в руках, коса времени, – подобные образы в европейской культуре – и в визуальной, и в литературной⁴ ее составляющей – издавна существуют на правах *locis communibus*, чаще фиксируясь на уровне идиоматики, но подчас обрстая разветвленными аллегорическими сюжетами. Сатурн (Кронос / Хронос; Отец-Время) – крылатый старик с косою – может похищать любовь или обрывать Амуру крылья, приказывать старости уничтожить красоту, обнажать и возвеличивать забытую истину, оправдывать оклеветанную невинность, пожирать собственных детей (дни, месяцы и годы), разрушать создания рук человеческих, etc., а также служить эмблематической декорацией везде, где земным художникам показалось уместным эксплицитировать мотивы *vanitas*⁵.

Но как привнесенная атрибутика времени сопрягается с исходной образностью сонета? Да, у времени два предиката – оно в

эпитет, обозначая только движение *стада оленей*: Cazzola 2005: 302 (*corsa di cervi in branco*).

³ Последующее утверждение, что «основанием для этой автореминисценции служит параллелизм *каблука* и *оленьего копыта*» (Сошкин 2015: 236), должно оставить на совести автора.

⁴ Здесь не время и не место останавливаться на конкретных примерах, но все же укажем на цикл Андрея Белого, посвященный седому старику с косою («Время», 1909; см.: Белый 2006: 288–290), и напомним, что Мандельштам работал над переводом 319-го сонета одновременно со стихами на смерть Белого (см.: Мандельштам 2009–2011, 1: 191–193).

⁵ Приводить примеры того, как в литературе или визуальной культуре использовался образ олицетворенного времени, – непосильная задача, даже одно перечисление словарей, справочников и каталогов займет не менее сотни страниц. Ограничимся здесь лишь ссылками на справочники, где содержатся начальные сведения и примеры по этой теме: Reid 1993: 310–313; Moormann, Uitterhoeve 1997: 254–256. К сожалению, прикладное искусство осталось за границей этих пособий, а изображения Времени только, например, в дизайне башенных, настенных и каминных часов составляет интересный и обширный предмет для исследования.

разных идиоматических контекстах *бежит* или *косит*, но олени уживаются с косою, на первый взгляд, лишь силою авторской, вернее, переводческой воли. К сожалению, вся, уже многовековая, традиция комментирования «Il Canzoniere» к Петрарке здесь мало чем может помочь. Стандартный набор примечаний к первому стиху сонета включает несколько латинских претекстов, на которые мог опираться Петрарка, однако все они содержат мотив быстроты оленьего бега, но бега, никак не связанного с ходом времени⁶.

И все же точка сопряжения существует. В целом ряде русских иконологических пособий находим следующие, почти тождественные характеристики Сатурна-Времени:

Время аллегорически представляется в виде иссохшего от древности старика с крыльями, с седыми волосами и бородою, в руке держит косу. См. *Сатурн*. <...> Многие художники представляли Время сидящим в колеснице, заложенной двумя быстрыми оленями, в таком случае крылья Времени <sic!> присовокуплять не должно (*Лакомб де Презель* 1763: 62).

Время вообще представляется в образе старика, от древности лет иссохшего, с крыльями, с седыми власами и брадою, держащего в руках косу; иногда в виде мужа без крыл, сидящего на колеснице, влекомой двумя быстрыми оленями (*Максимович-Амбодик* 2000/1811: 45).

Время (сим<волически>) изображается в виде иссохшего от древности старика, с крыльями за плечами, с седыми волосами и бородой, и с косою в руке, иногда же и без крыльев, сидящим в колеснице, запряженной двумя оленями (*Булгаков* 1886: 161).

⁶ В одном случае оленю уподоблена злая забота, от которой не спрячешься даже на корабле и которая бежит быстрее оленя и восточного ветра: „scandit aeratas vitiosa navis / Cura nec turmas equitum relinquit, / ocior cervis et agente nimbo / ocior Euro” (*Нор. Од.* II, 16, 21–24); в двух других случаях бегун уподобляется оленю, услышавшему лай собак или рычание льва: „Non tantum cervo claris latratibus acto, / Verum etiam ventis volucrique fugacior aura” (*Ovid. Metam.* XIII, 806–807; о скорости оленьего бега ср. там же I, 306 и VII, 545–546); „non aliter, celeres Hircana per avia cervi / cum procul impasti fremitum accipere leonis / sive putant, rapit attonitos fuga caeca metusque / congregat...” (*Statius. Theb.* VI, 600–602).

Сами формулировки восходят к известному иконологическому словарю 1756 года (см.: Lacombe de Prézel 1756: 275–276), но если во французском обиходе эта традиция в описании Времени, по видимому, обрывается на мифологических словарях 1820-х гг., то в русской (и отчасти немецкой) литературе она тянется почти до начала 20 века (кроме приведенных примеров, можно назвать ряд книг по искусству и геральдике).

Важнее, однако, понять, каковы те визуальные источники, на основе которых были сформулированы цитированные выше дефиниции. Обнаружить их оказалось, впрочем, не слишком трудно, и, как ни странно, они возвращают нас обратно к Петрарке. Крылатый старик с косой, который едет на колеснице, запряженной двумя оленями – стандартный персонаж многочисленных визуальных объектов, тематически связанных с незавершенной поэмой «Триумфы» (1357–1374).

Поэма Петрарки строится как диалектическая последовательность развернутых аллегорий: Торжество Любви (*Il Trionfo d'Amore*) сменяется победой Целомудрия (*Il Trionfo della Pudicizia*), их обоих одолевает Смерть (*Il Trionfo della Morte*), ей приходится отступить перед Славою (*Il Trionfo della Fama*), которой, в свою очередь, не совладать с властью Времени (*Il Trionfo del Tempo*), но и эта великая власть навсегда уступает божественной Вечности (*Il Trionfo dell'Eternità*). Неоднократно отмечалось, что собственно триумфальная процессия описывается Петраркой лишь в первой главе, в Триумфе Любви; в остальных главах автор к этому приему уже не прибегает. И многочисленные визуальные репрезентации «Триумфов», где колесницами и свитой обзаводятся все аллегорические триумфаторы, – плоды позднейшей художественной фантазии.

Первые попытки иллюстрировать «Триумфы» в манускриптах фиксируются еще в конце XIV века. В 1410-х – 1420-х годах появляются первые примеры «триумфального» оформления отдельных эпизодов. Но полностью перформативный и визуальный потенциал поэмы был востребован, видимо, с начала 1440-х годов, на фоне расцвета во Флоренции светских костюмированных

праздников и процессий, в которых активно эксплуатировались сакральные, исторические и мифологические сюжеты⁷. Формат уличного шествия предполагал очередность и относительную единообразность дизайна петраркианских триумфов – их главные персонажи, наделенные узнаваемыми атрибутами, должны были двигаться друг за другом в определенном порядке. Соответственно, получили сериальное оформление и изобразительные (живописные, графические и пластические) аналоги этих праздничных «триумфов». К первым десятилетиям XV века эти визуальные серии приобрели черты если не канона, то определенного иконографического типа, который реализовался, в основном, в рукописной и книжной иллюстрации, а также в прикладном искусстве: этот сюжет часто встречается в оформлении свадебных сундуков (*cassoni*), подносов для рожениц (*desci da parto*), в витражах, интерьерных росписях, на гобеленах, медалях, декоративных барельефах саркофагов, в дизайне игральных карт, etc., etc. Позднее, преимущественно в Северной Европе, появляются серии гравюр на тему «Триумфов», где используется тот же иконографический тип⁸. В рамках этого типа могли меняться

⁷ Итальянские праздники, шествия и фейерверки эпохи Возрождения описаны в знаменитом труде Якоба Буркхардта „Die Kultur der Renaissance in Italien“, неоднократно издававшемся на русском языке (ср., напр.: Буркхардт 1906: 134–161). О вероятном знакомстве Мандельштама с каким-то из изданий этой книги см.: Левинтон, Степанова 2010: 734–735.

⁸ Это листы Георга Пенца (1539), Мартена ван Хемскерка (1565) и Питера Брейгеля-старшего (1574), которые тиражировались и распространялись по крайней мере до конца XVII века. Поскольку триумфатор-Время на этих гравюрах изображался на оленьей колеснице, но с костылями, а не с косой, мы не будем на этих гравюрах останавливаться подробно. Исключение можно сделать для гравюр Хемскерка (1498–1574), поскольку на них обратил внимание Симеон Полоцкий. Подписями к этим гравюрам послужили латинские четверостишия Адриана Юниуса (1511–1575), торжеству Времени были посвящены следующие стихи: „Sum Tempus volucre, ac rerum irreparabilis ordo / Alipedes ducunt cervi: fugitivaque stipant, / Gens Horae: consumo annos, et deteror illis. / Omnia pessundo et vestigia nulla relinquo“ (Hadrianus Junius 1598: 196) = «Я – стремительное Время и невозвратимый порядок вещей. / Быстроногие олени влечут [колесницу], идет толпой беглое / племя, Оры (Часы); я снедаю года и от них порчусь (умаляюсь); / Я все уничтожаю и не оставляю никаких следов» (пер. Р. Л. Шмаркова, который любезно сообщил мне и поэтическую версию перевода: «Время

отдельные, даже важные элементы, перестраиваться композиция, сдвигаться символическая нагрузка, однако эти трансформации не очень существенны для целей настоящей статьи.

Каждое отдельное изображение в подобных сериях строится вокруг возвышенной фигуры триумфатора на колеснице: в зависимости от его символической природы меняются животные⁹, везущие экипаж, набор атрибутов власти, состав трофеев и подданных, элементы фона. Усредненный изобразительный тип *Trionfo del Tempo* включал в себя стоящую или сидящую фигуру Отца-Времени на колеснице, влекомой, как правило, парой бегущих или идущих оленей (много реже – коней)¹⁰; чаще всего, но не всегда, старик-Время изображался с крыльями, с костылем (костылями) или косой в руках¹¹; иногда, наряду с костылем или косой, в

летучее есмь и событий строй невозвратный; / Быстрый елень мне влечет колесницу, а свитою – беглых / Племя Часов; снедаю года и от них умалюсь; / Я – сокрушитель всего, и следа не бывает за мною»). Оттиски из серии таких крупноформатных гравюр (версия 1638 г.) попали в руки молодого Самуила Пиотровского-Ситняновича, который еще не принял монашеского имени Симеон. Впечатление от этих гравюр и подписей к ним отразилось в польских виршах: „Czas bystrolotny przez bystra jelenie / Dniem, nocą bieżeć; acz u sam nie lenię, / Jadę godzinmi; jesień, zima, lato / Ze mną biegają jako widzisz, a to / Lata mię psują, ja też one trawię, / Wszystko ja dopcę, śladu nie zostawię” (Симеон Полоцкий 1990: 176; пер. там же, 178: «Время быстролетное быстрыми оленями / Днем и ночью скачет; хоть и сам я не ленюсь, / Еду я часами; осень, зима, лето / Со мной бегут, как видишь, а ведь / Лета меня портят, я же их поедаю. / Все я затопчу, следа не оставлю»). Подробнее см. Grzeškowiak 2019: 493–510.

⁹ В наиболее распространенной версии сюжета колесницу Любви (Амура) везут кони, Целомудрия – единороги, Смерти – черные быки (буйволы), Славы – слоны, Времени, как уже сказано, – олени, а колесница божественной Вечности запряжена ангелами или четырьмя животными, символизирующими евангелистов (часто этот триумф обходится без колесницы – Господь никуда не спешит).

¹⁰ Как правило вне триумфального контекста встречаются изображения Времени с косой в руке, но на небесной колеснице, запряженной драконами (змеями, грифонами со змеиными хвостами). Здесь проявляется влияние астрологического символярия, недаром такие изображения содержат явные или замаскированные знаки планеты Сатурн. Небесная колесница Времени с крылатыми или бескрылыми оленями также изредка встречается – возможно, именно к этой традиции восходит современная иконография Санта Клауса.

¹¹ Вариант с костылем(ями), возможно, должен был подчеркнуть древность и ветхость персонажа; дополнительным фактором, очевидно, была необходимость зрительной и символической дистрибуции – косой уже была наделена Смерть (как в триумфальных

руках у старика изображался предназначенный для пожирания младенец¹². Рядом с фигурой триумфатора или в других местах композиции размещались те или иные атрибуты или фигуры, знаменующие ход времени: смену дня и ночи, дней недели, месяцев и сезонов, прошлого, настоящего и будущего (петух, черная и белая собака, трехголовые создания, олицетворенные времена года, песочные или солнечные часы, луна и солнце на небосводе, зодиакальный круг, уроборос, и проч.). Вокруг и вослед колеснице шествовали подданные Времени – в наиболее детализированных вариантах в эту процессию людских поколений включались представители всех полов, возрастов и состояний. Фон основного изображения мог сильно варьироваться, однако почти обязательно там присутствовали детали, обличающие признаки упадка и разрушения: руины, засохшие деревья, пустыни, брошенные за ненадобностью или испорченные вещи, и т. д.¹³

Итак, образ старика, скачущего на оленях, управляющего временем и занятого жатвою поколений, вероятно, и составляет тот идеологический и пикториальный подтекст, наличие которого примиряет противоречивые элементы первых полутора строк в стихотворении Мандельштама и объясняет появление оборота *косящий бег*. Но даже если согласиться с таким предположением, остается один существенный вопрос: был ли Мандельштам знаком

изображениях, так и вне их). Однако постепенно Смерть и Время в триумфах стали обмениваться атрибутами – Смерть нередко обретала песочные часы, а Время – косу (в какой-то мере это контаминация находила соответствие в «поэме Петрарки, где эти две силы назывались разрушителями). Вне триумфального сюжета Время-Сатурн устойчиво вооружено косою уже с XVI века, и для носителя европейской культуры этот образ, кажется, наиболее узнаваем.

¹² Отдельная, и довольно ранняя иконографическая линия – изображение Времени с державой, глобусом или картой, т. е. со знаком универсальности его власти в руках. Эта линия возродилась в XVIII веке, когда появилась серия гравированных «Триумфов» Сильвестра Помереде (1748), якобы выполненная по рисункам Тициана. Ср. ниже этот же мотив на гравюрах 1778 и 1784 гг. (илл. 2 и 3).

¹³ Изо всей обширной литературы, посвященной визуальной репрезентации Времени, отсылаю к наиболее информативным работам, подробно затрагивающим иконографию «Trionfo del Tempo»: Panofsky 1939 (рус. пер.: Панофский 2009); Nyholm 1990: 235–255; Ortner 1998; Zaho 2004; Cohen 2014; Caputo 2019: 12–44; Di Simone 2021.

с какими-либо образчиками этого иконографического типа, или, по крайней мере, с его вербальными описаниями – помимо тех, которые уже были процитированы выше¹⁴.

На второй вопрос можно, пожалуй, ответить утвердительно. В 1902 году в Париже вышла роскошно иллюстрированная книга Виктора Массенá, принца Эсслинга, и Эжена Мюнца о Петрарке в искусстве (см.: Prince d'Essling, Müntz 1902). Последние три главы огромного тома были посвящены «Триумфам» и сопровождались сотнями иллюстраций; кроме того, большое количество сцен из иллюминированных манускриптов и некоторых произведений прикладного искусства описывались подробно, с характеристикой персонажей, перечислением триумфальных атрибутов и нередко с указанием на различные иконографические параллели¹⁵.

В то же время стоит отметить, что среди иллюстраций к этому компендиуму искомый тип триумфальных изображений не встречается – Время с косой присутствует, Время на оленях тоже, а вот сочетание оленей и косы в одной «картинке» – нет. Зато такое изображение легко находится в другой книжке принца Эсслинга – многотомном описании венецианских иллюстрированных изданий XV–XVI веков: в первом томе каталога есть и описание венецианского издания Петрарки 1508 года, и воспроизведение инициальной гравюры к «Trionfo del Tempo» (см.: Prince d'Essling 1907: 98–99, 101; № 84).

Но если французская книга о Петрарке при все своей научности легко написана и могла привлечь любого читателя, интересующегося итальянской поэзией и культурой, то изучение

¹⁴ Словарь де Презеля в его французских или русских версиях XVIII в. для эпохи Мандельштама не представляется источником первоочередной востребованности. «Символы и Эмблемы» Амбодика в конце XIX и начале XX вв. любили поминать и цитировать писатели пассаистической ориентации, но сама книжка считалась редкой и дорогой. Художественная же энциклопедия Ф. И. Булгакова, наоборот, была во всех смыслах популярна; основное время ее распространения приходилось на дореволюционный период жизни О. М.

¹⁵ Обширные сведения о Сатурне и Старике-Времени с его оленями, сообщаемые французскими искусствоведами, отчасти послужили материалом для известной работы Эрвина Панофского *Father Time*, вышедшей в свет в 1939 году.

Мандельштамом каталога инкунабул (как и самих инкунабул) вызывает естественное сомнение. Конечно, интертекстуальные штудии не требуют буквального документирования предполагаемых подтекстов и параллелей – наличие двух схожих, распространенных и устойчивых мотивов (*Время с оленями* и *Время с косой*) само по себе дает основание для гипотезы об их легкой мнемонической контаминации, а существование реальных изображений, где этим мотивы сочетаются, эту гипотезу лишь укрепляет. И тем не менее, трудно преодолеть желание найти более очевидные и доступные Мандельштаму соответствия.

Проработать необозримую петраркиану на трех языках (Мандельштам владел итальянским, немецким и французским), хотя бы только вышедшую до 1930-х годов, – задача неподъемная и нерентабельная. Поэтому более или менее удалось обозреть лишь относительно компактный сегмент этого корпуса – иллюстрированные издания «Триумфов» Петрарки, увидевшие свет в XVIII – начала XX вв. (преимущественно итальянские). Импульсом к подобным поискам послужили свидетельства, что Мандельштам в процессе изучения итальянского и перевода сонетов

Илл. 1. Триумф времени.

Гравюра на дереве. 1508¹⁶

¹⁶ Одна из первых книжных иллюстраций к «Триумфам», где Время изображено с косой, а не костью в руке. Помещена в венецианском издании 1508 г. между стр. 121 и 122 2-й пагинации; в некоторых экземплярах переставлена на место Триумфа Славы, т. е. между стр. 66 и 67 (см. Petrarcha 1508). Книга с этим набором иллюстраций перепечатывалась не менее трех раз – в 1515, 1519 и 1522 гг. (см.: Cohen 2014: 336–337).

из «Il Canzoniere» не ограничивался каким-нибудь одним изданием Петрарки. Так, Ахматова записывала в дневнике:

Осенью 1933 года Мандельштам, наконец, получил <...> квартиру <...>. Там впервые у Осипа завелись книги, главным образом старинные издания итальянских поэтов (Данте, Петрарка) (Ахматова 1989: 136).

Н. Я. Мандельштам в своих записках писала об этом кратко:

Второй по количеству раздел книг – итальянцы. Вместе с Данте пришли Ариост, Тасс, Петрарка. Они были не только в подлинниках, но и в немецких прозаических переводах. Первое время, когда О. М. еще не овладел языком, он иногда прибегал к переводам (Мандельштам Н. 2014, 1: 329).

Зато в подготовительных конспектах к запискам была чуть более обстоятельна:

Основные книги: Дант – в нескольких изданиях, Петрарка (в 2 изданиях), Тасс, Ариост. Комментарии (кроме Россетти) – не любил. Подстрочные переводы. Учиться итальянскому начала с Данта. Это 30–31 гг.

<...> В Вор<онеже> были с собой: <...> 2. Итальянцы в основных изданиях и карманные.

<...> Одна из первых продаж: Петрарка in folio – на ботинки. И Чаадаев, купленный просто по старому воспоминанию и даже не разрезанный, пошел вместе с Петраркой (Мандельштам Н. 2017: 17, 22, 23).

К сожалению, из всех изданий Петрарки, которые были в домашней библиотеке, после смерти Надежды Яковлевны осталось, как свидетельствовал Ю. Л. Фрейдин (см.: Фрейдин 1991: 233, 238), только ничем не примечательное издание 1908 года – без иллюстраций (см.: Petrarca 1908). Интригующее in folio (если Надежда Яковлевна не ошиблась в определении формата) потребовало отдельных, разысканий, но результат их тоже был не слишком утешительным: поскольку присутствие редких инкунабул и палеотипов в кочевой

коллекции поэта маловероятно, то речь могла бы идти об изданиях сонетов и «Триумфов» 1799, 1805 и 1858 гг. Тома наполеоновской эпохи не были снабжены иллюстрациями, а вот венское издание поэмы 1858 г., содержало прекрасные снимки барельефов XV века на реликварии кафедрального собора в Граце, на которых, в частности, помещена композиция *Trionfo del Tempo* – повозка с оленями и старик-Время со свитой, но утративший все привычные атрибуты¹⁷.

Последние по времени из подходящих иллюстраций к «Триумфу Времени» относятся ко второй половине XVIII в. В венецианском издании 1756 года крылатый старик-Время передвигается на оленях, опираясь на костыль (Petrarca 1756: II, 458), а вот в двухтомнике, напечатанном в Ливорно для Лондона в 1778 году (Petrarca 1778:

¹⁷ См.: Steinbüchel 1858 (вкладка X). С дистанции в полтора века издание производит довольно комическое впечатление, и даже не очень удивительно, что тому *in folio* предпочли новые ботинки. Антон Штейнбюхель фон Рейнваль (1790–1883), бывший директор императорского кабинета древностей, на покое начал обследовать памятники кафедрального собора в Граце и обнаружил там нечто сногшибательное – старинные реликварии черного дерева с рельефами из слоновой кости, на которых изображены сцены из «Триумфов» Петрарки. Оценив несколько архаичную манеру барельефов, ученый немец решил, что их автором являлся никто иной как итальянский скульптор XIII века Никколо Пизано, а следовательно, глядя именно на эти барельефы Петрарка придумал план своей поэмы. Написав небольшой трактат на родном языке и приложив расположенные *en regard* итальянский текст поэмы и ее немецкий перевод (К. А. Förster), Штейнбюхель отправил его вместе со снимками венским коллегам. Рукопись попала в руки итальянца Джованни Больца (Bolza; 1801–1869), крупного чиновника имперского Министерства просвещения, известного литератора и пропагандиста немецко-итальянских культурных связей, который не только перевел статью любителя древностей, но и написал к ней послесловие. Этот риторически блестящий текст, в котором исключительная вежливость хорошо маскировала итальянское лукавство, преподносил автору статьи печальную истину – скульптор, кто бы он ни был, как и многие другие художники, опирался на поэму Петрарки, а вовсе не наоборот. С таким предисловием книга и пошла в печать – видимо, незадачливый археолог счел отзыв итальянца за образец академической полемики, которая может лишь украсить его сочинение. Нынче хорошо известно, что реликварии из Граца изначально служили свадебными сундуками для приданного принцессы Паолы Гонзага из Модены, которая в 1478 году вышла замуж за Леонхарда, графа Горицкого, после смерти которого все имущество рода перешло во владение германских императоров; какое-то время сундуки скитались по монастырям, были приспособлены для хранения мощей и уже в таком качестве осели в Граце. Автором же прекрасных барельефов считается моденский скульптор из круга Андреа Монтегни (см.: Coudenhove-Erthal 1931; Antenhofer 2019).

Joan. Lanini inv. et scul. Libur. 1778.

Илл. 2. Джованни Лани. Триумф
Времени. Офорт. Ливорно, 1778

воспроизведением миниатюр из вновь открытых иллюминированных рукописей того же периода.

II, 199), имеет место искомая полнота мотивов (скачущие олени и коса в руках – см. илл. 2). Близкая композиция и тот же набор атрибутов помещена на гравюре венецианского издания 1784 года (Petrarca 1784: II, 219; см. илл. 3). Эти издания не были редкостью, продавались по всей Европе, позднее всплывали (и всплывают) у букинистов, имеются во всех крупных библиотеках мира, но мог ли Мандельштам ознакомиться с ними – остается только гадать.

Дальнейшие поиски, увы, успеха пока не принесли. К XIX веку интерес к «Триумфам», в отличие от сонетов, был утерян¹⁸, аллегорический message поэмы распознавался плохо, поэтому редкое появление новых иллюстраций к ней было в какой-то степени закономерно¹⁹. Публикация же старинных картинок к «Триумфам» в книгах по истории искусства ограничивалась либо перепечаткой наиболее старых и известных образцов XV–XVI столетий, либо

¹⁸ Постепенное падение престижа «Триумфов» сравнительно с «Канцоньери» в глазах издателей и читателей XV – XVI вв. прослежено в работе: Якушкина 2008: 206–246. В дальнейшем эта тенденция только нарастала.

¹⁹ Как одно из немногих исключений может рассматриваться миланское издание 1889 года (см.: Petrarca 1889), где традиционные аллегорические мотивы хоть и использованы, но в несколько банализированных вариантах. Оперная спиритуальность и мрачноватый драматизм манеры выдают в авторе иллюстраций (Nicola Sanesi, 1818–1889) неловкого последователя Густава Доре. Станным образом иллюстрация к «Триумфу Времени» в книге отсутствует и, видимо, не предполагалась.

Илл. 3. Кристофоро Далль'Аква. Триумф Времени. Офорт.
Венеция, 1784²⁰

Последний вопрос, который хотелось бы обсудить в этих заметках: откуда в изобразительной версии петраркианских триумфов возникли олени, если в главе о торжестве времени нет ни оленей, ни даже триумфальной колесницы? В просмотренной научной литературе вопрос этот, кажется, не получил полноценного ответа – лишь изредка и вскользь указывалось, что олени здесь могут олицетворять быстроту, скорость протекания времени, но источники такого символизма вроде бы не назывались²¹. Между

²⁰ См.: Petrarca 1784, 2: 219. В относительно недавнем русском издании «Триумфов», где воспроизведена часть гравюр из этого издания (ср.: Петрарка 2000: 105), на обороте титульного листа неправильно указан источник изображений: вместо венецианского двухтомника 1784 указан двухтомник того же издателя 1756 года, а вместо гравера Кристофоро Далль'Аквы (Cristoforo Dall'Acqua, 1734–1787) назван Гаэтано Дзомпини (Gaetano Zompini, 1700–1778).

²¹ Ср. мнение А. А. Добрицына, который усматривает в оленях отражение циклической календарной символики – олени периодически сбрасывают рога и отрачивают их заново: Добрицын 2013/2014: 34; там же автор сочувственно упоминает мою гипотезу об отсылке к 319 сонету, высказанную ранее в нашей переписке.

тем, источник очевиден – это все тот же LI сонет на смерть мадонны Лауры, развертывание которого дублирует логику перехода от *Trionfo del Tempo* к *Trionfo dell'Eternità* (или, как его нередко называли в позднейшей традиции, *Trionfo della Divinità*)²². Обращение художников к сильным зрительным образам сонетов для визуализации аллегорических эпизодов поэмы представляется в высшей степени естественным²³.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ахматова А. А. 1989. Листки из дневника. – Ахматова А. *Requiem* / Сост. и примечания Р. Д. Тименчика при участии К. М. Поливанова. М.: Издательство МПИ. С. 121–146.
- Белый, А. 2006. Стихотворения и поэмы / Вступительные ст., составление, подготовка текста и примечания А. В. Лаврова и Джона Малмстада. Т. 1. СПб.: Академический проект.

²² В свое время Donata Mureddu остроумно предположила, что четыре переводных сонета Манделъштама, если читать их как последовательно выстроенный единый текст, повторяют развитие идеологической структуры «Триумфов» (см.: Mureddu 1980: 53–84). Необходимо, впрочем, отметить, что исследователь избыточно генерализирует зависимость переводов О. М. (и его творчества в целом) от идеологии «Триумфов»: общеизвестно, что «Триумфы» построены на концептуальном и художественном фундаменте «*Il Canzoniere*», в основном, второй части книги, откуда взяты три из четырех сонетов, переведенных О. М. Тем самым зависимость переводных сонетов от «Триумфов» – это, скорее всего, отражение обратной зависимости – поэмы Петрарки от его же книги сонетов. Заметим кстати, что в качестве примера частных переключений обсуждаемых переводов с «Триумфами» исследовательница приводит фрагмент из «Триумфа Времени» (стихи 32–33), где движение солнца в скорости и неуклонности уподобляется соколу, кидающемуся на добычу (см.: Mureddu 1980: 76). Однако манделъштамовский оборот «исчезнувшей как сокол после мытья», действительно не имеющий соответствия в оригинальном сонете СССР, скорее всего, восходит не к «Триумфам», а к «соколу в мыттех» из «Слова о полку Игореве» (см.: Bonola 2003: 52–53; Левинтон 2011: 320–321).

²³ В качестве косвенного, но весьма симптоматичного примера такой художественной логики может рассматриваться графическая концовка к обсуждаемому сонету LI в одном из изданий XVIII века: на гравюре изображена обожествленная Лаура, спускающаяся к Петрарке на облаке (триумф божественной вечности), а сбоку – спешенный и посрамленный бывший триумфатор, старик-Время с косой и часами в руках, который удаляется прочь, и вслед за ним трусат распряженные олени (см.: Petrarca 1756, 2: 107).

- Булгаков Ф. И. 1886. Художественная энциклопедия (Иллюстрированный словарь искусств и художеств) / Сост. Ф. И. Булгаков. Т. 1: А–І. СПб.: Издание А. С. Суворина.
- Буркгардт Я. 1906. Культура Италии в эпоху Возрождения / Пер. С. Бриллианта. С 8-го изд., переработанного Людвигом Гейгером. Т. 2. СПб.: Типо-Литография „Герольд“.
- Гаспаров М. Л. 2002. 319 сонет Петрарки в переводе О. Манделъштама: История текста и критерии стиля. – Человек – Культура – История: В честь семидесятилетия Л.М. Баткина. М.: РГГУ. С. 323–337.
- Добрицын А. А. 2013/2014. *Iter vitae, lepton ochema, Trionfo del Tempo* и «Телега жизни». – *Philologica*. Т. 10. № 24. С. 17–40.
- Лакомб де Презель О. 1763. Иконологический лексикон, или Руководство к познанию живописного и резного художеств, медалей, эстампов и проч. с описанием, взятым из разных древних и новых стихотворцев / Пер. с французского И. Акимова. СПб.: При Императорской Академии Наук.
- Левинтон Г. А. 2011. Заметки к переводам Манделъштама из Петрарки / *Laurea Lorae*: Сборник памяти Ларисы Георгиевны Степановой. СПб.: Нестор-История. С. 316–326.
- Левинтон Г. А., Степанова Л. Г. 2010. [Комментарии к «Разговору о Данте»]. – Манделъштам О. Э. Полн. собр. соч. и писем: В 3-х тт. / Сост. А. Г. Мец. Т. 2: Проза. СПб., Прогресс-Плеяда, 2010. С. 714–741.
- [Максимович-Амбодик Н. М.] 2000/1811. Эмблемы и Символы / Вступительная ст. и комментарии А. Е. Махова. М.: Интрада (републикация издания 1811 г.).
- Манделъштам О. Э. 2009–2011. Полн. собр. соч. и писем: В 3-х тт. / Сост. А. Г. Мец. СПб.: Прогресс-Плеяда.
- Манделъштам Н. Я. 2014. Собр. соч.: В 2-х тт. Т. 2: «Вторая книга» и другие произведения (1967–1979) / Ред.-сост. С. Василенко, П. Нерлер, Ю. Фрейдин. Вступительная ст. Ю. Фрейдина. Екатеринбург: Гонзо.
- Манделъштам Н. Я. 2017. <Манделъштам – читатель> (Реконструкция и публикация А. Устинова). – Манделъштам – читатель. Читатели Манделъштама. Филологический сборник / Под ред. О. Лекманова и А. Устинова. Stanford: Aquilon Books. С. 15–24.
- Панофский Э. 2009. Этюды по иконологии: Гуманистические темы в искусстве Возрождения / Пер. с английского Н. Г. Лебедевой и Н. А. Осминской. СПб.: Азбука-классика.

- Петрарка Ф. 2000. Триумфы / Пер. с итальянского В. Б. Микушевича. М.: Время.
- Семенко И. М. 1997. Поэтика позднего Мандельштама. 2-е изд. М.: Ваш выбор ЦИРЗ.
- Симеон Полоцкий 1990. Вирши / Сост., подготовка текстов, вступительная ст. и комментарии В. К. Былинина, Л. У. Звонаревой. Минск.: Мастацкая літаратура.
- Сошкин Е. П. 2015. Гипограматика: Книга о Мандельштаме. М.: Новое литературное обозрение.
- Фрейдин Ю. Л. 1991. «Остаток книг»: Библиотека О. Э. Мандельштама. – Слово и судьба. Осип Мандельштам: Исследования и материалы. М.: Наука. С. 231–239.
- Якушкина Т. В. 2008. Итальянский петраркизм XV – XVI веков: Традиция и канон. СПб.: СПбГУКИ, 2008.
- Antenhofer, Ch. 2019. Das Brautschatzinventar der Paula Gonzaga, verh. Gräfin von Görz (1478). Edition und Kommentar. – Tiroler Heimat. Zeitschrift für Regional- und Kulturgeschichte Nord-, Ost- und Südtirols. Bd. 83. S. 11–57.
- Bonola, A. 2003. Traduzione e impulso creativo. Un sonetto di Petrarca nella versione russa di Osip E. Mandel'stam. – L'analisi linguistica e letteraria. Anno XI. N° 1. P. 29–73.
- Caputo, A. 2019. L'iconologia di Padre tempo: storia di un errore. Petrarca, Ervin Panofsky e Simona Cohen. – Logoi.ph. Rivista di filosofia. Journal of Philosophy. Anno V. N° 14. P. 12–44.
- Cazzola, P. 2005. Osip Mandel'stam, traduttore russo del Petrarca. – Cazzola, P. Scrittori russi nello specchio della critica XIX–XX secolo. Alessandria: Edizioni dell'Orso. P. 293–307.
- Cohen, S. 2014. Transformations of Time and Temporality in Medieval and Renaissance Art. Leiden; Boston: Brill (Brill's Studies in Intellectual History. Vol. 228/6).
- Coudenhove-Erthal, E. 1931. Die reliquienschreine des Grazer doms und ihre beziehung zu Andrea Mantegna. Graz: Leykam-Verlag, 1931 (Kunstdenkmäler der Steiermark. Bd. 2).
- Di Simone, P. 2021. *Praetexti*. Sull'illustrazione dei *Trionfi* di Francesco Petrarca. – Petrarca und die bildenden Künste: Dialoge, Spiegelungen, Transformationen / Ed. by Maria Antonietta Terzoli and Sebastian Schütze Berlin; Boston: De Gruyter. 153–188.

- Dolack, T. 2007. Ventriloquio autobiografico: Le traduzioni di Mandelštam. – Intersezioni: Rivista di storia delle idee. Anno XXVII. N° 3. 475–486.
- Prince d'Essling, V. Les livres à figures vénitiens de la fin du XVe siècle et du commencement du XVIe. Première partie. T. I. Florence; Paris: Librairie Leo. S. Olschki; Librairie Henri Leclerc.
- Prince Essling, Müntz 1902. Prince d'Essling, V., Müntz, E. Pétrarque: Ses études d'art, son influence sur les artistes, ses portraits, et ceux de Laure, l'illustration de ses écrits... Paris: Gazette des beaux-arts.
- Grzeškowiak R. 2019. Poetycka recepcja rycin do 'Tryumfów' Petrarki (druga połowa XVII i XVIII wiek). – Ruch Literacki. Rok LX. Zeszyt 5 (356). L. 493–510.
- Hadrianus Junius 1598. Poëmatum Hadriani Junii Hornani Medici liber primus: Continens Pia & Moralia carmina, quorum indicem post encomiastica carmina reperies. Iamprimùm in lucem prolata ab authoris Nepote. Lugduni: Ex officina Ludovici Elzevirij.
- Lacombe de Prézel, H. 1756. Dictionnaire iconologique, ou Introduction a la connoissance des peintures, sculptures, medailles, estampes, etc. : avec Des Descriptions tirées des Poètes anciens & modernes. Paris: Chez Theodore de Hansy libraire.
- Moormann, E. M., Uitterhoeve, W. 1997. Miti e personaggi del mondo classico. Dizionario di storia, letteratura, arte, musica / A cura di E. Tetamo. Milano: Bruno Mondadori.
- Mureddu, D. 1980. Mandelstam and Petrarch. – Scando-Slavica. T. 26. P. 53–84.
- Nyholm, E. 1990. A Comparison of the Petrarchan Configuration of the 'Trionfi' and Their Interpretation in the Renaissance Art. – Petrarch's Triumphs: Allegory and Spectacle / Ed. by K. Eisenbichler, A. A. Iannucci. Ottawa: Dovehouse Editions. P. 235–255.
- Ortner, A. 1998. Petrarca's »Trionfi« in Malerei, Dichtung und Festkultur: Untersuchung zur Entstehung und Verbreitung eines florentinischen Bildmotivs auf *cassoni* und *deschi da parto* des 15. Jahrhunderts. Weimar: VDG. Verlag und Datenbank für Geisteswissenschaften.
- Panofsky, E. 1939. Studies in Iconology: Humanistic Themes in the Art of the Renaissance. New York: Oxford University Press.
- Petrarcha 1508. Petrarcha con doi commenti sopra li sonetti et canzone... [Venezia: Bernardino Stagnino].

- Petrarca 1756. *Le rime del Petrarca brevemente esposte per Lodovico Castelvetro* / Ed. Corretta, Illustrata, ed Accresciuta, Siccome dalla fequente prefazione apparisce. T. I–II. Venezia: Presso Antonio Zatta.
- Petrarca, Fr. 1778. *Le rime di Francesco Petrarca*. T. I–II. Londra: si vendre in Livorno: Presso Gio. Tom. Masi e Comp., 1778.
- Petrarca, Fr. 1784. *Le Rime*. T. I–II. Venezia: Presso Antonio Zatta e Figli.
- Petrarca, Fr. 1889. *Il canzoniere* / Con commento e note di Camillo Antona-Traversi e Giovanni Zannoni. Illustrato dal cav. N. Sanesi con 47 incisioni. Milano: Paolo Carrara.
- Petrarca, Fr. 1908. *Il Canzoniere di Francesco Petrarca*. Secondo l'autografo / Con le note di Guiseppe Rigutini; rifuse e accresciute per le persone colte e per le scuole da Michele Scherillo. Milano: Ulrico Hoepli.
- Petrarca, Fr. 1999. *Canzoniere* / Ed. commentata a cura di Marco Santagata. Milano: Arnoldo Mondadori.
- Redko, L. 2018. *Boundary Issues in Three Twentieth-Century Russian Poets (Mandelstam, Aronzon, Shvarts)*. Unpublished PhD dissertation. Cambridge, Mass.: Harvard University.
- Reid, J. D. 1993. *The Oxford Guide to Classical Mythology in the Arts, 1300–1990s* / With the assistance of Ch. Rohmann. Vol. 1. New York; Oxford: Oxford University Press.
- Steinbüchel, A. von. 1858. *Die Reliquienschreine der Kathedrale zu Gratz* Arbeiten von Niccola und Giovanni Pisano die merkwürdigen Vorbilder zu Petrarca's Trionfi. Wien: Aus der kaiserl. konigl. Hof- und Staats- druckerei.
- Zaho, M. A. 2004. *Imago triumphalis: The Function and Significance of Triumphal Imagery for Italian Renaissance Rulers*. New York et al.: Peter Lang (Renaissance and Baroque: Studies and Texts. Vol. 31).

REFERENCES

- Akhmatova, A. A. "Listki iz dnevnika." In *Requiem*, by A. Akhmatova. Edited and annotated by R. D. Timenchik in collaboration with K. M. Polivanov, 121–46. Moscow: Izdatel'stvo MPI, 1989.
- Antenhofer, Ch. "Das Brautschatzinventar der Paula Gonzaga, verh. Gräfin von Görz (1478). Edition und Kommentar." *Tiroler Heimat. Zeitschrift für Regional- und Kulturgeschichte Nord-, Ost- und Südtirols* 83 (2019): 11–57.
- Belyi, A. *Stikhotvoreniia i poemy*. Prefaced, edited and annotated by A. V. Lavrov and John Malmstad. Vol. 1. Saint-Petersburg: Akademicheskii proekt.

- Bonola, A. "Traduzione e impulso creativo. Un sonetto di Petrarca nella versione russa di Osip E. Mandel'shtam." *L'analisi linguistica e letteraria* 11, no. 1 (2003): 29–73.
- Bulgakov, F. I., ed. *Khudozhestvennaia entsiklopediia (Illustrirovannyi slovar' iskusstv i khudozhestv)*. Vol. 1, A–I. Saint-Petersburg: Izdanie A. S. Suvorina.
- Burckhardt, Ja. *Kul'tura Italii v epokhu Vozrozhdeniia*. Translated from the 8th rev. ed. by S. Brilliant. Vol. 2. Saint-Petersburg: Tipo-Litografiia "Gerol'd," 1906.
- Caputo, A. "L'iconologia di Padre tempo: storia di un errore. Petrarca, Ervin Panofsky e Simona Cohen." *Logoi.ph. Rivista di filosofia. Journal of Philosophy* 5, no. 14 (2019): 12–44.
- Cazzola, P. "Osip Mandel'shtam, traduttore russo del Petrarca." In *Scrittori russi nello specchio della critica XIX-XX secolo*, by P. Cazzola, 293–307. Alessandria: Edizioni dell'Orso, 2005.
- Cohen, S. *Transformations of Time and Temporality in Medieval and Renaissance Art*. Brill's Studies in Intellectual History. Vol. 228/6. Leiden and Boston: Brill, 2014.
- Coudenhove-Erthal, E. *Die reliquienschreine des Grazer doms und ihre beziehung zu Andrea Mantegna*. Kunstdenkmäler der Steiermark. Vol. 2. Graz: Leykam-Verlag, 1931.
- Di Simone, P. "Praetexti. Sull'illustrazione dei *Trionfi* di Francesco Petrarca." In *Petrarca und die bildenden Künste: Dialoge, Spiegelungen, Transformationen*. Edited by Maria Antonietta Terzoli and Sebastian Schütze, 153–88. Berlin; Boston: De Gruyter, 2021.
- Dobritsyn, A. A. "Iter vitae, lepton ochema, Trionfo del Tempo i 'Telega zhizni'." *Philologica* 10, no. 24 (2013/2014): 17–40.
- Dolack, T. "Ventriloquio autobiografico: Le traduzioni di Mandel'shtam." *Intersezioni: Rivista di storia delle idee* 27, no. 3 (2007): 475–86.
- Gasparov, M. L. "319 sonet Petrarki v perevode O. Mandel'shtama: Istoriia teksta i kriterii stilia." In *Chelovek – Kul'tura – Istoriia: V chest' semidesiatiletiia L. M. Batkina*, 323–37. Moscow: RGGU, 2002.
- Grzeškowiak, R. "Poetycka recepcja rycin do 'Tryumfów' Petrarki (druga połowa XVII i XVIII wiek)." *Ruch Literacki* 60, no. 5 (356) (2019): 493–510.
- Freidin, Iu. L. "'Ostatok knig': biblioteka O. E. Mandel'shtama." In *Slovo i sud'ba. Osip Mandel'shtam: Issledovaniia i materialy*, 231–39. Moscow: Nauka, 1991.
- Iakushkina, T. V. *Ital'ianskii petrarkizm XV – XVI vekov: Traditsiia i kanon*. Saint-Petersburg: SPbGUKI, 2008.

- Il Canzoniere di Francesco Petrarca. Secondo l'autografo.* Annotated by Giuseppe Rigutini, expanded by Michele Scherillo. Milan: Ulrico Hoepli, 1908.
- Lacombe de Prézel, H. *Ikonologicheskii leksikon, ili Rukovodstvo k poznaniiu zhivopisnogo i reznogo khudozhestv, medalei, estampov i proch. s opisaniem, vziatym iz raznykh drevnikh i novykh stikhotvortsev.* Translated from the French by I. Akimov. Saint-Petersburg: Pri Imperatorskoi Akademii Nauk, 1763.
- . *Dictionnaire iconologique, ou Introduction a la connoissance des peintures, sculptures, medailles, estampes, etc.: avec Des Descriptions tirées des Poètes anciens & modernes.* Paris: Chez Theodore de Hansy libraire, 1756.
- Le rime del Petrarca brevemente esposte per Lodovico Castelvetro.* Prefaced, corrected and illustrated ed. 2 vols. Venice: Presso Antonio Zatta, 1756.
- Le rime di Francesco Petrarca.* 2 vols. London: si vende in Livorno Presso Gio. Tom. Masi e Comp., 1778.
- Levinton, G. A. 2011. "Zametki k perevodam Mandel'shtama iz Petrarki." In *Laurea Lorae: Sbornik pamiati Larisy Georgievny Stepanovoi*, 316–26. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriia, 2011.
- Levinton, G. A. and L. G. Stepanova. "[Kommentarii k 'Razgovoru o Dante']." In *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*, by O. E. Mandel'shtam. 3 vols. Edited by A. G. Mets. Vol. 2, *Proza*, 714–41. Saint-Petersburg: Progress-Pleiada, 2010.
- [Maksimovich-Ambodik, N. M.] *Emblemy i Simvol'y.* Prefaced and annotated by A. E. Makhov. Moscow: Intrada, 2000 (originally published in 1811).
- Mandel'shtam, O. E. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem.* 3 vols. Edited by A. G. Mets. Saint-Petersburg: Progress-Pleiada, 2009–2011.
- Mandel'shtam, N. Ia. *Sobranie sochinenii.* 2 vols. Edited by S. Vasilenko, P. Nerler and Iu. Freidin, prefaced by Iu. Freidin. Vol. 2, "Vtoraia kniga" i drugie proizvedeniia (1967–1979). Ekaterinburg: Gonzo, 2014.
- . "[Mandel'shtam – chitatel']." Reconstructed and published by A. Ustinov. In *Mandel'shtam – chitatel'. Chitateli Mandel'shtama. Filologicheskii sbornik.* Edited by O. Lekmanov and A. Ustinov, 15–24. Stanford: Aquilon Books, 2017.
- Moormann, E. M. and W. Uitterhoeve. *Miti e personaggi del mondo classico. Dizionario di storia, letteratura, arte, musica.* Edited by E. Tetamo. Milan: Bruno Mondadori, 1997.
- Mureddu, D. "Mandelstam and Petrarch." *Scando-Slavica* 26 (1980): 53–84.
- Nyholm, E. "A Comparison of the Petrarchan Configuration of the 'Trionfi' and Their Interpretation in the Renaissance Art." In *Petrarch's Triumphs:*

- Allegory and Spectacle*. Edited by K. Eisenbichler and A. A. Iannucci, 235–55. Ottawa: Dovehouse Editions, 1990.
- Ortner, A. *Petrarcas "Trionfi" in Malerei, Dichtung und Festkultur: Untersuchung zur Entstehung und Verbreitung eines florentinischen Bildmotivs auf cassoni und deschi da parto des 15. Jahrhunderts*. Weimar: VDG. Verlag und Datenbank für Geisteswissenschaften.
- Panofsky, E. *Studies in Iconology: Humanistic Themes in the Art of the Renaissance*. New York: Oxford University Press, 1939.
- . *Etiudy po ikonologii: Gumanisticheskie temy v iskusstve Vozrozhdeniia*. Translated from the English by N. G. Lebedeva and N. A. Osminskaia. Saint-Petersburg: Azbuka-klassika, 2009.
- Petrarca, Fr. *Le Rime*. T. I–II. Venezia: Presso Antonio Zatta e Figli, 1784.
- . *Il canzoniere*. Annotated by Camillo Antona-Traversi and Giovanni Zannoni, illustrated by cav. N. Sanesi with 47 etchings. Milan: Paolo Carrara, 1889.
- . *Canzoniere*. Edited and annotated by Marco Santagata. Milan: Arnoldo Mondadori, 1999.
- . *Triumfy*. Translated from the Italian by V. B. Mikushevich. Moscow: Vremia, 2000.
- Petrarcha con doi commenti sopra li sonetti et canzone...* [Venezia: Bernardino Stagnino, 1508].
- Poëmatum Hadriani Junii Hornani Medici liber primus: Continens Pia & Moralia carmina, quorum indicem post encomiastica carmina reperies. Iamprimùm in lucem prolata ab authoris Nepote*. Lugduni: Ex officina Ludovici Elzevirij, 1598.
- Prince d'Essling, V. *Les livres à figures vénitiens de la fin du XVe siècle et du commencement du XVIe. Première partie*. Vol. 1. Florence and Paris: Librairie Leo. S. Olschki; Librairie Henri Leclerc, 1907.
- Prince d'Essling, V. and E. Müntz. *Pétrarque: Ses études d'art, son influence sur les artistes, ses portraits, et ceux de Laure, l'illustration de ses écrits...* Paris: Gazette des beaux-arts, 1902.
- Redko, L. *Boundary Issues in Three Twentieth-Century Russian Poets (Mandelstam, Aronzon, Shvarts)*. Unpublished PhD dissertation. Harvard University, 2018.
- Reid, J. D. *The Oxford Guide to Classical Mythology in the Arts, 1300–1990s*. With the assistance of Ch. Rohmann. Vol. 1. New York and Oxford: Oxford University Press, 1993.

- Semenko, I. M. *Poetika pozdnego Mandel'shtama*. 2nd ed. Moscow: Vash vybor TsIRZ, 1997.
- Simeon Polotskii. *Virshi*. Edited, prefaced and annotated by V. K. Bylinin and L. U. Zvonareva. Minsk.: Mastatskaia litaratura, 1990.
- Soshkin, E. P. *Gipogramatika: Kniga o Mandel'shtame*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015.
- Steinbüchel, A. von. *Die Reliquienschreine der Kathedrale zu Gratz Arbeiten von Niccola und Giovanni Pisano die merkwürdigen Vorbilder zu Petrarca's Trionfi*. Wien: Aus der kaiserl. konigl. Hof- und Staats- druckerei, 1858.
- Zaho, M. A. 2004. *Imago triumphalis: The Function and Significance of Triumphal Imagery for Italian Renaissance Rulers*. Renaissance and Baroque: Studies and Texts. Vol. 31. New York et al.: Peter Lang.

ИЗ ИМЕННОГО УКАЗАТЕЛЯ К «ЗАПИСНЫМ КНИЖКАМ» АХМАТОВОЙ: ДВА ИТАЛЬЯНЦА

Р. Д. Тименчик

(Иерусалим)

Нижеследующая выборка продолжает ряд из полусотни однотипных публикаций, в том числе включенных в три выпуска сего ежегодника (см.: Тименчик 2018: 256–312; Тименчик 2019: 179–247; Тименчик 2020: 240–286).

С того момента, как я двадцать пять лет назад по выходе в свет туринаского некомменти́рованного издания ахматовских «Записных книжек» приступил к составлению детального комментария к именам собственным, начертанным рукой поэта в рабочих блокнотах, имена итальянские всех веков, от Данте и Брунетто Латини до Лауры Боффа, она же Ирис Лаура Цоффоли (1927–2018), партизанская курьерша и переводчица (см.: Тименчик 2006: 214–275) и Фаусто Малковати (см.: Тименчик 2019: 198–199), не раз обсуждались с Ларисой Георгиевной Степановой (1941–2009) и с недавно ушедшим из жизни Николаем Всеволодовичем Котрелевым (1941–2021), и их оценки и тональность обсуждения исподволь отразились в изготовленных мною справках.

В настоящую подборку включена подсобная информация о двух итальянских славистах. Подробное исследование этой важнейшей для самоощущения поздней Ахматовой темы –

(ср.: «Юг почти невинно лицемерил / И мне также скупы воздух мерил / Что скупее мерить и не мог / Из-за пармских полунежных строк. – Ахматова 1996: 519)

– еще впереди, но начало уже было положено обзором Карло Риччо (Риччо 1998: 55–56) и докладом Ольги Яковлевны Обуховой (1949–2011) на одной из ахматовских конференций в Музее Ахматовой в Фонтанном Доме. С Карло, паладином «Поэмы без героя», я познакомился в Риме в 1998 году, и во время наших прогулок по

ахматовским местам, он заражал своим поистине юношеским энтузиазмом по части будущего ахматоведения, а во время хлебосольных застолий у них дома, неслышно темперированных его женой, прекрасной Анной, восхищал своим радушным и ровно доброжелательным отношением решительно ко всем коллегам, хоть единожды отозвавшимся о русской поэтессе.

Карневали (Carnevali) Бруно (1924–1990) – итальянский поэт, переводчик, издавший книгу: Achmatova 1962. Упомянут многократно в библиографических перечнях (см.: Ахматова 1996: 168, 211, 244, 302, 318, 322, 334, 347, 417, 430, 464, 473, 510, 524, 557, 590, 609, 735) и в списках адресатов рассылки сборника «Бег времени» (см.: Ахматова 1996: 637, 680).

В письме к Ахматовой от 28 апреля 1962 г. он представился молодым итальянским поэтом и литератором, переводившим много из Горького, Белинского, Есенина, Пастернака, Маяковского и в данный момент готовящим переводы из Ахматовой для издателя Уго Гуандалини (1905–1971). Он спрашивал: «Какие у Вас воспоминания о путешествии в Италии. Могли ли Вы для книги писать <sic!> итальянские воспоминания», а также «что написано о Вас, как например, Эйхенбаум и Виноградов». Письмо завершалось фразой: «Ваш народ самый добрый, может быть, в мире» (ОР РНБ. Ф. 1073. № 1712).

Черновик ахматовского ответа (ср. помету: «Написать Bruno». – Ахматова 1996: 322):

Многоуважаемый синьор X! из-за моего отъезда из Л<енингра>да я только очень недавно получила Ваше любезное письмо из Рима. Мне было приятно узнать, что Вы предполагаете издание моих стихов.

Желаю Вам от всего сердца полного успеха. Было бы чудесно, если бы Вы [в свое время могли бы прислать] своевременно прислали бы мне переводы. Я немного знаю ит<альянский> язык и могла бы быть Вам полезна. [Написать] Описать же для Вашего изд<ания> мое путешеств<ие> по Италии (1912 г.), к моему великому сожалению, не позволяет мне состояние моего здоровья.

Анна Ахматова

23 мая 1962

Москва (Ахматова 1996: 227)

16 августа Карневали писал: «Мне было очень жаль узнать, что из состояния <sic!> вашей здоровья <sic!><, > вы не сможете для нашей книги написать ваши итальянские воспоминания». Далее он сообщил, что написал очерк о поэзии Ахматовой, и просил разъяснить непонятные слова: «Дворец Фонтанный», «мангалочий дворик», «подкапризовый». «Кто это “таинственный художник”?». Письмо заканчивалось фразой: «Поздравляю с новым чудесным успехом советской науки!» (имелся в виду полет космонавтов А. Г. Николаева и П. Р. Поповича; ОР РНБ. Ф. 1073. № 1712).

Это письмо, как и последующее от 1 марта 1963 г. из Рима при посылке экземпляра книги, осталось, вероятно, без ответа (в 1998 году вдова Б. Карневали сказала нам, что не нашла в его бумагах писем Ахматовой). В своем издании Карневали точно разъяснил строки «Он ко мне во Дворец Фонтанный», «Туда по подкапризовой дороге»; «мангалочий дворик» из стихотворения «Заснуть огорченной...» в ответ на запрос чешской переводчицы Марии Марчановой объяснялся в письме Ахматовой от 7 сентября 1963 г.: «...мангалами в Средней Азии называют печурки, которых обыкновенно бывает несколько в дворике, потому что при тамошней жаре летом топить в кухне невозможно» (Марчанова 2006: 328–329). Строки «Совсем не тот таинственный художник, избороздивший Гофмановы сны...» в книге объяснены как отсылка к «Эликсиру Сатаны» Э. Т. А. Гофмана, где о загадочном inferнальном чужеземном портретисте говорит парикмахер Пьетро Белькампо: «...этот Живописец, или Вечный Жид, Агасфер, или же Бертран де Борни <sic!>, Мефистофель, Бенвенуто Челлини, или Св. Петр, но во всяком случае, выходец из того света» (Гофман 1897: 97; то же объяснение: Топоров 1981: 193–194).

Однако в строках –

И под ветер с незримых Ладог,
Сквозь почти колокольный звон,

В легкий блеск перекрестных радуг
Разговор ночной превращен.

(Ахматова 1976: 236)

– из стихотворения «Истлевают звуки в эфире...» он понял неверно множественное число гидронима, превращающее Ладожское озеро в нарицательное обозначение невидимых Китежей под русскими озерами (о почти обязательном присутствии национально-исторических символов в стихотворном диалоге с Исайей Берлином см.: Тименчик 1989: 378); ср.agrammaticный прецедент в стихах 1924 года, вполне возможно, известной Ахматовой: «Я не с ветру, не с далеких Ладог, / не с полярных красно-синих льдин / отражу сиянье этих радуг, / вспыхну мертвым инеем седин» (Асеев 1967: 445) – в этом месте Ахматовой впору было вспомнить известную ей фразу Мандельштама: «Говорил: “У меня рифм нет – рифмы у Асеева”» (Ахматова 1989: 147). Карневали здесь дал справку о двух населенных пунктах – Новой Ладоге, находящейся на берегу Волхова в месте впадения в Ладожское озеро, и Старой Ладоге, селе на берегу Волхова.

В заключение своего очерка Карневали писал, снабдив добавочной сноской с ответом на напрашивающийся вопрос:

E se una vera, profonda affinità volessimo ritrovare fra questa gentile e pur virile poetessa e un altro poeta russo, è il nome di Blok che irresistibilmente ci sentiamo suggerito. Rende simili i due poeti il loro severo impegno con la realtà: entro poetiche di evasione hanno saputo cogliere la drammaticità dell'epoca, le profonde dilacerazioni e dissonanze della coscienza umana; hanno portato l'elemento tragico, una irrimediabile inquietudine entro le cifre tranquille, nel ciclo astratto del simbolismo. Avvicina l'Achmatova a Blok quel discorso lirico tutto vero, in cui il respiro ritmico del verso è il naturale effondersi della voce interiore, ed ogni risorsa, arte, artificio viene riassorbita senza residui nella verità immortale del discorso poetico.

Nota. Vogliamo rendere ragione al lettore, in questa breve nota, del non aver voluto mescolare al nostro discorso alcun accenno al doloroso e brutale attacco di cui l'Achmatova fu ingiustamente vittima nel 1946.

Amiamo troppo il popolo russo, ci sentiamo troppo partecipi delle sue tragiche vicende per calcare ancora una volta la mano su una delle sue ferite. Chi conosce l'umanità russa sa con quanto, a volte disperato, impegno abbia accolto la sua sorte storica, sa quanta radicale volontà di purezza, di giustizia porti qualche volta anche contro le cose più sacre per amore d'un bene più alto. Del resto, vogliamo avere l'immodestia di credere che interpretiamo così l'animo stesso della poetessa, la quale, come tutte le coscienze più alte della Russia, non ultimo Pasternak, non è stata mai volgarmente avversa alle tragiche vicende della rivoluzione, alla grande prova storica cui la Russia contadina è stata chiamata, ai peccati, al sangue versato, di cui in maggiore o minore misura ci sentiamo tutti umanamente colpevoli.

Quanto alla questione se nella sua poesia abbiamo trovato eco esplicitamente gli avvenimenti della rivoluzione e della guerra, dopo ciò che abbiamo detto fin qui, ci pare ingenuo andare a verificare come e quanto ella abbia espresso di essi. I bei versi che ella ha dedicato alle durissime prove del suo popolo, sono belli quanto tante altre nobili espressioni di eroismo e di patriottismo; e noi non abbiamo mancato di darne qualche esempio nella nostra scelta. Con essi cessava la sua Musa più segreta e persona, e la sua voce, fattasi anonima, rientrava nel seno, nel caldo, natale sangue del suo popolo in lotta contro il feroce invasore, per un alto ideale di libertà e di giustizia. [«И если нам хотелось бы найти настоящую, глубокую близость между этой нежной и в то же время мужественной поэтессой и каким-нибудь другим русским поэтом, – нам непреодолимо внушается имя Блока. Суровая приверженность к реальности сближает двух поэтов: в своей поэтике преодоления действительности они сумели уловить драматичность своего времени, глубокие перекосы и диссонансы человеческой совести; они внесли трагический элемент, непоправимую тревогу в безмятежную шифровку, в абстрактный небосвод символизма. Ахматова приближает Блока к той подлинно лирической речи, в которой ритмическое дыхание стиха есть естественное излияние внутреннего голоса, а все художественные средства, умения, приемы без остатка поглощаются бессмертной правдой поэтического дискурса.

Примечание. Этой короткой заметкой хотим объяснить читателю, почему решили не вмешивать в наш рассказ какие-либо упоминания о болезненной и жестокой атаке, жертвой которой Ахматова несправедливо стала в 1946 году. Мы слишком любим русский народ и слишком вовлечены в его трагическую историю, чтобы снова бередить одну из ран. Всякий, кто знает русскую цивилизацию, знает, с какой, порой отчаянной, преданностью она приветствовала свою историческую судьбу, знает, насколько в радикальном стремлении к чистоте, к справедливости она иногда приносила в жертву ради высшего блага даже все самое освященное. Кроме того, мы позволим себе нескромность полагать, что мы так интерпретируем самую душу поэтессы, которая, как и все носители высшей совести России, не в последнюю очередь Пастернак, никогда не была вульгарно враждебна трагическим событиям революции, великому историческому испытанию, к которому была призвана крестьянская Россия, к грехам, к кровопролитию, в которых мы все в большей или меньшей степени чувствуем себя по-человечески виноватыми.

Что касается вопроса о том, нашли ли события революции и войны явный отголосок в ее стихах, – после того, что мы сказали, нам кажется наивным проверять, как и насколько она их выразила. Прекрасные стихи, которые она посвятила суровым испытаниям своего народа, так же прекрасны, как и многие другие благородные проявления героизма и патриотизма; и мы не преминули привести несколько примеров по своему выбору. В них умолкла самая сокровенная, самая личная ее Муза, и ее голос, ставший безымянным, вернулся в лоно, к теплой, родной крови ее народа, боровшегося со свирепым захватчиком за высокие идеалы свободы и справедливости»; перевод Анны Балестриери].

В мае 1965 года, разбирая недочеты диссертации Сэма Драйвера (см.: Тименчик 2020: 258), Ахматова заметила: «Бульварные, подтасованные, продажные и просто глупые мемуары попали в научные работы. Первый попался на эту удочку Бруно Карневали (Падуанский <sic! – вместо “пармский”. – Р. Д.> сборник – предисловие), но он сравнительно легко отделался» (Ахматова

1996: 624); тем не менее, она включала это предисловие в рекомендательную библиографию о себе (см.: Ахматова 1996: 524), и в советах Северину Поллаку (см.: Ахматова 1996: 473), и в упреках Глебу Струве (см.: Ахматова 1996: 699).

В автобиблиографии отмечены две рецензии литературоведа Пьетро Антонио Цветеремича (Zveteremich; 1922–1992) на пармскую книгу (см.: Ахматова 1996: 430, 590, 699), а в бумагах Ахматовой сохранился выполненный для нее перевод первой рецензии (см.: *Rinascita*. 1964. 11 gennaio. P. 29):

Предлагаемый сборник дает итальянскому читателю основательное и цельное представление о творчестве Ахматовой, которое раз­вертывалось последовательно и непрерывно со времени упадка символизма до наших дней, сочетая глубоко оригинальные мотивы с мотивами, свойственными всей европейской поэзии. Вступительная статья, написанная Карневали, содержит многие сведения, необходимые для воссоздания культурного фона на котором развивалась поэзия Ахматовой. Анализируя русскую поэзию XX века, Карневали делает глубокие замечания о характере поэзии Ахматовой, причинах ее актуального звучания и о некоторых аспектах творчества поэтессы (особенно неопубликованных произведений) в соотношении с европейской поэзией в целом. Некоторые утверждения и критические положения представляются спорными, другие требуют уточнения, но в целом Карневали прав, подчеркивая, что Ахматова в своем творчестве отошла от песенной традиции и лирической непосредственности и создала лирику, основанную на осознании и оценке чувства, исполненную напряжения; объект ее – смерть, и поэт – всегда переживший (ОР РНБ. Ф.1 073. № 1832).

В другой рецензии «Anna Achmatova: ne parlarono tanto ai tempi di Zdanov...» (*Paese sera*. 1964. 31 gennaio) Пьетро Цветеремич писал:

...poesia di crisi di quasi rituale celebrazione di un mondo finito: in questo, poesia condizionata dall'orbita del decadentismo, ma, nella luce compatta, continua e intensissima con la quale sonda nuove zone della coscienza contemporanea, poesia che ha un suo posto

importante nella storia poetica europea, alla quale l'Achmatova, come Pasternak, Mandelstam e Chodasevic, hanno dato un contributo ancor insufficientemente studiato e valutato nei suoi esempi indicativi di possibili strade da percorrere. L'introduzione di Carnevali, se pur contiene affermazioni e soluzioni critiche che possono essere discusse, come altre invece acute e fini, fundamentalmente ha il merito di sottrarre la lirica achmatoviana a quella esterna interpretazione tematica che la descrive semplicemente come poetessa d'amore e di femminili compiacenze, proponendone una immagine dal significato assai più profondo e produttivo. [«...кризисная поэзия – поэзия едва ли не ритуального прославления ограниченного мира: поэзия, предопределенная орбитой декадентства, но с плотным, непрерывным и интенсивным светом, исследующим новые области современного сознания, поэзия, занимающая важное место в европейской традиции, в которую Ахматова, как и Пастернак, Мандельштам и Ходасевич, внесла вклад, который до сих пор недостаточно изучен и оценен в своих образцах, указывающих на возможные пути следования. Введение Карневали, даже если оно содержит критические утверждения и решения, о которых можно дискутировать, как и другие, которые, наоборот, остры и прекрасны, своей основной заслугой имеет изъятие ахматовской лирики из той внешней тематической интерпретации, которая описывает ее просто как поэтессу любви и женственной самоуспокоенности, предлагая картину, исполненную гораздо более глубокого и продуктивного смысла»; перевод Анны Балестриери].

Оповещение о выходе итальянского сборника (ср.: «Почти одновременно в Италии выпущены сборники переводов трех советских поэтов – А. Ахматовой, Э. Багрицкого и О. Мандельштама. // Стихи Ахматовой переведены Б. Карневали, который является и составителем этого объемистого сборника (354 страницы), охватывающего различные периоды творчества поэтессы, пользующейся популярностью у итальянских любителей поэзии и недавно удостоенной литературной премии “Этна-Таормина”. Сборник выпущен издательством Гуанда». – Б. п. 1965: 273) появилось в советской печати с запозданием.

Риччо (Riccio) Карло (1932–2011), он же «ёжик» (*riccio*, *ит.* – ‘кудрявый’, ‘ёж’, ‘локон’) – итальянский поэт, переводчик, литературовед-русист.

Адрес вписан его рукой: «Via F. P. Tosti, 19 = Roma (1) Рим» (Ахматова 1996: 590). Познакомился с Ахматовой в Риме в декабре 1964 г. К этому времени им был переведен «Реквием» (см.: Achmatova 1964a: 3–9; ср.: Ахматова 1996: 347, 605, 630, 637, 736); после исправлений, сообщенных Ахматовой, перевод был перепечатан (см.: Achmatova 1964b: 12). В начале 1965 года появился его перевод «Полночных стихов» (см.: Achmatova 1965: 11; ср.: Ахматова 1996: 610, 618, 736). В апреле 1965 года приехал на шестимесячную стажировку в СССР. На протяжении этих месяцев он неоднократно виделся с Ахматовой (ср.: «Вербное воскресенье. Приехала Ира [Пунина] с ежиком»; «Среда на Святой. И ежик». – Ахматова 1996: 619, 620), рассказывал о готовящемся им однотомнике для туринаского издателя Дж. Эйнауди (1912–1999) (см.: Ахматова 1996: 510, 575, 623, 637, 641, 659, 676, 686, 735). «Синьор Эйнауди с Божьей помощью у себя в Турине печатает “Поэму без героя”, “Requiem” и еще что-то (перевод Карло Риччо)» (Ахматова 1996: 699). Ему был подарен сборник «Бег времени» (см.: Ахматова 1996: 633, 634, 745); предполагалось подарить сборник «Голоса поэтов» (см.: Ахматова 1996: 681). В его экземпляр «Поэмы без героя» Ахматова внесла исправления и дополнения, и в 1966 году издание с параллельным текстом увидело свет (см.: Achmatova 1966).

Александр Гвидонович Больто фон Гогенбах (1896–1972), выпускник Александровского лицея 1917 года, лектор университет в Палермо, сотрудник парижской газеты «Русская мысль», писал в рецензии:

Перевод – подстрочный, точный, тщательный, слово в слово. Конечно, все соки, которые чародейка поэтесса вытягивает из земных корней родной речи и через свое вдохновение превращает в цветы и музыку, где слова подчиняются рифме и мысли идут поступью размера, улечиваются из такого нестихотворного перевода. Остается вещественная сущность мысли и вложенная

в нее поэзия, остается предметность слов, насаженных на нить, как «четки». А поэзия Анны Ахматовой в большой мере вдохновлена картинностью видений и осязаемостью вещей. Это облегчает перевод и передачу итальянскому читателю поэтической сущности ее стихов. Итальянский язык богат всевозможными специальными терминами, и итальянцы любят техническую точность своего языка. Поэтому такие слова, как «дылда», «сорванцы», «чудить», «голубка», «плясать вприсядку», «непробудная сонь вещей», «гость зазеркальный» и даже «помнить и вспомнить» находят соответствия.

Но есть в обоих языках и несмежные слова. «Бездорожье», «полозья», «аукаться», «козлоногая», «волчий оскал» и другие переведены приблизительно. «Крупчатая вьюга» становится «мучнистой», а уж наши глаголы в совершенном виде, как, например, «дождаться», совсем головоломны. Иногда переводчик увлекается уточнением без видимой надобности. Например: «Но была для меня та тема / Как раздавленная хризантема / На полу, когда гроб несут» – в переводе выходит: «Но была в моих глазах та тема / как раздавленная хризантема / на полу, когда гробовщики уносят гроб». Не лучше ли было оставить «для меня» вместо – «в моих глазах»? И какое значение имеет – несут ли гроб гробовщики, сослуживцы или домочадцы?

А вот самое трудное: «веселиться – так веселиться». Оно насыщено вековой жизнерадостностью русского сердца и непереводаемо, как «пир горой». Эту задачу переводчик разрешил замечательно: он заимствовал у Лоренцо Прекрасного Медичи строку, повторяющуюся восемь раз в его знаменитом «Триумфе Вакха и Ариадны», вещающую уже пять веков жизнерадостность в итальянском духе: «chi vuol esser lieto, sia...»

В общем, за восемьдесят страниц такого точного и дословного, хоть и не стихотворного перевода Ахматовой переводчику спасибо. Не могу не отметить постоянной во многих советских и зарубежных изданиях ошибки предложного падежа среднего рода! На страницах 60, 72 и 76 вместо «в накипаньи», «в ожерельи» и «В отдаленьи» напечатано с окончанием «ье», что соответствует

не предложному, а тут совсем неуместному винительному падежу (см.: Больто 1968: 211; «волчьего оскала» в «Поэме без героя» нет).

Впоследствии Карло Риччо выпустил научное издание «Поэмы без героя» (см.: Riccio 1996) и начал писать воспоминания об Ахматовой (Риччо 2011: 55–56).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Асеев Н. 1967. Стихотворения и поэмы / Вступительная ст. и сост. А. Урбана; подготовка текста и примечания А. Урбана и Р. Вальбе. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение.
- Ахматова А. 1976. Стихотворения и поэмы / Вступительная ст. А. Суркова; сост. подготовка текста и примечания В. М. Жирмунского. Л.: Советский писатель.
- Ахматова А. 1989. Requiem / Сост. и примечания Р. Д. Тименчика при участии К. М. Поливанова. М.: Издательство МПИ.
- Б. п. 1965. На всех языках. – Иностранная литература. № 10. С. 273.
- Больто А. 1968. Анна Ахматова в итальянском издании. – Грани. № 68. С. 210–211.
- Гофман Т. 1897. Собр. соч. Т. 5: Эликсир Сатаны. Очерк / Пер. В. Л. Ранцова. СПб.: Типография бр. Пантелеевых.
- Марчанова М. 2006. Анна Ахматова и Мария Марчанова: Переписка (1960–1964 годы) / Вступительная заметка О. М. Малевича, подготовка текста и комментариев Н. И. Крайневой, О. М. Малевича. – «Я всем прощение дарю...»: Ахматовский сборник / Сост. Н. И. Крайнева, под общей ред. Д. Макфадьена и Н. И. Крайневой. М.; СПб.: Альянс-Архео. С. 318–331 (UCLA Slavic Studies. New Series. Vol. 5).
- Риччо К. 1998. Ахматова и Италия: Библиографические заметки. – Эйхенбаумовские чтения: Тезисы докладов международной научной конференции. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет. С. 55–56.
- Риччо К. 2011. Мемуарные заметки о встречах с Анной Ахматовой. – Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. – Крымский Ахматовский научный сборник. Вып. 9. Симферополь: Крымский архив. С. 55–56.
- Тименчик Р. 1989. Страницы черновиков Анны Ахматовой. – Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана: Аннотированный каталог. Публикации. М.: Книга. С. 375–379.

- Тименчик Р. 2006. «Записные книжки» Анны Ахматовой: Из «Именного указателя». I. – Эткиндовские чтения II–III: Сборник статей по материалам Чтений памяти Е. Г. Эткинда / Сост. П. Л. Вахтина, А. А. Долинин, Б. А. Кац. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. С. 214–275.
- Тименчик Р. Д. 2019. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой: [Малковати]. – *Slavica Revalensia*. Vol. VI. С. 198–199.
- Тименчик Р. Д. 2020. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой: [Драйвер]. – *Slavica Revalensia*. Vol. VII. С. 248–266.
- Топоров В. Н. 1981. Ахматова и Блок (К проблеме построения поэтического диалога: «блоковский» текст Ахматовой). Berkeley: Berkeley Slavic Specialties (Modern Russian Literature and Culture: *Studies and Texts*. Vol. 5).
- Achmatova, A. 1962. *Poesie* / Con introduzione di Bruno Carnevali. Parma: Guanda.
- Achmatova, A. 1963. L'ultima rosa. Il quaderno bruciato / Trad. di A. M. Ripellino. – *L'Europa letteraria*. Anno IV. N° 19. P. 47.
- Achmatova, A. 1964a. Requiem / Trad. di Carlo Riccio. Prefazione: “L'occhio asciutto” di Gustavo Herling. – *Tempo presente*. Anno IX. N° 1. P. 3–9.
- Achmatova, A. 1964b. Requiem. – *La Fiera letteraria*. Anno XIX. N° 44. P. 12.
- Achmatova, A. 1965. Versi di mezzanotte, con la traduzione a cura di Carlo Riccio (Elegia preprimaverile; Primo preavviso; Al di là dello specchio; Tredici versi; Appello; Visitazione notturna; Ultima). – *L'Europa letteraria*. Anno VI. N° 33. P. 11.
- Achmatova, A. 1966. Poema senza eroe e altre poesie / Trad. e cura di Carlo Riccio. Torino: Giulio Einaudi editore.
- Riccio, C. 1996. Materiali per un'edizione critica di «Poëma bez geroja» di Anna Achmatova. Macerata: Giardini.

REFERENCES

- Achmatova, A. *Poesie*. Prefaced by Bruno Carnevali. Parma: Guanda, 1962.
- . “L'ultima rosa. Il quaderno bruciato.” Translated by A. M. Ripellino. *L'Europa letteraria* 4, no. 19 (1963): 47.
- . “Requiem.” Translated by Carlo Riccio, foreword “L'occhio asciutto” by Gustavo Herling. *Tempo presente* 9, no. 1 (1964): 3–9.
- . “Requiem.” *La Fiera letteraria* 19, no. 44 (1964): 12.

- . “Versi di mezzanotte (Elegia preprimaverile; Primo preavviso; Al di là dello specchio; Tredici versi; Appello; Visitazione notturna; Ultima).” Translated and edited by Carlo Riccio. *L'Europa letteraria* 6, no. 33 (1965): 11.
- . *Poema senza eroe e altre poesie*. Translated by Carlo Riccio. Turin: Giulio Einaudi editore, 1966.
- Akhmatova, A. *Stikhotvoreniia i poemy*. Prefaced by A. Surkov, edited and annotated by V. M. Zhirmunskii. Leningrad: Sovetskii pisatel'. Leningradskoe otdelenie, 1976.
- . *Requiem*. Edited and annotated by R. D. Timenchik in collaboration with K. M. Polivanov. Moscow: Izdatel'stvo MPI, 1989.
- Anonymous. “Na vsekhi iazykakh.” *Inostrannaia literatura* 10 (1965): 273.
- Aseev, N. *Stikhotvoreniia i poemy*. Prefaced by A. Urban, edited and annotated by A. Urban and R. Val'be. Leningrad: Sovetskii pisatel'. Leningradskoe otdelenie, 1967.
- Bol'to, A. “Anna Akhmatova v ital'ianskom izdanii.” *Grani* 68 (1968): 210–11.
- Hoffmann, [E.] T. [A.] *Sobranie sochinenii*. Vol. 5, *Eliksir Satany. Ocherk*. Translated by V. L. Rantsov. Saint-Petersburg: Tipografia br. Pantelevykh, 1897.
- Malevich, O. M. and N. I. Kraineva. “Anna Akhmatova i Mariia Marchanova: Perepiska (1960–1964 gody).” Prefaced by O. M. Malevich, edited and annotated by N. I. Kraineva and O. M. Malevich. In “*Ia vsem proshchenie daruiu...*”: *Akhmatovskii sbornik*. Edited by N. I. Kraineva and David MacFadyen. UCLA Slavic Studies. New Series. Vol. 5, 318–31. Moscow and Saint-Petersburg: Al'ians-Arkheo, 2006.
- Riccio C. “Akhmatova i Italiia: Bibliograficheskie zametki.” *Eikhenbaumovskie chteniia: Tezisy dokladov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, 55–56. Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 1998.
- . *Materiali per un'edizione critica di «Poèma bez geroja» di Anna Achmatova*. Macerata: Giardini, 1996.
- . “Memuarnye zametki o vstrechakh s Annoi Akhmatovoi.” In *Anna Akhmatova: epokha, sud'ba, tvorchestvo. Krymskii Akhmatovskii nauchnyi sbornik*. Vol. 9, 55–56. Sympheropolis: Krymskii arkhiv, 2011.
- Timenchik, R. “Stranitsy chernovikov Anny Akhmatovoi.” In *Knigi i rukopisi v sobranii M. S. Lesmana: Annotirovannyi katalog. Publikatsii*, 375–79. Moscow: Kniga, 1989.
- . “Zapisnye knizhki' Anny Akhmatovoi: Iz 'Imennogo ukazatel'ia.' I.” In *Etkindovskie chteniia II–III: Sbornik statei po materialam Chtenii pamiati*

- E. G. Etkinda*. Edited by P. L. Vakhtina, A. A. Dolinin and B. A. Kats, 214–75. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2006.
- . “Iz Imennogo ukazatel'ia k ‘Zapisnym knizhkam’ Akhmatovoi: [Malcovati].” *Slavica Revalensia* 6 (2019): 198–99.
- . “Iz Imennogo ukazatel'ia k ‘Zapisnym knizhkam’ Akhmatovoi: [Driver].” – *Slavica Revalensia* 7 (2020): 248–66.
- Toporov, V. N. *Akhmatova i Blok (K probleme postroeniia poeticheskogo dialoga: “blokovskii” tekst Akhmatovoi)*. *Modern Russian Literature and Culture: Studies and Texts*. Vol. 5. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1981.

КРИТИКА

«НА ЗЕМЛЕ ЕЩЕ МНОГО ХОРОШИХ ВЕЩЕЙ»:

РЕЦ. НА КН.: ЧЕЛОВЕК ЭПОХИ: ИРИНА
БЕЛОБРОВЦЕВА / РЕД. АУРИКА МЕЙМРЕ.

ТАЛЛИН: EESTI VENE KULTUURIKODA, 2021. 276 с.

Григорий Утгоф

(Таллинн)

В октябре 2021 г. – неожиданно для очень многих (в частности, для автора этих строк) – в Таллинне вышла книга «Человек эпохи: Ирина Белобровцева». В книге три части: первая – это рассказ И. З. Белобровцевой о себе, выросший из бесед с российской детской писательницей и журналисткой Еленой Усачевой; во второй части помещена переписка В. И. и И. З. Белобровцевых с Ю. М. Лотманом и З. Г. Минц, подготовленная Т. Д. Кузовкиной и Д. В. Дорвинг; третья – это «Библиография проф. И. З. Белобровцевой (ур. Газер)», составленная Г. М. Пономаревой. Повод для выхода книги очевиден: он ровно тот же, что и для специального выпуска литературного журнала «Новые облака» «Ирина Белобровцева – 75», в который вошла беседа Ирины Захаровны с поэтом и переводчиком Игорем Котюхом (см.: Белобровцева, Котюх 2021: s. p.), републикованная (с сокращениями и очень хорошей преамбулой) в переводе на эстонский язык в апрельской книжке журнала „Looming” (см.: Belobrovtsava, Kotjuh 2021: s. p.).

Для читателя, погруженного в филологический быт, первая – автопортретная – часть издания напоминает те интервью с филологами, которые публикует портал «Arzamas» (отмечу любимые: Баран 2019: s. p.; Левинтон 2019: s. p.; Неклюдов 2019: s. p.; Парнис 2019: s. p.; Равдин 2019: s. p.; Суперфин 2020: s. p.; Тименчик 2020: s. p.; Долинин 2021: s. p.), отличаясь объемом, но сохраняя свойственные мемуарному жанру приметы. Рассказ о себе невозможен без нескольких слов о родителях, о детстве, о годах учения – и о жизненных перипетиях, превращающих жизнь в биографию. О

перипетиях (вынужденной безработице, «ссылке» в Семипалатинск, запоздалому – в сорок лет – возвращению к преподаванию в Таллинском педагогическом институте) в книге ведется речь подчеркнуто ровным тоном: и не потому, что все это – из области плюсквамперфекта, а потому, что иначе о трудностях не говорят. Не подчеркиваются и заслуги – как и ранний научный дебют: комментарий к воспоминаниям Е. В. Семеновой «ВХУТЕМАС, ЛЕФ, Маяковский», помещенных с предисловием З. Г. Минц в девятой книжке «Трудов по русской и славянской филологии» (см.: Семенова 1966: 288–306). Заре Григорьевне Минц (как и любимой няне Марии Васильевне Змеерёвой) посвящены, наверное, самые теплые, самые бережно подобранные слова в первых главах книги – и там, где у мемуариста менее деликатного рискнет проскользнуть бестактность (вольная или невольная), в словах Ирины Захаровны различима только любовь:

У нее было редкостное лицо: очень светлая кожа и яркие синие глаза; густые и красивые волосы она закалывала на затылке, словом, красавица. И при этом не умела одеваться, просто не обращала на это внимание. Могла прийти в темно-синем платье, подшитом крупными белыми стежками. Ей было некогда: работа, трое сыновей, муж-гений, множество студентов-дипломников – Зара Минц была одним из самых популярных преподавателей русской филологии. У нее не было чувства стиля – выросла она в детском доме, много бедствовала. И все равно ее природная красота бросалась в глаза (Ирина Белобровцева 2021: 43).

Говорить о прошлом, которое принадлежит не тебе, а множеству лиц – задача не из легких, но Ирине Захаровне свойственно соблюдение неписаных правил, которые оберегают *другого*. В частности, соблюдается следующее: если рассказ об умершем может вызвать толки, имя – не называется¹. Вот пример:

¹ Этот прием использован и в вышедшей в 2020 г. книге И. З. Белобровцевой «Леонид Зуров. В тени Бунина» (см.: Белобровцева 2020: 180); о замысле книги см.: Ирина Белобровцева 2021: 154–156; краткий очерк жизни и творчества Л. Ф. Зурова см.: Там же: 156–161.

Все мы были комсомольцами, но в партию вступить не торопились. Правда, были и те, кто думал иначе. Двумя курсами ниже училась девушка, которая умудрилась еще в школе стать кандидатом в компартию. Мы, настроенные иначе, спрашивали, какого черта ей нужна эта партия. На что она отвечала: «Мне папа сказал: если придут немцы, тебя все равно расстреляют, не все ли равно – как еврейку или как коммунистку, так что лучше иди в партию» (Ирина Белобровцева 2021: 23).

Вот второй пример (впрочем, в нем недоговоренность видится все-таки лишней):

У приехавших в Эстонию студентов были совсем другие бытовые привычки, манера поведения. Они мгновенно выходили за рамки сдержанной прибалтийской чопорности, оказывались втянутыми в какие-то мелкие стычки, скандалчики. Именно с этого курса пошла в Тарту присказка: «Ох уж эти русские филологи». Они много чудили, это как-то сказывалось и на нас – нас встречали настороженно: а ну как и эти будут такими же. Наши два курса «ох уж этих русских филологов» не давали спокойно жить университетскому начальству.

Мы с Виталием не особо были во все это вовлечены, потому что в тот момент больше интересовались друг другом, чем окружающими, и считали, что каждый волен делать то, что ему хочется. Был у нас преподаватель фольклора, Вальмар Теодорович Адамс <...> – интереснейший человек, в молодости писавший стихи по-русски и публиковавший их под псевдонимом Владимир Александровский, прошедший и немецкий, и советский лагеря. Спустя годы после окончания университета мы узнали, что в одном интервью он сказал о нас: «А, это те, Ромео и Джульетта с русской филологии». Мы постоянно были в стороне, занимаясь собой, и к нам никто особенно не прибивался, особенно в первые студенческие годы. Но я знаю, да и более или менее все тартусцы знали, что была группа студентов, которая собиралась у преподавателя физико-математического факультета Якова Абрамовича Габовича. Это был интересный, талантливый человек, с которым мы, к сожалению, не общались.

Шли мы как-то с Суперфином и столкнулись с Габовичем. Гарик меня представил: «Это Ира Газер». «А! – сказал Габович. – Ира Газер! Наслышан!» И все. Понятия не имею, о чем он был наслышан и что ему про меня говорили. Зато мы знали его замечательные охальные стишки и пародии. В университете была преподавательница по синтаксису Агния Карловна. Сейчас я назвала бы ее вздорной – она была въедливой, ехидной, высмеивала всех и каждого, кто обнаруживал незнание русского языка. Хотя сама, будучи билингвой, делала иногда мелкие ошибки, например, путала ударения: диктовала «поезд грохотал на полустанкáх». Ее очень не любили за придирки и суровость. К нам она относилась хорошо – срабатывала моя грамотность. И вот на нее Габович написал эпиграмму:

*Открыл я дверь. За дверью – глядь
Стоит в роскошном платье...*

– и дальше шла фамилия нашей преподавательницы.

Смешно было и то, что рифма угадывалась, но изящно не произносилась, смешно было и роскошное платье, потому что наша Агния Карловна всегда носила сверхстрогий, так называемый английский, костюм (Ирина Белобровцева 2021: 26–28).

Читая этот фрагмент, мне – историку литературы – хочется все же назвать фамилию Агнии Карловны (просто по той причине, что фамилия образует женское окончание во второй строке процитированной эпиграммы Я. А. Габовича). Это А. К. (Агнес) Рейцак (1927–1974), выпускница Таллинского педагогического института, кандидат филологических наук (диссертация: «Германизмы в лексике памятников русской деловой письменности XV – XVII веков»), составитель таких изданий как „Valimik vene fraseologisme vene vastetega. Избранные русские фразеологизмы с эстонскими соответствиями”, „Valimik vene vanasõnu eesti vastetega. Сборник русско-эстонских пословиц”, „Vestlusi vene ja eesti keeles. Русско-эстонский разговорник”, редактор нескольких выпусков «Трудов по русской и славянской филологии», а также эстонско-

русского словаря Иохана Тамма (в связи с ним см. несколько доброжелательных строк в статье В. И. Белобровцева «Новая лексика и старые слова в новом значении». – Молодежь Эстонии. 2001. 21 июля).

Есть еще одно добавление, но уже ко второй части книги. В ней есть раздел «Записки И. З. Газер и З. Г. Минц на конференции в Тарту», датированный 30–31 марта 1967 г. В частности, среди записок есть такие:

<Рукой И. З. Газер:>

А из какого института Альтшулер²? «ГИТЮЗ». А он здесь?

<Рукой З. Г. Минц:>

Да. Трёп! Из Горьк<овского> ТЮЗ'а. <стрелочка к ГИТЮЗУ>

<Рукой И. З. Газер:>

А я не знаю некоторых – [двоих] четверых прототипов. И вообще – выйду и скажу: «А знаете, тот – это N, а этот, знаете, S и т. д.»³

<Рукой З. Г. Минц:>

- 1) О чем не знаете – не говорите, кон<ечно>.
- 2) До того, как Вы скажете N есть A, будет серьезная часть работы с доказательствами. А потом Вы скажете: «Большинство др<угих> персонажей T<еатрального> р<омана> также имеют реальных прототипов. Например...<>»
- 3) Ира, я думаю, что после того, как Вы подробно расскажете о прототипах, надо все же – без доказательств, только перечнем – указать на все прототипы.

² Прим. публикаторов: «Очевидно, имеется в виду Анатолий Миронович Смелянский (Альтшулер, 1942) – театральный критик, историк русского театра. Доктор искусствоведения, специалист по творчеству М. А. Булгакова. В конце 1960-х был заведующим литературной частью Горьковского театра юного зрителя. Проблемы с его приглашением на симпозиум были связаны с тем, что Горьковский ТЮЗ не имел статуса высшего учебного заведения» (Ирина Белобровцева 2021: 167).

³ Цитируется с уточнениями по электронной копии записки, любезно предоставленной Т. Д. Кузовкиной и Д. В. Дорвинг. Никому не в укор замечу: во второй части книги («Переписка И. З. Белобровцевой и В. И. Белобровцева с Ю. М. Лотманом и З. Г. Минц: 1967–1986 годы») меньше опечаток и неисправностей, чем в других.

<Рукой О. И. Байбуз⁴:>

Горячее и добрее всех воспринимали доклад Лотман и Гельперин, кроме меня, конечно.

Ну и З. Г. тихо радовалась (Ирина Белобровцева 2021: 167).

Есть основания сделать осторожное предположение, что эти записки датируются не 1967 г., а 1968 г. (то же касается текста З. Г. Минц, помещенного после записки, упоминающей М. Б. Мейлаха; см.: Там же: 168). В моем домашнем архиве сохранилась программа тартуской конференции 1968 г., в которой уточнено название доклада студентки V курса И. Газер⁵ «Документальность и фантазия в поэтике “Театрального романа” М. А. Булгакова» (новое название – «Прототипы в “Театральном романе” <М. А. Булгакова>») и отмечено, что доклад перенесен с утреннего заседания 30 марта на вечернее заседание 29 марта (вместо докладов студента Латвийского государственного университета Р. Д. Тименчика «Из истории литературных объединений» и студента III курса Тартуского государственного университета Г. Г. Суперфина «Б. Пастернак и В. Брюсов»)⁶. В уточненном виде вечернее заседание секции русской литературы было таким:

29 марта в 16⁰⁰

главное здание, ауд. 207

1. Булгаков и Честертон

докл. – асп. МИФ’а Ю. Гельперин⁷

рук. – докт. филол. наук З. Паперный

⁴ Прим. публикаторов: «Ольга Ивановна Байбуз (в замуж. Утгоф, 1946–2012) – подруга И. З. Газер. Выпускница ТГУ, ученица Ю. М. Лотмана, литературовед, редактор и библиограф Лотмановского архива Таллинского университета (200<7>–20<11>)» (Ирина Белобровцева 2021: 167).

⁵ В 1967 г. это был бы не V курс, а IV.

⁶ Также с 30 на 29 марта был перенесен и доклад студентки V курса Ленинградского государственного университета Т. Никольской «Творчество С. Соловьева»; возможно – в утреннюю секцию, вместо доклада студента V курса Московского государственного университета Н. Вс. Котрелева «Данте и Вяч. Иванов» (против его доклада в программе стоит знак вопроса – по-видимому, отмечающий неприезд).

⁷ Текст доклада был впервые напечатан четверть века спустя – в первом выпуске «Булгаковского сборника» (см.: Гельперин 1993: 48–51).

29 марта в 10⁰⁰
главное здание, ауд. 207

1. Запад и Восток в исторических взглядах Вл. Соловьева
докл. - асп. ИМРД Е. Рашковский
2. Мемуары Н.И. Кареева
докл. - студ. У к. МГИИИ М. Рашковская
рук. - проф., докт. ист. наук А.А. Зимин
3. Данте и Вяч. Иванов
докл. - студ. У к. МГУ н. В.С. Котрелев
4. Об историческом романе русского символизма
докл. - студ. У к. ТГУ Б. Тух
рук. - ст. преп. В.И. Беззубов

29 марта в 16⁰⁰
главное здание, ауд. 207

1. Булгаков и Честертон
докл. - асп. МИФА Ю. Гельперин
рук. - докт. филол. наук З. Паперный
2. А.М. Горький и М.А. Булгаков
докл. - студ. У к. ГИТОВ'а А. Альтшулер
рук. - докт. филол. наук Л.М. Фарбер
3. Из истории литературных объединений
докл. - студ. Латв.ГУ Р.Д. Тименчик
4. Б. Пастернак и В. Брюсов
докл. - студ. Ш к. ТГУ Г.Г. Суперфин

Гауер О.И. Рототина

Из программы конференции молодых филологов в Тарту
(28 марта - 1 апреля 1968 г.)

2. А. М. Горький и М. А. Булгаков
докл. – студ. V к. ГИТЮЗ'а А. Альтшулер
рук. – докт. филол. наук Л. М. Фарбер
3. Прототипы в «Театральном романе» <М. А. Булгакова>
докл. – студ. V к. ТГУ И. Газер
рук. – доц., канд. филол. наук З. Г. Минц

Репродукцией страницы этого раритета и завершим обзор (добавив – в скобках и скорописью – что во втором издании книги было бы замечательно все же увидеть такое важное добавление как именной указатель: как ни крути – он нужен, а сделать его несложно).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Баран Х. 2019. Хенрик Баран: «Еврей должен интересоваться антисемитизмом» / Записала Анна Красильщик. – Arzamas. [URL: <https://arzamas.academy/mag/757-baran>]
- Белобровцева И. 2020. Леонид Зуров. В тени Бунина. М.: Азбуковник.
- Белобровцева И., Котюх И. 2021. Трудно объяснить тем, кто не работал в архивах, что означает впервые увидеть почерк «твоего» писателя. – Новые облака. Специальный вып.: Ирина Белобровцева – 75 (01.04.2021). [URL: <https://www.oblaka.ee/journal-new-clouds/irina-belobrovtsseva/ирина-белобровцева-трудно-объяснить/>]
- Гельперин Ю. 1993. М. Булгаков и Честертон. – Булгаковский сборник: [Вып.] I: Материалы по истории русской литературы XX века / Сост. И. Белобровцева, С. Кулюс. Таллинн: Таллиннский педагогический университет. С. 48–51.
- Долинин А. А. 2021. Александр Долинин: «Мой научный принцип – заниматься только тем, что интересно» / Записала Анна Красильщик. – Arzamas. [URL: <https://arzamas.academy/mag/1038-dolinin>]
- Ирина Белобровцева 2021. Человек эпохи: Ирина Белобровцева / Ред. Аурика Меймре. Таллин: Eesti vene kultuurikoda.
- Левинтон Г. А. 2019. Георгий Левинтон: «Постструктурализм – просто абсолютная чушь» / Записала Юлия Тарнавская. – Arzamas. [URL: <https://arzamas.academy/mag/707-levinton>]

- Неклюдов С. Ю. 2019. Сергей Неклюдов: «Я с детства любил сказки» / Записала Ольга Виноградова. – Arzamas. [URL: <https://arzamas.academy/mag/717-nekludov>]
- Парнис А. Е. 2019. Александр Парнис: «Я убил на Хлебникова почти 60 лет» / Записал Константин Ворович. – Arzamas. [URL: <https://arzamas.academy/mag/690-parnis>]
- Равдин Б. А. 2019. Борис Равдин: «Что же, черт возьми, содержится в этом тексте?» / Записал Александр Борзенко. – Arzamas. [URL: <https://arzamas.academy/mag/661-ravdin>]
- Семенова Е. 1966. ВХУТЕМАС, ЛЕФ, Маяковский / Публикация и вступительная ст. З. Г. Минц, комментарий И. Газер. – Труды по русской и славянской филологии. [Вып.] IX: Литературоведение. Tartu: [Tartu Riiklik Ülikool]. С. 288–306.
- Суперфин Г. Г. 2020. Габриэль Суперфин: «Во мне на всю жизнь застряла бацилла архивного поиска» / Записала Анна Красильщик. – Arzamas. [URL: <https://arzamas.academy/mag/786-superfin>]
- Тименчик Р. Д. 2020. Роман Тименчик: «Наша профессия – объяснять утраченные смыслы»: Записала Анна Красильщик. – Arzamas. [URL: <https://arzamas.academy/mag/816-timenchik>]
- Belobrovtsseva, I., Kotjuh, I. 2021. Poolelt sõnalt ja isegi ilma sõnadeta. – *Looming*. Nr. 4. [URL: <http://www.looming.ee/artiklid/poolelt-sonalt-ja-isegi-ilma-sonadeta/>]

REFERENCES

- Baran, H. “Henry Baran: ‘Evrei dolzhen interesovat’sia antisemitizmom’.” Interview by Anna Krasil’shchik. *Arzamas*. November 25, 2019. Accessed December 10, 2021. <https://arzamas.academy/mag/757-baran>
- Belobrovtsseva, I. *Leonid Zurov. V teni Bunina*. Moscow: Azbukovnik, 2020.
- . “Trudno ob”iasnit’ tem, kto ne rabotal v arkhivakh, chto oznachaet v pervye uvidet’ pocherk ‘tvoego’ pisatel’ia.” Interview by Igor Kotjuh. *Novye oblaka*. Special issue, *Irina Belobrovtsseva – 75 (01.04.2021)*. Accessed December 10, 2021. <https://www.oblaka.ee/journal-new-clouds/irina-belobrovtsseva/ирина-белобровцева-трудно-объяснить/>
- Belobrovtsseva, I. and I. Kotjuh. “Poolelt sõnalt ja isegi ilma sõnadeta.” *Looming* 4 (2021). Accessed December 10, 2021. <http://www.looming.ee/artiklid/poolelt-sonalt-ja-isegi-ilma-sonadeta/>

- Chelovek epokhi: Irina Belobrovtseva*. Edited by Aurika Meimre. Tallinn: Eesti vene kultuurikoda.
- Dolinin, A. A. "Alexander Dolinin: 'Moi nauchnyi printsip – zanimat'sia tol'ko tem, chto interesno.'" Interview by Anna Krasil'shchik. *Arzamas*. November 19, 2021. Accessed December 10, 2021. <https://arzamas.academy/mag/1038-dolinin>
- Gel'perin, Iu. "M. Bulgakov i Chesterton." In *Bulgakovskii sbornik*. Edited by I. Belobrovtseva and S. Kuljus. Vol. 1, *Materialy po istorii russkoi literatury XX veka*, 48–51. Tallinn: Tallinnskii pedagogicheskii universitet, 1993.
- Levinton, G. A. "Georgii Levinton: 'Poststrukturalizm – prosto absoliutnaia chush'.'" Interview by Iuliia Tarnavskaia. *Arzamas*. August 19, 2019. Accessed December 10, 2021. <https://arzamas.academy/mag/707-levinton>
- Nekliudov, S. Iu. "Sergei Nekliudov: 'Ja s detstva liubil skazki.'" Interview by Ol'ga Vinogradova. *Arzamas*. September 9, 2019. Accessed December 10, 2021. <https://arzamas.academy/mag/717-nekliudov>
- Parnis, A. E. "Aleksandr Parnis: 'Ja ubil na Khlebnikova pochti 60 let.'" Interview by Konstantin Vorovich. *Arzamas*. July 25, 2019. Accessed December 10, 2021. <https://arzamas.academy/mag/690-parnis>
- Ravdin, B. A. "Boris Ravdin: 'Chto zhe, chert voz'mi, sodержitsia v etom tekste?'" Interview by Aleksandr Borzenko. *Arzamas*. April 2, 2019. Accessed December 10, 2021. <https://arzamas.academy/mag/661-ravdin>
- Semenova, E. "VKhUTEMAS, LEF, Mayakovsky." Published and prefaced by Z. G. Mints, annotated by I. Gazer [Belobrovtseva, maiden name]. In *Trudy po russkoi i slavianskoi filologii*. Vol. 9, *Literaturovedenie*, 288–306. Tartu: [Tartu Riiklik Ülikool], 1966.
- Superfin, G. G. "Gabriel' Superfin: 'Vo mne na vsiu zhizn' zastriala batsilla arkhivnogo poiska.'" *Arzamas*. Interview by Anna Krasil'shchik. *Arzamas*. February 12, 2020. Accessed December 10, 2021. <https://arzamas.academy/mag/786-superfin>
- Timenchik, R. D. "Roman Timenchik: 'Nasha professiia – ob"iasniat' utrachennye smysly.'" Interview by Anna Krasil'shchik. *Arzamas*. April 17, 2020. Accessed December 10, 2021. <https://arzamas.academy/mag/816-timenchik>

ABSTRACTS

Maria Neklyudova

“DEAD KINGS MUST ALWAYS BE JUDGED AFTER THEIR DEMISE”: THE AFTERLIFE OF AN ANCIENT EGYPTIAN CUSTOM IN THE RUSSIAN AND EUROPEAN LITERATURE OF THE 16TH TO 19TH CENTURIES

In his *Bibliotheca historica*, Diodorus Siculus described a peculiar Egyptian custom of judging all the dead (including the pharaohs) before their burial. The Greek historian saw it as a guarantee of Egypt’s prosperity, since the fear of being deprived of the right to burial served as a moral imperative. This story of an Egyptian custom fascinated the early modern authors, from lawyers to novelists, who often retold it in their own manner. Their interpretations varied depending on the political context: from the traditional “lesson to sovereigns” to a reassessment of the role of the subject and the duties of the orator. This article traces several intellectual trajectories that show the use and misuse of this Egyptian custom from Montaigne to Bossuet and then to Rousseau—and finally its adaptation by Pushkin and Vyazemsky, who most likely became acquainted with it through the mediation of French literature.

The article was written in the framework (and with the generous support) of the РАНЕРА (ШАГИ РАНХиГС) state assignment research program.

KEYWORDS: 16th to 19th-Century European and Russian Literature, Diodorus Siculus (1st century BC), Jean-Jacques Rousseau (1712–1778), Alexander Pushkin (1799–1837), Prince Pyotr Vyazemsky (1792–1878), Egyptian Court, *Locus communis*, Political Rhetoric, Literary Criticism, Pantheonization, History of Ideas.

Sergei Dotsenko

PUSHKIN’S “BURIA”: THE MEANING OF RHYTHM

This article addresses the meaning of the verse form of Alexander Pushkin’s poem “Buria” (1825). The poem’s monotonous rhythm corresponds to the theme of waves hitting the seashore and the rock in the same monotonous manner. The rhythmic structure of the poem implies that it can be divided into four three-line sections, each of which alternates between two rhythmic forms of iambic

tetrameter (IV–IV–I, IV–IV–I, etc.). The stanzaic structure of the poem, which is a monostrophe, helps one to sense that pattern.

KEYWORDS: 19th-Century Russian Literature, Alexander Pushkin (1799–1837), *Buria* (1825), Russian Iambic Tetrameter, Semantics of Rhythm, Verse Theory.

Alexandra Pakhomova

TOWARD THE REINTERPRETATION OF MIKHAIL KUZMIN'S WAR STORIES

The article analyzes *War Stories* (*Voennye rasskazy*, 1915) by Mikhail Kuzmin and offers a new interpretation of the book's pragmatics. Most students of *War Stories* have not treated this collection in much detail, mainly seeing it as Kuzmin's unsuccessful attempt to become a part of the mainstream patriotic movement during WWI. Contrary to her predecessors, Alexandra Pakhomova argues this particular book has a definite and consciously motivated authorial strategy. What Kuzmin did in *War Stories* was an attempt to establish his new literary reputation, and also to create an entirely new genre of short fiction in Russian literature.

KEYWORDS: 20th-Century Russian Literature, Mikhail Kuzmin (1972–1936), *Voennye rasskazy* (1915), Literary Reputation, History of Literature.

Olga Proskurova-Timofeeva

ONCE AGAIN ON HANS CHRISTIAN ANDERSEN'S PRESENCE IN VLADIMIR NABOKOV'S NOVEL *KOROL', DAMA, VALET* (KING, QUEEN KNAVE)

This article is an inquiry into the possible origin of the title of Vladimir Nabokov's second Russian novel *King, Queen, Knave* (*Korol', dama, valet*, 1928). It proves a long-forgotten hypothesis that the title's likely source is a lesser-known fairy-tale by Hans Christian Andersen, published in several translations into Russian in Berlin and Riga émigré newspapers at the very end of the 1920s.

KEYWORDS: 20th-Century Russian Literature, Vladimir Nabokov (1899–1977), *Korol', dama, valet* (1928), Hans Christian Andersen (1805–1875), Russian Émigré Press, History of Literature.

Vera Polishchuk

ENGINEER WALTZ'S HYPERBOLOID: VLADIMIR NABOKOV
AND THE SOVIET FANTASTIC LITERATURE OF 1910–1920S

The article is aimed to trace some significant parallels between Nabokov's Russian prose and drama, and a number of Soviet fantastical novels. A close reading reveals a whole network of allusions to Alexander Grin's *The Glittering World* (*Blistaiushchii mir*, 1924) in *Invitation to a Beheading* (*Priglasenie na kazn'*, 1935–36), including the usage of the Romantic hero model, canonic female figures and gnostical imagery, originating from *The Invisible Man* by H. G. Wells. As for *The Waltz Invention* (*Izobretenie Val'sa*, 1938), the tragicomedy gives us compelling evidence that Nabokov deliberately wrote a parody on *The Garin Death Ray* (*Giperboloid inzhenera Garina*, 1926–27), a famous Soviet sci-fi novel by Alexey Tolstoy. In general, it can be said that Nabokov is scrupulously using implicit allusions and sophisticated wordplay on every level of his texts, widening the genre boundaries of science fiction, dystopia and adventure novel to invent a new literary strategy and new genres of his own.

KEYWORDS: 20th-Century Russian Literature, Vladimir Nabokov (1899–1977), *Priglasenie na kazn'* (1935–36), *Izobretenie Val'sa* (1938), Alexander Grin (1880–1932), Alexey Tolstoy (1883–1945), Allusion, History of Literature.

Marina Salman

TENISHEV SCHOOL: ITS INSTRUCTORS, STUDENTS, SCHOOL MAGAZINES
AND ARCHIVES

This article results from extensive archival research, and compares information found in Tenishev school magazines to the archival data concerning the school life of the corresponding period. The article's major goal is to reconstruct life stories of Tenishev school students and the school's instructors as meticulously as possible, and also to demonstrate the style of communication between the teachers and adolescents. It also reveals some previously unknown information concerning the life story of Tenishev School director Alexander Ostrogorskii (1868–1908).

KEYWORDS: 20th-Century Russian History, Osip Mandel'shtam (1891–1938), Viktor Zhirmunskii (1891–1971), Alexander Ostrogorskii (1868–1908), Teni-

shev School, School Magazines, Soviet Terror, History of School Education in Russia.

Roman Timenchik

HOW TO TELL A POET'S LIFE STORY: AKHMATOVA'S CASE

This article is an attempt to expand the chronology of a poet's life and works as a genre. It offers not to limit a poet's biography to poem publication dates, lists of reviews, friendships, or crucial historic events, but to include such marginal texts as rumors, and even dreams—all contributing to the existence of a poet's name in the semiosphere.

KEYWORDS: 20th-Century Russian Literature, Anna Akhmatova (1889–1966), Chronology, History of Literature.

Olga Demidova

EPISTOLARIA AS LITERARY CONVERSATIONS: LETTERS OF GEORGY
ADAMOVICH TO ALEXANDER BACHERAC

This article is an attempt at close reading an extensive ego text (Georgy Adamovich's letters to Alexander Bacherac of the 1940s – 1972) as a thirty-year-long literary conversation of two Russian émigré writers. Regarding the letters as a single cultural text, and relying on the hermeneutic and semiotic approaches, the article singles out three major layers of the text in question, and analyzes the textual body “inwardly,” i.e. starting from the purely existential-informational upper layer, proceeding to the layer of literary criticism, and finally reaching the layer of literary quotations and cultural allusions used as one of the basic devices forming Adamovich's epistolary style. Comparing the letters with Adamovich's famous *Literary Conversations* (*Literaturnye besedy*) of the 1920s, the author argues that in his correspondence with Bacherach Adamovich followed the tradition of the Russian friendly literary-philosophical discourse borrowed from the West in the 1800s and developed in the 1820s – 1830s by Alexander Pushkin and his circle.

KEYWORDS: 20th-Century Russian Literature, Georgy Adamovich (1892–1972), Alexander Bacherac (1902–1985), Correspondence, History of Literature.

Georgy Levinton

“IN MEMORIAM: LARISA GEORGIEVNA STEPANOVA (1941–2009).”

SECTION EDITOR'S NOTE

This is a brief introduction to a section dedicated to the memory of a renowned Russian expert in Italian Studies Larisa Georgievna Stepanova (1941–2009).

KEYWORDS: Italian Studies, Larisa Georgievna Stepanova (1941–2009).

Alexander Dolinin

ITALIAN MOTIFS IN PUSHKIN'S POEM *ANDZHELO*

Pushkin's poem *Andzhelo* (1833) is based on the plot of Shakespeare's *Measure for Measure* (1623). However, Pushkin changed the location from Vienna to “happy Italy,” and the article offers some explanations of the change. Besides the location and names of characters, the poem has no Italian ethnographic details but instead includes several allusions to Dante absent in Shakespeare. It seems that through them Pushkin amalgamated Dante and Shakespeare, providing an intertextual substitute for the Italian *couleur locale*.

KEYWORDS: 19th-Century Russian Literature, Alexander Pushkin (1799–1837), *Andzhelo* (1833), Dante Alighieri (c. 1265–1321), William Shakespeare (1564–1616), Italy, Allusion, *In memoriam*: Larisa Georgievna Stepanova (1941–2009).

Alexander Ospovat

NOTES AND QUERIES ON *THE CAPTAIN'S DAUGHTER* (9–11)

There are three sections in this article, all concerning *The Captains Daughter* (*Kapitanskaia dochka*, 1836) by Alexander Pushkin. The first section reconstructs the hidden yet crucial train of thought launched by the elder Grinev's reading of *The Court Almanach for 1772*, which comes to drive the novel's plot in a surprising direction. The second section investigates the protagonist's failed military career. The third section discusses Pushkin's linguistic lapse (*na son griadushchii* instead of *na son griadushchim*), a distortion of a liturgical phrase well known to Orthodox Christians.

KEYWORDS: 19th-Century Russian Literature, Alexander Pushkin (1799–1837), *Kapitanskaia dochka* (1836), Russo-Turkish Wars (1736–1739, 1768–1774), Military Careers, *The Orthodox Prayer Book*, *In memoriam*: Larisa Georgievna Stepanova (1941–2009).

Georgy Levinton

SOME NOTES ON DANTEAN QUOTATIONS AND ALLUSIONS
IN RUSSIAN LITERATURE OF THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY

This is the initial part of a larger project consisting of several separate papers. This particular paper has two parts. 1. “No Crumbs on the Table-Cloth” (a line of Pasternak’s poem) claims that a crumb motive in an early version of the poem by Boris Pasternak “Piry” (1913) reflects the initial paragraph of Dante’s *Convivio* with its bread metaphor (*Conv. I.i.7*, 10–11). Some other examples of similar echoes are quoted. 2. “The Motherland’s Shoulders” discusses the metaphor *shoulders of a mountain*, which can be found in a couplet by Koncheyev—a fictional poet from Vladimir Nabokov’s *Dar* (*The Gift*, 1936–37 / 1952). This metaphor was previously treated as a quote from Mandelstam’s poem “Zverinets” (1915), but here both cases (and, probably, some additional examples) are seen to go back to the same metaphor in *Inf. I*, 16 (where it means *summit* rather than *mountainside*) and numerous translations of *Inferno* into English.

KEYWORDS: 20th-Century Russian Literature, Boris Pasternak (1890–1960), “Piry” (1913 / 1928), Vladimir Nabokov (1899–1977), *Dar* (1936–37 / 1952), Dante Alighieri (c. 1265–1321), Allusion, *In memoriam*: Larisa Georgievna Stepanova (1941–2009).

Nikita Okhotin

“THE SCYTHING RUN”: PETRARCH–MANDEL’SHTAM–PETRARCH

The article offers a list of possible iconographic subtexts of Osip Mandel’shtam’s translation of the beginning of Petrarch’s sonnet CCCXIX («I dì miei più leggier che nes(s)un cervo / Fuggir come ombra, et non vider più bene / Ch’un batter d’occhio, et poche hore serene, / Ch’amare et dolci ne la mente servo»). The most likely visual source shaping the word choice of Mandel’shtam’s translation (“Promchalis’ dni moi – kak by olenei / *Kosiashchii beg*. Srok schast’ia byl

koroche, / Chem vzmakh resnitsy. Iz poslednei mochi / Ia v gorst' zazhal lish' pepel naslazhdenii") is the tradition of depicting Time as an old man driving a chariot propelled by a couple of deer in editions of Petrarch's *Triumphs* (*I Trionfi*, 1357–74), which Mandel'shtam possibly knew.

KEYWORDS: 20th-Century Russian Literature, Osip Mandel'shtam (1891–1938), Petrarch (1304–1374), *Il Canzoniere* (1372–74), Translation, Illustration, Iconographic Subtext, *In memoriam*: Larisa Georgievna Stepanova (1941–2009).

Roman Timenchik

FROM AN INDEX TO ANNA AKHMATOVA'S NOTEBOOKS: ITALIANS

This article is yet another installment in the series of Roman Timenchik's annotations to Anna Akhmatova's *Notebooks* (see also three previous volumes of *Slavica Revalensia*). This particular installment concerns two Italians mentioned in Akhmatova's notes: Bruno Carnevali (1924–1990) and Carlo Riccio (1932–2011).

KEYWORDS: 20th-Century Russian Literature, Anna Akhmatova (1889–1966), Annotations, *Notebooks* (1958–1966), *In memoriam*: Larisa Georgievna Stepanova (1941–2009).

Grigori Utgof

"NA ZEMLE ESHCHO MNOGO KHOROSHIKH VESHCHEI": REVIEW OF CHELOVEK EPOKHI: IRINA BELOBROVTSEVA BY AURIKA MEIMRE (ED.)

This is a review of a recently published book *Chelovek epokhi: Irina Belobrovtseva* (2021). The book consists of three parts: the first and longest is Irina Belobrovtseva's autobiography followed by a publication of the correspondence between the Belobrovtsev family, Yuri Lotman and Zara Mints (from 1967 to 1986), and finally by Prof. Belobrovtseva's list of publications.

KEYWORDS: Tallinn University, Irina Belobrovtseva (b. 1946), Book Review.

KOKKUVÕTTED

Maria Nekljudova

„KUNINGATE ÜLE PEAB ALATI PÄRAST NENDE SURMA KOHUT MÕISTMA“:
VANA-EGIPTUSE HAUATAGUNE ELU 16.–19. SAJANDI VENE JA EUROOPA
KIRJANDUSES

Oma teoses „Bibliotheca historica” kirjeldas Diodorus Siculus omapärast egiptuse tava, mille kohaselt mõistetakse kõikide surnute (kaasa arvatud vaaraode) üle kohut enne nende matmist. Kreeka ajaloolane nägi selles Egiptuse õitsengu tagatist, sest hirm matmata jäämise ees tekitas moraalse kohustuse. See lugu lummas hilisemaid autoreid juristidest romaanikirjanikeni, kes jutustasid seda edasi tihti omal moel. Nende tõlgendused sõltusid poliitilisest kontekstist: traditsioonilisest õppetunnist valitsejale kuni isiku rolli ja kõnemehe kohustuste ümberhindamiseni. See artikkel kajastab intellektuaalseid trajektoore, mis näitavad selle egiptuse tava kasutust ja väärtarvitust Montaigne’st Bossuet’ ja Rousseau’ni – ja viib meid lõpuks Puškini ja Vjazemski tõlgenduseni, kes ilmselt õppisid seda tundma prantsuse kirjanduse vahendusel.

Artikkel on valminud RANEPА (ШАГИ РАНХиГС) riigi uurimisprogrammi toel.

VÕTMESÕNAD: 16.–19. saj Euroopa ja vene kirjandus, Diodorus Siculus (1. saj eKr), Jean-Jacques Rousseau (1712–1778), Aleksandr Puškin (1799–1837), vürst Pjotr Vjazemski (1792–1878), Egiptuse kohus, *locus communis*, poliitiline retoorika, kirjanduskriitika, vastuvõtt panteoni, ideede ajalugu.

Sergei Dotsenko

PUŠKINI LUULETUS „TORM”: RÜTMI TÄHENDUS

Artikkel käsitleb värsivormi tähendust Aleksandr Puškini luuletuses „Torm” («Буря», 1825). Luuletuse monotoonne rütm on vastavuses teksti teemaga, kus lained tabavad samal monotoonsel viisil mereranda ja kaljut. Rütmiine struktuur viitab sellele, et luuletuse saab jagada neljaks kolmerealiseks osaks, millest igaüks kasutab jambilise tetrameetri vahelduvat kaht rütmilist vormi (IV–IV–I, IV–IV–I jne). Luuletuse ühestroofiline salmistruktuur aitab lugejat seda mustrit tajuda.

VÕTMESÕNAD: 19. saj vene kirjandus, Aleksandr Puškin (1799–1837), „Torm” (1825), vene jambiline tetrameeter, rütmi semantika, värsiõpetus.

Aleksandra Pahhomova

MIHHAIL KUZMINI „SÕJALOOD” TAASTÕLGENDAMISE SUUNAS

Artikkel analüüsib Mihhail Kuzmini teost „Sõjalood” («Военные рассказы», 1915) ja pakub selle pragmaatikast uue tõlgenduse. Suurem osa teadlasi ei ole selle koguga põhjalikumalt tegelenud, sest on pidanud seda Kuzmini ebaõnnestunud katseks kajastada isamaalist liikumist Teise maailmasõja ajal. Kuid vastupidiselt oma eelkäijatele väidab Alexandra Pakhomova, et teosel on selge ja teadlik kirjanduslik strateegia. Kuzmin püüdis „Sõjalugudes” tõsta oma kirjanduslikku mainet ja luua vene kirjanduses täiesti uue lühiproosa žanri.

VÕTMESÕNAD: 20. saj vene kirjandus, Mihhail Kuzmin (1872–1936), „Sõjalood” (1915), kirjanduslik maine, kirjanduslugu.

Olga Proskurova-Timofejeva

TAAS KORD HANS CHRISTIAN ANDERSENI KOHAOLEKUST VLADIMIR NABOKOVI ROMAANIS „KUNINGAS, EMAND, POISS”

See artikkel uurib Vladimir Nabokovi teise venekeelse romaani „Kuningas, emand, poiss” («Король, дама, валет», 1928) pealkirja võimalikku päritolu. See tõestab ammu unustatud hüpoteesi, et pealkirja tõenäoline allikas on Hans Christian Anderseni samanimeline muinasjutt, mis avaldati tervikuna mitmes venekeelses tõlkes Berliini ja Riia emigrantide ajalehtedes 1920. aastate lõpus.

VÕTMESÕNAD: 20. saj vene kirjandus, Vladimir Nabokov (1899–1977), „Kuningas, emand, poiss” (1928), Hans Christian Andersen (1805–1875), vene pagulas-ajakirjandus, kirjanduslugu.

Vera Polištšuk

INSENER WALTZI HÜPERBOLOID: VLADIMIR NABOKOV
JA NÕUKOGUDE ULMEKIRJANDUS 1910.–1920. AASTATEL

Selle artikli eesmärk on kindlaks teha märkimisväärseid paralleele Nabokovi vene proosa ja draama ning mitme nõukogude fantaasiaromaani vahel. Tähelepanelik lugemine paljastab teose „Kutse tapalavale” («Приглашение на казнь», 1935–1936) allusioonide võrgustiku Aleksandr Grini looga „Sädelev maailm” («Блистающий мир», 1924), mis hõlmab romantilise kangelase mudelit ning kanooniliste naistegelaskujude ja gnostilise kujundlikkuse kasutamist, mis omakorda tuleneb H. G. Wellsi romaanist „Nähtamatu” (*The Invisible Man*, 1897). Näidend „Waltzi leiutis” («Изобретение Вальса», 1938) tõendab veenvalt, et Nabokov kirjutas selle paroodia Aleksei Tolstoi kuulsa nõukogude ulmeromaani „Insener Garini hüperboloid” («Гиперboloид инженера Гарина», 1926–1927) põhjal. Üldiselt võib öelda, et Nabokov on kasutanud oma tekstides kaudseid allusioone ja peent sõnamängu mitmel tasandil, et laiendada ulmekirjanduse, düstoopia ja seiklusromaanide žanri piire, et luua uus kirjandusstrateegia ja uued žanrid.

VÕTMESÕNAD: 20. saj vene kirjandus, Vladimir Nabokov (1899–1977), „Kutse tapalavale” (1935–1936), „Waltzi leiutis” (1938), Aleksandr Grin (1880–1932), Aleksei Tolstoi (1883–1945), allusioon, kirjanduslugu.

Marina Salman

TENIŠEVI KOOLI ÕPETAJAD JA ÕPILASED (KOOLI AJAKIRJADE JA
ARHIIVIDOKUMENTIDE PÕHJAL)

Artikkel põhineb arhiivimaterjalidel ja võrdleb informatsiooni, mida leiti Teniševi kooli ajakirjadest, ja arhiiviandmeid, mis on selle perioodi koolieluga seotud. Artikli peamine eesmärk on taastada võimalikult täpselt Teniševi kooli õpilaste ja õpetajate elulood ning kajastada nende omavahelist suhtlust. Artiklis on esitatud ka varem teadmata Teniševi kooli direktori Aleksandr Ostrogorski (1868–1908) eluloo fakte.

VÕTMESÕNAD: 20. saj vene kirjandus, Ossip Mandelštam (1891–1938), Viktor Žirmunski (1891–1971), Aleksandr Ostrogorski (1868–1908), Teniševi kool, kooliajakirjad, Nõukogude terror, Vene hariduslugu.

Roman Timentšik

KUIDAS RÄÄKIDA LUULETAJA ELULUGU: AHMATOVA JUHTUM

Artikkel on katse laiendada luuletaja elu ja tööde kroonika žanri piire. Luuletaja biograafia ei peaks piirduma luuletuste avaldamiskuupäevade, arvustuste nimekirjade, sõprussuhete või ülioluliste ajalooliste sündmustega, vaid hõlmama ka marginaalseid tekste, nagu kuulujutud või isegi unenäod – kõik, mis panustavad luuletaja eksistentsi semiosfääris.

VÕTMESÕNAD: 20. saj vene kirjandus, Anna Ahmatova (1889–1966), kroonika, kirjanduslugu.

Olga Demidova

EPISTOLAARIA KUI KIRJANDUSLIKUD VESTLUSED: GEORGI ADAMOVITŠI KIRJAD ALEKSANDR BAHRAHILE

Selles artiklis on lähilugemise meetodil vaadeldud Georgi Adamovitši kirju Aleksandr Bahrahile 1940. aastatest 1972. aastani. See on 30 aasta pikkune kirjanduslik vestlus kahe vene emigrandist kirjaniku vahel. Artikkel vaatleb kirju kui üht kultuurilist tekstiliiki ning põhineb hermeneutilisel ja semiootilisel lähenemisel, toob välja vaatlusaluse teksti kolm põhikihti ja analüüsib sõnalist vormi „seesmiselt,” ehk siis alustab eksistentsiaalse-informatiivse ülemiselt kihilt, jätkab kirjanduskriitika kihiga ning jõuab lõpuks tsitaatide ja kultuuriliste allusioonide kihini, ehk Adamovitši kirjastiili põhivahendini. Kui võrrelda kirju Adamovitši 1920. aastate kuulsa teosega „Kirjanduslikud vestlused” («Литературные беседы»), on näha, et kirjavahetuses Bahrahiga jälgib ta vene sõbralikku kirjandus-filosoofilist arutlust, mille eeskuju laenati Läänest 1800. aastatel ning mille arendasid 1820.–1830. aastatel välja Aleksandr Puškin ja tema ringkond.

VÕTMESÕNAD: 20. saj vene kirjandus, Georgi Adamovitš (1892–1972), Aleksandr Bahrah (1902–1985), kirjavahetus, kirjanduslugu.

Georgi Levinton

IN MEMORIAM: LARISSA GEORGIJEVNA STEPANOVA (1941–2009).

KOOSTAJA SISSEJUHATUS

See põgus sissejuhatus on pühendatud tunnustatud vene Itaalia uuringute teadlase Larissa Georgijevna Stepanova (1941–2009) mälestusele.

VÕTMESÕNAD: Itaalia uuringud, Larissa Georgijevna Stepanova (1941–2009).

Alexander Dolinin

ITAALIA MOTIIVID PUŠKINI POEEMIS „ANDŽELO”

Puškini poeem „Andželo” (1833) põhineb Shakespeare’i näidendi „Mõõt mõõdu vastu” (“Measure for Measure”) süžeel. Puškin viis tegevuskoha Viinist „õnneliku Itaaliasse” ja artikkel pakub mõned seletused selle muudatuse kohta. Lisaks asukohale ja tegelaste nimedele ei ole luuletusel itaalia etnograafilisi detaile, vaid see hõlmab mitmeid allusioone Dantele, mis on puudu Shakespeare’i teoses. Tundub, et nende kaudu sulandas Puškin Dante ja Shakespeare’i ning tagas intertekstuaalsuse asenduse itaalia *colour locale*’le.

VÕTMESÕNAD: 19. saj vene kirjandus, Aleksandr Puškin (1799–1837), „Andželo” (1833), Dante Alighieri (ca 1265–1321), William Shakespeare (1564–1616), Itaalia, allusioon, *In memoriam*: Larissa Georgijevna Stepanova (1941–2009).

Alexander Ospovat

KOMMENTAARIST „KAPTENI TÜTRELE”: 9–10

See artikkel koosneb kolmest osast, mis kõik puudutavad Aleksandr Puškini teost „Kapteni tütar” («Капитанская дочка», 1836). Esimene osa taastab varjatud, kuid olulise mõttelõnga, millele pani alguse Andrei Petrovitš Grinjovi 1772. aasta õukonnakalendri lugemine ja mis viib teose süžee üllatavas suunas. Teine osa uurib peategelase ebaõnnestunud sõjaväekarjääri. Kolmas osa arutab Puškini lingvistilist apsu («на сон грядущим» asemel «на сон грядущий»), õigeusklikele hästi tuntud liturgilise väljendi moonutust.

VÕTMESÕNAD: 19. saj vene kirjandus, Aleksandr Puškin (1799–1837), „Kapteni tütar” (1836), Vene-Türgi sõjad (1736–1739, 1768–1774), sõjaväelase karjäär,

„Õigeusu palveraamat,” *In memoriam*: Larissa Georgijevna Stepanova (1941–2009).

Georgi Levinton

MÄRKMED DANTE TSITAATIDEST JA ALLUSIOONIDEST

20. SAJANDI ESIMESE POOLE VENE KIRJANDUSES

See on üks osa suuremast uurimusest, mis koosneb mitmest eraldi tööst. See artikkel koosneb kahest osast.

1. «На скатерти ни крошки» (rida Pasternaki luuletusest) väidab, et puru motiiv Boriss Pasternaki luuletuse «Пирь» (1913 / 1928) varajases versioonis peegeldab esialgset lõiku Dante teoses „Pidusöök” oma leiva metafooriga (*Conv.* l.i.7, 10–11). Tsiteeritakse ka mõndaid sarnaseid juhtumeid.

2. «Плечи отчизны» arutleb „mäe õlgade” metafoori üle, mille võib leida Vladimir Nabokovi romaani „And” («Дар», 1936–1937 / 1952) väljamõeldud luuletaja Kontšejevi riimipaaris. Seda metafoori käsitleti varem kui tsitaati Mandelštami luuletusest «Зверинец» (1915), aga siin nähakse mõlemat juhtumit (ja ilmselt mõnda teistki näidet) kui tagasipöördumist sama metafoori juurde värsis *Inf.* I, 16 (kus see tähendab *tippu*, mitte *mäekülge*) ja paljudes „Põrgu” tõlgetes inglise keelde.

VÕTMESÕNAD: 20. sajai vene kirjandus, Boriss Pasternak (1890–1960), „Pidusöögid” (1913 / 1928), Vladimir Nabokov (1899–1977), „And” (1936–1937 / 1952), Dante Alighieri (ca 1265–1321), allusioon, *In memoriam*: Larissa Georgijevna Stepanova (1941–2009).

Nikita Ohhotin

„VIKATVIHISEV JOOKS”: PETRARCA – MANDELŠTAM – PETRARCA

Artikkel teeb ülevaate Ossip Mandelštami Petrarca soneti CCCXIX (“I di miei più leggier che nes(s)un cervo / Fuggir come ombra, et non vider più bene / Ch’un batter d’occhio, et poche hore serene, / Ch’amare et dolci ne la mente servo”) tõlke võimalikest ikonograafilistest alltekstidest. Kõige tõenäolisemalt on kujundanud Mandelštami tõlkevalikut («Промчались дни мои — как бы оленей / *Косящий бег*. Срок счастья был короче, / Чем взмах ресницы. Из последней мочи / Я в горсть зажал лишь пепел наслаждений») Petrarca «I

Trionfi» (1357–1374) väljaannetes esitatud traditsioon kujutada Aega kui vana-meest, kes sõidab vankriga, mida viivad edasi hirved.

VÕTMESÕNAD: 20. saj vene kirjandus, Ossip Mandelštam (1891–1938), Petrarca (1304–1374), «Il canzoniere» (1372–1374), tõlge, illustratsioon, ikonograafiline alltekst, *In memoriam*: Larissa Georgijevna Stepanova (1941–2009).

Roman Timentšik

АННА АХМАТОВА „MÄRKMIKUTE” NIMELOENDIST: ITAALLASED

See on järjekordne osa Roman Timentšiku kommentaaridest Anna Ahmatova „Märkmikutele” (vt ka Slavica Revalensia vols. 5, 6 ja 7). Sinne osa puudutab kaht itaallast, keda on Ahmatova märkmetes mainitud: Bruno Carnevali (1924–1990) ja Carlo Riccio (1932–2011).

VÕTMESÕNAD: 20. saj vene kirjandus, Anna Ahmatova (1889–1966), „Märkmikud” (1958–1966), kommentaarid, *In memoriam*: Larissa Georgijevna Stepanova (1941–2009).

Grigori Utgof

«НА ЗЕМЛЕ ЕЩЕ МНОГО ХОРОШИХ ВЕЩЕЙ»: РААМАТУ «ЧЕЛОВЕК ЭПОХИ: ИРИНА БЕЛОБРОВЦЕВА» (ТОИМ. АУРИКА МЕИМРЕ) АРВУСТУС

See on hiljuti avaldatud raamatu «Человек эпохи: Ирина Белобровцева» (2021) arvustus. Teos koosneb kolmest osast: esimene ja kõige pikem on Irina Belobrovtsjeva autobiograafia, millele järgneb Belobrovtsjevi perekonna ning Juri Lotmani ja Zara Mintsi kirjavahetus (1967–1986) ning lõpuks professor Irina Belobrovtsjeva publikatsioonide loetelu.

VÕTMESÕNAD: Tallinna Ülikool, Irina Belobrovtsjeva (snd 1946), raamatuarvustus.

АВТОРЫ ЭТОГО ВЫПУСКА

Ольга Ростиславовна Демидова – кандидат филологических наук, доктор философских наук. В 1990 г. защитила кандидатскую диссертацию «Шарлотта Бронте, Элизабет Гаскелл, Джордж Элиот в России (1850-е – 1870-е гг.)», в 2001 г. – докторскую диссертацию «Эстетика литературного быта русской эмиграции (1920-е – 1960-е гг.)». Автор книг «Метаморфозы в изгнании: Эстетика литературного быта русского зарубежья» (СПб., 2003) и «Изгнание как послание: Эстезис и этос русской эмиграции» (СПб., 2015). Области научных интересов: история и философия культуры, история культуры русской эмиграции первой волны, русско-европейские и русско-американские культурные (литературные) связи, история, теория и практика перевода, философия перевода, гендерные исследования. Член Союза писателей Санкт-Петербурга и Союза российских писателей.

E-mail: ord55@mail.ru

Александр Алексеевич Долинин – кандидат филологических наук, professor emeritus Висконсинского университета (University of Wisconsin-Madison), член Санкт-Петербургского ПЕН-клуба, автор пяти книг («История, одетая в роман: Вальтер Скотт и его читатели». М., 1988; «Истинная жизнь писателя Сирина: Работы о Набокове». СПб., 2004; 2-е изд.: СПб., 2019; «Пушкин и Англия: Цикл статей». М., 2007; «Комментарий к роману Владимира Набокова “Дар”». М., 2019; «Гибель Запада и другие мемы: Из истории расхожих идей и словесных формул». М., 2020), более 200 статей и заметок, ряда научных комментариев к изданиям Пушкина, Набокова, Киплинга, Фолкнера и других русских и англоязычных писателей.

E-mail: aadolinin@yahoo.com

Сергей Николаевич Доценко – доктор философии (PhD), доцент Таллинского университета. Закончил отделение русской филологии Тартуского университета (1976–1981), докторантуру в Таллинском университете (1995–1999). Диссертация: «Проблемы поэтики А. М. Ремизова: Автобиографизм как конструктивный принцип творчества» (2000). Автор более 100 научных статей (в том числе о творчестве А. С. Пушкина, Н. С. Лескова, А. М. Ремизова, Вяч. И. Иванова, В. Я. Брюсова, А. А. Блока,

С. М. Городецкого, Б. Л. Пастернака, О. Э. Мандельштама, М. И. Цветаевой, М. А. Булгакова, А. Н. Толстого, В. В. Набокова, Вен. Ерофеева, С. Д. Довлатова и др.). Сфера научных интересов: история и поэтика русского символизма, поэтика русского модернизма XX в., русская литература и фольклор.

E-mail: dotsenkosergeri@hotmail.com

Георгий Ахиллович Левинтон – кандидат филологических наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге. Автор книги «Статьи о поэзии русского авангарда» (Helsinki, 2017) и около 300 статей, заметок, публикаций и тезисов докладов, не считая энциклопедических статей (около 100). Переводчик книги А. Б. Лорда «Сказитель» (с Ю. А. Клейном; М., 1994; 2-е изд.: СПб., 2018). Соредатор и составитель сборников «“Отдай меня, Воронеж...”: Третьи международные мандельштамовские чтения» (с О. Г. Ласунским, О. Е. Макаровой, П. М. Нерлером, В. Г. Перельмутером, М. В. Соколовой и Ю. Л. Фрейдиным; Воронеж, 1995), «Эткиндовские чтения I: Сборник статей по материалам Чтений памяти Е. Г. Эткинда (27–29 июня 2000)» (с П. Л. Вахтиной, Б. А. Кацем и А. А. Долининым; СПб., 2003), «Вторая проза: Сборник статей» (с И. З. Белобровцевой, С. Н. Доценко и Т. В. Цивьян; Таллинн, 2004), «Фольклор, постфольклор, быт, литература: Сборник статей к 60-летию Александра Федоровича Белоусова» (с А. К. Байбуриным, В. В. Головиным и Е. В. Душечкиной; СПб., 2006), «АБ-60: Сборник статей к 60-летию Альберта Кашфулловича Байбурина» (с Н. Б. Вахтиным при участии В. Б. Колосовой и А. М. Пиир; СПб., 2007), «Габриэлиада: К 65-летию Г. Г. Суперфина» (с Н. Г. Охотиным; 2008; <http://www.ruthenia.ru/document/545574.html>), «Laurea Logae: Сборник памяти Ларисы Георгиевны Степановой» (с Н. Н. Казанским и Ст. Гардзонио; СПб., 2011), «Авангард и остальное: Сборник статей к 75-летию Александра Ефимовича Парниса» (М., 2013). Научный редактор монографии Е. В. Романовой «Массовые саможжения старообрядцев в России в XVII – XIX веках» (СПб., 2012).

E-mail: levinton@eu.spb.ru

Мария Сергеевна Неклюдова – PhD, зав. лабораторией историко-культурных исследований ШАГИ РАНХиГС, автор книг «Искусство частной жизни: Век Людовика XIV» (М., 2008), «“Я двор зову страной...”: Родослов-

ная одной метафоры» (М., 2014) и нескольких десятков статей по истории французской культуры XVI – XVIII вв. Редактор-составитель сборников «Семиотика поведения и литературные стратегии: Лотмановские чтения – XXII» (совместно с Е. П. Шумиловой; М., 2017), «Русская авантюра: Идентичности, проекты, репрезентации. Коллективная монография» (совместно с Е. П. Шумиловой; М., 2019) и «Укрощение повседневности: Нормы и практики Нового времени» (М., 2020).

E-mail: neklyudova-ms@ranepa.ru

Александр Львович Осповат – профессор-исследователь Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе (UCLA). Автор книг «Как слово наше отзовется...: О первом сборнике Ф. И. Тютчева» (М., 1980), «Печальную повесть сохранить...»: Об авторе и читателях “Медного всадника”» (совместно с Р. Д. Тименчиком; М., 1985; 2-е изд.: М., 1987), «Комментарий к книге Астольфа де Кюстина “Россия в 1839 году”» (совместно с В. А. Мильчиной; СПб., 2008), «Стихотворение Тютчева “Огнем свободы пламеня...”: Комментарий» (совместно с Р. Г. Лейбовым; М., 2021) и многих статей и публикаций по истории русской литературы XIX века.

E-mail: alex.ospovat@gmail.com

Никита Глебович Охотин – старший научный сотрудник Пушкинского Дома (Институт русской литературы РАН). Автор публикаций по истории русской литературы XIX в. (Жуковский, Батюшков, Вяземский, Пушкин, Баратынский, Загоскин, Лермонтов, Фет, и др.), а также по истории политических репрессий в СССР (массовые операции 1937–1938 гг., ГУЛАГ).

E-mail: niglox49@gmail.com

Александра Сергеевна Пахомова – PhD (Тартуский университет, 2021). Диссертация: «Писательская стратегия и литературная репутация М. А. Кузмина в раннесоветский период (1917–1924 гг.)». Сфера научных интересов – творчество М. А. Кузмина, творчество К. К. Вагинова, русская литература первой трети XX в., раннесоветская литература, фольклористика.

E-mail: alexandrit_94@mail.ru

Вера Борисовна Полищук – филолог, переводчик, писатель. Независимый исследователь. Член Союза переводчиков России. Автор комментариев к роману В. В. Набокова «Король, дама, валет» в «Собрании сочинений русского периода» (СПб., 2000). Автор книги «Пятнадцать капель стихов» (под псевдонимом Вера Гастман) и тетралогии детской фэнтези «Настоящая принцесса» (под псевдонимом Александра Егорушкина). Научные интересы: русская литература XX – XXI века, детская литература, кинематограф.
E-mail: amalgamka@yandex.ru

Ольга Валерьевна Проскурова-Тимофеева – докторант Латвийского университета (диссертация «Русская детская литература в Латвии (1918–1945)»), магистр коммуникационных наук (2005), магистр филологии (2020). Составитель сборника научных статей “Laiku atšalkas: žurnālistika, kino, politika” («Шелест времени: Журналистика, кино, политика»; Рига, 2010). Сфера научных интересов – история детской литературы и журналистики, культура детства русской эмиграции первой волны и межвоенной Латвии, социология литературы.

E-mail: olga.proskurova@gmail.com

Марина Григорьевна Сальман – независимый исследователь. Родилась и живет в С.-Петербурге, печатается с 1999 г. Область научных интересов – О. Э. Мандельштам, русские формалисты. Публиковалась в журналах „Wiener Slavistisches Jahrbuch“, «Вопросы литературы», “Russian Literature”, «Русская литература», „Slavica Revalensia“, «Филологические записки», а также в научных сборниках.

E-mail: fontonro@yandex.ru

Роман Давидович Тименчик – кандидат филологических наук, professor emeritus Еврейского университета в Иерусалиме. Выпускник Латвийского университета; защищал диссертацию «Художественные принципы предреволюционной поэзии А. А. Ахматовой» (Тарту, 1982). Автор книг «Печальную повесть сохранить: Об авторе и читателях “Медного всадника”» (совместно с А. Л. Осповатом; М., 1985; 2-е изд.: М., 1987), «Анна Ахматова и музыка: Исследовательские очерки» (совместно с Б. А. Кацем; Л., 1989), «Анна Ахматова в 1960-е годы» (М.; Toronto, 2008; 2-е изд.: «Последний поэт: Анна Ахматова в 1960-е годы». Т. 1–2. М.; Иерусалим, 2014), «Что

вдруг: Статьи о русской литературе прошлого века» (М.; Иерусалим, 2008), «Ангелы. Люди. Вещи: В ореоле стихов и друзей» (М.; Иерусалим, 2015), «Подземные классики: Иннокентий Анненский. Николай Гумилев» (М.; Иерусалим, 2017), «История культа Гумилева» (М., 2018), «Венеция в русской поэзии: 1888–1972. Опыт антологии» (совместно с А. Л. Соболевым; М., 2019) и более 400 статей по истории русской культуры начала XX века.

E-mail: suzirom@gmail.com

Григорий Михайлович Утгоф – доктор философии (PhD), доцент Таллинского университета. Автор книги «Синтаксические исследования» (Тарту, 2015); основатель и главный редактор „Slavica Revalensia”.

E-mail: utgof@tlu.ee

АВТОРАМ БУДУЩИХ ВЫПУСКОВ

„Slavica Revalensia” печатает ранее не публиковавшиеся исследования и материалы, затрагивающие весь спектр славистической проблематики; решение о публикации поступивших в редакцию рукописей принимается по результатам двойного анонимного рецензирования (double-blind peer review); поиски рецензентов и утверждение рукописей к печати осуществляются редакционной коллегией.

Рукописи статей не должны превышать 2 п. л. (80000 печатных знаков); печатаются работы по-русски и по-английски; к рассмотрению принимаются рукописи, оформленные в соответствии с рекомендациями б. Института славянских языков и культур к правилам оформления, действующим в издательстве Таллинского университета.

Рукописи статей принимаются ежегодно к 1 марта по адресу –

utgof@tlu.ee

– или:

Dr. Grigori Utgof
Tallinna Ülikool
Narva mnt 29, S-331
10120 Tallinn
Eesti / Estonia

Общие рекомендации к оформлению рукописей

Статьи и заметки, печатаемые в „Slavica Revalensia”, структурируются двухчастно: собственно авторский текст (с подстрочными примечаниями) и «Библиография» (после текста). Знаки сноски в тексте статьи прощаются в надстрочном индексе (вручную или в режиме “Footnote”).

В библиографическом описании сокращения сводятся к минимуму (за исключением 2-х, 3-х, 4-х и т. д., *вып.* (*выпуск, выпуски*), *избр.* (*избранное, избранные*), *кн.* (*книга, книги*), *№* (*номер, номера*), *отв.* (*ответственный, ответственные*), *пер.* (*перевел, перевела, перевод, переводы*), *полн.* (*полная, полное, полный*), *ред.* (*редактор, редакцией*), *С.* (*страница, страницы*), *собр.* (*собрание*), *сост.* (*составители, составитель, составление*), *соч.* (*сочинений*),

сочинения), *ст.* (статья), *Т.* (том) и *тт.* (томах), а также *Л.* (Ленинград), *М.* (Москва), *Пг.* (Петроград) и *СПб.* (С.-Петербург) в русском тексте и *Ed.* (*edited, editor*), *No* (*number*), *Nos* (*numbers*), *P.* (*page, pages*), *Vol.* (*volume*), а также *Cambridge, Mass.* в тексте английском; на других языках сокращения делаются по аналогии).

Пример 1

Пушкин А. С. 1948. Медный всадник: Петербургская повесть. – Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16-ти тт. Т. 5: Поэмы: 1825–1833. [М.; Л.]: Издательство Академии наук СССР. С. 131–150.

Пример 2

Emerson, C. 1994. Переводимость. – *Slavic and East European Journal*. Vol. 38. No. 1. P. 84–89.

В авторском тексте ссылки на источники даются в скобках; ср. пример оформления ссылки на «Медный всадник» –

(Пушкин 1948, 5: 131–150)

– и на статью Кэрил Эмерсон:

(Emerson 1994: 84–89)

Перечень источников в разделе «Библиография» структурируется а) по алфавиту и б) по хронологии:

Эйхенбаум Б. 1922. Мелодика русского лирического стиха. Петербург: ОПОЯЗ.

Эйхенбаум Б. М. 1924а. Как сделана «Шинель» Гоголя. – Эйхенбаум Б. М. Сквозь литературу: Сборник статей. Л.: „Academia“. С. 171–195.

Эйхенбаум Б. М. 1924б. Проблемы поэтики Пушкина. – Эйхенбаум Б. М. Сквозь литературу: Сборник статей. Л.: „Academia“. С. 157–170.

Эйхенбаум Б. М. 1927. Проблемы кино-стилистики. – Поэтика кино / Под ред. Б. М. Эйхенбаума, с предисловием К. Шутко. М.; Л.: Кинопечать. С. 13–52.

Уточнения к порядку референции, цитации и оформления библиографического описания

а) Ссылки на источник даются в статье в круглых скобках, а в примечаниях ссылка в скобки не заключается.

Ср. в тексте статьи:

Так, например, в работе К. Ф. Тарановского «Стихосложение Осипа Мандельштама» (Тарановский 1962: 97–123) отмечалось, что...

Ср. в примечаниях к тексту статьи:

^а Об особенностях ритмики мандельштамовского Х5 см.: Тарановский 1962: 110–111.

Ср. в библиографии:

Тарановский К. 1962. Стихосложение Осипа Мандельштама (С 1908 по 1925 год). – International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. Vol. 5. 's-Gravenhage: Mouton & Co. P. 97–123.

Если в тексте примечаний есть цитата, то в этом случае ссылка на источник дается по тем же правилам, что и в основном тексте статьи – в круглых скобках.

б) Ссылка на иноязычный источник оформляется по тем же правилам, что и ссылка на русский источник (за единственным расхождением: в библиографическом описании иноязычного текста после фамилии автора ставится запятая).

Ср. в тексте статьи:

...и восходят к положениям знаменитой статьи Р. О. Якобсона 1960 г. (Jakobson 1960: 350–377; см. также: Jakobson 1981: 18–51; ср.: Якобсон 1975: 193–230), в которой...

Ср. в библиографии:

Jakobson, R. 1960. Closing Statement: Linguistics and Poetics. – Style in Language / Ed. by Thomas A. Sebeok. Cambridge, Mass.; New York; London: The Technology Press of Massachusetts Institute of Technology; John Wiley & Sons, Inc. P. 350–377.

Jakobson, R. 1981. *Linguistics and Poetics*. – Jakobson, R. *Selected Writings*. Vol. III: *Poetry of Grammar and Grammar of Poetry* / Ed., with a preface, by Stephen Rudy. The Hague; Paris; New York: Mouton. P. 18–51.

Якобсон Р. 1975. Лингвистика и поэтика. – Структурализм: „За“ и „против“: Сборник статей: Пер. с английского, французского, немецкого, чешского, польского и болгарского языков / Под ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова. М.: Издательство «Прогресс». С. 192–230.

с) Если в исходном тексте есть фрагменты, которые выделены курсивом и/или разбивкой, эта черта источника сохраняется при цитации.

Ср. в тексте статьи:

...а также в следующем фрагменте:

And that obscurely corrupted soldier dit of singular genius

*Nadezhda, I shall then be back
When the true batch outboys the riot . . .*

and Turgenev's only memorable lyrical poem beginning

*Morning so nebulous, morning gray-drawing,
Reaped fields so sorrowful under snow-coverings*

and naturally the celebrated pseudo-gipsy guitar piece by Apollon Grigoriev (another friend of Uncle Ivan's)

*O you, at least, do talk to me,
My seven-string companion,
Such yearning ache invades my soul,
Such moonlight fills the canyon!*

“I declare we are satiated with moonlight and strawberry soufflé—the latter, I fear, has not quite ‘risen’ to the occasion,” remarked Ada in her archest, Austen-maidenish manner (Nabokov 1969: 437).

Ср. в библиографии:

Nabokov, V. 1969. *Ada or Ardor: A Family Chronicle*. New York; Toronto: McGraw-Hill Book Company.